ДЖОН БЕРКЛИ

ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ

РОБОКОП

БГ

АРТУР КВАРРИ

РОБОКОП

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

DON'T CUT
OUR SALARIES
DON'T CUT
OUR SALARIES
DON'T CUT
OUR SALARIES

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

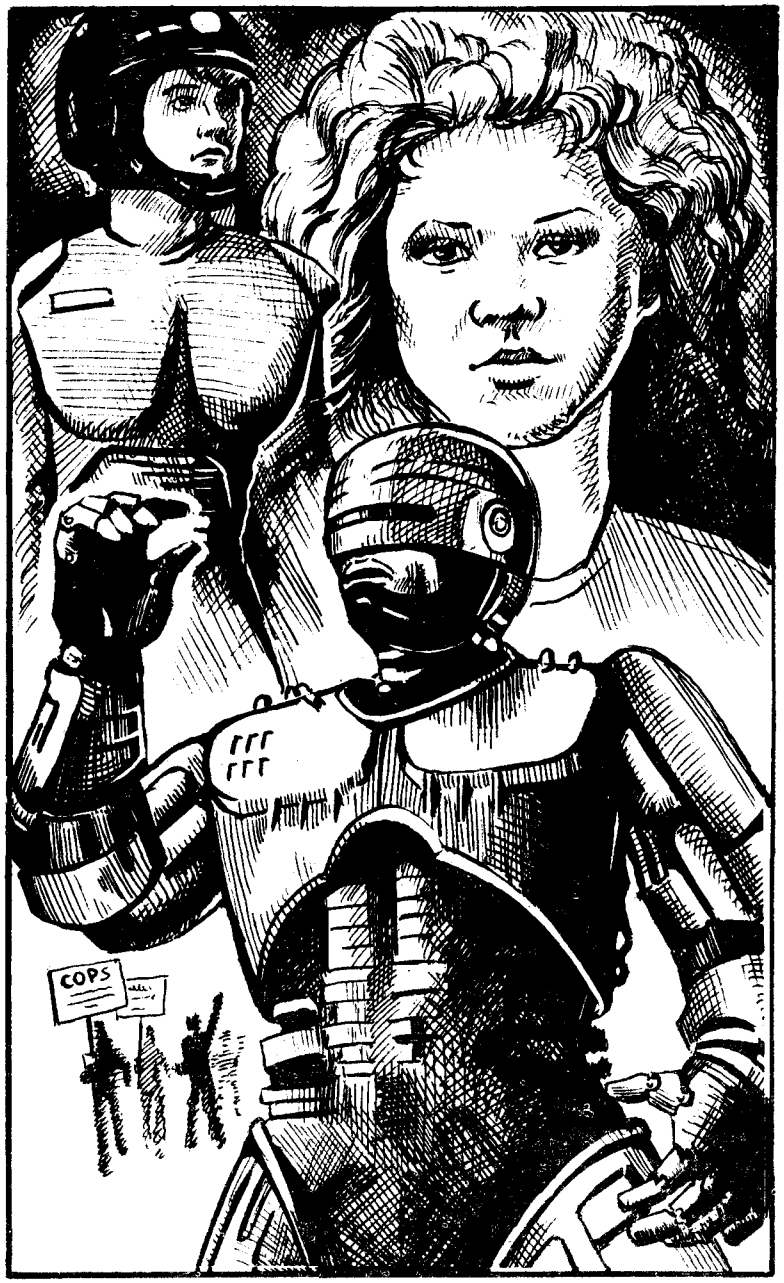
В данной книге три романа:

«РОБОКОП» Артура Кварри;
«ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ» Джона Беркли;
«ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ» Джеймса Лео Херлихи.

США недалекого будущего... В электронно-механическую машину пересажен мозг смертельно раненного преступниками полицейского сержанта Мерфи. Призванный восстанавливать справедливость, робот с человеческим мозгом неуязвим. Он становится настоящим бедствием для преступников... (Фильм награжден призом Международного фестиваля фантастических фильмов в Авориазе (Франция)).

Храбрый полицейский вынужден обратиться за помощью к только что освободившемуся из тюрьмы уголовнику, который когда-то сумел вывести служителей закона на опасного маньяка. Теперь необходимо разыскать мужчину, о котором практически ничего не известно кроме того, что его зовут Айсман (Ледяной человек). От скорости решения поставленной задачи зависит не только карьера главного героя-полицейского, но и его жизнь...

История молодого провинциала, который, устав от мытья грязных тарелок в баре, отправляется покорять Нью-Йорк. Его прельщает карьера «Плейбоя», легкие деньги от пресыщенных богатых клиенток, готовых ради симпатичного молодого человека выложить кругленькую сумму. Но действительность оказывается гораздо сложнее... (Фильм получил три «Оскара» (Лучшая картина, режиссер, сценарий)).

АРТУР КВАРРИ

РОБОКОП

☆

ДЖОН БЕРКЛИ

ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ

☆

ДЖЕЙМС ЛЕО ХЕРЛИХИ

ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ

«Эрика»
Москва
1993

Эта книга из выпускаемой в 1993 году серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА». В серию вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой самых популярных и кассовых кинои видеофильмов.

В серии более 15-ти томов. Книги выгодно отличает превосходное исполнение — единство стиля при разнообразии красочного художественного оформления.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу:
129090, г.Москва, ул. Гиляровского, 29
(проезд — метро «Проспект Мира»).
тел. (095) 288-39-77, 342-61-61.

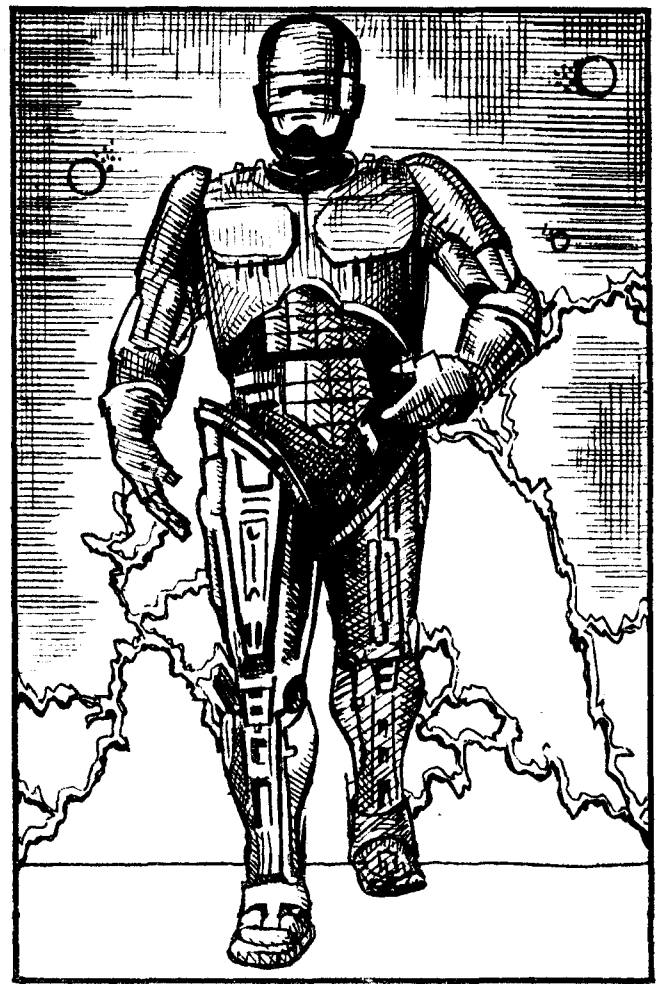
Знак серии защищен и охраняется авторским правом. Использование данного знака без согласования с издательством преследуется по закону.

ISBN 5-85775-005-9

© Н. Кладов, оформление, 1993г.
© В. Суриков, знак серии, 1993г.
© Артур Кварри, «Робокоп», 1993г.
Литературная версия создана с разрешения кинокомпании «ORION».
© Джон Беркли, «Другие 48 часов», 1992г.
Литературная версия создана с разрешения кинокомпании «PARAMOUNT PICTURES».
©Джеймс Лео Херлихи, «Полуночный ковбой», 1972 г.

АРТУР КВАРРИ

РОБОКОП

«В 11 часов 41 минуту, когда Майк Реардон отошел на три квартала от своего дома, его настигли две пули, пробившие затылок навылет и срезавшие половину лица. Он успел почувствовать удар и внезапную невыносимую боль, потом до его сознания смутно донеслись звуки выстрелов, затем все погрузилось во мрак, и он, скорчившись, рухнул на тротуар.

Он падал уже мертвым.

Майк Реардон был полицейским».

«Сегодня в Америке в частном владении находится до 250 миллионов пистолетов, ружей и винтовок. Никто не знает, сколько насчитывается у граждан гранат, пулеметов и минометов, базук и противотанковых орудий. В год американцы обновляют свой арсенал тремя миллионами пистолетов и винтовок. Противотанковая пушка калибра 22 миллиметра вполне по карману любому артиллеристу-любителю. Подсчитано, что в Лос-Анджелесе больше оружия, чем в Сайгоне, — около трех миллионов винтовок и пистолетов. Тысяча членов банды «Блэкстоун рэйнджерс» в Чикаго вооружены 1200 пистолетами и винтовками, то есть не хуже батальона рэйнджеров. Во всех войнах убито американцев 635.000 человек. В мирное время частными гражданами убито 852 тысячи американцев. Противники нынешней кампании за ограничение свободной продажи оружия указывают, что автомобилисты ежегодно давят втрое большее число людей».

Бодигер Кларенс, 38 лет. Безработный.

Он настороженно оглядывал улицу. Пока все было в порядке, как и задумывалось. Но ему, конечно, не следовало бы доверять этому уроду Бобби. Ох, чует нос, что-то тут не так.

Надо же, поперлись в банк по наводке какого-то сопляка, да еще и за такой суммой. Твою мать. Можно подумать, у них своих дел мало.

Кларенс сплюнул на горячий асфальт. Нынешнее лето выдалось очень жарким. Люди изнывали в ожидании дождя, но его все не было. Гудрон таял под палящими лучами солнца, становясь вязким и неприятным. Его запах стоял повсюду, а Кларенс его не переносил.

Весь город провонял этим дерьмом... Странно. Что-то больно долго чертовы копы не несут деньги. ИХ деньги.

Несмотря на жару, на Бодигере был длинный плащ, скрывающий отличный дробовик двенадцатого калибра. Бодигер Кларенс обожал крупные «пушки». Нет, он, конечно, не отказывался и от пистолетов, но для такого дела дробовик подходит лучше всего. Надежней.

Кларенс, а для своих «Боди», взглянул на часы.

Эти копы должны были выйти две минуты назад. Где они! Если окажется, что Бобби их надул, он этому уроду яйца оторвет.

Эмиль Антоновский, 34 года. Безработный.

Ну какого хрена они сюда притащились, а? Скажите мне? Этот сучий потрох Бобби навешал им лапши на уши, а они, как сопливые кретины, поперлись к этому

говенному банку и торчат здесь уже почти два часа. Он совсем взопрел в этом чертовом фургоне, мать его так. Кто вообще сказал, что копы именно сегодня повезут «бабки», а? Этот козел Бобби? А ему-то откуда это известно? Я ведь сразу сказал, надо пристрелить этого урода, и все дела. Так нет. Угораздило их притащиться сюда. Вон Нэш и Кокс на углу обнимаются. Им-то точно не до веселья. Это же надо, педиков изображать! Этот говнюк, наверное, специально нас сюда заманил, сам-то в прохладе, в банке. Правда, с ним там Стив, а уж он-то парень что надо. В случае чего успеет этой скотине мозги выпустить, но все равно. Хреново чувствовать себя дураком.

Мерфи Алекс Джей, 31 год. Полицейский.

Он застегнул рубашку, внимательно и придирчиво осмотрел себя в зеркало. Симпатичный молодой парень. Крепкий, опрятный, ладный, обаятельный. То что нужно. Именно так должен выглядеть полицейский в первый день службы.

То есть, конечно, не совсем в первый. В полиции он, слава богу, уже восемь лет. Но с сегодняшнего дня у него новое место службы — Западный полицейский участок. А это, говорили ребята — все равно, что ад. Ну, да видно будет. Там тоже люди работают.

Мерфи широко улыбнулся своему двойнику в зеркале: «Не дрейфь, парень. Не боги горшки обжигают. Зато уж это будет СЛУЖБА». В Южном, где он служил до этого, был «детский сад». Одни карманные да квартирные кражи. Ну еще бы, все местные воротилы и шишки жили на территории их округа. Может быть, это было и хорошо, кто его знает. Но ведь есть еще и служба.

Время от времени он слышал, что в Западном постоянно не хватает людей. Кто-то уходил, кто-то погибал. Западный округ — район трущоб и рабочих кварталов. Самый опасный участок в городе. Молодой парень Алекс Мерфи понимал это, полицейский Алекс Мерфи тоже понимал, но под другим углом зрения. «Задача полицейского — служить и защищать».

Полицейскому плевать, кто перед ним — миллионер или бездомный нищий. По крайней мере, так должно

быть. Мерфи был убежден в этом. Именно поэтому месяц назад его рапорт о переводе лег на стол начальника Южного управления, и именно поэтому сегодня он шел на работу в незнакомый Западный.

Наверное, это было лучшим выходом для него.

Мерфи закрыл дверцу шкафа и пошел в кухню завтракать.

Его жена — Линда — уже давно свыклась с мыслью, что ее муж коп. Она так и говорила: «коп». Алекс не обижался, хотя если это словцо употребляла при ней какая-нибудь из ее подруг, Линда сразу мрачнела. Она всегда вслновалась, когда он задерживался на службе, и Мерфи всегда звонил ей, зная об этом.

— Ну ты представь, нет, ты только подумай. В один прекрасный день раздастся звонок, и чей-нибудь голос скажет: «Алло, это миссис Мерфи? С вашим мужем случилось несчастье. Ему отстрелили...»

Она начинала смеяться, закрывая рот ладошкой.

— Линда, перестань. Это дурацкая шутка. Все, что касается ранений... — Он не выдерживал и начинал смеяться вместе с ней.

Такие разговоры случались довольно часто, до тех пор, пока не родился Денни.

Это произошло семь лет назад.

Джоунс Ричард, 54 года. Вице-президент корпорации «Оу-Си-Пи».

Сегодня у него торжественный день. Очень торжественный день. Первая демонстрация Эда-209. Его детища. Универсального робота-полицейского. Все будет в порядке. Должно быть в порядке. Для него Эд-209 не просто эксперимент. Это последний шанс получить повышение. Он достаточно реально смотрит на вещи. Его карьера катится под гору. Вероятно, еще год-два, и пенсия. Но от 209-го зависит, насколько большой она будет. Компания вложила в этого робота без малого пятьдесят миллионов долларов. Огромная сумма. И такая же огромная ответственность.

Ричард вздохнул и поправил галстук. Не волнуйся, Дик. Не волнуйся. Все пройдет отлично. Эд-209 очень хорошо показал себя в лабораторных испытаниях. А кро-

ме того, все прекрасно понимают: Эд нужен городу. Преступность растет. Учащаются забастовки. Да, да. Эд-209 необходим Детройту. Пятимиллионный город задыхается без него. Именно поэтому Том Маккой — президент «Оу-Си-Пи» — так волнуется за испытания. Каждый день звонит, узнает, как идут дела.

Все в порядке. Все в полном порядке.

Мортон Роберт, 32 года. Старший менеджер отдела технических исследований компании «Оу-Си-Пи».

Сегодняшние испытания — его шанс. Дай бог, Дик Джоунс облажается. И тогда наступит звездный час. Да. Главное, вовремя подъехать к боссу. И, возможно, Фортуна улыбнется ему. Он чувствует, что сегодня — его день. Ей—богу, прямо наитие какое-то. Словно сам Господь Бог подталкивает в спину и шепчет: «Ну смотри, Боб, я посылаю тебе шанс. Лови удачу, парень».

Да нет. Это, конечно, ерунда. Он не верит ни в бога, ни в черта. Но сегодня что-то особенное. Если ему повезет, то трусцой в церковь — и свечки всем святым. Господи, ну сделай же это, а уж за ним не заржавеет.

Его идея ничуть не хуже идеи Джоунса. И если этот электронный громила Эд сегодня облажается, он знает, что делать.

Ну, давай, Боб! Удачи тебе!

Бодигер Кларенс.

Эта вонища его доконает. Точно. Все. Они ждут еще пять минут и сматывают удочки. Эмиль был прав. Надо быть полным идиотом, чтобы поверить в эту сказку о двадцати миллионах. Этот парень — Бобби — труп. Ему с самого начала следовало бы знать, что Кларенс Бодигер не позволяет разным уродам динамить себя. Из-за этой вонючки они проторчали на адской жаре уйму времени. Нет, он точно труп.

Кларенс поправил дробовик под плащом. Нэш и Кокс разорвут Бобби на куски. Ха! Два часа сосались на жаре, как... Да еще перед всем народом. Сдохнуть можно. Расскажи кому — не поверят.

Но и он хорош. Купился, как пацан подзаборный.

Его ладонь медленно поглаживает нагретый телом ствол дробовика.

Хлебнуть бы чего-нибудь. Пивца, например. Из холодной — со льда — пузатой бутылочки. М—да... Сколько там времени-то!

Он не успел взглянуть на часы, как тяжелая дубовая дверь банка открылась, и из нее, щурясь от яркого полуденного солнца, появился охранник в серой, мышиной форме.

Это даже не копы, а обычные банковские тюфяки. Странно! Двадцать миллионов — кругленькая сумма. По идее, здесь должна быть уйма народу, да еще и вооруженные до зубов.

Следом за первым идут еще четверо бугаев, таща в руках тяжелые металлические ящики. Судя по тому, как сгибались охранники, в этих «сундуках» были деньги. Бабки! Капуста!!!

Замыкал шествие лысоватый коротышка. Пальцы его подрагивали на рукоятке «кольта» 38-го калибра.

Нэш и Кокс тоже заметили охранников и с утроенным пылом принялись целоваться. Кларенс чуть не рассмеялся, глядя на них. Он расплылся до ушей. Коротышка подозрительно покосился на него, но «пушку» не вынул.

«Это ты напрасно, милый, — подумал про себя Кларенс, — из пистолета нужно стрелять, а не таскать его для красоты».

Он отделился от горячей стены и не спеша достал дробовик.

— Эй, мистер! — Окликнул он коротышку.

Тот обернулся и увидел направленный в живот ствол. Охранник схватился за пистолет, но было уже поздно.

Кларенс без всякого сожаления спустил курок.

* * *

Программа новостей телекомпании «Мидия-Брайт». Дайте нам свое время, и мы дадим вам весь мир!

— Доброе утро! С Вами Кейси Горнз и Джеймс Перкинс. Новости из Претории. Угроза ядерной конфронтации в Южной Африке повысилась. Военное правительство государства заявило о го-

товности использовать нейтронную бомбу французского производства,

— Первая пресс-конференция президента платформы «Мир» закончилась неудачей. Мы вернемся через несколько минут!

Может быть, вам предстоит принять самое важное решение в вашей жизни. Приходите к нам! Поговорите с одним из наших хирургов! «Семейный центр сердца». «Мы знаем, что предложить Вам. Сердце «Ямаха»! Это фантастическое средство! И помните — мы заботимся о Вас!!!»

— Ну вот, мы опять вместе!

— Три полицейских погибло и один тяжело ранен. Таков результат перестрелки с одной из крупных мафиозных группировок Детройта. Руководство полицейского профсоюза обвиняет корпорацию «Оу-Си-Пи», которая занимается департаментом полиции Детройта. Вот что говорит вице-президент «Оу-Си-Пи» Дик Джоунс:

— Все, кто работает в полиции, должен помнить: если вы не переносите жары, вам лучше на кухне не работать!

— Тяжелораненый офицер полиции Френк Фредериксон опознал одного из стрелявших. Это голландец Кларенс Бодигер — некоронованный король преступного мира Детройта. Бодигер обвиняется в убийстве тридцати одного полицейского.

— А пока врачи пытаются спасти жизнь Френку Фредериксону. Удачи тебе, Френк!

Детройт. Западный полицейский участок. 24 июля 1998 г. 12.17 по Гринвичу. Алекс Мерфи.

Мерфи толкнул дверь и вошел внутрь. Его поразил гомон, царящий в участке. Казалось, что все здесь задались целью перекричать друг друга. И им это удавалось. Ор стоял такой, что Мерфи даже засомневался: а туда ли он попал? Может быть, его по ошибке занесло на биржу?

И действительно, участок отличался от биржи лишь обилием людей в полицейской форме.

Мерфи шагнул сквозь плотную завесу гула, крика и суеты. И с некоторым удивлением заметил, что ему нравится эта атмосфера. Люди РАБОТАЛИ.

Неопределенного возраста усталый негр с нашивками сержанта на рукаве подталкивал к выходу двух мужчин в гражданских — кстати, довольно дорогих — костюмах.

— Попытка преднамеренного убийства. Именно так трактует Закон поступок вашего клиента! И поэтому он находится за решеткой.

— Что за чушь! — Взорвался один из мужчин. — Это явное нарушение гражданских прав моего подзащитного. Куда мы можем внести залог?

— В кассу Департамента. — Сержант не был расположен к долгим разговорам, к тому же и слепой бы заметил, что он сильно раздражен.

Тут бы адвокату уйти, — сам Мерфи именно так бы и поступил, — но, видно, в нем взыграло самолюбие.

— Только учтите, мы будем жаловаться на вас в высшие инстанции.

— Послушайте. — Зловеще-спокойным тоном заявил полицейский. — Ваш клиент — урод. То же относится к вам и судье! А поэтому, — повысил он голос, — убирайтесь из моего участка! И этого, — кивок на второго гражданского, — хохотунчика с собой прихватите. Ясно? Вон!

Адвокат побагровел. Он, видимо, собрался ответить что-нибудь резкое, но сержант уже повернулся к нему спиной.

Мерфи с интересом наблюдал за происходящим, и это не укрылось от негра.

— Что у вас? — Буркнул он на ходу.

— Я — Алекс Мерфи. Переведен к вам из Южного участка.

— Помню. — Кивнул сержант. — Южный — хороший участок.

Без всякого выражения. Просто ничего не значащий для него факт.

— Да, неплохой. — Подтвердил новичок.

— Угу. — Сержант зашел в дежурное отделение, и

Мерфи ничего не оставалось, как последовать за ним.— В общем так, бери «пушку» и одевайся.

Да. Сказать, что они здесь тепло принимают новичков, было бы большим преувеличением. По крайней мере, этот сержант не очень-то ему обрадовался.

Мерфи вздохнул и шагнул к выходу.

— Мы тут тяжело зарабатываем на жизнь, Мерфи.— Голос сержанта догнал его у самой двери.

Он обернулся.

— Я знаю, сэр.

Негр еще несколько секунд смотрел на закрывшуюся за новичком дверь. «А ведь парень недолго удержится здесь, — подумал он. — Слишком нежен. Или уйдет сам, или пришьют где-нибудь. Прислали пацана, твою мать. К кому же его поставить?»

Сержант служил в полиции больше двадцати лет и умел разбираться в людях.

В раздевалке орали не меньше, чем в дежурной части.

Мерфи с удивлением обнаружил, что здесь, в Западном, тоже служат девушки. Он, в принципе, относился к женщинам-полицейским довольно спокойно, но в таком участке, как Западный... Это до него доходило с трудом.

Мерфи прошел вдоль ряда шкафчиков, выискивая свой. Дверца одного из них была открыта, и на ней красовалась новенькая бирка: «Мерфи Джей Алекс».

Ага. Значит, его все-таки ждали. Ну что ж, хоть так.

Он начал расстегивать рубашку.

Голый по пояс, высокий рыжий здоровяк с любопытством уставился на него.

— Ага, значит, ты и есть — Мерфи?

— Вроде так. — Улыбнулся новичок.

— Я — Френк Блейк. Можно просто Френки. — Рыжий протянул руку, и Мерфи пожал огромную лопатообразную ладонь.

— Как же тебя, парень, занесло в эту дерьмовую дыру?

Алекс усмехнулся. Он знал подобную манеру общения. Попробуй назови кто-нибудь из посторонних Западный участок «дерьмовой дырой», сразу же получит

в зубы. Эти ребята будут защищать свой участок, словно места лучше не найти во всем мире. Курорт. Гавайи. Но для своих — «дыра».

— «Оу-Си-Пи» помогло. — Коротко пояснил он.

— А-а, «Оу-Си-Пи». — Неприязненно протянул здоровяк.

— Здесь не очень-то жалуют «Оу-Си-Пи», я смотрю.

— Все эти уроды стараются. — Он принялся натягивать китель. — Эти говнюки разрушили весь наш участок. А ты откуда перевелся, Мерфи? — Поинтересовался он.

— Из Южного.

Рыжий присвистнул и засмеялся.

— Ну-у-у... Тогда понятно. добро пожаловать в ад, приятель.

— Эй! — Крикнул один из полицейских. Низенький, Наверное, едва-едва норму набрал.
с круглым, как арбуз, животиком. — Что-нибудь о Фредериксоне есть?

— Говорят, состояние еще критическое. — Ответил кто-то. В раздевалке мигом стихли разговоры. Можно было расслышать, как в душевой из неплотно завернутого крана капает вода.

Тема, затронутая в разговоре, была близка и понятна всем. Многие из этих парней сейчас думали:

«А если завтра на месте Фредериксона окажусь я? Что тогда?»

— Ладно, кончайте базарить. — Худой жилистый парень захлопнул дверцу ящика.

— Попросишь помощи и не дождешься, пока тебя не шлепнут. — Пробурчал рыжий.

— Я знаю, что нам делать! — Снова выкрикнул толстенький полицейский. Он не видел, как за его спиной вырос сержант. — Нам нужно объявить забастовку! Пошли они к такой-то матери!

Кто «они», толстяк объяснить не успел, поскольку в эту секунду сержант отодвинул его в сторону и пошел через раздевалку. В гробовой тишине он достиг шкафчика и вытащил из пазов бирку, на которой стояла фамилия — «Фредериксон».

— Похороны завтра в двенадцать. — Спокойно оглядывая застывших полицейских, произнес негр. — Прошу

всех свободных от дежурства быть там. Если кто-то захочет передать денежные средства семье погибшего, можно будет это сделать там же. — Он замолчал. Взгляды людей были обращены на него. — И вот еще что. — Сержант сорвался. Голос его достиг максимальной громкости. — Я не хочу больше слышать никаких разговоров о забастовках, ясно? Все поняли? Мы не какие-то там крестьяне!!! Мы — полицейские! А полицейские не бастуют!!! У тех, кто считает иначе, — я приму рапорты об увольнении в течение двух часов! Все.

Он обернулся к новичку.

— Мерфи, оделся? Тогда вперед, на выход.

Никто не проронил ни звука, пока сержант шел к двери.

— Привет, красавчик. — Размалеванная шлюха развязно подмигнула Мерфи, когда он прошел мимо, застегивая ремешки бронежилета.

Тяжелая штука. Увесистая.

Бронежилет был и впрямь достаточно тяжелым — шестнадцать килограмм. В Южном таких не выдавали. Да и пистолет, полученный Мерфи, отличался от его «беретты». В Западном в основном пользовались «магнумом-45».

Как на войне, честное слово.

Но все же с «обновой» он почувствовал себя гораздо уверенней. Словно теперь у него было два тела вместо одного.

Что ни говори, а куда лучше получить пулю в бронежилет, чем в сердце.

Он почувствовал себя на работе. Даже шум уже не раздражал, а был будничным фоном этой работы.

— Так, Мерфи, Алекс Джей. — Сержант зашел за конторку и шлепнул на ее полированную поверхность увесистую папку личного дела. Откинув серую картонную обложку, он пробежал глазами первую страницу. И снова вздохнул.

У Мерфи появилось ощущение, что сержанту очень не хотелось брать на работу новичка.

Собственно, примерно так дело и обстояло.

Если бы не вмешательство этих уродов из «Оу-Си-

Пи», он никогда не взял бы в свой участок полицейского Алекса Мерфи.

Да нет, лично у него не было претензий к послужному списку. да и к парню тоже. Напротив, тот ему даже понравился, но... Выработанное годами чутье нашептывало ему откуда-то изнутри: «Не делай этого. Хлопот не оберешься». Черт. Его заставили поступить так, как он сам никогда бы не поступил. Этот полицейский создан для Южного участка.

Сержант вздохнул еще раз.

— Мерфи Джей Алекс. — Повторил он. — Сейчас я познакомлю тебя с напарником.

У самой двери возникла потасовка. Двое полицейских — молодой парень и невысокая, крепко сбитая девушка — тащили к столу дежурного огромного, судя по всему, вдрызг пьяного битника. Массивный, похожий на Кинг-Конга, заросший трехдневной щетиной, здоровяк яростно вращал глазами и пыхтел, как паровоз. Ему явно не хотелось идти, и он всеми силами пытался дать понять это полицейским. Битник был на голову выше сопровождающих и поэтому, в конце концов, совладал с ними.

Девушка полетела в сторону и упала на колени какому-то старичку, ожидавшему у окна своей очереди к дежурному.

Полицейский попытался ударить здоровяка в живот, но битник достал его на секунду раньше.

Мерфи, глядя на это, поморщился.

Господи, лучше попасть под грузовик, чем нарваться на удар этого молодчика.

Он обернулся к сержанту, как бы спрашивая разрешения помочь коллегам, но тот лишь отрицательно качнул головой и кивнул:

«Гляди».

Да, парень был явно не дурак насчет подраться. Он опустил голову и набычился. Огромные кулаки, покрытые черным курчавым волосом, говорили сами за себя. По крайней мере, сомневаться в намерениях этого типа не стоило.

Девушка поднялась с колен старичка и, пробормотав что-то напоминающее: «Простите, сэр, за этот инци-

дент.», с хрустом вмазала свой кулак в приплюснутую переносицу битника. Тот охнул и тут же получил отличный удар ногой в грудь.

Да, в общем, и так было ясно, что здоровяк проиграл по всем статьям.

— Эй, Луис! — Крикнул сержант через зал. — Когда закончишь с этим кретином, подойди сюда, пожалуйста.

Девушка кивнула.

Долго ждать ее не пришлось. Видно было, что она понимает в своем деле. Сняв шлем и пригладив волосы ладонью, Луис подошла к конторке.

— Вызывали, сержант? — Алекс обратил внимание, что она жует жвачку. Даже во время драки не выплюнула.

— Нет. Просил подойти.

А жесткий парень, это точно. Ему нравились такие люди.

— Этот молодой человек, — сержант кивнул на новичка, — будет твоим новым партнером. Мерфи, познакомься с Луис. Она объяснит тебе специфику работы нашего участка.

Луис окинула напарника оценивающим взглядом. Ничего выдающегося. Ну да там видно будет. Посмотрим, как он проявит себя в деле.

— Очень приятно, Мерфи.

— Отличная работа, Луис.

Она оглянулась на все еще лежащего без движения битника.

— Обычная.

На улице было жарко. Палящее солнце превратило Детройт в настоящую духовку. Мерфи сразу прошиб пот. Бронежилет моментально нагрелся до температуры раскаленного противня.

Луис вытащила ключи из кармана синих форменных брюк и направилась к черному патрульному «поршу».

— *Я поведу машину, пока ты тут разберешься, что к чему.*

— Обычно я веду машину, когда у меня новый партнер.

Девушка с сомнением посмотрела на Мерфи.

Ну, ну.

Она тебе не доверяет, парень, Оно и понятно: А самто ты сильно ей доверяешь?

Ключи описали в воздухе блестящую дугу, и Мерфи ловко поймал их правой рукой.

— Спасибо.

Он открыл дверцу и сел за руль. «Порш» — отличная машина. Быстрая и маневренная. Мерфи знал в этом толк. Весь Южный округ ездил на «поршах». Он завел двигатель и выехал на улицу.

Офис корпорации «Оу-Си-Пи». 24 июля 1998 г. 12.27. Боб Мортон.

Боб постоял у входа, глядя, как бронированный трейлер в окружении патрульных машин с эмблемой корпорации на передних дверцах нырнул в ворота подземного гаража.

Он даже усмехнулся.

Ну что за дураки, а? Возить робота-полицейского в *бронированном трейлере. Хороша рекламка, ничего не* скажешь; Не дай бог пронюхают газетчики. Такой вой поднимется — страшно подумать. «От кого охраняют робота-полицейского?» Ничего себе заголовочек? Нет, что ни говорите, а Дик уже не тот, что раньше. Стар стал. Пора на покой, приятель.

Боб почувствовал, что у него даже полегчало на душе от приятных мыслей. Он вошел в гулкое, сверкающее роскошью фойе небоскреба и заторопился к лифту.

Следом за ним в стеклянную кабину вошли двое знакомых, работающих в его отделе, — Бенджамин Саймон, начальник группы безопасности, и Денавер Волф, возглавляющий службу электроники.

Саймон, худощавый негр, всегда благоухающий дорогим одеколоном, поправил изящные очки в тонкой оправе.

— Привет, Боб.

— Привет, Боб. — Эхом повторил Волф, разглядывая сквозь стеклянную стену лифта панораму города.

— Привет, ребята. — Мортон улыбнулся голливудской улыбкой. У него с самого утра было шикарное настроение.

Саймон оглянулся и, понизив голос, будто их могли подслушать, произнес:

— Ты думаешь, старик будет здесь?

— А зачем нас пригласили? — Снисходительно поинтересовался Боб.

— Они все вспомогательные службы собирают. Тут какое-то большое дело намечается. — Волф угрюмо продолжал смотреть на улицу. — Наверное, что-нибудь связанное с Дельта-Сити.

Боб усмехнулся. Он-то знал, зачем их собирают и что за проблема у руководства.

Негр тоже догадывался, хотя и не мог утверждать это точно. Тем не менее он осторожно высказал свое мнение:

— Да нет, вряд ли. Они раньше срока никогда ничего не делают. Скорее всего, Джоунс хочет повыпендриваться своей серией—209.

— Ты понимаешь, — Боб наслаждался своей осведомленностью, — у них возникли серьезные проблемы с этой разработкой. Дик перерасходовал бюджет, выделенный на эту программу. Как раз поэтому-то старик и собирает совещание.

— Ну да? — Удивился Волф.

— Точно говорю. Может, он теперь и нам подкинет какое-нибудь задание. По нашим разработкам.

— Скорее всего, он просто намылит шею Джоунсу.

— Да нет. Джоунс очень серьезно воспринимает работу по линии безопасности. Он не даст за здорово живешь скинуть себя с теплого местечка. — Саймон вздохнул.

— Да пошел он, этот Джоунс, к такой-то матери. — Возмутился Боб. — Я, в случае чего, прямо к старику пойду.

Он знал, что эти ребята на его стороне. Их больше привлекает работа по его направлению, чем этот железный болван Джоунса. Тем более, что сегодня его день! Боб был уверен в этом.

— Смотри, — скептически протянул Волф, — как бы Джоунс тебе холку не намылил.

— А тебя кто спрашивает?

Мортон уже пожалел, что ввязался в этот разговор. Не следовало возбуждаться перед собранием.

К немалому его облегчению, звуковой сигнал подал знак, что они прибыли.

Мужчины вышли из лифта и направились к большому конференц-залу, возле дверей которого тихо переговаривались пришедшие раньше сотрудники компании.

В корпорации существовало правило — первым в зал входит президент.

Старик что-то опаздывает.

Боб оглядел стоящих рядом людей. Часть из них он знал, но кое-кого видел впервые.

Из-за поворота появились Президент корпорации Том Маккой и Дик Джоунс.

В толпе ожидающих возникло легкое движение. Маккой открыл дверь и кивнул, приглашая остальных заходить.

Боб успел уловить обрывок разговора двух боссов.

— Что за проблемы с полицией!

— Никаких. — Быстро ответил Джоунс. — Все в порядке. Мы уже все уладили. Я об этом позаботился.

Ах ты, старый педик! — возмутился Боб. — Он позаботился!.. Да все знают, что это Саймон метался как угорелый, улаживая дело.

— Отлично. Ну, что ж. Я думаю, можно начинать.

Боб откинулся в удобном кресле, разглядывая обстановку конференц-зала. Сколько раз он бывал здесь, столько раз и поражался этой шикарной, но не режущей глаз смеси хрома, черного дерева и пластика.

Лишь одно раздражало его. Пользоваться залом для собраний могли только Президент и трое его заместителей, в число которых входил и Дик Джоунс.

Но какой кайф. Мать моя. Один стол чего стоит.

Огромный, сияющий зеркальным блеском полировки п-образный стол стоял посреди зала. Во главе его восседал САМ. По обе руки вице-президенты компании. Дальше — старшие менеджеры, их помощники. У каждого свое место. Перед каждым аккуратные папочки и фирменные ручки.

В центре стола портативные кофеварочки. Это на случай, если заседание затянется. Одну стену зала занимало гигантское панорамное окно. В лучах полуденного солнца были видны две башни — небоскребы «Дженерал Моторз» и «Дьюпон Деннимур корпорейшн».

Вторая стена целиком состояла из компьютерных эк-

ранов. На них прыгали разноцветные картинки — истребители проносились в голубом небе; самоходные установки преодолевали реки; танки ,под немыслимым углом вползающие на развороченные стены; и тут же, рядом, огромные цеха, в которых собираются микропроцессоры, часы, особоточные приборы для электронной промышленности. Да, воистину, «Оу-Си-Пи» проникла во все отрасли человеческой жизнедеятельности.

На третьей стене красовалась огромная эмблема корпорации. Красный щит с серебряными буквами. «О.С.Р.»[1].

Мало кто знал, что эта стена подвижна. Одно нажатие кнопки, и она мягко откатится в сторону, открывая еще один зал, размеры которого не уступают этому.

В углу возвышается звездно-полосатый флаг. А рядом с ним объемное сооружение из стекла и пенопласта. Макет будущего мини-города Дельта-Сити.

Высокие шпили тянущихся ввысь небоскребов, широкие чистые улицы. Аккуратные коробочки строений, словно плывущие в море зелени.

Фантастика. Да, это стоило видеть.

Все это помещение вызывало какое-то смутное волнение. Могущество, получаемое вместе с должностью, ощущалось в конференц-зале особенно остро.

Скоро и я смогу собирать здесь конференции. Вице-президент Боб Мортон. Звучит?

Он переключился на то, что говорил Том Маккой.

Улыбаясь, Президент прошел вдоль стола и остановился рядом с макетом.

— Итак, друзья. У меня более чем десятилетие была мечта. И сегодня я предлагаю вам разделить ее со мной.— Пауза, чтобы все успели оценить сказанное. — Через шесть месяцев мы начинаем строительство Дельта-Сити. Это будет самый лучший район города.

Маккой неторопливо зашагал обратно я своему месту. Месту Президента. К святыне.

— Но... — Еще одна пауза. — Детройт поражен раком. Рак — это преступность. Черная опухоль на теле нашего города. Прежде чем мы дадим жизнь почти двум миллионам рабочих, которые, в свою очередь, вольют новые

1 «О.С.Р.» — «Original Center Pacific» — «Центр успокоения».

силы в этот город и возродят его к жизни, наш долг — истребить проклятую болезнь! Да! Мы должны улучшить обслуживание горожан. В данном случае, их правовую защищенность! Я думаю, пришло время заплатить наши долги жителям Детройта, а возможно, и всей стране! Дик.

Он опустился в президентское кресло, а вместо него поднялся Дик Джоунс.

Старая развалина.

— Посмотрите внимательно на послужной список этой компании! — Хорошо поставленным голосом начал вице-президент. Надо отдать должное Джоунсу, он моментально завладел вниманием аудитории. — Вы сразу заметите, что наша компания в основном занимается теми рынками, которые традиционно считались невыгодными! Не приносящими прибыль! Тюрьмы, госпитали, исследования космоса. Я говорю: хороший бизнес тот, который вы сможете найти. Любое дело можно сделать выгодным!

Боб посмотрел на Маккоя. Тот, улыбаясь, еле заметно кивал головой. Было видно, что ему нравились слова Джоунса.

— Вы знаете, что мы заключили контракт с городскими властями на предмет усиления охраны правопорядка. В ходе исследований наши специалисты пришли к выводу: эффективное полицейское подразделение— это еще не решение вопроса, а только часть его. Нам нужно нечто большее! Нам нужен полицейский, который будет на улицах круглые сутки! Полицейский, который не будет ни есть, ни спать! — Голос Джоунса становился все громче, и Боб заметил, что почти все поддались этому странному гипнозу. — Полицейский, обладающий огромной огневой мощью. И способностью использовать ее!

Дик выдержал паузу, и триумфально объявил:

— Дорогие друзья! Я с удовольствием представляю вам будущее правопорядка!

ЭД — 209!!!

Стена с легким жужжанием ушла в сторону. Открылся соседний зал, на пороге которого замерло странное существо.

Внешне оно напоминало огромного птенца какой-то доисторической рептилии. Яйцеобразное тело удерживали две колонноподобные ноги. Трехпалые ступни креп-

ко упирались в пол. По бокам, словно недоразвитые крылья, торчали шарообразные отростки, в каждом из которых размещались три крупнокалиберных авиационных пулемета.

В передней части «яйца», прикрытые защитным пуленепробиваемым стеклом, находились объективы видеокамер. Под ними, напоминающая оскаленную пасть, решетка, за которой спрятался синтезатор человеческого голоса.

Было в облике робота что-то такое, от чего людям стало не по себе.

Неподвижный тяжелый Эд-209 застыл в десяти метрах от стола.

И Бобу показалось, что робот внимательно наблюдает за людьми, ловя каждое их движение, готовый растерзать любого, неподчинившегося приказу.

Господи, вот это урод. Страшилище. Монстр из фантастического триллера.

Он никогда не видел Эда собранным, а уж тем более включенным, готовым к действию.

Полицейский должен вызывать доверие! Хотел бы я посмотреть на того, кто отважится плакаться в жилетку этому чудовищу. Такое ощущение, что он просто неуправляемый и Дику с ним не справиться! А если эта электронная махина сойдет с ума где-нибудь на улице! Кошмар!

Не у него одного робот вызвал подобные чувства. Даже Маккой перестал шевелиться, напряженно глядя на трехметровое нечто.

Лучше бы Дик и не вытаскивал этого ублюдка на свет божий. От него так и пышет злом, честное слово. Вот именно — ЗЛОМ!

Похоже, Дик Джоунс и сам заметил, что нужного эффекта не достигнуто. В конференц-зале воцарилась напряженная, агрессивная атмосфера. Стараясь не упустить инициативу, вице-президент преувеличенно бодро продолжил:

— Это правозащитник! Автономный робот, запрограммированный на охрану правопорядка в городе! После удачного применения на улицах Детройта мы сможем предложить Эда для использования в военных целях!

При этих словах из-за двери появилась группа лаборантов, катящих перед собой заставленный аппаратурой столик. Расположившись у стены, они принялись настраивать свои приборы, чем привели людей в еще большее замешательство.

Ну, а если этот урод сейчас оживет и перестреляет нас всех к такой-то матери, а? Что тогда?

Эд вдруг дернулся. Словно в него влилась жизнь. Согнутые лапы выпрямились, и робот шагнул вперед.

Бобу показалось, что он упадет, как только остановится, но Эд подошел почти вплотную к столу и остановился, припав на снова согнувшиеся лапы.

— Режим боевого патрулирования. — Пояснил Джоунс, улыбаясь.

Это что, значит этот вот монстр будет стоять на одном месте, поджидая преступников? Чушь. Или он будет шататься по городу? Да половина горожан перемрет от страха, увидев этого придурка. А потом, он так громыхает, что все преступники разбегутся раньше, чем он успеет приблизиться к ним на километр.

Между тем Джоунс поднял из-за стола молодого парня, помощника управляющего лабораториями.

— Вы нам поможете, мистер Кенни!

— Конечно. — Нерешительно согласился тот.

Глядя на его лицо, всем было ясно: по своей воле Кенни не только не стал бы помогать Джоунсу, но и с удовольствием убрался бы отсюда подальше.

Что за балаган... Вздохнул Боб про себя. Этот козел Дик не может обойтись без своих выкрутасов.

— Сейчас мы смоделируем обычную процедуру ареста.

Джоунс достал тяжелый никелированный пистолет и протянул его парню.

— Мистер Кенни, пожалуйста, угрожайте пистолетом.

Тот принял пистолет и осторожно направил его на вице-президента.

— Нет, нет, мистер Кенни. Не мне, а Эду-209...

— Простите, сэр, а он не...

— Не волнуйтесь, мистер Кенни, все будет в порядке. — Успокоил помощника управляющего Джоунс. —

Эд-209 — отличная надежная машина. Поднимите пистолет, прошу вас !

— Да, сэр.

Кенни поднял оружие и робким вялым движением прицелился в робота. Точно в бронестекла.

Эд-209 ожил. Лапы выпрямились. Тело развернулось в сторону ЧЕЛОВЕКА С ПИСТОЛЕТОМ. «Крылья» вышли из пазов, принимая положение, необходимое для ведения огня. Пулеметы щелкнули — патроны легли в стволы.

УГРОЗА ОРУЖИЯ! НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА!

Система электронного наведения поймала фигуру с пистолетом в перекрестие прицела.

Компьютер подобрал нужную команду и синтезировал ее в человеческую речь.

— Пожалуйста, уберите оружие! У Вас есть двадцать секунд, чтобы выполнить мое требование!

Голос был странный. Безжизненный. В нем звучали угрожающие металлические нотки.

ПОПРОБУЙ НЕ ВЫПОЛНИТЬ МОЙ ПРИКАЗ, ЧЕЛОВЕК!

Странное чувство охватило людей. Оно балансировало на тонкой грани между страхом и паникой.

Джоунс победно улыбнулся.

— Я думаю, вам лучше подчиниться, мистер Кенни.— Сказал он, оглядывая зал и наслаждаясь вызванной реакцией.

Именно этой реакции он и хотел добиться, когда конструировался робот.

СТРАХ! — Вот что должен испытывать человек, видя перед собой Эда-209. Суперполицейского!

СТРАХ и ПАНИКУ! Два этих чувства отчетливо проступили на лицах присутствующих. И это было здорово! Просто прекрасно.

Кенни отшвырнул пистолет подальше к стене и поднял руки.

Эд-209 пошевелился.

Боб мог бы поклясться, что робот разглядывает парня.

ОН СМОТРИТ! ОН ТОЧНО СМОТРИТ! ! !

— У Вас осталось пятнадцать секунд, чтобы выполнить мое требование! — Проревел робот. Мощность увеличилась.

Это было задумано как психологическое воздействие. Человек отказывается повиноваться — голос ЭДа становится громче.

Кенни растерянно огляделся, словно не до конца уверенный в реальности происходящего. Он бросился к столу, будто люди могли чем-то помочь ему.

Лаборанты суетились возле своих приборов, пытаясь отключить потерявшего управление робота, но тщетно. Сбой, произошедший в системе общего контроля, не поддавался определению. Робот продолжал выполнять возложенную на него задачу.

— Вы нарушаете уголовное законодательство ! У Вас осталось пять секунд!

От его голоса зазвенели стекла.

Кенни оттолкнули, и он бросился к Дику Джоунсу.

— ЧЕТЫРЕ!

Но тот так же отпихнул его.

— ТРИ!

Маккой, сидящий с каменным лицом во главе стола, понял: предотвратить это не удастся. Он просто закрыл глаза, чтобы не видеть того, что произойдет через

— ДВЕ!

секунды. Началась паника. люди метались по залу, желая только одного. СПРЯТАТЬСЯ. СТАТЬ НЕВИДИМЫМИ! ЧТОБЫ ЧУДОВИЩЕ НЕ ЗАМЕТИЛО ИХ!

— ОДНА!

Кенни остановился и обреченно опустил руки.

— ТЕПЕРЬ У ВАС НЕ ОСТАЛОСЬ ВРЕМЕНИ! — Проревел робот. — Я ВЫНУЖДЕН ПРИМЕНИТЬ ОРУЖИЕ! ! !

Поток огня хлынул из пулеметных стволов. Горячий свинец пробил тело помощника управляющего, подбросив его в воздух. Рваные черные дыры покрывали Кенни, но пули продолжали доставать его даже в полете, разбрасывая кровавые брызги по стенам.

Макет Дельта-Сити хрустнул, когда мертвое, изрешеченное тело, подминая пенопластовые башенки, рухнуло сверху.

Эд-209 сложил «крылья»-пулеметы и тяжело осел на своих колоннообразных, похожих на страусиные, лапах.

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО! НАРУШИТЕЛЬ ПОРЯДКА УНИЧТОЖЕН!

Кровь, стекая с макета, падала на ковер густыми багровыми каплями.

— Какой ужас... — прошептал кто-то.

Все кинулись к распростертому телу, пытаясь оказать человеку какую-то помощь.

Остались лишь Джоунс, Боб и так и не вставший из-за стола Маккой.

Президент открыл глаза, каменное выражение лица дрогнуло и он жестко произнес, обращаясь к толпе, застывшей у развороченного макета.

— Пожалуйста, кто-нибудь, вызовите охрану.

Все пришло в движение. Люди засуетились. Их голоса заполнили конференц-зал.

— Джонсон, давайте быстрее! ! !

— Не трогайте его!

— Может быть, он жив еще?

— Не трогайте, я сказал! — Это был Волф. В нужной ситуации он умел быть твердым. — Вы что, не слышите!

Кто-то усиленно пытался нащупать на остывающей руке пульс.

Маккой встал и пошел к выходу, бросив через плечо остолбеневшему Джоунсу:

— Дик. Я очень разочарован.

Тот быстро догнал Президента и заговорил со всем жаром, на который был способен в данной ситуации:

— Я уверен, что это просто осечка, мистер Маккой! Небольшая неудача!

— Вы называете это осечкой! Через полгода мы должны были запустить этих роботов в серийное производство. 50 миллионов долларов убытков из-за вашей осечки. — Маккой остановился и смерил Джоунса ледяным взглядом. — Этот человек, — его рука указала на мертвое тело Кенни, — тоже результат вашей... ОСЕЧКИ.

Боб понял:

Вот он — его шанс! Его звездный час!

— Сэр! Одну минуту, прошу Вас ! — Он подскочил к стоящему в стороне Президенту. — Может быть, Вы

слышали о программе «Робокоп», которую я разработал для того, чтобы предотвратить подобные неудачи...

Джоунс с откровенной злостью взглянул на вмешавшегося менеджера. Своим появлением тот обострял и без того опасную ситуацию. Стараясь не выдавать охватившего его раздражения, Дик быстро перебил Мортона:

— Благодарю. Я думаю, мы обсудим это завтра в моей конторе.

— Дик! — Маккой достаточно наслушался его голоса.— Может быть, нам действительно нужна свежая перспектива. Я все больше убеждаюсь в этом. — Он заинтересованно повернулся к Бобу. — расскажите-ка мне о вашем плане, мистер Мортон.

Отлично! Просто отлично! Лучше и быть не могло. Конечно, жалко этого бедолагу Кенни, но с другой стороны... Как вовремя произошел этот несчастный случай.

— Мы готовы действовать! — Боб чувствовал себя уверенным в собственных силах, как супермен. Ему все было по плечу сейчас. Все. — У нас уже пошла полная переструктурация полицейского участка.

— Ну что же, чувствуется, что вы проделали большую работу, мистер Мортон. Это очень хорошо! Через двадцать минут я буду ждать от вас подробного доклада.

— Большое спасибо, сэр. — Выдохнул Боб.

Президент кивнул и покинул конференц-зал. Следом устремился Джоунс, бросив на менеджера уничтожающий взгляд. Если бы взглядом можно было обращать в камень, Боб застыл бы на месте каменным изваянием.

Когда они вышли, Мортон улыбнулся и тихо прошептал:

— Йеееееее...[1] — словно футболист, удачно забивший решающий гол на последней минуте игры. Он обернулся.

Мертвый Кенни смотрел на торжествующего менеджера подернутыми туманной поволокой глазами, будто спрашивая:

«Ну как, парень. Здорово я помог тебе?»

---

1 Да. (сленг).

* * *

— Ты понимаешь, это — как движение в большом потоке машин. — Боб возбужденно вышагивал по длинному, уютно затемненному коридору офиса, держа за локоть Бена Саймона. — Если ты увидел свободное место — ныряй туда.

Негр понимающе кивнул, но счел своим долгом предупредить:

— Ты поосторожней, у Джоунса и так зуб на тебя.

— Да пошел он. — Беспечно отозвался менеджер. — Пока еще менеджер. Дик свалился с телеги! Теперь я занял его место!

Саймон пожал плечами, как бы говоря:

«Ну смотри, твое дело».

— Жалко Кенни, правда? — После короткой паузы продолжил он.

— Ну что ж... — Вздохнул Боб. — Жизнь в большом городе...

— Конечно. Но все равно...

Они несколько секунд молчали, а затем Саймон преувеличенно бодро спросил:

— Ну, так с чего мы начнем?

Боб улыбнулся.

— Для начала — найдем добровольца.

Он действительно был доволен. Полчаса назад Президент корпорации «Оу-Си-Пи» Том Маккой подписал приказ о начале разработки программы «Робокоп». И старшим этой программы назначен он — Боб Мортон.

* * *

12.31. Алекс Мерфи.

Полицейский присел на бетонный парапет и вздохнул. Всего десять минут прошло с начала патрулирования, а он уже изжарился на этом проклятом солнце. Хоть бы дождь начался что ли. Да, не самый удачный денек в его службе. Вот, к примеру, зима. Мягкий снег. Легкий морозец. Прелесть, а не погода.

Мерфи снял с головы шлем и положил рядом с собой на шершавую поверхность плиты. А эта Луис, хоть и

крепкая девчонка, но и ее разморило. Не выдержала, пошла за «кока-колой». Посмотрел бы сейчас на них Денни. Он ведь свято уверен, что полицейский на службе — как автомат. Вроде его любимого Ти.Джи.Лазера. С точки зрения Денни, полицейский должен сдохнуть от жажды, но остановиться и побежать за «кока-колой» — ни-ни. Вы хоть раз видели, чтобы эта дубина Ти.Джи.Лазер бегал за «кока-колой»! Да ни в одной из ...дцати серий. Но зато он за пистолет хватается каждые три секунды, а папа за восемь лет службы ни одного трупа домой не притащил.

Мерфи усмехнулся.

Вот так и получается. Весь город на них бочку катит, будто у полицейского тридцать три ноги и, по крайней мере, дар телепатии. Преступник только подумал о своем злодеянии, а офицер уже тут. Руки вверх. Наручники — клац! В зубы — бац! Все, мэм. Можете спать спокойно. Этот тип больше не представляет опасности. А когда полицейский погибает, настоящий вой начинается. Мол, полиция сама себя защитить не может. Взять хотя бы этого парня — Фредериксона. Он что, с Бодигером в салочки играл, им кажется? Или они сидели кофе пили, и один другому взбитых сливок не доложил? Попробуй втолкуй этим людям, что полицейский такой же человек, как и они сами. Нет. Все свято уверены, что офицер полиции — это переодетый супермен.

Совершенно автоматическим движением Мерфи достал из кобуры пистолет и принялся вертеть его на пальце, стараясь, чтобы получилось в точности, как у Ти.Джи.Лазера.

Так. Три оборота вперед, один назад, ловим за рукоять и в кобуру. Отлично.

Он научился этому трюку год назад, когда Денни однажды попросил его:

— Папа, а покажи, как вы делаете эту штуку с пистолетом.

И ведь не «как это делает Лазер», а «как ВЫ это делаете». Попробуйте что-нибудь доказать ребенку в такой ситуации. Пустое дело. Легче показать. Он, помнится, все пальцы себе тогда отбил, пока научился делать это так же ловко, как телепоказушник Лазер. Четкое, доведенное до автоматизма движение.

Выходя из прохлады бара, Луис успела заметить, как Мерфи крутанул пистолет, прежде чем убрать его в кобуру.

Держа в руках запотевшие, покрытые капельками влаги стаканчики, она подошла к напарнику и уважительно протянула:

— Это у тебя ловко получается, парень.

В ее тоне проскочила язвительная нотка, и Мерфи на мгновение смутился.

Нет, ну в самом деле. Сидит как мальчишка, пистолетом играет.

— Знаешь, мой сын очень любит этот полицейский сериал про Ти.Джи.Лазера. Он думает, что все полицейские должны действовать примерно в том же духе.

Он взял из ее рук стаканчик и, поблагодарив, в три глотка осушил его.

— И ты не хочешь его разочаровывать. — Луис сама прошла через нечто подобное. Когда она поступила на работу в полицию, ее подруги долго допытывались, сколько преступников ей приходится пристрелить за смену.

— Ну, как тебе сказать.

— Да нет, я и не говорю, что это плохо. Наоборот, такие модели могут быть очень полезными для маленьких детей.

Мерфи улыбнулся.

Ну, слава богу, началось нормальное общение.

— Да, честно говоря, мне это и самому нравится.

Луис кивнула, глотая свою «колу».

— Знаешь, мне однажды попался очень старый фильм. Так там был полицейский - «Грязный Гарри», который...

Мерфи так и не успел узнать, что же произошло с этим Гарри. В «порше» заверещал селектор, оглашая стоянку хриплым из-за помех голосом.

«— Внимание! Всем патрульным машинам! Произошло ограбление банка! Преступники направляются в сторону...»

— Так. — Луис взглянула на напарника. — Если не возражаешь, машину поведу я. Все-таки эта часть города мне знакома получше.

— Конечно. — Согласился Мерфи, застегивая ремешок шлема под подбородком.

— Ну, тогда поехали, нужно поторапливаться.

Уже когда патрульный «порш» выезжал со стоянки, селектор вновь захрипел:

«— Внимание! Преступники вооружены и очень опасны!»

Мерфи покосился в зеркальце на напарницу.

Лицо спокойное. Никаких эмоций. И жует.

— Слушай. — Он заинтересованно посмотрел на Луис.— Эта жвачка... Ты что, ее постоянно жуешь?

Эмиль Антоновский.

Белый фургон летел по шоссе, ловко лавируя в потоке машин. В его раскаленном кузове Боди ударом приклада сбил замок с одного из ящиков.

Эмиль не видел, что он там обнаружил, но, судя по его крику, что-то не очень хорошее.

— Черт! — орал Боди. — Да я не могу поверить!

— Что такое! — Эмиль сидел за рулем и не решился обернуться, боясь заехать на встречную полосу.

Мимо головы просвистела кипа банкнот и шлепнулась о лобовое стекло, разлетевшись по кабине. Все банкноты были рваными, истертыми, наполовину сгоревшими.

Ну вот, мать твою. Хапнули двадцать миллиончиков. То-то я подумал, что охраны маловато! А ведь этот говнюк все знал! Точно знал! Не мог не знать! Гнида! Из-за этого дерьма мы ухлопали пятерых копов! Так обоср... !

— Ты, урод, мать твою! ! ! — Кларенс толкнул Бобби в грудь, и тот отлетел к стене, стукнувшись спиной. — Что это за бабки такие! А?

— Тебе же нужны были деньги! — Бобби пытался оправдываться. — Я тебя на них и навел!

— Это что — деньги? — Боди в ярости сгреб кучу банкнот и швырнул ему в лицо. — Это деньги, мать твою? Где ты видишь деньги? Я вижу кучу дерьма! Можешь этот мусор себе в задницу засунуть, козел! Они даже на обои не годятся!

Эмиль согласно закивал.

— Конечно! Этого говнюка надо пришить! Мы из-за него так облажались!

— А ты заткнись! — когда Кларенс был в ярости, с

ним предпочитали не спорить. Все, кроме Эмиля. — Если ты еще и тачку угробишь, я вас обоих пристрелю, понял?

— Ты лучше их пристрели! — Эмиль кивнул на боковое зеркальце, в котором появились маячки полицейской машины.

Кларенс выглянул в окно, расположенное на задней двери фургона. Вся его ярость моментально испарилась. Теперь появилась проблема поинтересней. Крутая игра с наивысшими ставками.

— Приготовились все! — Заорал он. И обернулся к Эмилю. — Давай быстрее!

— Это тебе не самолет! — Эмиль умел водить машину, разбирался в ней и прекрасно понимал: этой колымаге не уйти от «порша». — Ты тут хоть сдохни, а быстрее все равно не получится.

— Ладно. — Согласился Боди. — Тогда замедли ход.

— Да ты что, Боди! С ума что ли сошел?!

— Заткнись! Делай то, что тебе говорят, мать твою! Понял?

Луис включила переговорное устройство.

— Центр! Говорит 154-й. Мы видим фургон преступников. Он направляется в сторону химического завода.

— Вас поняла! Подмога будет минут через пятнадцать.

Мерфи вытащил «магнум» и передернул затвор.

— Ну что будем делать?

Она пожала плечами. Будто и так не ясно. Это Западный участок, парень. Привыкай.

«Порш» прибавил газ и круто ушел вправо.

Кларенс Бодигер щелкнул затвором дробовика.

— Заряжайте оружие, ребята. Давайте, готовьтесь. Сейчас начнется потеха.

Шесть стволов уставились в заднюю дверь. Никому не пришлось объяснять, что произойдет через несколько минут. Все понимали это и были готовы к тому, что смерть каждую секунду может прийти за любым из них.

— Ну что, готовы! — Кларенс, в отличие от них, относился к происходящему как к игре. Жестокой, кровавой, но все же игре. Ему нравилась такая жизнь. — Тогда пошли!

Тяжелый башмак распахнул дверь и...

За ней было пусто. Никаких маячков, никаких «паршей», никаких полицейских.

— Какого черта? — Удивленно пробормотал Кларенс. — Где они?

— Не знаю. — Змиль усиленно завертел головой. — Вон они! Справа!

Боковые окошки открылись, и бандиты уставились на маячащий рядом патрульный «порш».

— Ну что вылупились? Стреляйте!

Боди первым нажал курок.

Заряд дроби угодил в заднюю дверцу. Он не мог пробить ее из-за стальных листов, укрепляющих машину, но Луис насторожилась.

Эти ребята настроены серьезно.

Больше всего ее беспокоили колеса. Если им удастся прострелить шину, ей не удержать несущийся на бешеной скорости автомобиль. Она не сомневалась, что в этом случае их ждет верная гибель. В таких катастрофах живых не бывает.

Мерфи не остался в долгу. Высунувшись из окна по пояс, он разрядил «магнум» в жестяной борт.

Амортизаторы «порша» позволяли вести более прицельную стрельбу. Пули ложились кучно и — наверняка — пробивали стенки фургона насквозь.

Полицейский даже успел разглядеть, что один из стреляющих сполз вниз.

Бобби покатился по полу, сжимая ладонями простреленное колено.

— О, черт! Кларенс, они попали мне в ногу! Эта сволочь раздробила мне чашечку.

Боди еще раз выстрелил в патрульных, но не попал, потому что «порш» перестроился в следующий ряд и отстал, обходя их сзади.

Кларенс прищурился, глядя на воющего Бобби, и улыбнулся. Видно, ему в голову пришла хорошая мысль.

— А ну-ка, поднимите его. — Приказал он двоим приятелям — Коксу и Миншу.

Те быстро выполнили приказ. Это они уяснили твердо: с такой передряге лучше слушаться Боди. Больше шансов

выжить. И раз он говорит «делай» — значит, делай, и не задавай вопросов.

Кларенс ухмыльнулся, глядя на эту парочку.

Один — негр, другой — китаец. Ну прямо представительство ООН. Но он знает этих ребят и доверяет им. Чего не скажешь о Бобби.

Кларенс вздохнул и с обаятельной улыбкой наклонился к раненому:

— Скажи мне, Бобби-бой, ты умеешь летать?

Тот сразу понял, о чем речь и взмолился:

— Кларенс, не надо !

Боди довольно ухмыльнулся и кивнул стоящим у дверей Нэшу и Брайану.

— Давайте, ребята.

Дверцы распахнулись, впуская в фургон солнечный свет, и в то же мгновение Бобби вылетел из грузовичка прямо в лобовое стекло полицейской машины.

Пока он переворачивался в воздухе, бандиты успели несколько раз выстрелить. Восьмидесятикилограммовое тело врезалось в лобовик идущего со скоростью 120 миль «порша», как граната. Стекло покрылось трещинами, прогибаясь в салон. Луис нажала на тормоз, выворачивая руль влево. Автомобиль пошел юзом, сбросив обмякшего Бобби с капота. Тот свалился на дорогу прямо под колеса серебристого «форда», шедшего следом.

Оставляя на покрытии черные следы, «порш» сделал несколько зигзагов и остановился. За то время, что понадобилось Луис и Мерфи для продолжения погони, белый фургон исчез за поворотом, слившись с потоком машин. Луис это не смутило. она знала, где искать грузовик.

— Отсюда две дороги. На химический завод «Дюпон Деннимур» и к 72-й автостраде. На ней полицейский пост. Эти ребята не дураки и, скорее всего, понимают, что на машине, украшенной пулевыми пробоинами, им далеко не уехать.

— И что ты предлагаешь?

— Поскольку завод— идеальное место для «прятоk», мы поедем туда, осмотрим все и попробуем прищучить этих придурков. Получится — хорошо, нет — вдвоем мы сумеем продержаться до прибытия подмоги.

— Ну, а если их там нет? Предположим, они выбрали автостраду, что тогда?

Луис развернула пластинку жевательной резинки и отправила в рот.

— Тогда ребятам не придется зря тащиться туда. Этого вполне достаточно. У них и так забот хватает.

Грузовик все-таки оказался там. Мало того, его даже не удосужились спрятать, и он маячил на сером фоне заводских стен ярким белым пятном. Этот завод попал в категорию убыточных два года назад. Его закрыли, а рабочих уволили, удлинив и без того огромную очередь безработных на бирже труда.

За эти два года завод повидал всякого. И толпы бездомных, проживающих здесь зимой; и огромный по силе пожар, охвативший его прошлым летом; и ночные убийства, когда несколько уличных банд выбрали это место для сведения личных счетов, и многое, многое другое.

Одинокий и грязный, он уныло взирал на город слепыми глазницами выбитых окон, вытягивая к небу остывшие трубы, взывая о помощи.

— Центр! Мы 154-й. Грузовик преступников на химическом заводе «Деннимура». Как поняли?

— Поняли, 154-й. Подмоги пока не будет, ребята. Минут через двадцать освободятся две машины, я их сразу отправлю к вам. Отбой.

— Порадовали. — Луис открыла дверцу и выбралась из машины.

Мерфи последовал за ней, на ходу загоняя полную обойму в ребристую рукоять «магнума».

— Ну, что делаем?

— Давай попробуем взять их.

Ей было не привыкать. Случалось, что один патруль задерживал группы до двенадцати человек. Это Западный полицейский участок. Особая жизнь — особые правила.

— О'кей. — Мерфи щелкнул затвором, досылая патрон в патронник. — Я войду здесь, ты — сверху. И поддерживай связь.

— Угу. — Луис кивнула, соглашаясь.

Она, осторожно ступая по осколкам битого кирпича,

пошла к узкой металлической лестнице, ведущей на второй этаж.

Мерфи проводил напарницу взглядом и вошел в здание. Гулкое пустое помещение, усыпанное толстым слоем пыли и извести, внутри казалось огромным и мрачным. Полицейский, ежесекундно оглядываясь, пошел вдоль стены, держа пистолет в согнутой руке стволом вверх. Где-то внутри он различал слабые людские голоса.

Это они?

Мерфи напряженно вслушивался, стараясь поточнее определить направление. Не дай бог, обнаружить себя раньше времени. Луис права, эти люди шутить не расположены. А их работа не прощает ошибок.

Луис поднялась на операторский мостик и почти сразу увидела одного из бандитов.

Худой высокий негр, затянутый в камуфляжный десантный костюм. На курчавой голове красовался армейский берет, лихо сдвинутый набок. Преступник стоял к ней спиной, справляя нужду.

Луис усмехнулась.

Всякое бывало, но вытаскивать убийцу из сортира ей до сих пор не приходилось.

Надув из жвачки большой розовый шар, она осторожно взвела курок своего «кольта». Шар лопнул, и этот хлопок прозвучал в пустом зале, как разрыв гранаты.

Негр вздрогнул.

— Замри! — Тихо скомандовала Луис, целясь преступнику между лопаток. — Давай-ка, приятель, повернись и покажи мне свои ручки. Медленно и красиво.

Джо Кокс, а это был он, не принадлежал к числу слабонервных. Звук взводимого курка давно перестал вызывать в нем дрожь. И сейчас он не испугался. Медленно повернувшись. негр поднял руки, окинув помещение быстрым взглядом: есть ли здесь еще кто-нибудь. Обнаружив, что полицейская одна, он успокоился. Шансы его сразу возросли.

— Конечно, подружка, конечно. — Ухмыляясь, Кокс шагнул к Луис. — Ты не возражаешь, если я ширинку застегну, а?

Всего на одно мгновение она опустила глаза, но негру этого было вполне достаточно. Первый удар откинул ее

к металлическому парапету, второй — сбросил вниз, на мешки с реактивами.

Тело глухо шлепнулось на них, подняв густое белое облако химической пыли.

Кокс перегнулся через поручни и захохотал, глядя на замершую внизу Луис.

Эмиль Антоновский развалился в кресле, закинув ноги на темный обшарпанный столик.

Положив рядом с собой винтовку, он щелкнул переключателем телевизора. Экран ожил. Показывали какую-то развлекательную программу.

Усатый потный очкарик тискал двух пышногрудых девиц.

Эмиль достал из кармана сигаретку, прикурил и с удовольствием выпустил к потолку голубоватую струю дыма.

— Еще бы глотнуть чего-нибудь покрепче, и был бы полный кайф.

Брайан, невысокий коренастый крепыш, с отвращением ткнул мыском сапога в стоящие тут же ящики с их сомнительной добычей.

— Послушай. На кой хрен нам эти бабки? Мы всегда можем грабануть какой-нибудь еще банк, а?

Эмиль расплылся в снисходительной улыбке.

— Ты не понимаешь. Из этих говенных бумажек можно выудить треть почти целых. Это как капитальное вложение. Чтобы делать деньги — нужны деньги.

Он заржал, глядя на экран.

— Хочешь покурить? — Эмиль глянул на крепыша.

— Нет. Это вредно для здоровья.

— Ну да? — Антоновский опять гоготнул. — А ты что, собрался жить вечно, а, Брайан?

Телевизионный очкарик выдохнул, с вожделением глядя на безразмерные бюсты, и гаркнул:

«За доллар я купил бы это!»

Эмиль зашелся в новом приступе хохота, тыча дымящейся сигаретой в экран.

— Вот здорово, а! Просто класс! «Я купил бы это за доллар»! — Он даже закашлялся.

И в этот момент чей-то голос прозвучал за его спиной:

— Замрите, ребята. И руки на голову.

Эмиль моментально перестал хохотать, словно ему забили кляп в рот.

Мерфи обошел застывших бандитов и оказался к ним лицом.

Брайан резко наклонился, пытаясь дотянуться до дробовика, но пуля, выпущенная из «магнума-45», уложила его на заплеванный пол. Дуло пистолета мгновенно переместилось, и теперь черный зрачок уставился точно в переносицу Антоновскому.

— На твоем месте я бы не пытался повторить этот трюк. — Серьезно предупредил Мерфи оторопевшего бандита. — Живой или мертвый, ты все равно пойдешь со мной, понял?

Эмиль судорожно сглотнул.

— Луис! Луис! — Полицейский включил переговорное устройство. — У меня тут двое! Руки на голову! — Последняя фраза относилась к преступнику. — Ноги на ширину плеч! Луис! У тебя все в порядке, Луис? Луис!

Мерфи не приходилось иметь дело с ТАКИМИ людьми. Те, кто попадался ему в Южном, завидев вооруженного полицейского, тут же поднимали руки и не пытались сопротивляться. За восемь лет он так привык к этому, что сделал то, чего нельзя было делать ни в коем случае. Он расслабился. И тут же услышал за спиной щелканье взводимых курков.

— Оставь его в покое. — Минш Стив — худощавый жилистый китаец спокойно поднял дробовик к плечу.

Рядом с ним, вытянув перед собой длинноствольный «смит-вессон», замер Нэш Леон. Эмиль едко усмехнулся и опустил руки, поднимая свою винтовку.

— Ну, теперь я развлекусь, приятель.

Мерфи надеялся на одно: Луис, услышав его позывные, должна появиться с минуты на минуту.

— Эй, не торопитесь! — В дверном проеме возник человек.

Высокий, с залысинами лоб, волосы тщательно зализаны назад. На носу модные очки с цейсовскими стеклами. Умные, колючие глаза. Его нельзя назвать здоровым, но в движениях ощущается какая-то сила. Ленивая грация хищника.

Длинный плащ сменила кожаная куртка и темные джинсы. На ногах высокие армейские бутсы.

Этого мужчину звали Кларенс Бодигер.

Он подошел вплотную к Мерфи и встал перед ним, разглядывая с таким удивлением, словно полицейский был одним из семи чудес света.

— И что же мы тут имеем?

Леон и Стив быстро ухватили Мерфи за руки, лишая возможности предпринять какие-либо действия.

— Ты, наверное, отличный полицейский, а? — С преувеличенным интересом продолжал главарь. — Крутой? Как это мы сразу не поняли. Конечно же, ты крутой.— Он словно приглашал приятелей разделить его веселье.— Иначе бы ты не заявился сюда. Ты, наверное, очень крутой парень, раз пришел к нам один, или ты не один, а? Где твой партнер?

Кулак врезался Мерфи в солнечное сплетение, и тот согнулся, хватая воздух широко открытым ртом. Упасть ему не дали.

— Что же ты молчишь-то? Это невежливо, дружок. Хоть ты и полицейский. Где твой партнер?

Откуда-то сбоку вынырнул камуфлированный негр.

— Эй, Боди, она там, наверху. Его партнерша была такая сладенькая-сладенькая, как карамель. Я ей показал наши достопримечательности.

Мерфи дернулся, пытаясь вырваться. Его душила злоба.

Кларенс опять обернулся к нему.

— Ты что, завелся, дружок, да? Наверное, думаешь, что мы очень плохие ребята, а?

Полицейский с ненавистью посмотрел ему в глаза.

— Знаешь, приятель, я думаю, что ты полное говно.— Выдохнул он.

В следующий момент приклад дробовика ударил ему в грудь, и Мерфи со стоном полетел на пол.

— Видишь ли, дружок. — Кларенс навис над ним, как живое олицетворение смерти. — Меня постоянно донимает одна маленькая проблемка. Да. — Он перешел на доверительный шепот. — Меня почему-то очень не любят полицейские. — Боди вздохнул с наигранным сожалением. — Поэтому, скажу тебе по секрету, я их тоже очень не люблю.

Компания заржала.

Мерфи понимал: его убьют. Сейчас или двумя мину-

тами позже, не имело значения. У него были свои представления о том, КАК должен умирать полицейский. Настоящий полицейский.

Он презрительно сплюнул и твердо сказал:

— Да иди ты, ублюдок.

Ствол дробовика пополз вдоль тела к голове. Тяжелый башмак придавил руку полицейского к полу. При этом Кларенс издавал звуки, имитирующие писк игрового автомата.

Глазок дула уперся Мерфи в переносицу, дернулся и двинулся дальше, вниз по шее, плечу, перешел на руку и, наконец, достиг ладони.

Писк достиг высшей точки.

БАНГ! — Заряд волчьей дроби разорвал кисть полицейского в кровавые шмотки.

— Аааааааа!..

Мерфи ухватился за раздробленное запястье здоровой рукой и попытался встать.

Боль была настолько сильной, что ему показалось — она вместила в себя страдание, которое доводится испытать человеку за всю жизнь.

Колени его подгибались, перед глазами плыли разноцветные круги, и все-таки он умудрился встать. Кровь хлестала из разорванных вен, образуя на полу дымящиеся горячие лужицы.

Со стороны движения его выглядели жалко, и Кларенс усмехнулся.

— Эй, ребята, дайте кто-нибудь парню руку.

Бандиты довольно захохотали. Им понравился каламбур.

— Ну теперь он весь ваш. — Боди забросил дробовик на плечо и отошел к стене, закуривая сигарету.

— Ты только посмотри на него! — Заржал Кокс. — Эй, друг!

Мерфи обернулся. Сквозь звон в ушах он различал голоса и понял:

ЭТО НАЧАЛ0СЬ.

Он повернулся, потому что не хотел, чтобы ему стреляли в затылок.

— Ну-ка, глянь на нас, красавчик. — Эмиль поднял ружье.

Нэш Леон вздрогнул. На мгновение ему показалось,

что побелевшие глаза полицейского изучают их. Вглядываются, пытаясь запомнить лица убийц. Он нажал на курок первым. Ему стало страшно.

Шквал свинца ударил в полицейского. Пули рвали тело на части, дробили кости. Несколько зарядов отстрелили целую руку у плеча. Брызги крови летели в разные стороны, словно маленькие фонтанчики.

И тогда Мерфи закричал.

Этот крик, заглушаемый грохотом пальбы, достиг ушей Луис. Она пошевелилась. Резкая боль в сломанной ключице пронзила ее. На мгновение девушке показалось, что она потеряет сознание. Горячей волной подступила к горлу тошнота. Ей хотелось лежать и не шевелиться. Лишь бы успокоить эту ноющую боль.

Но она слышала стрельбу. Стрельбу и жуткий, полный ужаса, ярости и невыносимой боли крик. Луис узнала этот голос.

Голос ее напарника. Алекса Мерфи.

И она поднялась. И сделала шаг. И еще один. Слабый, неверный шаг. И побежала.

Ее партнер попал в беду. А Луис была полицейским офицером.

Стрельба затихла. В густом облаке порохового дыма лежало нечто. Это даже нельзя было назвать трупом. Безрукое, безногое нечто. Осталось лишь тело, прикрытое бронежилетом, да каким-то чудом уцелела голова.

В нескольких местах из лица сочилась кровь. Крупные дробины оставили на коже царапины.

И тем не менее полицейский был еще жив. Он дернулся. Голова шевельнулась.

— Здорово! — Восторженно заорал Кокс. — Вот черт!

— У меня даже патроны кончились, правда. — Эмиль смотрел, как дергаются кровавые обрубки рук. Было похоже, что этот парень пытается встать.

— Ну что, больно тебе, приятель? — Кокс наклонился к Мерфи и увидел живые бесцветные глаза. — Больно?

— Ну ладно! — Оборвал Кларенс. — Хватит веселиться.

Он подошел к полицейскому, вернее к тому, что от

него осталось, и, подняв тяжелый пистолет, нажал на курок.

Пуля тридцать восьмого калибра вошла над правой бровью, не задев мозга, прошла сквозь голову и вышла у затылочной кости, раздробив череп.

Полицейский затих.

— Пошли. — Боди повернулся и, грохоча бутсами, направился к выходу.

— Спокойной ночи, ненаглядный ты наш. — Заржал Кокс, и компания потянулась следом за главарем.

Луис стукнулась о сетку, отделяющую машинное помещение от зала, где произошла трагедия. То, что открылось ее взгляду, было ужасно. За время службы она навидалась трупов, но такого... Пальцы ее вцепились в решетку, словно могли сломать металлические секции, и, не сдерживая рвущийся наружу крик, она простонала:

— Мерфиииииииииии...

* * *

Полицейский вертолет опустился на крышу медицинского центра. Санитары, толкая перед собой тележку, бросились к открывающемуся люку, не обращая внимания на сбивающий с ног ветер. Они подхватили то, что недавно было молодым сильным телом, и осторожно переложили ЭТО на тележку.

Как это ни странно, но полицейский все еще был жив, хотя и без сознания.

Пустые глаза смотрели в небо. А где-то в подсознании откладывались образы и голоса.

— Осторожнее, ребята...

НУ ЧТО, БОЛЬНО ТЕБЕ, ПРИЯТЕЛЬ?

— Осторожнее. Так, все в порядке. Пульс.

— Слабый, неровный...

— Быстро, подготовьте его к операции. Давайте живее.

БОЛЬНО ТЕБЕ?

— Дыхание пропадает!

— Маску! Кислородную маску, быстро! ! !

СВЕТ. ЯРКИЙ СВЕТ. ВЫКЛЮЧИТЕ ЕГО. МНЕ БОЛЬНО.

БОЛЬНОБОЛЬНОБОЛЬНОБОЛЬНО...

Его стаскивают с каталки и кладут на что-то очень твердое и холодное.

— Как давление?

— Падает!

— Понятно. Группа крови есть? Быстро переливание!

НУ ЛАДНО. ХВАТИТ ВЕСЕЛИТЬСЯ!

— Давление упало. Пульс не прощупывается.

— Подсоединяйте!

— Дыхания нет.

— Другие признаки жизни?

ДЕННИ. ПАПА, ПОКАЖИ, КАК ВЫ ЭТО ДЕЛАЕТЕ?

— Быстрее, быстрее!

ЛИНДА. Я ДОЛЖЕН ТЕБЕ СКАЗАТЬ КОЕ-ЧТО...

— Как давление?

— Падает.

— Так. Электрошок давайте.

ШЛАААССС. БОЛЬНО. БЕЛЫЕ ИСКРЫ. ГОЛУБОЙ СВЕТ. БОЛЬНО.

БОЛЬНО. БОЛЬНО.

— Еще раз.

ШЛАААААААССССССССС...

— Готово.

— Пульс!

— Нет.

— Прямой укол, быстро.

— Готово. Все в порядке, игла вошла.

ХВАТИТ ВЕСЕЛИТЬСЯ! ХВАТИТ ВЕСЕЛИТЬСЯ. ХВАТИТ, ХВАТИТ,

ХВАТИТ, ХВАТИТ...

— Пульс!

— Нет.

— Шок еще раз.

ШЛАССССССССССС...

БОЛЬНО. БОЛЬНО. БОЛЬНО. БОЛЬНО.

— Готово.

— Пульс!

— Нет.

БАНГ. БАНГ!

— Все. Похоже, больше мы ничего не сможем сделать.

БАНГ! БАНГ! ! ! !

— Он мертв.

* * *

ИМЯ	Мерфи, Алекс Джей.
ПРОФЕССИЯ	Полицейский.
ДАТА	24 июля 1998 г.
ВРЕМЯ ПОСТУПЛЕНИЯ	15.32.
ВРЕМЯ СМЕРТИ	16.04.

ПРИЧИНА СМЕРТИ Многочисленные пулевые ранения; кровоизлияния; критическая потеря крови.

* * *

Детройт. Технический центр корпорации «Оу-Си-Пи». 16 октября 1998 г. 18.15.

Клик. Экран пошел желто-зеленой рябью. Кто-то подрегулировал изображение, выводя его на экран дисплея.

— Это что, неполадки?

— Нет. Надо здесь подтянуть немножко.

Клик. Темнота.

Что происходит? Кто он? Где он?

Клик. Изображение выплывает из темноты, расцветая многообразием красок.

— О, черт!

Кто это?

Двое мужчин в белых до голубизны халатах. Один с отверткой.

Второй наклоняется к его монитору —

— ? Глазам ? —

и говорит:

— Дай-ка я посмотрю. Так. ЭЛ-ЭЙ-ДИ. Ага. Хорошо.

Клик. Опять темнота. Единственное время, когда он может думать. **Кто он? Что с ним?**

Клик.

— Эй! Он уже включен.

— Ну что!

Те же двое в белых халатах. Но теперь с ними еще один. Молодой, среднего роста. Смотрит —

— ? НА НЕГО ? —

и улыбается.

— Мы левую руку ему оставили.

— Стоп, стоп, стоп. — Молодой недоуменно оборачивается к тем, в белых халатах. — Что значит оставили? Мы же договорились — все будет заменено !.. О, Господи... Он что... слышит, что я говорю?

— Это не важно. Мы все равно потом сотрем это из его памяти. А как насчет разрешения?

— Эй, ребята... Этот парень вообще-то мертв. Так что с полицией —

— ПОЛИЦИЯ. ПОЛИЦИЯ. ОН УЖЕ СЛЫШАЛ ЭТО СЛОВО. СЛЫШАЛ ПОЛИЦИЯ —

проблем не будет. Мы можем делать все, что нужно.

— О'кей, Боб. Ее что, совсем убрать?

— Конечно. Ничего лишнего. Я на вас надеюсь, ребята.

— Ладно. Готовьте его к операции.

КЛИК. **Кто он? Ктоктоктоктокто КТО?**

КЛИК. Те же люди. Опять те же люди.

— Все его покрытие будет такого плана?

— Угу.

Он видит стоящую на специальной подставке металлическую конструкцию. Больше всего она похожа на скелет. Остов руки. Только эта рука сделана не из плоти.

— Это титаниум. С кибларом. — Парень в халате кивает на нее улыбчивому. — Ну-ка, попробуй, Боб. Поздоровайся с ним.

Тот нерешительно протягивает ладонь и — стальное рукопожатие — морщится...

— Ох, черт. Ну и хватка у него.

Двое в халатах смеются.

— Да уж, я думаю. — Говорит один из них.

— Он может тебе кости переломать запросто. — Добавляет второй, и они снова смеются.

— Ладно. Можно ее убрать. — Боб улыбается вместе с ними. — Мне это нравится.

Он наклоняется к экрану и шепчет.

— Ты будешь самым крутым парнем в этом городе, приятель.

КЛИК.

Крутой? Город? Какой город? Что значит город? В этом... КТО ОН? КТО ОН?

Клик. То же место. Только теперь оно почему-то все засыпано странными маленькими кружочками. Цветные вьющиеся бумажные ленты тянутся от него к каким-то ящикам.

ПРИБОРАМ?

Толпа людей. Троих он уже знает. Двое, те, что были в белых халатах. — Теперь они в аккуратных костюмах. И улыбчивый.

? БОБ ?

Остальные ему незнакомы. Один из людей в красной шубе и таком же колпаке. На лице белая — ? борода ? Этот человек тычет в НЕГО пальцем и весело кричит:

— Эй! Посмотрите-ка! Этот парень проснулся! Он смотрит на нас !

Все оживляются.

— Привет! Привет!

Из толпы выходит симпатичная высокая девушка. Она подходит к НЕМУ и целует прямо в экран. От ее губ на стекле остается яркий красный след.

— Это тебе! -- Улыбается она. — Поздравляю с Новым годом!

КЛИК. КТО ОН?

* * *

24 апреля 1999 года. 18.34.

Лаборант включил прибор, сдвинув рукоятки в крайнее положение. Полная мощность. Через полчаса этот парень забудет все, что знал и слышал когда-либо в жизни. Зато — в качестве компенсации — он заработает новые знания. Это будут отличные абсолютные знания для его работы.

Он смотрел, как на миниатюрном экране компьютера возникал рисунок человеческого мозга. Часть его начала мерцать красным. Все. Эта область отключена. Следующая.

Да, не очень-то повезло этому парню. Хотя, что касается его лично, он и сам не знает, на что пошел бы. Валяться в гробу или жить. Пусть даже и в таком виде.

— Эй, Смол. — Боб Мортон появился в лаборатории без стука. Как всегда.

Лаборант не очень любил, когда его тревожили во время ответственной работы, а уж тем более, когда заходили вот так, не постучавшись. Но... это был его начальник, а с начальством, как известно, лучше не спорить. Изобразив приветливую улыбку, он обернулся.

— Да, Боб? Что у тебя?

— Слушай-ка. Возникла серьезная проблема с блоком контроля, ты бы пошел посмотрел.

— Хорошо, Боб.

Когда за Мортоном закрылась дверь, Смол чертыхнулся. Если его отрывали от дела, он всегда злился.

Стягивая халат, он случайно зацепил несколько регуляторов, сдвинув их почти до начала шкалы и, соответственно, сбросив уровень мощности почти до минимума.

Ничего страшного в этом не было. Просто в мозгу, из которого стирали воспоминания, осталась полоса. И эта полоса осталась нетронутой. Почти нетронутой.

* * *

3 июня 1999 года. 15.50.

Клик. Серая мутная пелена мешала видеть, но зато он отчетливо слышал все, что происходило в помещении. В слуховые рецепторы вплыл торжествующий голос:

— Это самая совершенная технология! К тому же, как полицейский, он обладает совершенно фантастическими навыками!

Говорящий протянул руку и сорвал с него серую пелену, которая оказалась... обычной полиэтиленовой пленкой.

— Я с удовольствием представляю вам...

Робота-ПОЛИЦЕЙСКОГО!

Людей было много. Гораздо больше, чем тогда, в Новый год. Казалось, все помещение заполнено ими. Они аплодировали и улыбались.

Боб наклонился к самому его плечу и тихо сказал:

— Давай, дружище, выходи. Ты слышишь, это тебе аплодируют.

И тогда он встал. Выпрямился, глядя на людей сверху вниз.

Его компьютер моментально вычислил рост: 2 метра 08 сантиметров.

Огромный и сильный. символ порядка и спокойствия. Невозмутимый и непобедимый, перед людьми стоял

РОБОКОП.

* * *

Детройт. Западный полицейский участок. 18.42.

В дежурной части стоял обычный гвалт. Кто-то с кем-то ругался. Задержанные на повышенных — иначе кто бы их расслышал — тонах пытались доказать что-то полицейским, другие звонили по телефону и тоже кричали, стараясь прорваться через завесу шума к собеседнику; кто-то курил, пытаясь рассказать что-то напарнику, и — как же иначе — тоже орал.

Одним словом, орали все. А те, кто не хотел орать, орали все равно.

Но в общем хоре четко выделялся зычный голос негра-сержанта.

— Нет! Я все равно буду нарушать закон, если мне понадобится засадить в кутузку такого говнюка, как ваш дружок! И поэтому заткнитесь! — Он повернулся к стоящему рядом патрульному. — Выкиньте этого придурка! Лучше через запасный выход!

Тот бы выполнил указание с радостью, но так и остался стоять с открытым ртом.

В зале повисла оглушительная тишина. За матовой стеклянной перегородкой, отделяющей запасный выход от основного помещения, возник человек. Если, конечно, это можно было назвать человеком. Огромного роста, с широкими мощными плечами, он шел по коридору, и каждый его шаг сопровождался гулким ударом. Казалось, что на ногах у него тяжелые металлические пластины. Тело человека тоже отливало сталью, словно было заковано в бронированный панцирь. Шел он как-то странно. Нет, собственно, шел-то он обычно. Только вот движения у него получались какими-то механическими.

В наступившей тишине сержант грозно выдохнул:

— Эй, что здесь происходит, хотел бы я знать. — Он выбрался из-за конторки и направился в коридор, явно намереваясь выпроводить непрошенных гостей.

Толпа полицейских устремилась за ним. Всем было очень интересно узнать, кто же это к ним пожаловал.

Негр шагнул в дверной проем как раз в тот момент, когда ОН проходил мимо. По дежурному залу прокатился легкий вздох.

Это не было человеком. Скорее, его можно было бы считать роботом. Вот только в нижней части головы, под стальным забралом, виднелось живое человеческое лицо — губы и подбородок. Все остальное — металл. Глаза заменяла узкая темная стеклянная пластина.

Не обращая ни малейшего внимания на столпившихся в немом изумлении людей, Робокоп свернул за угол.

— Кто этот парень?! — Возмущенно закричал сержант, выходя из себя.

Молодой человек в дорогом сером костюме подошел к нему и жестко произнес:

— Спокойно, сержант. Это дело «Оу-Си-Пи».

— Да пошло оно к такой-то матери, это «Оу-Си-Пи». Я имею право знать, что происходит у меня в участке!

Но человека в сером костюме мало волновало, что думает об «Оу-Си-Пи» какой-то сержант. Он развернулся и заторопился вдогонку за своим подопечным. Следом за ним прошли еще несколько человек, толкая перед собой тележки, груженные зачехленными приборами, что привело сержанта в состояние безмолвного бешенства.

Если бы он мог... Если бы эти говнюки из «Оу-Си-Пи» не сидели так высоко, он бы выкинул их из своего участка пинками, вместе с этим... железным чурбаном.

Как только процессия миновала коридор, полицейские ожили.

— Это что еще за дерьмо такое? — Изумленно выдавил кто-то из них, глядя туда, где минуту назад прошел Робокоп.

В глубине участка располагалась комната, служившая

ранее камерой для временно задержанных правонарушителей. Обычно сюда запирали разную шантропу. Бродяг, проституток, мелких воришек, пойманных в момент совершения преступления, и тому подобную публику. Помещение было достаточно объемным для того, чтобы вместить одновременно до тридцати человек. Правда, при этом им пришлось бы потесниться, но кто сказал, что полицейская кутузка и отдых на Гавайях — это одно и то же.

Как раз в этом-то помещении и решено было разместить Робокопа на период проведения «полевых испытаний».

Отведенный для него угол был забран прочной сеткой, остальное место занимали стойки с приборами, компьютеры, электроэнцфеалографы, снимающие показатели деятельности мозга, и ряд мониторов, показывающих Робокопа с различных ракурсов. Лаборатория так же была отгорожена от остального помещения толстой стальной решеткой.

Все это оборудование служило одной цели — выявить отклонения в работе сверхполицейского. Если таковые, конечно, будут иметь место.

При нем находились три лаборанта, круглосуточно снимающие показания приборов.

Эти показания немедленно расшифровывались и отправлялись в научный центр корпорации «Оу-Си-Пи». Там они суммировались, изучались и подшивались в специальную папку Боба Мортона, а тот, в свою очередь, передавал их Президенту компании Тому Маккою в виде ежедневных докладов.

Так должно было обстоять дело.

Робокоп вошел в отведенное для него помещение и осмотрелся. Специальное кресло, нашпигованное датчиками, как рождественская индейка яблоками, вот, собственно, и вся обстановка. В этом кресле, которое все сотрудники именовали не иначе, как «электрический стул», ему придется проводить от двух до шестнадцати— все зависит от того, как пойдут испытания — часов в сутки.

Следом за ним в клетку вошли трое: Боб Мортон, Бен

Саймон и целовавшая его в Новый год девушка — Табиса Прайор.

— Тебе придется сесть в кресло. — С места в карьер заявил Боб, оглядывая свое творение.

— Да. Я понял. — У Робокопа был низкий вибрирующий голос. Даже не прислушиваясь, любой бы различил, что он не принадлежит человеку. При этом робот мог менять его мощность по своему усмотрению, в зависимости от ситуации.

Это было не единственное ухищрение, заложенное в Робокопа его создателями.

Как ни старались техники добиться естественного человеческого тембра у Робокопа,им это не удалось. Как и плавных движений. Но механизм есть механизм. И хотя Боб немного расстроился, ему пришлось смириться с этими неудачами.

В остальном же суперполицейский был совершенством. Как полицейский, разумеется.

Сейчас он спокойно повернулся и сел в свое кресло. Ни одного лишнего движения.

Работа закипела. Сегодня первый день настоящего городского патрулирования. И люди хотели еще раз убедиться, что их творение в полном порядке. Неудачи, подобные сбою с ЭДом-209, не забываются. Но Робокоп отличался от ЭДа хотя бы тем, что у него был мозг.

НАСТОЯЩИЙ ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МОЗГ.

— Что у нас с наведением? — Боб взял в руки шикарную —

«Считать:	авторучка перьевая.
модель:	паркер.
заправлена:	чернила.
расход:	1,1017 мл.
цвет заправки:	черный.
Идентификация произведена.	
Наведение на цель:	произведено.
Контроль удержания:	включен.»

Если бы кто-нибудь мог видеть так, как Робокоп, его бы это впечатлило.

Ручку охватило плотное зеленое кольцо. Несколько секунд оно мигало, а затем приняло постоянную форму. Куда бы ни двинулась цель, кольцо следовало за ней.

— Отлично. — Приборы мгновенно реагировали на произведенные Робокопом действия.

К Бобу подошел Волф, устанавливавший до этого в углу какой-то агрегат, очень напоминающий аппарат для развешивания мороженого. Вытащив из кармана плоскую коробочку с миниатюрным экраном, он протянул ее шефу.

— По этой штуке мы всегда сможем определить его местонахождение. А это аппарат для переработки питательной смеси. — Волф подставил под раструб стаканчик и нажал клавишу. Стакан заполнила густая темная масса. — Он пока еще не полностью избавлен от необходимости приема пищи, поэтому мы приготовили питание.

Волф сунул стаканчик стоящему рядом Саймону. Тот задумчиво зацепил чуть-чуть массы на палец и слизнул языком.

— Ууу. Слушай, вкусно. Похоже на детское пюре.

— Ну и оставь себе. — Вздохнул Боб. Ему не терпелось заняться более серьезными вещами. Это было, как любовь родителей к своему чаду. — Ладно. Начнем. Табиса, давай проверим анализатор звуков. Давай одновременно. Раз, два, три...

По монитору Робокопа побежали остроконечные волны, определяя высоту, регистры, оттенки звуков. Через секунду высветилась надпись:

«Сбор материала закончен. Анализ. Идентификация произведена».

Две колонки. В одной диаграмма голоса Табисы Прайор, в другой — Боба Мортона.

— Отлично. Просто отлично. Теперь режим записи.

«Режим записи включен».

— Ну-ка, приятель, а удержание цели сейчас?

«Режим записи. Контроль удержания цели включен».

— Прекрасно. Теперь воспроизведение?

«Режим воспроизведения: включен».

«-Ну-ка, приятель, а удержание цели сейчас?»

Контроль удержания цели.

Слежение работает.»

— Основные принципы твоей работы?

Директива №1. Не допустить совершения насилия.

Директива №2. В случае если преступление в стадии совершения, предотвратить насилие любой ценой.

Директива №3 Утверждать правопорядок.

— Хорошо. Очень хорошо.

ДИРЕКТИВА N4. ЗАСЕКРЕЧЕНА.

Мортон схватил Табису и чмокнул ее в щеку.

— Отлично. Я прямо влюблен в этого парня.

* * *

Стрелковый тир Западного полицейского участка. 3 июня 1999 г. 19.33.

Луис надела на голову наушники. Она не любила тир. Не любила стрелять в этом бетонном склепе. Здесь стоял такой грохот, что у нее сразу начинала болеть голова. Особенно когда так много народу — все ячейки заняты.

Луис вытащила свой «кольт-питон» и проверила, полон ли барабан. Так лучше побыстрей отстреляться и смотаться из этого бункера. Знакомый врач как-то сказал ей, что от подобных упражнений случаются кровоизлияния. И здорово снижается уровень слуха. Хорошенькое дело — остаться глухой. Это в ее-то годы.

Так. Прицелимся. Инструктор нажимает кнопку напротив ее номера. Мишень, выполненная в виде человеческой фигуры, плавно трогается с места и катится в ее сторону. За четырнадцать секунд Луис нужно выпустить в картонного болвана двенадцать пуль. Это еще не считая перезарядки.

При этом хорошо бы еще попасть в белые круги на мишени. Один на груди, второй на голове. Да еще и набрать не менее девяноста семи баллов.

Ну-ка, задержим дыхание. И плавно нажмем на курок.

БАНГ! БАНГБАНГБААГБАНГБАНГ!

Так. Рычаг вниз. Барабан в сторону. Шомпол. Кассету с патронами. Отлично. Щелчок — барабан встал на место. Хорошо.

БАНГБАНГБАНГБАНГБАНГБАНГБАНГ!

Последняя пуля пробила мишень уже в двух метрах от Луис.

Взгляд на электронное табло. 108.

Неплохо. Хотя в прошлый раз было лучше.

Стянув с головы наушники, она обернулась к сидящему за столом инструктору. Тот кивнул, подтверждая, что стрельбы зачтены. Результат удовлетворительный.

Луис усмехнулась. Удовлетворительно — еще не хорошо. Но инструктору плевать. Не он же полезет под пули.

Странная дробь выстрелов раздалась совсем рядом, перекрывая хлопки револьверов.

«Магнумы», «питоны», «специальные полицейские» — все поблекло перед этой пушкой.

Луис осторожно высунулась из-за перегородки. И не одна она. Все больше и больше полицейских прекращали стрельбу и, вытянув шеи, пытались рассмотреть, кто же это палит в их тире.

Она увидела торчащую в одной из ячеек металлическую руку, сжимающую пистолет-пулемет 48-го калибра.

Рука находилась где-то на уровне пояса, и от этого создавалось впечатление, что стреляющий абсолютно не целится в мишень, а лупит так, на вскидку.

— Эй! — Сосед Луис, рыжий здоровяк, внимательно наблюдал за мишенью. — Сдается мне, это тот самый суперполицейский!

— Что у него за пушка такая, мать его? — Спросил кто-то, стараясь перекричать шум. Ответом ему послужила новая порция выстрелов.

Полицейские выбирались из своих сот и направлялись к ячейке, в которой застыл Робокоп.

Вскоре за его спиной собралась целая толпа. Даже из дежурки пришли свободные люди, услышав, что в тире электронный новичок показывает чудеса стрельбы.

Сверкающий хромом пистолет-пулемет вибрировал в руке Робокопа, извергая потоки свинца, перемешанные с огнем.

ГРРРРРРРРВРРАНГ! — Центр мишени вылетел. Осталась лишь дыра величиной с кулак.

Вот черт, а? Да у этого парня потрясающая кучность!

ГРРРРРРРГРРАНГ! — На месте белого пятна в голове мишени появилось еще одно отверстие.

ГРРРРРРРРРРАНГ! — Отвалилась правая рука.

ГРРРРРРРРРРАНГ! — Левая.

За ней последовала шея. К моменту остановки от мишени остался лишь измочаленный контур головы. На табло загорелась красная лампа. Результат 100%.

— Да он просто великолепен. — Восторженно прошептал кто-то из задних рядов.

Боб, стоящий тут же, довольно усмехнулся.

— Но он — не полицейский! — Возразил кто-то. — Он — робот!

— Им что, собираются заменить нас, да?

Это было плохо. Подобные разговоры мгновенно перерастают в скандалы, и Боб решил, что им лучше уйти.

— Вперед, парень. — Скомандовал он Робокопу.

Тот повернулся. На правом бедре разошлись две титановые пластины и из образовавшейся ниши появилась стальная оружейная стойка. Рука робота двинулась к ней, но в этот момент —

СИЛЬНЫЙ СИГНАЛ ПРИШЕЛ ИЗ МОЗГА, ОТДАВАЯ КОМАНДУ. ОН НЕ БЫЛ ЗАЛОЖЕН В ПРОГРАММЕ. А ВЫНЫРНУЛ ОТКУДА-ТО ИЗ ПОДСОЗНАНИЯ. И ПОСКОЛЬКУ КОМАНД, ЗАПРЕЩАЮЩИХ ЭТО ДЕЙСТВИЕ, КОМПЬЮТЕР НЕ ДАВАЛ, МЕХАНИЗМ ПОСЛУШНО ВЫПОЛНИЛ ВОЗЛОЖЕННУЮ НА НЕГО ЗАДАЧУ.

Пистолет дрогнул и закрутился на титановом пальце. Три оборота вперед, один назад, рукоять легла в крепкую ладонь, и пистолет скользнул в стальную стойку.

Луис замерла.

ОНА ВИДЕЛА ЭТО ДВИЖЕНИЕ РАНЬШЕ. ТАК ДЕЛАЛ МЕРФИ. ДО ТОГО, КАК...

— Мой сын любит этот сериал про Ти.Джи.Лазера...

— Пошли.

Робокоп загрохотал тяжелыми ступнями по бетону бункера. Он не помнил Мерфи, и движение это получилось у него чисто автоматически.

Боб появился у конторки сержанта вовремя. Тот как раз успел успокоиться.

— Эй, этому парню нужна машина.

— Да? А почетный эскорт ему не выделить? — Буркнул сержант.

— Я сказал. ему нужна машина.

Негр поднял глаза на Мортона.

Он бы мог переломать все кости этому сосунку за десять секунд, но что толку? Эти говнюки из «Оу-Си-Пи» вечно норовят сесть на голову, да еще и делают вид, будто оказали тебе большую услугу. Теперь этот задохлик тут распоряжается, словно в своей дерьмовой корпорации. Хотя, если вдуматься, получается, что Робокоп — вроде как один из них. Тоже будет пахать на улице и, как и они все, разгребать дерьмо, которое плодит большой город... Значит, он — как бы один из его людей теперь.

Сержант вздохнул и, вытащив из стола ключи, бросил их Бобу.

Небрежно протянув руку, Робокоп перехватил их в воздухе и спокойно произнес:

— Спасибо, сэр.

— Пожалуйста. В любое время.

Суперполицейский кивнул, подтверждая, что принял слова сержанта к сведению и направился к выходу.

— Да. Иди и возьми их, парень. — Торжественно прошептал Боб в широкую титановую спину.

В дежурном отделении стояла полная тишина. В истории участка это был первый случай, когда тишина сохранялась больше двух минут подряд.

И в этой тишине Боб Мортон весело обернулся к полицейским.

— Ну что, ребята, похоже, у преступности Детройта появилась серьезная проблема.

Черный патрульный «порш» легко плыл по улицам ночного города. Он был похож на огромную акулу, лениво скользящую в темной воде. Сонная и вялая, она мгновенно преображается, как только почувствует запах добычи. Только в роботе не было зла. Наоборот, Робокоп создан для того, чтобы предотвращать его.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ДОЛЖЕН СЛУЖИТЬ И ЗАЩИЩАТЬ, СЛУЖИТЬ И ЗАЩИЩАТЬ!

Это всплыло из его подсознания совершенно неожиданно. Откуда взялась эта мысль? Ее не было в программе! Значит, она существовала помимо нее. В глубине его мозга. Что еще прячет он? Воспоминания? Робокоп ничего не знал о ВОСПОМИНАНИЯХ. Ему нечего было

вспоминать. Он — не человек. Он — Робокоп. Машина, созданная для предотвращения преступлений.

И тем не менее иногда его мозг порождал странные образы.

ГОЛУБОЙ СВЕТ. ЯРКИЙ ГОЛУБОЙ СВЕТ И ЧЕЙ-ТО ГОЛОС:

— ЭЛЕКТРОШОК, БЫСТРО.

Он не знает этого слова, оно не нужно ему. Но этот свет несет в себе нечто, находящееся за порогом его сознания. В темноте. Иногда кажется, что достаточно понять, что оно означает, и он узнает... Что? Неизвестно. Это тоже там, в темноте.

БЛАМС! ЖЕЛТО-КРАСНОЕ ПЛАМЯ! ВСПЛЕСК ПЛАМЕНИ, А СЛЕДОМ ЗА НИМ ВОЛНА БОЛИ, НАД ПРАВЫМ ЩИТКОМ — ? БРОВЬЮ ? НАД ПРАВОЙ БРОВЬЮ! НО ПЕРЕД ЭТИМ ПЛАМЯ И ГРОМ. КАКОЙ-ТО СИЛЬНЫЙ ШУМ. ЧТО ЭТО?

Оно там же, где голубой свет и «электрошок».

Надпись на его мониторе вспыхивает неожиданно.

«Преступление в стадии совершения, 3-я стрит, угол Нэш-авеню. Вооруженное ограбление.»

Акула просыпается. Тело ее наливается силой и энергией. Черная торпеда устремляется к цели по кратчайшему пути.

«Директива N2. В случае, если преступление в стадии совершения, предотвратить насилие любой ценой.»

* * *

Магазин «Зайди — выбери — купи» 20.24.

Сидя перед портативным телевизором, Сэм Хопкинс, владелец магазина, с интересом смотрел телешоу. Он любил это шоу. Пышногрудые девицы с джентльменом в очках.

Сэм не был ловеласом. Он давно перестал клеиться к молоденьким девушкам, но нет-нет да и засматривался на стройные — теперь ведь опять в моде мини — ножки какой-нибудь козочки, забредшей в магазин. Его жена Сара спокойно относилась к этой слабости. Как женщина рассудительная, она прекрасно понимала: вреда от этого не будет. Дальше мимолетных взглядов Сэму не зайти.

Как-никак ему стукнуло 62. Почтенный возраст. Он, конечно, далек от того состояния, о котором говорят «старая развалина», но молоденькие девушки ему уже не по зубам.

Сэм с удовольствием открыл баночку пива и сделал несколько глотков. Хороший день. Можно даже сказать, отличный.

Народ в последнее время просто валом валил, а соответственно увеличивалась и выручка, лежащая в кассе к вечеру. Это было приятно, и Сэм позволил себе пару баночек пива. Благо, что в магазине народу — никого.

Только он успел это подумать, как звякнул дверной колокольчик, и в магазин ввалился здоровенный байкер.

Сэм даже вздохнул. Ему очень не хотелось отрываться от экрана, а поскольку парень явно не собирался делать больших покупок, Сэм так и остался сидеть.

Саре покупатель тоже не понравился. Мало того, что он был какой-то нервный, судя по всему, не мылся не меньше двух месяцев, и от него несло как от козла.

На парне был надет грязный длинный плащ, а под ним, такая же грязная, майка на голое тело.

Байкер побродил вдоль витрин, все время нервно косясь на хозяев, а затем взял пакетик чипсов и шагнул к прилавку.

Сара постаралась изобразить приветливую улыбку.

— Что-нибудь еще, сэр?

С большим трудом ей удалось произнести «сэр». И с еще большим не поморщиться от запаха помойки, который исходил от парня.

Байкер кивнул, и сделав шаг назад, извлек из-под плаща короткий автомат.

— Деньги собери и положи в бумажный пакет, живо!

Сэм еще не видел автомата и поэтому грозно произнес, оборачиваясь:

— Что?

Ствол мгновенно ткнулся ему в грудь.

— Я говорю, бабки давай сюда и не борзей! Быстро!

Сара открыла кассу и переложила наличные в пакет.

— Теперь открывай сейф, живо!

— У нас нет сейфа. — Попробовал возразить Сэм.

— Да? — Нога обутая в тяжелый ботинок, врезалась

в пирамиду пивных банок у самой стойки. Сверкая яркими боками, жестянки разлетелись в разные стороны.

Сара в это время жала на кнопку экстренного вызова полиции.

Под жестянками оказался маленький аккуратный стальной ящик

— А это что? Это что, мать твою?!

— Это... это...

— Сейф! Это ваш чертов сейф! ! ! Давай, открывай его, мать твою! Иначе я перестреляю всех, понял? Давай, живо!

Сэм понял: парень на взводе. Того и гляди нажмет на курок. Лучше отдать ему деньги. Жалко, конечно, но жизнь дороже,

Пытаясь успокоить байкера, он быстро заговорил:

— Ну-ну-ну... Не заводись, парень. Я уже открываю. Вот он, ключ. Вот он... Видишь, уже открываю.

— Давай, давай. А то я тебе сейчас мозги вышибу. И твоей суке! Понял? Открывай!

— Хорошо, хорошо. Вот я вставляю ключ, вот...

— Быстрее давай! Считаю до трех: Не успеешь — ты труп. Понял? Давай! Раз... два... т...

На счет «три» колокольчик на двери тихо звякнул и чей-то механический голос произнес:

— Бросьте оружие! Вы арестованы!

Байкер обернулся и... застыл.

У самых дверей стояла высокая человеческая фигура. Свет ярких люминесцентных ламп отражался в начищенных доспехах.

— Да пошел ты! — Заорал парень. Он был не робкого десятка и очень гордился этим. — Ты кто такой, мать твою?!!

Робокоп не стал отвечать. Это не входило в его задачу. Он просто пошел вперед, и в ту же секунду автомат парня взорвался свинцовым дождем. Пули плющились о титановые пластины, раздирали пакеты с едой, дырявили жестянки с пивом, отчего на полу образовался пенистый коричневый ручеек.

Со звоном осыпалась витрина. Фейерверк кукурузных хлопьев возник в воздухе. Чипсы хрустели под тяжелыми ногами Робокопа, перемешиваясь со сладкой карамельной мукой.

«Вооружение: автомат «стен-ган».
калибр: 8 миллиметров.
Боезапас: тридцать патронов.
Директива №2.»

Робот, подойдя к байкеру вплотную, спокойно протянул руку и схватил автомат. Моментальным легким движением суперполицейский согнул ствол под прямым углом.

Налетчик еще хватал ртом воздух, а цепкие мощные пальцы вцепились в него и легко, словно пушинку, швырнули в холодильный шкаф. Парень пробил головой дверцу и обмяк. Только часть торса, бедра и ноги торчали из холодильника, напоминая о произошедшем.

Сара и Сэм выглядели ничуть не лучше, чем байкер минуту назад. Вытянувшиеся лица, изумленно распахнутые рты, округлившиеся глаза.

Робокоп повернулся к ним лицом и невозмутимо пробасил:

— Благодарю за ваше сотрудничество с корпорацией «Оу-Си-Пи». Спокойной ночи.

Тяжело ступая по усыпанному продуктами полу, робот вышел на улицу: Где-то рядом истошно надрывались сирены патрульных машин. Полицейские торопились к месту происшествия.

И снова ночная река городских улиц. Ожидание своей минуты.

Этот человек с автоматом напомнил ему что-то. Туманное и расплывчатое. Оно находится за серой пеленой, Для того чтобы сорвать ее, необходимо одно усилие. Вспомнить что-то! Знакомое, нужное, важное.

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПОМНИТЬ. ТЕБЕ НЕЧЕГО ВСПОМИНАТЬ. ТЫ — НЕ ЧЕЛОВЕК.

БАНГ! ЭТО ГРОХОТ. ШУМ. И ЯРКИЙ ЖЕЛТО-КРАСНЫЙ ВСПЛЕСК ПЛАМЕНИ. И БОЛЬ В ГОЛОВЕ. ВСПОМНИ.

КТО ТЫ?

КЕМ ТЫ БЫЛ ДО...

ДО ЧЕГО?..

ТЫ БЫЛ...

КЕМ?..

БАНГ!

ЧТО ЭТО?

ПЛАМЯ. ПЛАМЯ. ПЛАМЯ.

БАНГ!

ЧТО ЭТО ЗА ЗВУК? Я ЗНАЮ ЕГО! И ПЛАМЯ! ПЛАМЯ ПЛАМЯ ПЛАМЯ И БОЛЬ.

ВЫСТРЕЛ! ПОСЛЕ КОТОРОГО ПУЛЯ ВОШЛА В ТВОЮ ГОЛОВУ!

К Т О Т Ы ?

32-я стрит. 21.17. Синди Ньюпорт. 24 года. Стенографистка.

Над ее головой хлопал полотнищем огромный транспарант. Рядом с эмблемой «Оу-Си-Пи» яркие буквы: «Дельта-Сити. Будущее имеет серебряные очертания». За спиной прогудели вагоны надземки, торопясь по выгнувшему спину бетонному метромосту.

Она спешила с работы. Вот уже два часа, как ей нужно быть дома. Том, наверное, с ума сошел от беспокойства. У нее ведь сегодня день рождения. Все подруги. Осталась выпить кофейку — ничего себе. Господи, еще три квартала. Как назло, ни одного такси. Том сколько раз говорил ей: «Ни в коем случае не ходи домой одна. Бери такси». Да. Он прав. За последние три года Детройт скатился дальше некуда. Какого черта. На улицу выходить опасно. Того и гляди, пристрелят или ограбят. Наверное, нужно купить что-нибудь из этих патентованных штук для самозащиты. Этот... как его... электронный хлыст. Одна из подруг рассказывала, как на нее напали в подъезде собственного дома, а у нее как раз при себе был этот хлыст.

Рррраз. — Бах! и готово.

Хотя она и порядочное трепло, похоже, электронный хлыст — штука надежная!

Она еще успела расслышать шаги за спиной. В ту же секунду чьи-то потные руки зажали ей рот и обхватили за талию. Слащавый голос жарко прошипел ей в самое ухо:

— Сейчас мы с тобой развлечемся, красотка!

Не помня себя от страха, Синди рванулась из этих жутких объятий. Невероятно, но ей удалось вырваться. Она побежала вперед, туда, где освещенные улицы могли

дать защиту, но... высокая мужская фигура выросла у нее на дороге.

— Ты куда торопишься, цыпа? Задержись, мы такие классные ребята!

— Оставьте меня! Оставьте! Помогитеееееееее...

Кто-то из жителей соседних домов снял трубку и набрал номер:

— Алло! Полиция?

«Преступление в стадии совершения.

32-я стрит.

Попытка изнасилования. Вероятность убийства — 72%.

Директива N2.»

«Порш» резко увеличил скорость, ныряя в темный переулок за два квартала от метромоста.

В руках одного из парней появился нож с широким зазубренным лезвием.

— Слишком много у тебя волос, детка! Дай-ка я себе клочок на память отрежу.

Синди не могла пошевелиться. Второй цепко держал ее, зажимая рот, не давая кричать. Но даже если она и смогла бы вырваться, то не стала бы этого делать из боязни быть убитой.

Первый протянул руку к ее волосам и полоснул ножом по забранной в кулак пряди. Нож был очень острый. Как бритва. Второй отдернул руку от лица Синди и заорал.

— Эй, придурок, ты чуть мне руку не отрезал!

— Да пошел ты... — В глазах парня застыло странное дикое выражение.

И Синди почувствовала, что он сейчас полоснет ее ножом по лицу.

Войдя в раж, они не обратили внимания на шум машины. Парни оглянулись только тогда, когда яркий свет фар выхватил их из темноты.

— Отпустите женщину! Вы арестованы!

Тот, кто произнес эти слова, шагнул в круг света.

Парням он показался фантастически огромным. Просто великаном.

Освещенный белым ореолом, Робокоп, действительно, казался чем-то неземным.

Один из насильников, тот, что держал нож, среагировал первым. Оттолкнув напарника в сторону, он сгреб девушку в охапку, приставив ей к горлу отточенное блестящее лезвие.

— Да? Мы арестованы? Ну, тогда тебе придется силу использовать, дружок! Только шевельнись, и я подколю эту суку, как свинью, понял? Глотку ей перережу!

Робокоп замер всего на...

«Директива N2. ...предотвратить насилие любой ценой.

Вероятность убийства: 93%.

Режим наведения на цель: включен.»

Мгновение. На его бедре сдвинулись две пластины, выпуская стальную стойку, в которой покоился тяжелый «браунинг Эф-Эн 9». Отличный автоматический пистолет 48-го калибра.

Пальцы Робокопа сжали рукоять. Секундой позже ствол уже смотрел в сторону преступников.

«Вероятность попадания в заложника:

голова — 87%, руки — 93%, ноги — 46%.

Мишень движущаяся.

Движение беспорядочно. Данные уточнению не поддаются.»

Зеленая рамка опустилась вниз, туда, где развевалась от ветра крепдешиновая юбка девушки.

«Браунинг» дернулся, выплевывая горячий свинец. Эхо выстрела прокатилось по стеклам домов. Синди опустила глаза. Прямо в ее юбке появилась аккуратная дыра с обгорелыми краями.

Парень, охнув, обмяк, выпуская девушку и разжимая пальцы, держащие нож. Там, где минуту назад у него был пах, теперь зияла окровавленная рана. Преступник, скорчившись от боли, рухнул на асфальт.

— Ну, теперь твоя очередь. — Ствол переместился в сторону второго насильника.

— Мистер! Не надо! — Тот выставил перед собой руки, словно они могли защитить его от пули. — Все нормально. Все нормально.

Он шарахнулся в темноту переулка. Несколько секунд был слышен стук его каблуков по асфальту, а затем все стихло.

Поняв, что больше ей ничто не угрожает, Синди кинулась к Робокопу и повисла на нем, обвив руками мощную металлическую шею.

— Господи! Я так испугалась! Большое вам спасибо.

— Вы пережили эмоциональный шок. — Прозвучал над ее головой спокойный электронный голос. — Я сейчас поставлю в известность специалистов Красного Креста.

Детройт, Западный полицейский участок, 22.56.

— Ну что, как наш подопечный? — Боб Мортон шагнул в лабораторию и тут же прилип к мониторам. На них ясно вырисовывалась кабина «порша».

— Отлично. — Сержант стоял у него за спиной, тоже внимательно глядя на экран. — Уже на данный момент ему удалось предотвратить восемь серьезных преступлений. Не считая разной мелочи.

— А, что я говорил? — Боб потер ладони. Он был очень доволен. — Этот парень — просто золото.

— Никто и не спорит. — Буркнул негр. — Этот ваш Робокоп знает свое дело, это точно. Меня удивляет одно: как он умудряется так быстро оказаться на месте преступления? Он у вас что, мысли читает?

— Да нет. Просто он считывает информацию, когда она поступает на ваш диспетчерский пульт. — Довольно ответил Мортон и захохотал, глядя на сержанта. — Вот и все.

Мэрия. 23.10.

Рядом с высоким, построенным в готическом стиле, зданием мэрии творилось нечто невообразимое. Сновали люди, отдавались команды, в доме напротив засел целый отряд снайперов.

Офицер полиции с нашивкой лейтенанта сорвал с панели переговорное устройство и раздраженно забормотал:

— Всем подразделениям! Всем подразделениям! Срочно на связь! ! !

Тут же расположилась съемочная группа программы новостей телекомпании «Мидия-Брайт».

Яркий свет прожекторов заливал строгий фасад здания, и он выделялся светлым пятном на фоне темных стен соседних строений.

Человек с видеокамерой протиснулся сквозь плотный заслон патрульных автомобилей и начал снимать. Он охватывал все. Фасад, окно, за которым находится ТОТ парень, раздраженный лейтенант у своего «порша», яркие маячки полицейских машин, снайперы, приникшие к телескопическим прицелам, люди из службы безопасности, в тяжелых бронежилетах с автоматами М-16 засевшие за автомобилями. И много других интересных вещей. Он был профессионалом и знал, ЧТО нужно снять, чтобы зрители смотрели программу, открыв рты.

Лейтенант швырнул рацию на сиденье автомобиля.

— Эй! — Окликнул он одного из представителей мэрии, стоящих тут же. — У него много патронов?

— Я не знаю. — Пожал плечами тот и отвернулся.

— Ладно. Эй, сержант! — Смуглый парень в бронежилете и серой форменной кепочке обернулся. — Хватай своих парней и дуйте по лестнице наверх.

— О'кей, лейтенант.

От группы отделились четыре человека и короткими перебежками двинулись к зданию.

К мэрии подъехал «порш». Он не притерся вплотную к оцеплению, а встал чуть поодаль у тротуара.

— Это что, все патрульные, кого они смогли найти, черт бы их побрал?

Дверца «порша» открылась, и из него выбралась странная, закованная в панцирь фигура.

— Это еще что за дерьмо такое? — Изумленно выдохнул лейтенант. Ничего подобного ему видеть не приходилось.

Между тем Робокоп двинулся прямо к оцеплению. Офицер внимательно наблюдал за его тяжелой походкой.

Репортер «Мидия-Брайт», стоя спиной, бубнил в микрофон:

— ...Никогда терроризм не применялся в государственной политике. Однако сегодня все произошло наоборот. Сейчас террорист находится на втором этаже здания. С ним мэр и еще несколько заложников, все из числа

работников мэрии. Один из заложников уже погиб. Лейтенант, что вы намерены делать дальше?

Камера выхватила офицера из толпы полицейских. Однако, у лейтенанта было такое лицо, что оператор отступил на несколько шагов. Так, на всякий случай.

— Мы будем ждать! — Рявкнул офицер, борясь с искушением выхватить у этих ребят камеру и шарахнуть об асфальт так, чтобы она рассыпалась на миллион осколков. — А вы что, можете предложить идею получше? — Спросил он, заметив недовольное лицо диктора.

Тот лишь отрицательно покачал головой. Было понятно, что пальба с двумя десятками трупов его бы больше устроила, но...

Он повернулся, пытаясь проследить взгляд лейтенанта, и тоже увидел Робокопа.

— Мать твою... — Восторженно прошептал он. — Вот это да!

Оператор, в свою очередь, принялся снимать фантастическую фигуру. Назревал большой репортаж.

Суперполицейский приблизился к оцеплению и остановился, подняв голову и глядя на освещенное окно. У него был отличный слух. При желании его рецепторы улавливали шепот на расстоянии до двухсот метров.

Он прекрасно расслышал все, что говорил теледиктор. Суть проблемы была ясна. Место расположения преступника тоже. Оставалось дать кое-какие указания, хотя, вообще-то, это было не обязательно. Робокоп аккуратно обошел лейтенанта и двинулся к дверям.

Тут же подскочил диктор.

— Куда вы собрались? Что вы собираетесь делать? Какой у вас план? Может быть, вы поделитесь с нашими телезри....

Робокоп не обратил на него ни малейшего внимания. Зато это сделал лейтенант.

— Уберите этих людей отсюда! — Рявкнул он.

Несколько полицейских сгребли диктора и оттащили в сторону.

— Ты куда собрался? — Спросил офицер в широкую никелированную спину.

— Займите его чем-нибудь. — Не оборачиваясь ответил Робокоп.

Он мог ничего не объяснять и не стал этого делать. Объяснять — значит терять время. А за это время могут погибнуть заложники.

Робокоп вошел в гулкое фойе мэрии и огляделся. Широкая мраморная лестница уходила на верхние этажи, но он решил воспользоваться лифтом. Тише и безопаснее.

Мэр, стоя на коленях, тоскливо смотрел в открытое окно, за которым кипела жизнь. Именно жизнь. Другая, спокойная и мирная. Миллионы людей сидели в своих тихих уютных квартирах, смотрели телевизор, ели, пили пиво. Или смотрели фильмы в тихих прохладных залах кинотеатров. Скорее всего кинокомедии. Господи, они даже не понимают, как это здорово — быть свободным. Знать, что ты в безопасности.

Он вздохнул. Их было четверо. Теперь трое. Его помощник Эд Мастерсон погиб час назад, когда этот придурок, взъерепенившись из-за какой-то ерунды, разнес ему голову, нажав на курок «ингрэма».

Черт же дернул его остаться в мэрии. Он ведь был приглашен на ужин к Браунам. Нет, отказался. Сейчас бы стоял там, на улице, в окружении полиции, а не сидел здесь под дулом автомата, трясясь от страха.

— Миллер! Эй, Миллер!!! — Усиленный мегафоном голос донесся из окна, еще больше разозлив террориста.— Миллер, ты слышишь меня?

Террорист подошел к окну, стараясь держаться под прикрытием стены.

— Слышу! Что тебе нужно?

Мэр видел, что парень на взводе. Стоит его чуть-чуть задеть, вывести из состояния шаткого равновесия, и все... Конец. Он перестреляет их всех до единого. Этот парень — псих. Полный псих. Настоящий сумасшедший. Господи, ну почему он отказался от ужина! За что ему такое...

— Миллер, давай договоримся! Ты отпускаешь заложников, а мы дадим тебе все, что ты хочешь!

— Первое! Не лезьте ко мне! Я отчаянный человек! Вы думаете я не вижу ваших людей у входа? Отзовите их, быстро! А то я перестреляю всех этих чертовых заложников, ясно?

— Хорошо, хорошо. Не заводись. О'кей. Отходите, ребята!

Лейтенанта охватило отчаяние. Он все-таки заметил солдат, хотя и полный псих. С ним надо быть очень осторожным. Иначе — не миновать беды. Этот придурок, действительно, может перестрелять всех заложников. С него станется. Остается только одно: надеяться на полицейского в доспехах, который прошел внутрь, да отвлекать этого ненормального Миллера.

Он вздохнул и снова поднес микрофон к губам.

— Все, Миллер! Мы уже убрали их! Так чего ты хочешь?

Террорист оглянулся и судорожно сглотнул.

— Свежего кофе! Ты слышал! Я хочу свежего кофе!!! Потом... еще... Вот! Чтобы мне возместили все мои убытки, и хочу получить обратно свою работу.

— Хорошо! Что-то еще?

— Да! Еще я хочу новую машину и личный кабинет!!

— И какая машина тебе нравится, Миллер?

— Машина? Гм... Машина должна быть такая... большая, с мощным мотором.

Робокоп свернул за угол и пошел по коридору, изучая таблички на дверях.

«Секретарь по связям с общественностью.»

«Мэр.»

Он прошел еще три шага.

«Секретарь по...»

Ему абсолютно ничего не говорили эти надписи. Важно было одно — эта комната наиболее удобна для выполнения его плана.

— Ну скажем, «Дженерал Моторз», модель 6000. Подойдет?

— Да! Вполне! Конечно!

Мэр вздохнул. Может, этот психопат все-таки отпустит их? Господи, только бы выбраться живым из этой передряги. Только бы выбраться...

Робокоп повернулся к стене, граничащей с кабинетом мэра.

«Приборы слежения:

термограф: включен;

определитель эмоционально-физиологического состояния: включен.»

На экране обозначились человеческие фигуры. Трое на коленях — светло-синие. Цвет страха. Один стоит у окна — желтый, медленно темнеющий до оранжевого. Человек злится. С каждой секундой все больше и больше. Это опасно, он может убить заложников.

«Директива №2».

Но и торопиться нельзя. Это также может погубить людей.

Он включил слуховые рецепторы, увеличив восприятие.

— А как насчет автоматической трансмиссии?

— Не беспокойся! Никаких проблем! Мы дадим тебе все, что ты захочешь! Абсолютно все! Только отпусти заложников, о'кей?

Миллер начал зло и глухо смеяться, потрясая автоматом.

— Лейтенант! Ты что, за дурака меня держишь, да? Ты за дурака меня держишь, твою мать, да?! ! ! Когда меня достают — я бешусь! А ты меня достал, лейтенант!!! Всерьез! Понял?

Он обернулся к заложникам и ткнул стволом «ингрэма» в сторону мэра.

— Ну-ка, вставай, ублюдок! Вставай! ! ! Твоя общественность хочет с тобой встретиться!

Лицо его перекосила недобрая ухмылка. Мэр прекрасно понимал, зачем ему сказали встать — он сейчас умрет. Все просто и буднично. Вот ты был — БАНГ! — и вот тебя уже нет. Совсем. И никогда не будет. Все. Смерть. Темнота.

Он почувствовал, что не может встать. Просто не может. Ноги не слушаются его.

— Значит, ты, лейтенант, всерьез меня не воспринимаешь, да? — Миллер продолжал кричать, направляясь к мэру. — Ну ничего. Сейчас ты будешь меня воспринимать всерьез! Можешь попрощаться со своим говенным

мэром, понял? Я сейчас его пристрелю и сброшу вниз, чтобы ты мог полюбоваться на этого засранца! Вставай!!!

Он зашел к мэру со спины и остановился. Холодный ствол «ингрэма» коснулся затылка. И звонкий щелчок взводимого курка громко прозвучал в абсолютной тишине.

Лейтенант почувствовал, как между лопаток прокатилась горячая капля.

Все-таки он ошибся. Этот парень не купился на его разговоры и, что самое плохое, пришел в ярость. Хуже и быть не может. Сейчас он пристрелит мэра, а дальше его понесет.

Раз-два — и никого в живых не останется.

Как же он так сел в лужу? Даже если сейчас отдать приказ о штурме, солдаты все равно не успеют добежать до кабинета прежде, чем Миллер перестреляет всех. Дать команду снайперам — тоже нет смысла. Он вне досягаемости их ружей. В крайнем случае, они смогут его ранить. Но и тогда заложники погибнут.

Где же этот, в латах-то, а?

Робокоп видел, что цвет фигуры с оружием изменился до тускло-бордового. Это означало: преступник готов открыть огонь. Дальнейшее промедление опасно. Террорист встал между стеной и заложниками. Сейчас его и полицейского разделяло лишь тридцать сантиметров и кирпичная стена.

Мэр зажмурил глаза. Вот сейчас раздастся выстрел, и он ткнется лицом в ковер. Безжизненное, никому не нужное тело.

ГРАААААААНГ! — Кусок стены с грохотом вывалился, подняв тучу известковой пыли.

Сильные стальные руки обхватили террориста и втянули в соседнюю комнату.

«Вероятность поражения заложников: 37%».

Миллер все-таки успел нажать на курок, прежде чем его тело, пробив стекло, вылетело наружу и грохнулось на асфальт с высоты второго этажа.

Но эти пули уже не причинили никому вреда. Их принял на себя он.

РОБОКОП.

* * *

4 июня 1999 года. 15.00.

Телекомпания «Мидия-Брайт». Дайте нам свое время, и мы дадим Вам весь мир!

— Доброе утро! С Вами Кейси Горнз. Новое событие всколыхнуло Детройт. После гибели четырех полицейских в перестрелке с гангстерами корпорация «Оу-Си-Пи» объявила серьезную войну преступности.

Итак. Робокоп! Кто он? Что он? Новый солдат «Оу-Си-Пи» в войне с гангстерами? Или нечто другое? Представители корпорации заявляют, что бесстрашная машина устроила тяжелую жизнь для всех преступников Детройта. Сегодня Робокоп встречался со школьниками.

— Мистер Робокоп, что бы Вы хотели сказать детям?

— Не попадайте в неприятности.

Итак. Безопасность для города, безопасность для всех, безопасность для Вас. Это все Робокоп!

— Привет! Я — Джеймс Перкинс! Сегодня было достигнуто соглашение о строительстве нового суперрайона Детройта — Дельта-Сити. Этот проект предоставит почти миллион рабочих мест. Говорит Роберт Мортон, вице-президент корпорации «Оу-Си-Пи».

— К сожалению, Я пока не могу комментировать это решение. Но я могу сказать жителям города следующее. Мы предсказываем конец преступности в Детройте в течение сорока дней. У города появился новый полицейский. Его зовут — Робокоп.

— Спасибо, мистер Мортон.

Американские войска приняли участие в совме-

стном рейде с мексиканскими войсками на базы повстанцев...

* * *

Детройт. Офис корпорации «Оу-Си-Пи». 4 июня 1999 г. 15.25.

— Эй, Боб!

Мортон обернулся к спешащему за ним Волфу.

— Отлично! Значит, ты вице-президент теперь? Ну, поздравляю тебя, парень. Как смотришь, выпить по этому поводу вечерком, а?

Боб улыбнулся.

— Нет, Дэн, не могу. Я занят сегодня вечером. — Он понизил голос до шепота. — Придут две манекенщицы. Знаешь, эти... из серии «Я купил бы это за доллар.»

Волф посмотрел на него и захохотал:

— Добро пожаловать в наш клуб, дружище!

Огромные зеркала, которыми были увешаны стены, отражали уверенную фигуру нового вице-президента «Оу-Си-Пи».

— Ты себе заработал отличное имя на этой концепции общей безопасности, Боб! — Весело продолжал Волф.— И похоже, наступил на любимую мозоль Джоунсу. Я слышал, он завелся не на шутку.

— Да. Я, конечно, тоже слышал об этом, но мне бояться нечего.

Они свернули за угол и подошли к широким дверям. На матовой поверхности стекла красовалась элегантная мужская фигура.

Туалетные комнаты в корпорации были под стать зданию. Выложенные голубым кафелем, сияющие какой-то немыслимой чистотой. Никелированные краны и многочисленные позолоченные ручки смотрели на людей с нескрываемым превосходством. Было время, когда Боб Мортон содрогался при входе в это заведение. Оно внушало ему не меньший трепет, чем конференц-зал. Казалось бы, все здесь равны. Но словно указующий перст нацеливался в него, говоря:

«Знай свое место.»

Теперь он плевал на это. Вице-президент Роберт Мортон, один из заправил этой корпорации, снисходительно улыбался. И чего он так дергался раньше? Обычный сортир.

Они прошли к длинному ряду сверкающих белизной писсуаров.

— Он просто урод, этот самый Дик Джоунс. — Спокойно констатировал Мортон. При этих словах несколько стоящих рядом сотрудников корпорации торопливо вышли, испуганно оглядываясь на приятелей. Боб недоуменно пожал плечами и вернулся к прерванному разговору. — Он — старик, а мы — молодые. Его пора отправлять на пенсию. Такова жизнь.

За их спинами в одной из кабинок громко зашумела вода. Щелкнул замочек, и Дик Джоунс собственной персоной вышел в зал.

— Так. Ладно. Мне, кажется, пора. — Волф торопливо застегнул брюки и двинулся к выходу.

Боб нарочито медленно прошествовал к умывальнику и включил воду.

— Поздравляю тебя, Боб. — Джоунс приблизился и встал рядом, скрестив руки на груди.

— Спасибо. — Мортон не хотел показывать, что несмотря ни на что, все-таки испугался. Это ему удалось.

— Я помню, когда был молодым сотрудником компании, тоже придумывал всякие клички своему шефу. Да. — Голос Джоунса был совершенно спокоен, но вот в глазах плясали колючие искры бешенства. — Как только я его ни называл. И твердолобым, и глухим, и даже засранцем как-то назвал. Но я всегда уважал его, Боб. Всегда знал, где нужно остановиться. А ты переступил через черту, приятель. Ты оскорбил меня и всю компанию тем уродом, которого создал. У меня были заказы на двадцать пять лет вперед от военных на Эда-209.

Мортон завернул кран, невозмутимо оторвал салфетку и принялся вытирать руки, глядя Джоунсу прямо в глаза.

— Знаешь, Дик, если говорить откровенно, твоя программа была нужна только старику.

— Может быть, может быть. Маккой хороший человек и он желает добра. Но ведь и он не вечен. А я здесь фигура номер два. — Джоунс положил руку на плечо

Боба и задумчиво провел шершавой ладонью по волосам парня. — Все очень просто, не так ли, Б-О-Б? — Его пальцы вцепились Мортону в волосы чуть ниже затылка.—

ТЫ СВЯЗАЛСЯ НЕ С ТЕМ ПАРНЕМ!

Боб сильно ударил Джоунса по локтю, сбрасывая руку.

— Да пошел ты к... Ты что, охренел, мать твою?

Джоунс злобно оскалился и прошипел, приблизив к Мортону колючие, горящие красноватым, глаза:

— Ты лучше молись, говнюк, чтобы этот твой урод не облажался. А может быть, он сможет защитить тебя, а?

Западный полицейский участок. 4 июня 1999 г. 19.07.

Мортон припарковал свой «феррари» на служебной стоянке и пошел к участку. Настроение у него было паршивое, хуже некуда. И все из-за разговора с этим придурком Джоунсом. Конечно, мало приятного слышать, как тебя называют стариком, но что делать? Из-за этого кидаться в драку, еще и угрожать в открытую? Господи, как он сдержался, чтобы не дать Дику в морду? Да в конце концов, действительно, пошел он к черту. У старичка взыграли амбиции по поводу своей работы. Если обращать на это внимание, никаких нервов не хватит. Ладно, проехали.

Он не вошел в главные двери, как это делал обычно, а направился к запасному выходу.

Самое важное то, что его мечта сбылась. Он — вице-президент. Правая рука Тома Маккоя. После удачного испытания Робокопа тот лично зашел к ним в контору и пригласил Боба для беседы. Ну не здорово, а?

Мортон пытался отогнать мрачные мысли, думая о приятном, но это плохо удавалось. Какое-то дурное предчувствие грызло его изнутри.

Лаборант откинулся в кресле, делая три дела сразу. Во-первых, он отдыхал, во-вторых, читал газету, и в-третьих, уплетал огромный трехэтажный гамбургер, который извлек из своего «кейса». Его помощница читала детективный роман. Они не забыли о своих обязанностях, но смена подходила к концу, и мысль об отдыхе казалась достаточно здравой.

Лаборант откусил здоровенный кусок и, повернувшись к девушке, спросил:

— Эй, ты гамбургер не хочешь?

— Нет, спасибо. — Она дошла до центрального момента. Молодой герой и его жутко сексапильная подружка, из-за стараний шайки злодеев, оказались в городской канализации, куда через три минуты должны были хлынуть потоки речной воды. Естественно, руки их были связанными, а виды на помощь отсутствовали совершенно.

Девушка проглатывала страницу за страницей, забыв обо всем на свете, в том числе и о сидевшем в кресле Робокопе.

ОН ВСПОМНИЛ. ВЫСТРЕЛ, ПЛАМЯ И БОЛЬ В ГОЛОВЕ. С НИМ ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО ДО ТОГО, КАК ОН СТАЛ...

Таящиеся в подсознании воспоминания медленно, пульсирующими толчками всплывают к поверхности. Чье-то лицо. Оно было негативным, но постепенно перетекало в позитив и обретало краски.

Мужчина средних лет с неприятным худощавым лицом. Высокий лоб и маленькие бегающие глазки. Губы человека шевелятся, как в немом кино. Что он говорит?

Голубоватый дым. Тусклый свет. Он падает из ? окна ? — В СЕРОЙ СТЕНЕ! ВЕЗДЕ КАФЕЛЬ. ЧТО ЭТО ЗА МЕСТО? Робокоп не помнит.

То же лицо. Улыбающееся злой усмешкой.

— НУ ТЕПЕРЬ Я РАЗВЛЕКУСЬ, ПРИЯТЕЛЬ!

О чем говорит этот человек?

Тень на цементной поверхности. Это он? Да.. ОН ЛЕЖИТ НА ПОЛУ. Почему? Что он делает на этом ГРЯЗНОМ, ЗАПЛЕВАННОМ ПОЛУ? И отчего так болит правая рука? ПОТОМУ, ЧТО ЕЕ НЕТ! У НЕГО НЕТ РУКИ! КИСТЬ ОТСТРЕЛЕНА!

Кто это сделал? Ктоктоктоктоктокто?

— ДАЙТЕ КТО-НИБУДЬ ПАРНЮ РУКУ!

Вот он. В тонких очках. С большими залысинами. Умное лицо, тонкие нервные губы. Волосы зализаны назад.

В руке пистолет.

ТЕПЕРЬ ОН ВЕСЬ ВАШ.

БАНГ! БАНГБАНГБАНГБАНГБАНГБАНГ!!!!!!!

Море выстрелов — море боли. Она захлестывает его с головой. Кажется, что в него тычут раскаленными прутьями. В руки, в ноги, в шею. Только тело остается целым. Почему?

ПОТОМУ ЧТО НА НЕМ БРОНЕЖИЛЕТ.

Лаборант отправил в рот последний кусок гамбургера, вытер пальцы и промычал:

— Ты представляешь, в Акапулько террористы бомбу взорвали.

Помощница закрыла книгу — герой чудом освободился и спас героиню — и потянулась.

— Здорово. Мы на следующей неделе как раз туда собирались.

РУЖЬЯ. МНОГО РУЖЕЙ. ОНИ ПЛЮЮТ ОГНЕМ, И КАЖДЫЙ ПЛЕВОК ПОРОЖДАЕТ В ЕГО ТЕЛЕ НОВУЮ ВОЛНУ БОЛИ.

Она подошла к лаборанту, бросив мимолетный взгляд на показания электроэнцефалографа.

— Эй, ты только посмотри! С ним что-то происходит!

— БОЛЬНО ТЕБЕ, ПРИЯТЕЛЬ?

ОН ПОМНИТ ИХ. ВСЕХ.

— БОЛЬНО?

На бумажной ленте вместо чуть подрагивающих кривых высились здоровые волны. Настоящие шпили.

— У него что-то невероятное с мозгом творится!

На экране монитора Робокоп вздрогнул.

Колебания волн участились, а их амплитуда еще больше возросла.

ЧЕЛОВЕК В ОЧКАХ ПОДХОДИТ К НЕМУ.

— НУ ЛАДНО, ХВАТИТ ВЕСЕЛИТЬСЯ!

ЧЕРНЫЙ ЗРАЧОК СТВОЛА СМОТРИТ ПРЯМО ЕМУ В ЛИЦО.

— Что происходит, черт побери?

Газета полетела на пол. Лаборант, не обращая на это внимания, кинулся к стойкам с приборами и лихорадочно принялся вертеть ручки настройки.

— Я ничего не понимаю!

Щелкнули тумблеры.

БАНГ! — ТЕМНОТА. ТОЛЬКО БОЛЬ В ГОЛОВЕ, НАД ПРАВОЙ БРОВЬЮ.

И ЧЕЙ-ТО ДАЛЕКИЙ-ДАЛЕКИЙ КРИК:

— МЕРФИИИИИИИИИИИИИИ.....

Робокоп встал.

ОН ВСПОМНИЛ. ОН БЫЛ ПОЛИЦЕЙСКИМ.

Лицо лаборанта вытянулось, когда он увидел надвигающуюся на него огромную сверкающую фигуру.

Железными пальцами Робокоп легко раздвинул клетку и вышел в коридор мимо напуганного лаборанта.

— Эй! Эй! — Закричал тот. — Куда? Ты куда? Остановись, я прошу тебя! Слышишь? Остановись!

— Что происходит? — Девушка кинулась к выходу.

— Я не знаю! Он ушел!

— Как это «ушел»?

— Да очень просто! Взял и ушел! Немедленно вызови Боба Мортона!

Боб Мортон вошел в полицейский участок через черный ход и теперь мрачно шагал по длинному гулкому коридору, направляясь к помещению, отведенному для его детища. Проходя мимо двери дежурного зала, он замешкался, толкнул ее и шагнул внутрь.

— Привет, сержант. Как обстановка в городе?

Луис с пузатым полицейским тащили очередного задержанного. Парень подозревался в групповой драке с применением огнестрельного оружия, и поэтому они решили посадить его под замок. Чтобы немного успокоился и пришел в себя.

— Да вы что, мать вашу? — Орал задержанный, пытаясь вырваться из рук своих конвоиров. — Вы что? Не видите, кого берете, что ли? Да я весь ваш участок разнесу к такой-то матери, по кирпичикам! А ну, пусти меня, сучка! Пусти меня, я сказал!

— Заткнись, урод! — Мрачно посоветовал парню Джерри — так звали полицейского. — А не то я тебе все зубы пересчитаю. Ясно?

Тон его не оставлял сомнений в сказанном, и парень на некоторое время умолк, соображая, что же предпринять дальше.

В эту минуту в коридоре появился Робокоп. Совершенно спокойный, он шагал навстречу патрульным, не обращая на них ни малейшего внимания.

Луис замешкалась. Робокоп поравнялся с ними и прошел мимо, даже не взглянув на девушку.

— Джерри, дотащи его один, хорошо? Я догоню вас.

Тот мрачно кивнул и ткнул парня кулаком в бок.

— Ну, пошли. Чего встал.

Задержанный округлившимися глазами провожал робота. Он первый раз в жизни видел такую штуку. Еще один тычок в ребра привел его в чувство, и они с полицейским потащились дальше, а Луис поторопилась догнать целенаправленно шагающего к двери Робокопа.

— Привет. — Девушка настигла его почти у двери. — У меня не было случая представиться раньше. Я — Луис. А у вас есть имя?

Робот невозмутимо поинтересовался:

— Чем я могу быть вам полезен, офицер Луис?

— Нет. Я не это имела в виду. Простите, но у вас есть имя? — Она приблизилась к нему вплотную и тихо спросила. — Мерфи, это ты?

Робот вздрогнул. Он отступил на шаг, словно отшатнулся.

БАНГ! МЕРФИИИИИИИИИИ.....

— Ты что, действительно, меня не помнишь?

Что-то случилось с Робокопом. Какая-то невидимая искра проскочила в нем и погасла. Он снова был холодным и неприступным.

— Извините. — Ровным спокойным голосом произнес робот. — Я должен идти. Где-то происходит преступление.

Робокоп осторожно обошел девушку и вышел в ночь.

— Стой! — Заорал кто-то.

Она обернулась. Это был тот самый парень из «Оу-Си-Пи», который забрал Мерфи. Труп Мерфи? Неважно. Он забрал ее партнера Алекса Мерфи и сделал из него

ЭТО. За это Луис его ненавидела. Парень подбежал к ней.

— Что ты ему сказала? О чем вы с ним говорили?

— Да ни о чем. — Пожала плечами девушка, надувая шарик из жевательной резинки.

Боб бросился к двери и выскочил на улицу. Луис отчетливо слышала его крик, заглушаемый ревом мощного «порша».

— Стой! Ты куда поехал? Стой! ! ! — Хлопнула дверь и Мортон снова появился рядом с девушкой. Но теперь лицо его было перекошено от ярости и имело цвет вареного рака. — Ты ответишь за это, поняла? У тебя будут большие неприятности! Ну-ка, пошли!

Кларенс Бодигер.

Приятного мало. Какая-то говенная машина шарахается по городу, а все их планы летят к такой-то матери. Теперь на улицу-то выходить страшно. Того и гляди, этот железный идиот вылезет откуда-нибудь из-за угла— и все, кранты. Самое смешное, что Дик заказал убрать одного парня, который наступил ему на мозоль, а выяснилось, что этот кретин и придумал эту жестянку. Ну не весело, а? Правда, будет куда веселее, когда окажется, что его охраняет такая же штука. Хотя Дик уверял, что эта машина в единственном экземпляре, но кто знает, что ей может прийти в голову. А вдруг она решит заглянуть вечерком, проведать, хорошо ли спится хозяину? Тогда уж не отвертишься. Леон говорил, что ее вроде как и пули не берут. На всякий случай он припас пару «ананасиков»[1], но, может быть, она и взрывы выдерживает? Ладно. Там видно будет.

* * *

— Сержант, я рассчитывал на полное сотрудничество вашего участка. — Боб раздраженно прошелся по кабинету.

У дверей растерянно стоял поникший лаборант, а Луис пристроилась у стола начальника. Сам сержант, откинувшись на спинку стула, внимательно наблюдал

1 «ананас» — ручная граната.

за резкими движениями Мортона, барабаня пальцами по крышке стола.

— У вас что-то произошло? — Спросил он.

— Трудно сказать. — Откликнулся лаборант. — Скорее всего, это какие-то технические неполадки. Может быть, ему сон приснился...

— Она задавала Робокопу вопросы. — Палец Боба ткнул в сторону Луис.

— Да не задавала я ему вопросов. — Спокойно ответила девушка. — Я только спросила, как его зовут.

— Это было очень умно с вашей стороны! — Вскипел Боб. — Он машина! Ясно вам?! Робот! Он запрограммирован! У него нет имени, понятно?

Есть у него имя. Его зовут — Алекс Мерфи. — Захотелось заорать Луис. — Это ты, урод, сделал из него робота!

— Конечно, мы все поняли. — Вздохнул сержант. — Может быть, нам произвести обследование? Пригласить специалистов?

— Ему просто сон приснился. — Вставил лаборант.

Мортон наклонился к негру, упершись кулаками в стол.

— Слушайте меня внимательно! Я прошу запомнить одну вещь! Это не касается полицейских! Это секретный проект. В этом деле работает только «Оу-Си-Пи». Вы поняли меня!

— Да. Я понял. — Сержант вздохнул, убирая руки со стола.

— Только «Оу-Си-Пи». Запомните. — Боб выпрямился и пошел к двери, бросив лаборанту. — Ладно, давайте. Надо отзывать его с улиц.

— Да, хорошо. — Лаборант ужом выскользнул в коридор.

— Извини, сержант, кажется, я доставила тебе неприятности. — Попробовала улыбнуться Луис, когда они остались одни.

— Забудь. — Отмахнулся негр. — Просто эти ребята большие придурки.

* * *

Детройт. Западная окраина. Бензозаправка. 14-я стрит. 23.17.

Самое опасное время в больших городах от десяти до двух часов ночи. В это время следует основной поток полицейских вызовов. А самые бедные люди в больших городах— это студенты. Не все, конечно, но таких все-таки большинство. Именно по этой причине по ночам работают студенты. Они подыскивают любую работу, пытаясь пополнить свой скудный бюджет за счет свободного времени.

Аллоиз Гасткинс не являлся исключением. Он считал, что ему еще повезло. Работы на бензоколонке по ночам довольно мало, и вполне можно сочетать ее с учебой. Что он с успехом и делал. Разложив перед собой учебник и высунув язык от усердия, Аллоиз старательно переносил рисунок из книги на лист ватмана при помощи циркуля и линейки. Ему нравилась эта работа. Осознание того, что он независимый человек, собственным трудом зарабатывающий себе на жизнь, наполняло его чувством гордости. Приличная зарплата и неплохие чаевые составляли довольно солидную, по его меркам, сумму. На подоконнике тихонько мурлыкал портативный приемник, создавая ощущение комфорта. Иногда проезжали мимо машины, шурша покрышками по мокрому асфальту. Сегодня прошел дождь, облегчив агонию Детройту, умиравшему от жары. Легкий прохладный ветерок задувал в окошко, наполняя комнату свежим воздухом.

Аллоиз Гасткинс собирался стать автоконструктором, и поэтому на слух безошибочно определил марку подъехавшего мотоцикла. «Судзуки». Но голову поднял только тогда, когда на прилавок грохнулся тяжелый «узи», а насмешливый голос прохрипел в окошко.

— Эй, ты, книжный червь! Давай-ка мне все твои бабки, а не то я мозги тебе вышибу.

Аллоиз, несмотря на хлипкое сложение, вовсе не был трусом, но кто, скажите-ка, полезет против автомата с голыми руками! Вот и он, как человек далеко не глупый, предпочел открыть кассу и выгрести скудную сумму.

Крупные банкноты, будучи человеком не только умным, но и предусмотрительным, Аллоиз держал в отдельном ящичке в самой глубине стола.

В то же самое время его нога нажимала кнопку на полу, подавая сигнал тревоги а ближайший полицейский участок.

— О'кей, дружок. А теперь включи седьмую колонку. Да поживее, я тороплюсь.

Эмиль Антоновский сгреб деньги в карман и, подхватив с прилавка автомат, зашагал к мотоциклу. Он открыл бак, вставил в него воронку и включил подачу бензина.

— Только не делай глупостей, понял? Я хорошо стреляю! Могу тебе прямо отсюда в глаз попасть!

Парень усердно закивал головой.

Боди говорил Эмилю, что ни в коем случае нельзя заниматься такими делами. Можно погореть запросто. Но кто бы отказался, если бабки сами плывут в руки! Пацан, ясное дело, перетрухал. Хорошо, если в штаны не наложил от страха. Вот бы весело было. Привезут труп в морг, начнут раздевать, снимут штаны, а там куча дерьма. Твою мать-то, а?

Эмиль даже засмеялся, представив себе, как вытянулись бы лица у санитаров.

Топливо текло в бак, бабки лежали в кармане, и настроение у него было шикарное. Он, конечно, мог бы и не убивать этого колледж-боя, но тот ведь может навести копов.

— Эй, парень, — заорал он, — что ты там читаешь!

Парень поднял книгу, на обложке которой выделялась белая надпись: «Начертательная геометрия.» Эмиль ни секунды не сомневался, что пацан читает какой-нибудь порнографический романчик, и собрался было сострить что-нибудь по этому поводу, а тут... Перед ним был УМНИК. А Эмиль терпеть не мог УМНИКОВ. Все его беды были от таких вот начитавшихся разной херни, сопледонов, возомнивших себя умнее всех. Мать его так, а? Вот и с работы его вышвырнули из-за такого же урода. Они думают, что умнее всех. Сильнее всех. А вот что бы они запели, если им в рожу ткнуть автомат, а? Мать их. Вот и этот ублюдок тоже небось думает, что самый умный. Поэтому так и смотрит издевательски. Ну точно. Вон как пялится, словно дерьмом мажет. Урод.

— Эй, ты что, в колледж ходишь, да? — Парень кивнул. И это еще больше разозлило Эмиля. — И наверное, думаешь, что самый крутой, да? Крутой? Самый умный? Небось думаешь, что и пулю сможешь перехитрить, а? Ну, давай попробуем? Эй ты, урод, я с тобой разговариваю! Что скажешь? — Грабитель разошелся. Изо рта летели капли слюны, и сам он закипал от переполнявшей его безумной ярости. Он уже орал, теряя над собой контроль, не замечая ничего вокруг.

Аллоиз видел, как в десяти метрах от них остановился черный полицейский «порш«. Из кабины выбралась серебристая массивная фигура и направилась в их сторону.

«Преступление в стадии совершения.

Вероятность убийства жертвы: 98%.

Директива №2.»

В руке Робокопа, словно из ниоткуда, возник пистолет.

— А? Ну что скажешь, говнюк? Я с тобой разговариваю!

Невероятно громкий голос обрушился на Эмиля откуда-то сверху. Бандиту даже показалось, что он исходит с небес.

— Бросайте оружие! Вы арестованы!

Он судорожно повернулся, одновременно передергивая затвор «узи». В четырех метрах от него стоял огромный блестящий парень. Словно какой-то Супермен с глянцевой обложки детского комикса.

— Твою мать... — Только и смог произнести Эмиль.

Робокоп узнал этого человека. Он видел его раньше. То же лицо. Те же бегающие глазки, тот же хищный оскал.

— НУ ТЕПЕРЬ Я РАЗВЛЕКУСЬ, ПРИЯТЕЛЬ!

Губы робота дрогнули и произнесли слова, идущие откуда-то из глубин памяти:

— Живой или мертвый, ты все равно пойдешь со мной.

И тогда Эмиль попятился от внезапно нахлынувшего дикого ужаса. Ему захотелось побежать, но он боялся повернуться к ЭТОМУ спиной.

— Я знаю тебя... — Прохрипели враз побелевшие губы. — Я помню...

«Режим записи: включен».

Не переставая пятится, убийца поднял автомат.

Эмиль не мог узнать это тело, потому что оно не было телом ТОГО полицейского. Но он узнал губы. Губы и подбородок.

На секунду ему показалось, что он сейчас грохнется в обморок. И стряхивая это кошмарное состояние, Эмиль заорал так громко, как это позволяли легкие.

— ТЫ МЕРТВ! МЫ УБИЛИ ТЕБЯ!!! — Палец судорожно нажал на курок, и «узи» заплясал в его руках, извергая свинцовый ливень сорок пятого калибра. — ТЫ МЕРТВ!!! МЫ УБИЛИ ТЕБЯ!!!!!

ГРРРРРРРРРРАНГАНГАНГ!!!

— ТЫ МЕРТВ!!!! МЫ УБИЛИ ТЕБЯ!!!!!

Но жуткий серебристый призрак продолжал стоять в центре смертоносного вихря. Сильный и неуязвимый.

И Эмиль, отшвырнув в сторону бесполезный автомат, рванулся к мотоциклу. Он выдернул из бака заправочную воронку и кинул ее на асфальт. Хлещущий поток бензина пополз по дороге, разливаясь гигантской пахучей лужей.

Мотор «судзуки» взревел, и мотоцикл, унося дрожащего от ужаса седока, рванул в темноту.

«Система наведения на цель включена».

Тело Антоновского опоясало яркое зеленое кольцо, но тут же сместилось вниз, к вилке заднего колеса. Этот человек был нужен Робокопу живым.

БАНГБАНГБАНГБАНГ!

Стальная трубка согнулась, застопорив колесо, мотоцикл вильнул и, завалившись набок, покатился по асфальту, отбросив седока в сторону.

Искра, высеченная колесом, перепрыгнула на бензиновую лужу, и голубой огонь поплыл к заправочным колонкам.

Аллоиз выбежал из здания и помчался в сторону. В руке он сжимал маленький ящичек, в котором лежала сумма, равная его годовой зарплате. Парень уже понял: на этой колонке ему больше не работать.

ГРРРРООООООУУУУУУУММММ!!!!

Сильный взрыв выбил все стекла, сорвал крышу и

расшвырял стальные заправочные стойки как кегли, вздыбившись стеной огня.

Эмиль, лежа на асфальте, осторожно обернулся.

Робокоп, пройдя сквозь реку стонущего пламени, настиг преступника и сгреб в охапку.

«Режим воспроизведения: включен.

Шквал свинца и истошный крик:

— ТЫ МЕРТВ!!! МЫ УБИЛИ ТЕБЯ!!!»

Подтянув поближе серое от страха лицо Антоновского, робот глухо спросил:

— Кто ты такой? Кто ты такой?

Но ответа не последовало. Эмиль Антоновский лишился чувств.

* * *

Центральное компьютерное хранилище Детройтского полицейского управления. 5 июня 1999 г. 00.18. Робокоп.

Он шагал между высоких компьютерных стоек. Задержанный так и не сказал ни слова. Его свалил глубочайший психологический шок. Но то, что он СКАЗАЛ, было очень важно. Теперь Робокоп знал абсолютно точно: он был полицейским и его убили. Оставалось выяснить: кто эти люди и кто он.

В компьютерном хранилище появление робота вызвало настоящий переполох. Сотрудники сбились кучей, разглядывая гостя. Один из полицейских вырос у него на пути.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

Тон вопроса предполагал фразу: «Сожалею, но вам здесь делать нечего, сэр.»

Робокопа это совершенно не трогало. У него было дело. Вот и все, что его интересовало. И ответил робот односложно, как того требовала ситуация:

— Нет.

Миновав оторопевшего охранника, он свернул в широкий коридор, вдоль которого размещались мощные компьютеры. Но их было недостаточно. Робокоп шел к главному, основному хранилищу.

Охранник расстегнул кобуру и кинулся вдогонку за нарушителем.

— Эй, эй, эй! Что вам, собственно, нужно!

Этот человек не входил в сферу интересов Робокопа в данный момент. И поэтому не затрагивал его внимания.

— Сюда нельзя заходить! Стойте! Это запретная зона!

Охранник вытащил «кольт» как раз в тот момент, когда робот достиг цели.

— Вы слышите?

Пальцы Робокопа откинулись в сторону, а на их месте появился острый серебристый шип.

Полицейский испуганно примолк. Не затрудняя себя объяснениями, Робот вставил шип в гнездо компьютера, и на экране появилась надпись: «Управление полиции города Детройта. Фотодосье. Информация на входе.» Тут же рядом возникла картинка. Перекошенное ужасом серое лицо, выпученные глаза, распахнутый в безмолвном крике рот. Кадр медленно двинулся.Щелк. Шелк. Щелк. Щелк. Губы сомкнулись. «Поиск.» Компьютер тихо заурчал, перерабатывая информацию. Прошло не больше десяти секунд, и на мониторе возникло лицо. Тот же человек, только с длинными курчавыми бакенбардами.

«Идентификация произведена. Антоновский Эмиль.»

Робокоп набрал запрос: «Известные соучастники?»

Машина помедлила. Охранник во все глаза смотрел на экран. Он никак не мог понять, что происходит, откуда взялся этот парень и, вообще, кто он.

Дисплей пискнул и начал выдавать данные.

«Нэш Леон. Шелк. Портрет. — ОН ЗНАЕТ ЕГО.
Кокс Джо. Щелк. Портрет. — ЗНАЕТ.
Минш Стив. Щелк. Портрет. — ЗНАЕТ.
Бодигер Кларенс. Щелк. Портрет.» — СТОП!

**НУ, ЛАДНО, ХВАТИТ ВЕСЕЛИТЬСЯ.
ПИСТОЛЕТ. БАНГ! ПЛАМЯ И БОЛЬ.
ЭТО ОН, УБИЙЦА!**

«Полные данные?»

«Бодигер Кларенс. Год рождения 1960.
Место рождения: Нью-Йорк.
Род занятий: Безработный.
Обвинения: Изнасилования. Вооруженные ограбления. Убийства. Торговля наркотиками. Рэкет. Угон автотранспорта.»

«Полные данные по разделу "убийства"?»

«Убийства:
Даты, лица. Шелк, щелк, щелк, щелк.
!Стоп! Подозревается в убийстве:

Имя:	**Мерфи, Алекс Джей.**
Возраст:	**31 год.**
Род занятий:	**Полицейский.**
Адрес:	**548, Прайм-роуз лейн, Детройт.**
Дата убийства:	**24 июля 1998 г.»**

ЭТО ТЫ! МЕРФИ АЛЕКС — ЭТО ТЫ!

Робокоп вытащил шип из гнезда компьютера, и экран погас.

Но он запомнил лицо. Светловолосый, улыбающийся парень в полицейской форме.

ОН. АЛЕКС ДЖЕЙ МЕРФИ.

Робот повернулся к охраннику и спокойно пробасил:

— Благодарю за помощь.

Тот лишь растерянно хлопал глазами, глядя на удаляющуюся блестящую фигуру.

* * *

Строение №548 по Прайм-роуз лейн пустовало уже полгода. Это был, действительно, прекрасный дом. Выкрашенный в белый цвет фасад улыбался редким прохожим, словно приглашая зайти и разделить тепло и уют. Наверное, этот дом соскучился по людским голосам. Двухэтажный, просторный, он манил к себе табличкой с короткой надписью: «Продается» на заборе.

В некогда красивом ухоженном саду царило запустение. Кусты разрослись, всюду появились сорняки и бурьяны, создавая ощущение джунглей в миниатюре. Асфальтовая дорожка, ведущая от калитки к крыльцу, укрылась ползучим плющом, который уже подобрался к самым стенам. Возможно, к концу лета зеленые побеги заберутся по ним к окнам второго этажа, скрыв под собой белую кирпичную поверхность.

Робокоп прошел по дорожке к крыльцу и вошел в дом. В просторном, кажущемся огромным, из-за отсутствия мебели, холле находилась всего одна стойка, на которой был установлен цветной монитор. Как только робот сделал шаг внутрь, дом ожил. Везде зажегся яркий свет. давая возможность потенциальному покупателю рассмотреть все интересующие его детали.

На экране возникло улыбающееся лицо клерка.

— Добро пожаловать, покупатель! — Сияя, объявил он. — Давайте совершим небольшую экскурсию по вашему новому дому. Это прекрасный уютный дом, рассчитанный на одну семью. Здесь с удобством можно разместить семь человек.

Робокоп направился в коридор. Навязчивый голос продолжал что-то бубнить ему в уши. Не стоило. Он пришел не покупать. Он пришел за воспоминаниями.

Мимо двери, ведущей в

— ДЕТСКУЮ! —

просторную комнату. Если посмотреть направо, увидишь еще одну дверь, за которой отделанная белым кафелем ванная комната.

Линде очень нравился белый цвет.

Дальше по коридору.

— Неважно, кто готовит обед. Здесь хватит места для всех. — Громогласно убеждал клерк.

ЛИНДА ВЫРЕЗАЕТ ИЗ ТЫКВЫ МАСКУ, ОСТРЫЕ ГЛАЗА, ОСКАЛЕННЫЙ, ЗУБАСТЫЙ РОТ, ПРОРЕЗЬ ДЛЯ НОСА. ЕСЛИ ВНУТРЬ ПОМЕСТИТЬ СВЕЧУ, ПОЛУЧАЕТСЯ ДОВОЛЬНО ВПЕЧАТЛЯЮЩЕ.

— ОЙ, ПАПА ИДЕТ! — ДЕННИ ПОДБЕГАЕТ К НЕЙ, ЗАСЛЫШАВ ЕГО ШАГИ.

Он свернул. Через несколько метров перед ним откроется просторная светлая комната.

— ДАВАЙ БЫСТРЕЕ!

— ПАП! ПОСМОТРИ, КАКУЮ ШТУКУ МЫ СДЕЛАЛИ С МАМОЙ, ПРАВДА, ЗДОРОВО?

Обойдя вокруг длинного стола, Робокоп направился

к спальне. Мимо лестницы, ведущей на второй этаж, через гостиную...

ДЕННИ СИДИТ НА ДИВАНЕ, СЖИМАЯ В РУКАХ ПОДАРЕННЫЙ ЕМУ НА РОЖДЕСТВО ПЛАНЕР. НА ЭКРАНЕ ТЕЛЕВИЗОРА ТИ.ДЖИ.ЛАЗЕР ЛИХО РАСПРАВЛЯЕТСЯ С ОЧЕРЕДНЫМ ЗЛОДЕЕМ.

— ПАПА, ПОКАЖИ, КАК ВЫ ЭТО ДЕЛАЕТЕ?

через еще один узенький коридор. И видит...

ЛИНДА В ПОЛУПРОЗРАЧНОМ ХАЛАТИКЕ ОБВИВАЕТ ЕГО ШЕЮ РУКАМИ И ЖАРКО ШЕПЧЕТ:

— Я ДОЛЖНА СКАЗАТЬ ТЕБЕ КОЕ-ЧТО... Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Описав полный круг, он вновь оказался в холле. Удивленный клерк обратился к нему, сверкая белозубой голливудской улыбкой:

— Эй, вы что, решили начать с начала? Хотя... Почему бы и нет?

Стальная рука с треском пробила монитор, погрузившись в него по локоть.

* * *

Девушка открыла дверь, с удивлением глядя на высокую, облаченную в сталь фигуру Робокопа.

— Добрый день, мэм.

— Добрый день. Вам кого? — Она была еще достаточно молода, чтобы не раскрывать рот при виде робота.

Вообще, Робокоп пришел к выводу, что разговаривать с молодыми гораздо легче, чем с людьми более старшего возраста. Они, по крайней мере, не так сильно удивляются и не впадают в панику, как это сделал пожилой джентльмен, увидев его на улице.

— Я — офицер Западного полицейского участка. — Спокойно пояснил Робокоп. — Мне нужно знать, где в данный момент может находиться Нэш Леон.

Девушка раздраженно фыркнула.

— Я не видела этого урода уже четыре дня. Он где-то шляется.

— Может быть, вы могли бы назвать мне места, где мистер Леон бывает регулярно.

— Нууу... не знаю. Вообще-то, он часто ходит в дансинг с этой дурой Холли. Попробуйте поискать его там. Это на углу 54-й и Стрейтон-авеню.

— Благодарю Вас, мэм. — Робот повернулся и, спустившись с крыльца, пошел к припаркованому рядом «поршу».

— Эй, мистер! — Окликнула Робокопа девушка. — Если вы найдете его, всыпьте как следует и от меня, о'кей?

— Хорошо, мэм. — Он забрался в машину и направился к 54-й улице.

* * *

— Здорово, да? — Спросила одна из девиц, втягивая ноздрей со стекла маленькую горочку порошка. Она откинулась на спинку шикарного, обитого кожей дивана и засмеялась. — Вице-президент. Классно звучит, а?

— Конечно! — Боб уже успел пару раз приложиться к стекляшке и чувствовал себя на седьмом небе.

Ему было здорово. Нет, ему было просто великолепно. Он ощущал себя всемогущим божеством, которому подвластно все. Это ощущение давал не только белый порошок, но и короткая надпись на новеньких визитных карточках: «Вице-президент».

— Я прямо завожусь от этого. — Пропела вторая девица. Рыжеволосая, длинноногая, в блестящем зеленом платье.

— Нет, просто здорово. — Хихикнул Боб. — Я люблю быть с интеллектуальными женщинами. С такими красивыми и сексуальными.

— Знаешь, иногда я о чем-то думаю и завожусь от этого... — Заплетающимся языком объяснила рыжая.

— Нельзя терять такие отличные порывы. — Расплылся Боб.

— Конечно. Поэтому мне нужна стимуляция. — Девица сыпанула большую порцию порошка за глубокий вырез на груди.

Бобу понравилась эта идея. Повернувшись ко второй девушке, он спросил:

— Тебе тоже?

— Разумеется. — Девица щедро посыпала грудь кокаином.

— Ты только не двигайся. — Предупредил одурманенный наркотиком Боб.

— Я не буду.

Он рухнул на рыжеволосую, зарывшись лицом в пышном бюсте и старательно втягивая ноздрями порошок.

— Боб! — Окликнула вторая. — Ты смотри, весь не растраться. Оставь и мне кое-что.

— Не беспокойся. — Промычал он, еще глубже погружая лицо в вырез зеленого платья.

Ну разве мог он мечтать о чем-нибудь подобном год назад? Теперь же перед ним расстилался весь мир, включая этих девиц. Приятно все-таки чувствовать себя большим боссом.

Мелодичный звонок разлился длинной музыкальной трелью. Не успел стихнуть первый перекат, как за ним тут же последовал второй, потом третий. Тот, кто стоял за дверью, был очень настойчив и очень нетерпелив.

— Это, наверное, шампанское. — Неохотно отлепился от девицы Боб. — Подождите-ка.

На слабеющих ногах он поплелся к двери. Новая трель застала его уже почти на самом пороге.

«Какого черта они подняли такой тарарам? — Раздраженно подумал Боб, поворачивая замок. — На пожар что ли торопятся?»

Дверь распахнулась, и в ту же секунду страшный удар в челюсть свалил Боба Мортона на пол.

Девицы взвизгнули. Человек в длинном черном плаще косо глянул на них и спокойно сказал:

— А ну-ка, сучки, вон отсюда!

Повторять дважды им не пришлось. Быстро собрав свои сумочки, они торопливо процокали каблучками к двери, бросив на ходу:

— Пока, Бобби!

— Позвони мне, когда освободишься!

Кларенс улыбнулся. Опять Бобби. Везет ему на разных Бобби. И ведь вот странность. Как только парня зовут Боб, он тут же умирает. С чего бы это? Причем, как правило, все Бобы порядочные говнюки. По крайней

мере, те, кого он знал. Нет, тут определенно прослеживается закономерность. Нужно будет подумать об этом на досуге. Ухмылка стала еще шире.

Парень, наконец, очухался и, утирая разбитые губы, на полусогнутых отступил к столу, на котором россыпью лежали маленькие пакетики с порошком.

Парнишка, оказывается, кокаинчиком балуется, а? Занятно.

Кларенс подошел к столу и сгреб пакетики в карман плаща. Повернувшись к парню спиной, он вынул из-под полы пистолет и принялся неторопливо накручивать на ствол цилиндр глушителя.

— Ты что делаешь? — Истошно заорал Боб. — Ты знаешь, кто я такой? А? Ты знаешь, кто я? Тебе не уйти с этим, понял?

Бодигер снова ухмыльнулся.

Какие они самонадеянные, эти засранцы. Вот он стоит тут и орет, не подозревая, что перед ним его собственная смерть. Угрожает. Смешно, ей-богу. Я мог бы этому сопляку одной рукой свернуть шею. Или переломать все кости.

Он обернулся и ленивым жестом поднял пистолет.

ПФОРХ! — Звук был такой, словно вылетела пробка из бутылки.

Нога Мортона подломилась, и он тяжело рухнул на пол. Ухватившись руками за ногу, чуть выше раздробленной коленной чашечки, парень заорал:

— Что ты делаешь, мать твою?

Бодигер улыбнулся, словно недоумевая.

ПФОРХ! — Второе колено хрустнуло следом за первым.

— Черт! — Вскрикнул Мортон. — Черт!!! Прекрати!

Кларенс убрал пистолет в карман и не спеша прошелся по комнате, оглядывая обстановку. На столике лежали золотые часы.

Хорошенькая штучка.

Он поднял их и прочел марку. «Ролекс».

Да, Очень хорошая, И дорогая.

Часы последовали за пакетиками;

— Что тебе нужно! — Боб потерял голову от страха. Дрожащими пальцами он цеплялся за ковер, пытаясь ползти следом за убийцей.

— Я отдам тебе все. Правда! Тебе нужны деньги? Сколько? Миллион, а? Наличными?

Бодигер вскинул брови, как бы говоря:

«Да ну? Так много за одну говенную жизнь?»

— Нет? Полтора! Я дам тебе полтора миллиона! Это же куча денег! Представляешь? Полтора миллиона наличными! Ты сможешь уехать! В любую страну!

Убийца запрокинул голову и захохотал.

Отлично! Нужно будет рассказать об этом Дику! «Сможешь уехать в любую страну!»

У него даже слезы выступили. Пришлось снять очки и вытереть глаза.

Похоже, этот парень думает, что за свои жалкие полтора «лимона» может купить Кларенса Бодигера. Представляю, какая у него была бы рожа, объясни я ему, кто перед ним.

Он вытащил из нагрудного кармана рубашки блестящую тарелочку видеодиска и воткнул ее в приемную щель проигрывателя.

Экран ожил и ...

Боб похолодел. Усиленный динамиками голос придавил его к полу.

— Привет, дружок. Говорит Дик Джоунс. Помнишь меня еще, а? Надеюсь, ты уже на коленях. Молишь, чтобы тебе сохранили жизнь? — Голос с притворным сочувствием продолжал. — Это ужасно, Боб. Ужасно. Теперь ты, наверное, не так задиристо себя чувствуешь?

Боб, кривясь от жуткой боли, повернулся к убийце.

— Сколько бы он ни платил тебе, я увеличиваю сумму в два раза. Прямо сейчас.

Но Бодигер лишь равнодушно смотрел на экран, сжимая в руке темный кругляш.

— Знаешь, какая проблема с тобой, Боб? — Продолжал улыбаться в камеру Джоунс. — Мы могли бы быть друзьями, но ты сам не захотел пойти на это. Да, парень.— Постепенно в голосе Дика зазвучали яростные ноты. — Ты решил перепрыгнуть через мою голову. А это очень больно. Но жизнь продолжается и приходится бороться за славу и почести. Не так ли?

Бодигер усмехнулся и открыл ладонь. На ней, поблескивая тусклой ребристой поверхностью, покоилась

граната. Убийца поднял пузатенькую болванку ко рту и, сжав зубами стальное кольцо, легонько потянул.

ЦВОНГ! — Узкая полоска чеки упала на толстый ворсистый ковер. Бодигер аккуратно положил смертоносный бочонок на стол и вышел, тихо прикрыв за собой входную дверь.

И тогда Боб пополз. Ударяясь простреленными коленями об пол, ломая ногти, закусывая до крови губы, он полз к столу.

На полированной поверхности отсчитывала секунды его, заключенная в стальную оболочку, смерть. Голос Дика Джоунса догнал его.

— Боб, в каждой игре есть победитель и есть побежденный. Я ВЫЧЕРКИВАЮ ТЕБЯ ИЗ СПИСКА ЖИВЫХ, БОБ!

Он даже тут не смог удержаться от театрального эффекта. Но Мортону было на это плевать.

Еще два движения, и он, подтянув сведенное больное тело, оказался у стола. Вытянув пальцы, Мортон попытался добраться до гранаты. Это ему почти удалось, но в последний момент рука его дрогнула. Кончики пальцев ткнулись в стол, граната покачнулась и, скатившись со скользкой поверхности, брякнулась на ковер.

Дик Джоунс насмешливо смотрел с экрана, словно видя эти жалкие попытки Мортона и наслаждаясь ими.

Боб уронил голову. Сил у него больше не было.

Кларенс Бодигер, сидя за рулем приземистого темно-синего «линкольна» и покуривая, внимательно наблюдал за горящими окнами. Он должен быть уверен, что все пройдет как нужно. Дик настаивал на этом.

Яркий огненный шар возник в квартире и разорвался с жутким грохотом. Осколки стекла, перемешанные с деревянной щепой, кирпичными обломками и кусками черепицы, разбросало по улице. Взрывная волна ударила в соседние дома, выбивая оконные рамы.

Все. Этого говнюка Боббн больше нет. А его кусочки полицейские смогут обнаружить на Луне.

Бодигер завел машину и быстро уехал, отыскивая глазами какой-нибудь телефон у дороги. Ему нужно было дозвониться Джоунсу, чтобы сказать:

«Все отлично. Дело сделано».

В ночном клубе ревела музыка. Кроваво-красный свет прожекторов делал людей нереальными. Словно стая упырей собралась порезвиться в этом странном зале. Кое-где мелькали обнаженные бюсты девушек. Большинство присутствующих находились в состоянии наркотического транса, и, если бы полицейские надумали устроить здесь облаву, они обнаружили бы массу интересного.

Робокопа сейчас не интересовало содержимое карманов местной публики, и он не собирался производить массовый обыск. Ему был нужен один-единственный человек. Вполне конкретный реальный парень. Эмигрант-француз. Убийца. Нэш Леон.

В шевелящемся море голов довольно трудно было найти определенного человека. Скорее всего обычному полицейскому это и не удалось бы. Но Робокоп был необычным полицейским. Он был суперполицейским и сравнительно легко справился с этой задачей при помощи сканирующего устройства.

Нэш Леон, 29 лет, безработный, весело отплясывал в дальнем уголке с щупленькой темноволосой девушкой. Они были увлечены разговором и не обращали внимания на происходящее у входа. И совершенно напрасно. Прокладывая себе дорогу сквозь толпу, Робокоп приблизился к преступнику. Оттеснив девушку в сторону,

«Процедура ареста. Подозреваемый — Нэш Леон.» он встал прямо напротив парня и, повысив голос до уровня музыки, проревел:

— Где Кларенс Бодигер?

Нэш не был глупым человеком и сразу понял, КТО спрашивает его про Боди. Он узнал эту штуку. Ее показывали по телевизору. И тем не менее это был полицейский, а с копами у него разговор короткий, пусть даже и с электронными. Выхватив из кармана увесистый «вальтер-лонг 0.9», Нэш нажал на курок. Он опоздал всего на долю секунды. За мгновение до выстрела стальные пальцы сомкнулись на его запястье и подняли руку с пистолетом вверх, к потолку. Ревущая музыка заглушила звук выстрела.

А свободный кулак Робокопа ударил Нэша в челюсть. Тот мешком рухнул на пол, зажимая ладонью разбитый рот. Слегка пошатываясь, он все-таки встал и, в свою

очередь, нанес Робокопу страшный удар ногой в живот. Этот удар свалил бы с ног кого угодно. Но только не робота.

Нэш снова скорчился на полу, держась руками за отбитую ступню.

— Ну, ладно, хрен с тобой. Пошли. — Простонал он, глядя на Робокопа снизу вверх.

Тот спокойно кивнул и потащил Леона к выходу.

* * *

5 июня 1999 г. 16.10. В полутора милях от Детройта.

Этот заводик, серый и неприметный, стоял вдалеке от города, скрытый от любопытных глаз высокой бетонной стеной. Если бы все-таки кому-нибудь любопытному удалось перебраться через нее, по ту сторону стены его бы встретили злые, натасканные на людей собаки и вооруженная охрана. В этом варианте тело несчастного нашли бы нескоро, если бы вообще нашли. По документам этот завод давно пришел в упадок и закрылся, хотя любой удивился бы суете, царившей здесь. Владел этими постройками некий Донован Страйкер. Подставное лицо, которого никогда не существовало в природе. Фактическим хозяином завода был Сэм Кристоферсон. Воротила наркобизнеса. А на этом самом заводе производился и расфасовывался героин. Продукция этого предприятия не имела фирменного клейма или торговой марки. Наоборот. Все это тщательно скрывалось. Зелье расползалось по всему городу, проникая в кинотеатры, школы, колледжи, на заводы и даже в некоторые государственные учреждения. Любителей «белой смерти» гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда. Даже на центральных улицах можно было встретить подростков с белыми пакетиками, торопливо скрывающихся при виде форменных касок или патрульных «поршей».

Несколько сотен работников трудились на этой «фабрике смерти», следя за тем, как скрупулезно взвешивается и упаковывается драгоценный порошок.

Кларенс Бодигер присел на аккуратный вращающийся стул, а Джо Кокс и Стив Минш замерли у него за спиной, держась за теплые рукоятки пистолетов. Напротив, за

столом, объемный мужчина в джинсах и красной в крупную клетку рубашке лениво распотрошил чемоданчик, вывалил на стол груду пластиковых пакетиков, наполненных белой пылью.

Это был Сэм Кристоферсон. Лысый, с красной физиономией, на которой красовались пшеничные усы, он напоминал моржа. Охранники расположились по всему цеху на балконных переходах второго этажа. Их было не меньше двух десятков, и еще двое стояли за спиной Сэма, сжимая в руках тупорылые короткоствольные «узи». Здесь было за что волноваться. Совершалась крупная сделка на семь миллионов долларов. Только вот, разговор получался уж больно напряженный.

Оглядев товар, Кларенс откинулся на спинку, достал сигарету и закурил, выпустив дым к потолку.

— Нет, Сэм. Не думай, что я заплачу такие бабки. Мне плевать на то, что ты говоришь. Здесь я устанавливаю цены. Я контролирую весь Детройт, и ты это знаешь. А значит, мне положена скидка.

Кокс быстро положил на стол «атташе-кейс», щелкнул замками и вывалил перетянутые бумажными лентами толстенькие пачки. Все купюры были достоинством не меньше ста долларов.

— Ну-ка, глянь, что мы тебе принесли, Сэм. Я могу забирать твой товар оптом, большими партиями, и тебе не придется подставлять свою задницу. Что скажешь! Подумай как следует, приятель. Тут большой бизнес.

Сэм поскреб подбородок и сплюнул на пол.

— Может быть, мы и смогли бы договориться. Но вы убиваете слишком много полицейских, Боди. У тебя, конечно, есть связи в центре города[1], но люди недовольны. Они нервничают. Многие хотели бы видеть меня во главе дела, а не тебя.

— Нууууу... не знаю... — протянул Кларенс, отшвыривая окурок в сторону. — Не знаю, не знаю. Даже и в голову не приходит, что сказать. Я вроде бы достаточно ясно выражаюсь. Мне не очень охота связываться с тобой, Сэм. Да. Но ты, конечно, прав. Прав. Связи у меня есть, это верно. У меня все схвачено. — Тон его изменился. Из расхлябанно-иронического он стал жестким

[1] «Связи в центре города» (сленг) — аналогично русскому: «У тебя есть связи наверху».

и холодным. — И уж конечно, у меня есть мускулы, чтобы раздавить урода вроде тебя!

В ту же секунду по залу прошел шум. Двадцать стволов смотрели на Бодигера. Но два упирались в потный лысый череп Кристоферсона.

— Спокойно. — Прошипел один из охранников Кларенсу. — А то мы тебе башку отстрелим.

Теперь все зависело от того, как точно он сыграет. Кларенс тихо засмеялся. Он любил такие моменты. Обожал их. Риск, когда ты бежишь по краю пропасти с завязанными глазами. Близость возможной смерти щекочет нервы. Прекрасное чувство. Ради таких моментов стоило жить.

Бодигер засмеялся, на этот раз громче и, наклонившись вперед, выбил ладонями звонкую дробь о крышку стола.

— Ух ты! — Весело выкрикнул он, подмигивая Сэму. — Пушки, пушки, пушки. Кругом пушки. Ну что, парень, станцуем наш последний танец сегодня вечером, а?

Сэм молча уставился на него. Он ожидал любой реакции, кроме этой. И теперь решал, что же лучше-то! Стрелять или согласиться на предложенные ему условия. С одной стороны, весомая потеря в деньгах, а с другой... неизвестно, как обернется дело, если начнется пальба. Скорее всего, один из этих парней, стоящих за спиной Бодигера, успеет нажать на курок. Хотя можно попробовать спастись, нырнув под стол. Реакция врага совершенно выбивала его из колеи. Почему он смеется! Ладно. Из двух зол, как говорится...

— Я ведь еще не отказался от предложения?.. — Словно ничего не произошло произнес Сэм, подавая знак своим «гориллам» убрать оружие.

— Я уж понял! — Усмехнулся Кларенс. Пистолеты его приятелей скользнули за поясные ремни. — Мы просто шутим...

Гулкий удар в дубовую, обитую железом дверь потряс здание.

Все обернулись. Снова появилось оружие, но на сей раз оно было обращено в сторону выхода.

ГУУУУУУУУММ! — Еще один удар расколол тишину и, прокатившись эхом под низкими сводами, замер.

— Какого черта? — Прошипел Сэм. Из ящика стола он достал пистолет и взвел курок.

КРАНГ!!!! — Дверь наконец, не выдержала мощного натиска и слетела с петель. Густое облако пыли поднялось в воздух, кружась в лучах солнечного света.

Кларенс тоже приготовился стрелять. Он ожидал, что сейчас в проем ринется целая армия копов и начнется настоящая война, но...

Вместо этого — единственный человек. Выглядел он довольно странно, но это вовсе не смутило Кларенса. Ему даже захотелось расхохотаться, но смех вдруг застрял у него в горле.

Подожди-ка, а не про эту ли хреновину рассказывал Нэш, а? Если это так, то дело серьезное, хоть здесь и двадцать с лишним стволов.

Робокоп уверенно шел через зал, оглядывая охранников, выискивая Бодигера.

Нэш, хоть и был умным, — он так ни в чем и не сознался — но все-таки намекнул, где можно найти босса. Правда, сделал это только после того, как получил хорошую взбучку.

Робот насчитал не меньше пятнадцати человек, и у всех было автоматическое оружие. И, почти наверняка, ни у кого из них не было на него разрешения.

«Система наведения на цель: включена.

Система слежения: включена.

Задействовать все системы обнаружения».

Увеличив громкость голоса до максимума, Робокоп произнес:

— Бросайте оружие! Вы арестованы!!! В ту же секунду в его мозгу сформировались новые фразы, которые — ? сами собой ? — и прозвучали в гулком зале:

— Советую сдаться по-хорошему, ребята! Иначе у вас возникнут серьезные проблемы!

«Подсчет целей произведен.

Обнаружено 26 человек».

— Пошел ты к такой-то матери! — Заорал Сэм, вскидывая пистолет. Ему вовсе не улыбалось быть арестованным, да еще на своем заводе, где улики, как говорится, налицо.

Поэтому и выстрелил он первым. Пуля звонко щел-

кнула по нагрудной пластине Робокопа, и взвизгнув, ушла рикошетом в сторону.

И тотчас открыли огонь остальные «горилды». Это, действительно, было похоже на войну. Пули отбивали куски бетона, впивались в ящики, наставленные штабелями здесь же, со звоном вылетали изрешеченные стекла. Куски арматуры раскатились по полу. Клубы порохового дыма стелились по цеху, а сквозь них то там, то здесь виднелись яркие всполохи выстрелов.

Пули щелкали по бронированному панцирю робота, не причиняя никакого вреда. Робокопу не нужно было целиться. Достаточно того, что система наведения уловила цель. Дальше все происходило автоматически. Палец только нажимает курок.

БАНГ! — Один из охранников, выронив автомат, сползает вниз. На груди его расплывается бордовое пятно.

БАНГ! — Еще один, перевалившись через парапет, полетел с высоты второго этажа на бетонный пол.

Робот продолжал вертеть головой, осматривая вероятные мишени. Бодигера нужно было исключить из их числа. Он должен остаться живым.

БАНГ! — Выскочивший из-за стены ящиков человек мешком рухнул на пол.

Сэм несколько раз подряд нажал на курок. Опустошив обойму, он отшвырнул пистолет и метнулся к столу. Даже слепой понял бы, что их пальба не причиняет полицейскому никакого вреда. А значит, оставалось одно — бежать. Раскрыв чемоданчик, Сэм принялся сгребать туда пакетики с порошком и тугие пачки денег. Крышка едва захлопнулась, ему даже пришлось навалиться на нее всем весом.

Подхватив «кейс», он рванулся к выходу. Пробежав по узкому проходу между двух высоченных штабелей из ящиков, Сам выскочил в коридор, угодив прямо под перекрестный огонь полицейского и своих же телохранителей. Потоки раскаленного свинца прошили его насквозь и отбросили к стене. Из раскрывшегося от удара «кейса» посыпались пакетики. Тонкие струйки порошка брызнули в воздух, когда пуля сорок пятого калибра попала в полиэтиленовые упаковки. Стодолларовые банкноты разлетелись по полу, покрыв его серо-зеленым бумажным ковром.

Кокс и Минш тоже не отставали от остальных. Минш уже успел подхватить «узи» кого-то из мертвых «горилл» и сейчас поливал пространство внизу свинцом. Как садовник поливает свою любимую клумбу. Тщательно и аккуратно. Держа автомат перед собой на вытянутых руках, страшно оскалясь, он выкрикивал китайские ругательства пополам с американскими.

Робокоп увидел его и тотчас же вспомнил. Один из его убийц! Без всякого сожаления робот вскинул пистолет и нажал на курок. Минша подбросило в воздух, и, перелетев через перила мостика, он рухнул с пятиметровой высоты в нагромождения ящиков.

Коксу повезло больше. Следующая, выпущенная Робокопом пуля, ударила в пистолет. Правда, негру сильно отбило обе руки, но он, по крайней мере, остался жив. Упав на пол, он застыл, притворившись мертвым.

Мало-помалу огонь начал стихать. Робокоп продолжал идти через цех, отыскивая Бодигера. Те из «горилл», кому посчастливилось остаться в живых, предпочли спрятаться, прекратив стрелять. Цех был усеян телами. На полу валялись обломки досок, осколки стекла, и кучи стреляных гильз поблескивали желтоватыми боками.

Кларенс, спрятавшись за штабелями ящиков, наблюдал за гигантской, остановившейся посреди зала фигурой. Он оставил надежду пристрелить робота и теперь просчитывал пути к отступлению.

Можно попробовать выбраться через окно в соседний цех. Оттуда — на улицу, и смыться. Хотя, смешно думать, что этот парень не заметит его. Но если попытаться добежать до выбитой двери, металлический урод его просто-напросто пристрелит. Как быть?

Он выбрал первый вариант. Не зная, что представляет из себя Робокоп, Бодигер не мог даже предположить, что уже обнаружен. Оглянулся он только тогда, когда зычный голос раздался над самым ухом.

— Кларенс Бодигер, Вы арестованы!

Убийца рванулся, но железная рука легко приподняла его в воздух и швырнула в окно соседнего цеха.

Описав фантастическую дугу и выбив стекло, Кларенс упал на усеяный осколками бетон.

Робот надвинулся на него и, забрав в титановую ладонь ткань рубашки, притянул бандита к себе.

— У вас есть право хранить молчание!

— Да пошел ты к... матери, ублюдок. — Просипел Кларенс.

В следующую секунду его тело опять взмыло в воздух.

КЛАЦ! — Огромная перегородка брызнула стеклами, а он вновь приземлился на пол, подвернув руку.

— Эй, погоди! Погоди!!! — Испуганно заорал Бодигер, глядя на приближающегося Робокопа. — Меня защищают! У меня есть «крыша»!!!

Он в третий раз описал дугу и рухнул спиной на стол, отчего тот хрустнул и развалился на куски.

«Режим записи включен».

— Все, что вы скажете, может быть использовано против вас !

В мозгу Робокопа проснулся ЧЕЛОВЕК. Он завладел телом и теперь, задыхаясь от ярости, гнал своего собственного убийцу, как волк раненого кролика.

— Что за дерьмо такое!!! — Простонал Бодигер. — Слушай меня! Слушай меня, урод!!! У меня есть парень в «Оу-Си-Пи»! Аааааааааааа!!!!!!.....

БЛАМС! — Стеклянный вентиляционный шкаф дрогнул, когда тело, перевернувшись в воздухе, врезалось в него.

Из разбитого лица преступника текла кровь. Переносица опухла и напоминала объемную грушу.

— У вас есть право на адвоката! — Спокойно заявил Робокоп, подходя к Кларенсу.

Тот испуганно попятился, прикрываясь руками.

— Это Дик Джоунс ! Ясно тебе, урод! Это Дик Джоунс!!!

Робот легко ухватил его за шею и резко притянул к себе. Кларенс лицом врезался в стальную маску, оставив на ней алые пятна.

Он что, не понимает ни хрена, этот железный ублюдок? Не знает, чем ему это грозит? Да Дик Джоунс его в порошок сотрет!

Нестерпимо ныло разбитое, изрезанное стеклами лицо.

Бодигер поднялся на ноги. Очки сползли набок, одна из линз треснула, тщательно набриолиненные волосы

растрепались; дорогой пиджак порван, заляпан кровью и пылью. Словом, задержанный представлял из себя довольно жалкое зрелище. Тем не менее ему удалось выпрямиться и выдавить злобно:

— Слушай ты, сосунок! Я работаю на Дика Джоунса! Он второй человек в «Оу-Си-Пи». «Оу-Си-Пи» контролирует полицию, а ты — полицейский!

Робокоп несколько секунд изучал его, а затем спокойно подтвердил:

— Да. Я — полицейский.

В нем боролись две силы: человек, которым он был когда-то, и заложенная в компьютер программа, гласившая:

«Директива N3. Утверждать правопорядок».

Это значило, что робот не может нарушить закон. Программа победила.

Мерфи, наверное, поддался бы искушению и пристрелил Бодигера. Робокоп же только крепко ухватил его за плечо и невозмутимо добавил:

— А ты — убийца. И пойдешь со мной.

Бодигер сплюнул на пол кровавый сгусток и, злобно ухмыльнувшись, пробормотал:

— Ладно, засранец. Пока один:ноль.

* * *

Западный полицейский участок. 5 июня 1999 г. 18.15.

Сегодня в участке было на редкость тихо. Объяснялось это довольно просто: сегодня погибло двое полицейских. Их изрешеченные трупы нашли в машине неподалеку от города.

Никто не знал точно, как это произошло, но все были в курсе — за два часа до гибели кто-то из этих парней попытался выйти на связь. Но сигнал тут же оборвался. Подняли тревогу. На поиски отправили всех свободных патрульных. Но когда их все-таки нашли, было уже поздно. Двое молодых ребят погибли.

Примерно три месяца назад сержант написал рапорт в «Оу-Си-Пи» с просьбой оснастить полицейских персональными датчиками. Корпорация ответила утвердительно, но датчики так и не выдали. Из-за этого и вспых-

нула очередная перебранка. Джерри Спензер, пузатый полицейский, снова принялся призывать коллег к забастовке. Собравшись группой, полицейские пошли к сержанту, где и наткнулись на жесткий отпор. Негр слышать не хотел о забастовке. Это был его участок, через него проходили все сведения, и он лучше других представлял, каковы могут быть последствия подобной акции. Хотя, как человек, сержант был вполне согласен со своими подчиненными и понимал, что рано или поздно их терпение лопнет. Но как начальник Западного полицейского участка противостоял этим людям, выполняя свой долг. На этой почве и возник конфликт, достигший своего пика к моменту, когда Робокоп втащил в дежурное помещение окровавленного Бодигера.

— Не знаю! — Ревел Спензер. — Не знаю! Мне самому не очень это нравится, но я не вижу другого выхода! Эти уроды из «Оу-Си-Пи» пляшут на наших трупах! Они экономят деньги, а мы подыхаем из-за этого!

— Слушай, ты! — Заорал в ответ сержант, наклоняясь к подчиненному через стол. — Ты призываешь к тому, чтобы закрыть главный полицейский участок Детройта! Ты понимаешь, что тогда произойдет, а? Да весь этот город полетит в тартарары! Взорвется! Его просто в клочья разнесут, понятно?

— Но мы потеряли пять человек за одну неделю, сержант! Пять!

Робокоп приблизился к спорящим и толкнул Бодигера грудью на конторку.

— Арестуйте его! — Спокойно произнес он и не спеша пошел к выходу.

— Эй! — Окликнул его сержант. — А обвинение!

Робот не остановился. Он только чуть повернул голову и бросил через плечо:

— Он — убийца полицейских!

Дверь хлопнула, и в участке стало абсолютно тихо.

— Ну! — Криво ухмыляясь опухшими губами, выдавил Бодигер.— Где этот мой гребаный телефонный звонок[1].

1 По закону США, задержанный имеет право на один телефонный звонок после ареста.

* * *

Дик Джоунс, сидя в мягком кресле, твердо сказал в телефонную трубку:

— Я все понял. Все понял. Через двадцать четыре часа я вытащу тебя оттуда. Только не болтай там ничего... — Он помолчал, слушая собеседника, и, сморщившись, бросил трубку на рычаг. — Черт! Все облажал...

Действительно. Так плохо пока еще не было. Случалось, конечно, что Кларенс залетал в полицию, но по большей части, по мелочам. А тут — обвинение в убийстве! Было над чем подумать. Слава богу, что у этого придурка хватило ума позвонить и предупредить. Теперь, по крайней мере, он готов к встрече. А этого парня — Робокопа — все равно придется убирать. И чем быстрее, тем лучше. Слишком уж шустро он сунул свой нос в чужие дела. Сейчас, когда новоиспеченный вице-президент уже на небесах, можно повернуть дело так, как ему этого захочется. Лучше всего было бы отозвать робота и демонтировать, но после случившегося он вряд ли так просто даст себя поймать. Но есть и другой вариант. Для него не потребуется особых усилий. Нужно лишь пару гранатометов и несколько крепких ребят. И то, и другое — не проблема. Надо, в первую очередь, вытащить из кутузки Бодигера, а уж остальное он возьмет на себя.

Дик усмехнулся.

Для него не составит труда достать пару пушек помощнее. Благо, что «Оу-Си-Пи» — компания, имеющая общие дела с военными.

Экран переговорного устройства ожил.

— Мистер Джоунс, только что подъехал этот робот... Я пропустил его к вам.

— Хорошо. Да, если у меня возникнут какие-нибудь проблемы с этим парнем, я дам знать.

— Понял, мистер Джоунс. — Изображение пропало.

Он так и думал. Робокоп сам идет к нему. Ну что ж. Это хорошо. Когда он отсюда выйдет, если, конечно, выйдет, его уже будет поджидать поднятая по тревоге армия «Оу-Си-Пи».

Дверь с шумом открылась, и тяжелая фигура Робокопа шагнула в кабинет...

Джоунс расплылся в доброжелательной улыбке:

— Аааа! — Протянул он, словно увидел долгожданного гостя. — Заходите, офицер. Милости прошу. Я никого не принимаю без предварительной договоренности, но в вашем случае сделаю исключение.

— Я должен арестовать вас. — Спокойно сказал робот.

— Ну что ж, тогда арестуйте. — Пожал плечами Джоунс.

— Я так и сделаю.

Робокоп шагнул к столу, вынимая на ходу наручники, но в ту же секунду его скрутила страшная боль. Суставы начали выходить из пазов. Тело свело в какой-то странной механической судороге. Он не мог пошевелиться. И не мог ничего предпринять.

Дик Джоунс довольно рассмеялся.

— Какие-нибудь проблемы, офицер?

На экране, вмонтированном в шлем робота, мигали зловещие зеленые буквы:

«Директива N4».

— Я скажу вам, в чем дело. — Джоунс встал и прошелся вокруг скрюченного, застывшего в нелепой позе, гиганта. — Небольшая страховка, которая называется «директива номер четыре». Небольшой вклад в вашу программу, который сделал лично я. Вы не можете арестовать «высокопоставленного офицера "Оу-Си-Пи"». А ты, ублюдок, наверное, думаешь, что ты обычный офицер полиции? Нет. Ты — наш продукт! И мы не допустим, чтобы наш продукт двинулся против нас. Вот так.

Чувствуя безумную боль во всем теле, Робокоп попытался достать пистолет, но новый приступ, еще более острый, бросил его на колени.

Так был устроен Робокоп. При физическом повреждении специальные раздражители оказывали воздействие на мозг, подавая сигнал о нарушении. То же самое должно было произойти, если бы робот предпринял попытку ослушаться заложенных в нем инструкций. Сейчас создалась именно такая ситуация. Он был совершенно беспомощен, находясь рядом с преступником.

Джоунс заметил жалкую попытку Робокопа.

— Значит, ты еще хочешь подраться, а? — Дик взял со стола пульт дистанционного управления. — Я должен

был убить Боба Мортона, потому что он допустил ошибку. Теперь пришло время исправить ее. — Пояснил он и нажал кнопку. — Познакомься с моим другом. Это — Эд-209. Кстати, твой коллега.

Часть стены скользнула в сторону, и в комнату вошел робот. Яйцеобразное тело на толстых страусоподобных ногах. Мелькнули, выдвигаясь, круглые отростки, из которых торчали стволы пулеметов. Чуть ниже из маленьких углублений появились две ракеты.

Джоунс подошел к столу и нажал кнопку вызова. Экран ожил. Охранник в защитной кепочке выжидательно уставился на вызывавшего.

— У меня проблема. — Сообщил Джоунс. — Вы знаете, что делать.

— Да, сэр... — Монитор моментально погас.

Вот и все. — Подумал Дик. — Конец непобедимому Робокопу.

Он еще раз ухмыльнулся и вышел из кабинета.

Как только Джоунс удалился, боль исчезла. Робокоп обрел возможность двигаться, а это было самое главное.

Эд не стал дожидаться, пока враг поднимется. Он выпустил первую ракету. Белый цилиндр, шипя, скользнул к цели. Робокоп успел увернуться каким-то чудом. Взрыв разворотил половину кабинета, разбросал мебель, сорвал ковер. Маленькие язычки пламени поползли по паркету. Робокоп прекрасно понимал, что титановой оболочке не устоять против хорошего пулеметного залпа или прямого попадания ракеты. Это означало бы смерть. Заметив, как вторая ракета вышла из удерживающих пазов, он бросился вперед и, ухватившись за стальное «крыло», титаническим усилием рванул его к потолку. Струйка пламени мелькнула у самого лица робота, и ракета, врезавшись в перекрытие, взорвалась, разбросав вокруг капли рыжего пламени.

Компьютер Робокопа просчитывал наиболее вероятные пути отступления. Он учитывал все. Размеры комнаты, степень разрушения и задымленности, особенности фигуры противника и еще два десятка различных факторов, вычленяя крупицы информации, дающей наибольший шанс на спасение. За ничтожную долю секунды компьютер подытожил: абсолютно безопасного пути нет.

Каким бы образом Робокоп ни попытался бы уйти, повреждений не избежать. Можно только постараться свести их к минимуму. Оттолкнувшись от противника, робот пересек комнату и рванул дверь пожарного выхода. Он сделал это настолько быстро, насколько позволяло тяжелое тело, и все же Эд успел достать его. Снаряды авиационных пулеметов ударили в броню и сбили Робокопа с ног.

Боб Мортон не предполагал, что против его детища будет применено оружие столь крупного калибра.

Скатившись на один пролет вниз по лестнице, Робокоп поднялся на ноги. Эд, добравшись до двери, выпустил еще одну очередь, но противник находился вне зоны поражения. Робот задумался, решая важную задачу: позволяют ли его технические параметры вести преследование жертвы по узкой лестнице. В его компьютер подобная программа заложена не была. Но в то же время существовал строгий и однозначный приказ: «Преследуемый должен быть уничтожен».

Приказ оказался сильнее, и Эд сделал шаг. Лапы, совершенно непригодные для погони по ступенькам, не нашли опоры, и охотник покатился вниз, проделав тот же путь, что и жертва. Только, в отличие от противника, Эд был менее подвижен. Он так и остался лежать на «спине», рассекая воздух мощными ударами стальных лап.

Робокоп окинул взглядом поверженного врага и подвел итог. На мониторе значилось:

«Незначительные повреждения покрытия.

Степень повреждения: 1,7%».

Конечно, это было не очень хорошо, но могло бы быть еще хуже, не успей он увернуться от ракеты.

Робот зашагал вниз, на улицу. Ему нужны люди и компьютер. Но в первую очередь ЛЮДИ.

Он не мог знать, что люди уже ждут его.

Засев за плотным кольцом патрульных машин, ощетинившись стволами дробовиков и автоматов, они напряженно наблюдали за широкой стеклянной дверью. Там, внутри здания, находился опасный, взбесившийся робот. Он мог разорвать любого из них пополам так же просто, как переломить спичку. Только что сошедшая с

ума машина чуть не убила вице-президента корпорации Ричарда Джоунса. Не случись этого, вряд ли кто-нибудь из полицейских пришел бы сюда. Но тут... смертельная опасность грозила ЛЮДЯМ со стороны робота. Поэтому к небоскребу были стянуты полицейские силы со всего города.

— Приготовьтесь открыть огонь, — выкрикнул человек в штатском, один из начальников службы безопасности «Оу-Си-Пи». Узнай об этом полицейские, они бы тут же задались вопросом: почему этот человек здесь, а не возле своего раненого босса. Но полицейские этого не знали. Они подчинялись приказу. Металлический лязг взводимых курков перекрыл остальные звуки. Им тоже был виден шагающий к дверям Робокоп.

Его ослепил яркий свет мощных прожекторов. Он даже не различал людей. Только застывшую массу да тусклые блики на стволах оружия. Робокоп не понял, зачем они здесь. Ему показалось, что все эти люди пришли, чтобы помочь ему. Они ведь тоже были полицейскими.

Джерри Спензер приподнял голову.

— Эй, ребята! Погодите! Я знаю его! Этот парень служит в нашем участке! Он — полицейский!!! — выпрямившись во весь рост, Джерри закричал стоящему в стороне человеку в штатском. — Вы что, с ума посходили?

— У нас есть приказ уничтожить его! Этот робот — собственность корпорации! — Заорал тот в ответ. — Стреляйте, и никаких разговоров!

— Да черта с два! — Возмутился Джерри. — Стреляй сам! Еще не хватало, стрелять в своих же ребят!

— Я приказываю стрелять!

— Да пошел ты к такой-то матери, урод! — Выкрикнул полицейский.

— Открыть огонь!!!! — Заревел штатский. — Иначе у вас будут неприятности!

— Вот дерьмо! — Буркнул кто-то из толпы. — Маньяки чертовы.

— Открыть огонь!!!

Робокоп узнал этого пузатого полицейского. Он помнил его по ТОЙ жизни.

Стрелять все-таки начали. Гигантская волна беспощадного огня поглотила его. Но робот успел разглядеть: там, где расположился Западный полицейский участок, стрельбы не было.

Остальные не отважились нарушить приказ, зная, что последует за этим.

Робот пошел к эстакаде, ведущей в подземный гараж. Он не смог открыть ответный огонь.

Он тоже был полицейским. Звали его — Алекс Джей Мерфи. Место службы — Западный полицейский участок.

Пули плющились о титановое покрытие. Подточенное пулеметной очередью, оно поддавалось, разрушаясь все больше и больше. Со звоном лопнуло стекло монитора, и сквозь смотровую щель на людей взглянули испуганные человеческие глаза.

Двести стволов извергали несущий гибель свинец. Робокоп почувствовал, как лопнула обшивка на шее. Пуля прошла между поршнями, чуть зацепив маленький, почти незаметный, коричневый прямоугольник. Блок, управляющий наведением на цель, вышел из строя.

Он не мог оценить, насколько серьезно повреждение, поскольку монитора больше не существовало. Была только боль. Такая же как

НА ХИМИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ, ГДЕ ЕГО УБИЛ КЛАРЕНС БОДИГЕР.

Пуля, ударившая под шлем, сбила Робокопа с ног. Распластанный, он лежал на асфальте, глядя, как люди, не прекращая огня, выбираются из-под укрытия патрульных машин, обходя его широким полукольцом. Еще одна пуля попала в шею, продырявив обшивку.

Мерфи на мгновение потерял сознание. И тогда включился робот. Компьютер, запрограммированный на спасение, взял на себя управление телом.

Так его научили люди. В критической ситуации — выжить. Во что бы то ни стало.

Скрюченные пальцы подтянули тело к зазору между тротуаром и эстакадой и втянули его внутрь. Робот сполз по наклонной стене на асфальт подземного гаража и замер, оценивая ситуацию. Прямо перед ним, в трех метрах, не больше, стоял черный «порш». Все его надежды

оказались пустыми. Спасение обернулось ловушкой. Выхода не было.

Черная фигура в бронежилете и шлеме открыла дверцу и шагнула к нему.

— Мерфи! Мерфи, это я — Луис! — Сказала она.

ЛУИС? ДА. ЕГО НАПАРНИЦА. ЛУИС!

Девушка протянула ему руку, помогая подняться. Ей не удалось бы удержать его, робот прекрасно понимал это, но протянутая рука придала ему сил. Робокоп встал. Прихрамывая, он побрел к машине. Видимо, пуля зацепила колено, и оно очень болело.

Преследователи протиснулись в щель в тот момент, когда «порш», взревев, рванул с места.

— Огонь!!! — Заорал человек в штатском, разряжая свой «магнум» вслед быстро удаляющемуся автомобилю. — Огонь!!!!!

Но было уже поздно. Так или иначе, а роботу удалось скрыться.

* * *

Западный полицейский участок. 5 июня 1999 г. 23.15.

— Да ты что, сержант, не понимаешь? — Джерри, засунув руки в карманы, стоял перед конторкой. — Они хотели, чтобы мы стреляли в своего парня! Им мало, что наши ребята погибают! Эти уроды совсем нам на голову сели!

— Ну и что ты хочешь? — Устало спросил его сержант.

Он сидел за конторкой, подперев подбородок сомкнутыми в «замок» пальцами. Ему тоже не нравилась вся эта история, и он, действительно, очень устал. До чертиков. А кроме того, сержант понимал. Терпение людей лопнуло. Последней каплей было сегодняшнее происшествие. Всего несколько часов назад этот парень притащил им опаснейшего убийцу. «Оу-Си-Пи» забирает преступника к себе, — ему уже звонил эта сволочь Дик Джоунс, — а робота хладнокровно расстреливают по его же приказу.

— Формально они правы. Этот робот — их собственность, и эти ребята могут делать с ним все, что им заблагорассудится.

— Да мне плевать, что они говорят! — Взорвался Джерри. — Этот парень работал со мной в одном участке! Он наш! Полицейский! И классный полицейский, ты знаешь это !

— И что? — Спокойно спросил сержант.

— В общем так. — Вдруг тихо сказал Джерри. — Я не знаю, как остальные, но меня завтра здесь не будет! Посмотрим, что запоют эти говнюки из «Оу-Си-Пи». — Он резко повернулся и пошел к выходу, но на пороге остановился. — Если тебе от этого станет легче, сержант, заявление ляжет на твой стол через три дня. Девятого. — Джерри вышел, громко хлопнув дверью.

— Кто-нибудь еще думает так же, как Спензер! — Негр обвел взглядом молчащую толпу.

Рыжий здоровяк шагнул вперед.

— Как хочешь, сержант, но я в его команде. — Сказал он и направился к дверям.

— Эй, погоди-ка! — Крикнул еще один парень. — Тебе в какую сторону.

— Стойте, ребята, я с вами!

Один за другим, полицейские покидали участок.

Оставшись в одиночестве, сержант усмехнулся. Он был бы разочарован, если бы дело кончилось иначе.

* * *

Телекомпания «Мидия-Брайт». Программа новостей.

— Большое вернулось! Чем больше, тем лучше! «Дженерал моторз», модель 6000 Эс-Ю-Эс. В лучших американских традициях!

— Привет! Я — Джим Перкинс! Это — Кейси Горнз! Мы расскажем вам о событиях в Санта-Барбаре! Большой участок был сожжен в результате ошибки системы наведения на лазерном спутнике! 130 человек погибли. Среди них два бывших президента Соединенных Штатов, которые проживали в этом районе!

— Представители корпорации «Оу-Си-Пи» ведут переговоры с руководством Западного полицейского участка по поводу начавшейся забастовки. В этом случае треть жителей города лишится защиты, а три оставшихся участка — поддержки, и не смогут функционировать в полную силу.

Наш репортер на улицах города.

— Вчера они еще патрулировали улицы, а что нас ждет сегодня?

Питер Уайдлер, домовладелец:

«— Полиция не должна бастовать, нет. Просто не имеет права».

Ким Рузенберг, безработный:

«— Нет, ребята, так не пойдет, Это же джунгли будут вместо улиц, если полицейские начнут бастовать».

— Почти половина полицейских не вышла на работу! Что же принесет нам сегодняшний день?

* * *

Офис корпорации «Оу-Си-Пи». 6 июня 1999 г. 11.30.

Джерри Спензер был абсолютно прав, когда сказал: «Посмотрим, как они запрыгают?»

ОНИ, действительно, запрыгали. Забастовка оказалась эффективным средством. Мало того, что средства массовой информации практически всю ответственность за эту акцию возложили на «Оу-Си-Пи«, и это грозило очень крупным скандалом, но еще и возникли трения с мэрией по поводу ряда социальных проектов.

В частности, и по поводу строительства Дельта-Сити.

Мэр не угрожал впрямую, но выразил большое сомнение в надежности и целесообразности работы с корпорацией. Он был очень удивлен и раздражен, когда узнал о вчерашней попытке уничтожить Робокопа. Этот парень однажды спас ему жизнь, а у мэра была хорошая память. Но привлечение к этой работе полицейских окончательно вывело его из себя.

Уже с самого утра кривая показателей совершаемых преступлений резко поползла вверх. Практически беззащитные жители города подвергались нападениям, грабежам и насилию среди бела дня даже на довольно люд-

ных улицах. Грабились магазины, причем грабители не торопились скрыться с места преступления. Они спокойно выходили, а самые веселые еще и делали при этом ручкой. Грабились неохраняемые банки. Преступность Детройта праздновала свободу. Полицейские трех работающих участков разрывались на части, пытаясь поспеть во все места сразу.

Некоторые сотрудники Западного участка решили выходить на ночное патрулирование, хотя их было слишком мало для поддержания порядка в большей части города. Несколько полицейских дежурили в участке. Они выезжали на вызовы, где существовала реальная угроза убийства. На все остальные звонки отвечали просто: «Простите, у нас забастовка».

Город находился под угрозой «войны». То там, то здесь вспыхивали перестрелки между конкурирующими группировками, но они тут же объединялись, если появлялся патруль, и общими усилиями давали отпор. Полицейских было очень мало, а преступников очень много.

На улицах Детройта торговали наркотиками. В открытую, безбоязненно. Продавали оружие. Кое-кто из горожан, понимая, во что превратится город ночью, вооружались. Создалась критическая ситуация.

Правление корпорации «Оу-Си-Пи» собирало срочное совещание. Всех заботило одно: какие экстренные меры можно предпринять для поддержания правопорядка в городе.

Секретарша вице-президента корпорации Дика Джоунса тоже была обычным человеком. Живым, из плоти и крови. И ее не меньше, чем других, волновали проблемы безопасности. Своей и своих детей. Звали ее Барбара Уиллоу, и она как раз разговаривала со своей шестилетней дочерью, когда дверь открылась, и в приемную вошел Кларенс Бодигер. Барбара очень не любила этого типа. При том, что он был обаятелен и улыбчив, в его облике сквозила постоянная угроза. Так бывает, когда видишь хищника в зоопарке. После разговора с Бодигером ей всегда хотелось сходить помыться. Барбара прекрасно понимала, ЧТО это за человек.

Вот и сейчас, не успела она еще повесить трубку, а

он уже уселся на краешек стола и закурил, выпуская в потолок столб дыма.

— Привет, Барбара. — Улыбнулся Бодигер.

Она не без некоторого удовольствия отметила, что все его лицо в ссадинах и порезах, а нос распух.

— Я пришел повидаться с Диком Джоунсом, но, когда мы закончим, у меня будет свободное время. Может быть, ты сможешь заняться мной?

Барбару передернуло. Иногда бывало, к боссу заходили довольно симпатичные мужчины и кое-кто из них, случалось, назначал ей свидания. Она была вовсе недурна собой. Театр, ресторан, иногда дело заходило и дальше. Но с этим говнюком? Нет уж. Лучше она уляжется с первым попавшимся люмпеном, чем с таким ублюдком, как Бодигер.

Подчеркнуто холодно Барбара отрезала:

— Он ждет вас, мистер Бодигер.

Кларенс улыбнулся.

— А ты подумай над моим предложением, детка.

Он открыл дверь и шагнул в кабинет. Новая мебель. Стекла вставлены. Но в зале воняло свежей краской. Только это и напоминало о вчерашнем побоище.

— Привет, Дик. Как дела? — Боди засунул руки в карманы нового, с иголочки, шикарного костюма.

Джоунс обернулся к вошедшему и резко ответил:

— Это существо еще живо!

Бодигер сел на огромный роскошный диван.

— Я не понимаю, о чем ты.

Это было ложью. Он прекрасно понял, о каком существе идет речь. Кларенс никогда не считал себя трусом, такого же мнения придерживались и другие. Но связаться еще раз с этим стальным уродом — нет уж, к черту. Ему достаточно того, что эта машина едва не переломала ему все кости. К тому же теперь он знал: пытаться ее уничтожить — бессмысленно. Как, например, бессмысленно пытаться остановить голыми руками мчащийся на полном ходу поезд.

— Я говорю о том полицейском, который арестовал тебя, когда ты раскололся! — Злобно пояснил Дик.

Это он сказал зря. Бодигер не любил, когда его тыкали лицом в дерьмо. Тем более, когда это делали такие засранцы, как Джоунс.

— А ну-ка, посмотри на мою рожу, Дик. — Недобро улыбнулся он. — Посмотри хорошенько. Этот придурок пытался убить меня!

— Он же киборг, идиот! — Взорвался Джоунс. — Он записал каждое твое слово! Его память — это свидетельство! Ты выдал меня! Замешал меня в это дело! Теперь ты должен будешь убить его!

— Да ну? — Засмеялся неприятным зловещим смехом Боди. — Может быть, сам надерешь ему задницу, а? Что молчишь-то? Твоя компания построила этого кретина, а я, значит, теперь должен связываться с ним? Черта лысого, Дик! У меня нет времени и желания разгребать ваше дерьмо!

Джоунс, прищурясь, смотрел на него. Он хорошо знал Бодигера. Отлично чувствовал слабые места и представлял, чем можно задеть его. Теперь нужно было зайти с козырной карты, которую Бодигер не сможет не принять. Такая карта была. Правда, цена высока, но и работа стоит того. Если Робокоп умрет, он легко восстановит влияние на Маккоя и наладит выпуск ЭДов. Словом, создаст ситуацию, когда корпорация будет нуждаться в нем. А он сможет навязывать ей свои желания.

— Ну смотри, Кларенс. — Равнодушно начал Джоунс. — Смотри. Как знаешь. Через два месяца начнется строительство Дельта-Сити. Это почти два миллиона рабочих, сам понимаешь. Наркотики, игра, проституция. Золотое дно для человека, который знает, что делает! Лакомый кусочек, а?

Кларенс задумался. Плата, предлагаемая Джоунсом, довольно высока. Хотя и работа... Он умел играть. И умел соглашаться.

— Ну, я думаю, мы все-таки могли бы остаться друзьями, Дик.

— Уничтожь его! — Жестко потребовал Джоунс.

— Ладно. Но мне понадобится очень мощное оружие. У тебя есть связи с военными?

Джоунс ухмыльнулся.

— Да мы сами почти военные...

* * *

Химический завод «Дьюпон Деннимур инкорпорейтед». 11.44.

Луис поднялась по металлическим ступеням, держа на плече тяжелую сумку, набитую заказанными Мерфи инструментами.

Ей пришлось очень постараться, чтобы достать все это. Сержант не хотел открывать отделение, где хранились инструменты Робокопа. Луис пришлось объяснить, для кого она берет их. Под конец разговора она не удержалась и рассказала сержанту о том, КТО находится под титановой оболочкой. Глаза у негра стали размером с чайные блюдца, но ключи он дал без звука. Она собрала все. В том числе и новый пистолет — точную копию прежнего. Тот Робокоп оставил в кабинете Дика Джоунса.

Луис прошла по металлическому мостику. Год назад на этом самом заводе Кларенс Бодигер со своей командой убил ее напарника. Алекса Мерфи. Но он вернулся. В новом облике, с новыми возможностями. «Оу-Си-Пи» пыталась отнять то, что сохранилось у человека — его память. И лишь по какой-то счастливой случайности, им не удалось задуманное, и Мерфи остался жить. Но и этого они не могли ему позволить. Этим парням нужно было растоптать его, уничтожить. Чертовы уроды.

Она свернула за угол, обогнув стоящие рядами баки с химическими отходами, и оказалась в огромном пустом цехе. Робокоп сидел на чугунной болванке абсолютно неподвижно, словно изваяние. Услышав шаги Луис, он повернул голову, наблюдая за ней.

Девушка приблизилась, сбросила сумку на пол и, обернувшись к нему, сказала:

— Я принесла все, что ты просил.

— Пистолет?

Она кивнула и, расстегнув сумку, начала извлекать из нее инструменты, складывая их в сторону. Изредка Робокоп протягивал руку, и Луис послушно подавала ему тот или иной предмет.

— В участке практически никого не было. Многие не вышли на работу. Несколько человек будут патрули-

ровать ночью. Они все-таки устроили забастовку. Твой пистолет.

«Браунинг Эф-Эн 9» перекочевал в стальную ладонь робота. Несколько секунд Робокоп разглядывал его, а затем отложил в сторону.

— Ты просил это? — Агрегат, напоминающий большую дрель, покачивался у нее в руках.

Робот взял его осторожно и положил на колени.

— Я принесла тебе питание. — Луис достала из сумки несколько стеклянных баночек.

— Нет, спасибо. Я не голоден. — Голос его по-прежнему оставался бесстрастным.

Луис пожала плечами и переложила сумку на невесть каким образом оказавшийся здесь, старенький топчан. Когда она обернулась, робот уже приставил к своей голове зажим странной дрели.

— Тебе может не понравиться то, что ты сейчас увидишь. — Спокойно объявил он.

— Я не впечатлительная. — Луис внимательно наблюдала за его манипуляциями.

Дрель взвизгнула и завертелась, извлекая из стальной головы длинный зажим. Переместив агрегат к другому виску, робот повторил свои действия. Отложив дрель в сторону, он ухватился за шлем обеими руками и потянул...

КРАК! — Что-то треснуло, и стальная оболочка легко пошла вверх, открывая лицо человека. Напарника Луис, Алекса Мерфи. Голова оказалась человеческой только наполовину. Только на лице была живая кожа. От скул до затылка блестел металл, имеющий форму человеческого черепа.

И тем не менее это был он. Мерфи.

Луис улыбнулась и тихо сказала:

— Я рада видеть тебя снова, Мерфи.

Робокоп кивнул.

— У Алекса Мерфи были жена и сын. Что случилось с ними?

— После похорон они уехали.

— Почему?

— Ты был мертв. И она решила начать все с начала.

Робот кивнул еще раз, словно удовлетворенный ответом. Некоторое время он молчал, а затем сказал, глядя куда-то в сторону:

— Я помню все. Но не могу представить их лиц. — Он повернулся к Луис и тихо попросил. — Оставь меня одного. Пожалуйста.

У него не было интонаций, и голос звучал механически, но теперь в нем появились странные, почти человеческие нотки.

— Хорошо. — Девушка встала и пошла к выходу. — Я буду рядом. Если тебе что-нибудь понадобится, позови меня.

Робокоп кивнул, соглашаясь, и, отвернувшись, уставился в окно, где утреннее солнце зависло в тонкой пелене смога.

* * *

Детройт. 16.54.

К четырем часам улицы города вымерли. Встали заводы, транспорт. Владельцы магазинов, кафе и ресторанов закрыли свои заведения. Кинотеатры прекратили работу в час дня. Жизнь замерла. На улицы вышла смерть. Редкие прохожие пробирались по тротуарам прижимаясь к стенам домов. Преступность праздновала свой праздник. Кларенс Бодигер, хозяин и мозг преступного Детройта, снова с ними. Ему повиновались все. От самой дешевой проститутки до главарей крупных банд. Его боялись и уважали. Бодигер подчеркнул — город должен заплатить за его арест. Благо, сегодня безнаказанность — норма. Кровь лилась рекой. Беззащитных граждан убивали для забавы. Походя.

Эмиль Антоновский, сидя на ступеньках белого фургона, тупо смотрел в витрину магазина, торгующего электроникой. На отгороженном толстым стеклом телевизоре те же самые пышногрудые красотки тискали того же самого потного очкарика.

Почему-то ему вспомнился эпизод годичной давности. Тогда они завалили мальчишку-полицейского. Повеселились классно. При этом воспоминании Эмиль помрачнел. Ему пришел на память собственный арест на автозаправке.

Он тогда чуть не обмочился со страху. Черт. Померещилось. что эта хреновина и есть тот самый мертвый полицейский. Эмиль усмехнулся. Вел он себя там, как последний урод. Запсиховал.

Хорошее настроение, державшееся с утра, испарилось, словно его и не было. Почему-то начал раздражать телевизионный очкарик. Эмиль встал и подошел к стеклу. Ударом ноги он расколол витрину и добавил громкость.

Одна красотка толкнула вторую в объятия потеющего толстяка и провизжала:

— Счастливого тебе дня рождения, Дэб!

Та не осталась в долгу и ткнула пальцем в подругу.

— Я дарю ее тебе от меня!

— Это что, я могу взять вас обеих? — Слюняво расплылся очкарик, делая лицо шизофреника.

— Конечно. — Свойски подмигнули ему красотки.

Дэб посмотрел в камеру и, не переставая улыбаться, восторженно пропел:

— Да! Я купил бы это за доллар!

Эмиль усмехнулся, хотя ему вовсе не было весело. Наоборот. От этих дурацких шуточек настроение испортилось вконец.

— Мать твою. — Буркнул он.

У него вдруг появилось острое желание убить кого-нибудь или, в крайнем случае, взорвать какое-нибудь заведение, вроде этого вот, говенного магазинчика. Да так, чтобы камня на камне не осталось. Хотя, убить было бы лучше.

Скрипнув тормозами, рядом с фургоном приткнулся новый «Эс-Ю-Эс 6000». Бодигер выбрался из машины и подошел к Эмилю.

— Привет, как дела? — Он сразу заметил, что дружок не в духе, но не стал донимать его вопросами. Это было не принято.

— Ааа... Привет. — Эмиль улыбнулся, но не очень весело. — Посмотри, я рубашечку новую купил себе.

— Какие новости, приятель?

С визгом подлетел еще один «Эс-Ю-Эс». Только в отличие от черной машины Бодигера этот был синий.

Кокс Джо, как всегда веселый и пышущий неуемной энергией, заорал, не успев даже выбраться из кабины.

— Эй, парни! Гляньте, какую тачку я себе отхватил! Задаром, между прочим. Еще лейбак фирменный остался.

С заднего сиденья выбрался Нэш.

— Эй, Кларенс, что скажешь? У него такая же машина, как и у тебя.

— Что скажешь, приятель? — Эмиль взглянул на Боди с нескрываемым интересом. Назревало какое-то событие. Всем было известно, что он ненавидел, когда кто-то, неважно кто, из подчиненных имел такие же вещи, как и у него. Это касалось не только машин. Это касалось всего.

Кларенс неожиданно для всех... улыбнулся. Он подошел к задней двери своего автомобиля и достал из салона противотанковую винтовку усовершенствованного образца.

— Эй! — Удивленно заорал Кокс. — Что это у тебя, а? Это новая игрушка? Можно попробовать из нее пальнуть?

Кларенс, не переставая улыбаться, направил ствол в сторону машины Кокса и нажал на курок.

Мощный взрыв потряс округу. Куски искореженного металла разлетелись по улице. Там, где только что стоял новенький «Эс-Ю-Эс«, взвился столб огня. Клубы черного дыма потянулись к небу. После попадания разрывного снаряда от машины остался лишь полыхающий остов да плавящаяся, булькающая черными пузырями резина.

— Черт! Вот дерьмо! — Восторженно выкрикнул негр. — Классная у тебя пушка, Кларенс! Ну-ка, дай мне попробовать!

Он подхватил протянутое Бодигером ружье и нажал на спуск.

ГРРРОООООУУУММММ!!! — Вместо стоящего поодаль «мерседеса» возник огромный жаркий костер.

— Слушай, шикарная штука для того, чтобы сафари проводить! — Кокса буквально распирало от восхищения.

Кларенс, улыбаясь, полез в салон и вытащил еще одно ружье, точную копию первого.

— Мне это нравится!

Эмиль поднял увесистое оружие и, не торопясь, всадил заряд в разбитую витрину магазина.

ГРОООООУУУУММММ!!! — Эффект был не меньшим, чем от предыдущей пальбы.

Остатки стекла брызнули в разные стороны, что-то рухнуло. Из оконного проема выкатился огненный шар и лопнул, разбросав длинные лепестки пламени и гари.

Нэш потянулся за ружьем Кокса, но тот быстро отскочил в сторону.

— Дай сюда! Дай сюда, гомик! — Заорал Нэш, кидаясь на негра.

Тот не переставал гоготать тонким пронзительным смехом, легко уворачиваясь от приятеля.

— Эй! — Крикнул им Кларенс. — Там, в машине, есть еще!

Он повернулся к стоящему рядом Антоновскому.

— Есть дело. Этот робот, который нас арестовывал, на химическом заводе. Как ты смотришь, если мы надерем ему задницу, приятель?

— А откуда ты знаешь, что он там? — Мрачно спросил Эмиль.

— Смотри сюда. — Бодигер вытащил из кармана плоский миниатюрный приборчик размером не больше сигаретной пачки. На мониторе, в центре коробочки, мигала яркая точка, обозначающая Робокопа. — Это мне дал Дик Джоунс. Тот самый парень, что вытащил тебя из тюряги.

— Не знаю. — Усомнился Антоновский. — Стремная штука, лезть к этому уроду.

— Да брось ты! — Успокоил его Кларенс. — С такими-то пушками! Да от него мигом мокрое место останется!

Эмиль подумал секунду и согласно кивнул.

— Отлично. — Улыбнулся Бодигер и повернулся к остальным. — Эй, ребята! Давайте по машинам! Поехали, порезвимся!

* * *

Робокоп закончил обследование колена. Все контакты были целы, и это успокаивало. На внешней стороне сустава образовался металлический заусенец. Вероятно, пулевая отметина. Он то и мешал ноге нормально двигаться. Одним движением стального пальца робот отогнул его и отломил у самого основания. Чуть приподнявшись, он попробовал согнуть колено. Поршни плавно двинулись, и сустав, пройдя опасное место без задержки, стал в нужное положение.

Отлично.

Робокоп наложил титановое покрытие и завернул прижимные замки. Оставалось еще одно. Отложив в сторону отвертку, он взял лежащий рядом пистолет и встал. Подойдя к бетонному бордюру, робот устроил на нем небольшую пирамиду из баночек с питанием.

Вернувшись на прежнее место, он поднял пистолет и тщательно, как делал это раньше, выбрал цель.

БАНГ! — Пуля щелкнула о бетон в тридцати сантиметрах от мишени.

Он попытался передвинуть руку, но как только начинал целиться, пистолет возвращался на прежнее место.

БАНГ! — Еще одна пуля ударила в то же место, что и первая.

— Что ты делаешь? — Луис, проснувшись, поднялась с топчана, с тревогой глядя на Мерфи. — Что-нибудь случилось?

— Моя система наведения дала сбой. — Спокойно ответил он.

— Может быть, я смогу чем-то помочь?

— Да. Помоги мне нацелиться.

— Хорошо. — Девушка встала у него за спиной. — Ты готов?

Робокоп кивнул. Его пальцы плотнее сжали рукоятку пистолета.

— Чуть влево.

Рука робота пошла влево.

— Попробуй.

БАНГ! — Аккуратная проплешина появилась в бетоне прямо под пирамидкой.

— Выше. Еще немного. Стоп.

Ствол замер.

— Давай-ка еще раз.

БАНГ! — Пуля сорок восьмого калибра разнесла верхнюю банку в пыль.

Девушка вздохнула с облегчением.

— Ну что же. По-моему, все в порядке.

— Да. Спасибо тебе.

* * *

Они сразу увидели черный патрульный «порш». Он стоял на том же месте, где и белый фургон в тот день, когда умер полицейский.

— Стоп. — Скомандовал Кларенс. — Приехали. Берите пушки.

Нэш и Эмиль взяли по ружью и вышли на улицу. Кокс, сидевший в «Эс-Ю-Эс» Бодигера, последовал их примеру, постоянно оглядываясь.

— А ну, ребята, подкоптим его, а? — Заржал он. — Покажем ему?

— Заткнись! — Рявкнул Кларенс. — Хватит шутить. Мы приехали сюда, чтобы убить его! А поэтому, заткнись и смотри в оба!

Робокоп услышал шум мотора на улице. Выглянув в окно, он увидел осторожно крадущихся людей, и сразу же узнал их. Не составляло труда понять, зачем они здесь и кого ищут. Повернувшись к Луис, он, понизив голос почти до минимума, произнес:

— Тебе надо уходить отсюда.

Луис лишь отрицательно покачала головой.

— Ты забыл, что мы напарники? — Шепотом спросила она.

— Нет. — Робокоп снова посмотрел в окно, наблюдая за перемещением убийц.

Робот мог бы перестрелять их всех прямо отсюда, но Мерфи этого было недостаточно.

— Иди в машину. — Он кивнул Луис вниз. — Прикрой меня там.

— Хорошо. — Стараясь ступать как можно тише, девушка побежала к лестнице.

— Сядь в грузовик. — Тихо сказал Кларенс Эмилю. — И следуй за нами.

Он первым почуял неладное. Бодигер привык доверять своему чутью, оно редко подводило его. Сейчас что-то подсказывало ему, что они уже обнаружены. Но где находится противник, сказать было трудно. Завод выглядел настолько огромным, что определить это не представлялось возможным до тех пор, пока робот сам себя не обнаружит. Впрочем, можно было прочесать все, и рано или поздно они нашли бы его, но это заняло бы очень много времени.

Поскольку пока другого выхода не было, люди продолжали осторожно продвигаться вдоль стены. Эмиль попятился к фургону, оглядываясь по сторонам.

— Эй! Вы меня ищете?

Кларенс узнал этот голос и, оборачиваясь, успел нажать на курок.

ГРРРРООООУУУУУММ!!! — Стальной мостик, где мгновение назад стоял робот, взлетел в воздух. Искры посыпались раскаленным дождем на головы стоящим внизу людям.

Прежде чем рассеялся дым, Робокоп исчез. Боди тихо выругался. Обернувшись, он остолбенел. В густой вязкой пыли лежал Кокс Джо. Ружье, из которого он так и не успел выстрелить, валялось рядом. Безжизненные тусклые глаза уставились в серо-голубое небо. Из развороченной, пулей сорок восьмого калибра, груди струилась кровь. Проделав свой путь до земли, она собиралась в темно-бордовую лужицу.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: Джо Кокс мертв.

Мерфи не стал убивать Бодигера первым. Он мог бы это сделать без труда, но не стал. Ему хотелось остаться с ним один на один. Взглянуть в глаза собственному убийце и ощутить радость от его страха. Робот был обязан соблюсти закон — Мерфи мог этого и не сделать. И немного нашлось бы людей, обвинивших его в этом. Робокоп был роботом, Мерфи — человеком. Убитым человеком. Именно поэтому он решил убить Бодигера. Пристрелить как опасного бешеного пса. А потом... Он знает, что будет потом.

Робокоп... улыбнулся. Впервые за длинный, бесконечно длинный год. В компьютере не было подобной программы. Робот не может испытывать эмоций, но Мерфи не был роботом. И он — улыбался. Точно так же, как делал это раньше.

Первый шок прошел. Кларенс еще не разгадал замыс-

ла робота, но уже понял: он будет убивать их. Охотиться на них. Гнать, как волков. Инициатива уплывала из его рук, и от этого становилось не по себе. Когда теряешь контроль над ситуацией, выход один — действовать. Вынудить врага предпринять ответные меры и накрыть его, когда он меньше всего будет ожидать этого.

— Отрежь его! — Заорал он застывшему Эмилю. — Обойди его на грузовике, живее! Ты! — Кларенс повернулся к Нэшу. — Пойдешь через завод, понял! Гони его на нас!

— Хорошо! — Нэш исчез в дверном проеме раньше, чем Бодигер успел отвернуться.

Ладно. Посмотрим, что выйдет у этого парня.

Он понимал совершенно четко. Если выгнать робота на открытое пространство, шансов выжить у него не будет.

Против таких пушек не устоит самая «крутая» железка, не то что этот придурок.

Бодигер повернулся и побежал к своей машине. Он должен быть подвижным. Очень подвижным, если хочет убить этого робота. Нужно взять парня в «клещи», и тогда ему каюк.

«Эс-Ю-Эс» стоял там же, где его оставил Кокс, но «порша» рядом не было.

Ага. Значит, он не один, Где-то здесь находится кто-то, кто помогает ему. Ну ладно.

Кларенс прыгнул за руль и выжал газ. Машина понеслась, петляя по узким лабиринтам проходов между серыми заводскими стенами. Бодигер не видел, что совсем рядом, параллельно ему, летит черный патрульный «порш», стараясь успеть первым закончить гонку, награда в которой — жизнь человека.

Эмиль Антоновский вцепился в руль фургона, отчаянно выворачивая его на особенно крутых поворотах. Визжали колодки, и кузов грузовика ударялся о стены, высекая потоки искр. Свернув в длинный широкий проход, Эмиль заметил стоящую у стены фигуру. Робот не пытался скрыться. Наоборот, он даже вышел вперед, словно специально подставляясь под страшный удар фургона.

Эмиль даже усмехнулся. Тело его напряглось в предвкушении того, как он сомнет этого ублюдка в груду лома, лепешку. Расплющит о стоящий за спиной робота стальной бак. Черт с ним, с фургоном. Главное, расправиться с этой гнидой!

Этот стальной бак, наполненный токсичными отходами, стоял здесь очень давно. Со времен закрытия завода. За это время ядовитая химическая смесь успела достаточно подточить его корпус. Через несколько месяцев стенки не выдержали бы и опасная вонючая жижа хлынула бы на землю, образовав огромную лужу, несущую смерть всему живому.

Эмиль этого не знал. Упоенный восторгом, он даже не заметил предупреждающего об опасности знака, нарисованного на стальном боку. За секунду до столкновения, выпуская накопившиеся эмоции, он заорал:

— Я поймал тебя, сука! Я поймал тебя!!!

Антоновский не мог соревноваться в быстроте реакции с компьютером Робокопа. Он только заметил, как серебристая фигура вдруг быстро скользнула в сторону, и успел подумать, что надо тормозить. Но сделать этого уже не успел. С оглушительным треском фургон пробил изъеденную стенку бака. Лобовое стекло раскололось, и кабина начала заполняться ядовитой едкой жижей. Прежде чем Эмиль успел что-нибудь сообразить, он уже глотнул изрядную порцию этой дряни и тут же почувствовал, как сгорают его внутренности. Он пытался закричать от немыслимой боли, но новый поток хлынул ему в горло.

Задние дверцы фургона распахнулись, и его вынесло на улицу. Зловонная, дымящаяся лужа растеклась вокруг грузовика, разъедая колеса.

Эмиль даже умудрился встать на ноги. Тело его, растворяемое жуткой смесью, текло, теряя прежние очертания. Плоть кусками отваливалась от костей, кожа слезала с нее, как чулок, и весь он пузырился, покрываясь язвами кислотных ожогов.

Ему нужна была помощь! Безумная, сводящая с ума боль выплескивалась из его горла тихим жутким хрипом. Сожженные связки больше не могли работать в полную силу.

Эта страшная, словно вышедшая из ночного кошмара фигура, ковыляла на подворачивающихся ногах по пыльному бетону в поисках помощи.

Луис гнала «порш», пытаясь раньше бандитов достигнуть точки, в которую рано или поздно должен выйти Робокоп. Она успела немного ознакомиться со схемой завода и знала: сколько по нему не петляй, в конце концов все равно окажешься в определенной точке. Этой точкой была заводская свалка.

Вылетев из-за угла, она столкнулась с машиной Бодигера. Тот не знал конечной цели своего пути, но был твердо уверен в одном: им нужно встретиться с Эмилем и взять этого парня в оборот. Зажать в каком-нибудь тупике и расстрелять из своих ружей.

Несколько секунд две машины шли бок о бок, а затем разъехались. Оба направлялись в одно место. Только Луис знала короткую дорогу и сейчас свернула на нее.

Оставшись один, Нэш понял, как же он боится. Ему отчетливо вспомнился эпизод в дансинге. От малейшего шороха его бросало в дрожь. Сердце испуганно екало и подкатывалось к горлу, мешая дышать. Нэшу так и мерещилось: за каждым углом, в каждом оконном проеме серебристая гигантская фигура. Но нет. Это оказывались либо блики солнца на тусклых боках цистерн, либо блеск стекол. Ему хотелось превратиться в невидимку. Раствориться в спертом тяжелом воздухе. Убежать отсюда подальше, чтобы никогда не видеть ни Бодигера, ни Робокопа, ни Эмиля, никого. Но, с другой стороны, он понимал: если убежать, его все равно отыщут. Хоть на краю света. Кларенс не прощает предательства.

Занятый этими невеселыми мыслями, Нэш пересек завод и выбрался с противоположной стороны на улицу. Подняв ружье, он несколько секунд прислушивался, а затем быстро зашагал по проходу налево. В том самом направлении, куда полминуты назад умчался Эмиль. Нэш Леон прошел пустую запыленную площадку, еще раз свернул за угол и...

натолкнулся на жуткого бесформенного урода.

Страх, смешанный с омерзением, вызвал в нем приступ тошноты.

Чудовище двигалось к нему, что-то шипя. Видимо, это был человек, но сейчас лицо его расплавилось, черты стерлись, превратившись в кошмарную текущую маску. Белый выпученный глаз бессмысленно вращался. Голова неестественно вывернута. Пальцы рук капали в пыль зелено-бордовыми кляксами.

— ПОМОГИ МНЕ! — Прошипел монстр и навалился на Нэша, забросив то, что отдаленно напоминало руки, ему на плечи. — ПОМОГИ МНЕ!

Нэш отчетливо разглядел фиолетовую лепешку сожженного языка. Его обдало жарким дыханием, наполненным резкой и едкой вонью, и, оттолкнув от себя ЭТО, Нэш истерично заорал:

— Не прикасайся ко мне! ! ! Не трогай меня, слышишь?!! НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ! ! !

Но чудовище продолжало липнуть к нему. Сиплый шепот вливался в уши Леону:

— ПОМОГИ МНЕ! ! ! !

— АААААААААААААААА! ! ! ! ! ! !

Потеряв голову от безумного ужаса, Нэш отбросил в сторону ружье и пустился бежать, оглашая завод истошными воплями. Чудовище двинулось следом за ним, продолжая сипеть вслед удаляющейся фигуре:

— ПОМОГИ МНЕ!

Луис вывернула руль, пытаясь удержать «порш» на особенно крутом вираже. Машину занесло. Колеса провернулись и, обретая опору, понесли автомобиль вперед. Через несколько секунд он вырвался на открытое пространство свалки и остановился, подняв тучу пыли.

Все. Робокоп придет сюда. Девушка была в этом уверена. Ее задача — не дать убийцам захватить робота врасплох. Один раз Мерфи убили. Из-за ее ошибки второго раза не будет, даже если ей придется умереть. Погибнуть дважды — это слишком много. Тем более после всего, что с ним произошло Луис вытащила пистолет и, укрывшись за «поршем», приготовилась ждать.

Где-то рядом надсадно выл мотор «Эс-Ю-Эс». Значит, убийцы торопятся. Хорошо. Она встретит их.

Кларенс Бодигер, действительно, очень торопился. Нужно было успеть перехватить Эмиля и выбрать место

для стрельбы. Один хороший залп, и они разнесут электронного урода на куски. «Оу-Си-Пи» потом сможет собрать микросхемы.

Он усмехнулся.

Только бы успеть заловить этого засранца. Важно оказаться в нужном месте раньше робота.

Свернув в очередной проход, идущий между двумя высокими корпусами, Боди прибавил газ. «Эс-Ю-Эс» послушно рванулся вперед, набирая скорость.

Бодигер еще думал о своем, когда прямо посреди дороги появилось жуткое видение. Нечто бесформенное и страшное выросло на пути автомобиля так быстро, что Кларенс не успел среагировать. Он только посильнее сжал руль.

— ПОМОГИ МНЕ! — Прохрипело нечто:

Но Бодигер не слышал. Глухой удар, и зелено-желтая жижа залила лобовое стекло. Клочья чего-то дымящегося повисли на нем, закрывая обзор. Убийца затормозил.

— Вот черт, а? — Выругался он, выбираясь из машины и вытягивая с заднего сиденья еще одно противотанковое ружье.

Он уже понял, что почти приехал. Между стен виднелся захламленный пейзаж свалки.

Крепко держа рукой оружие, он побежал к этому просвету. Важно успеть туда первым.

Нэш Леон, отбежав на достаточно большое расстояние, немного успокоился. Страх осел в нем, подобно мутному осадку в стоячей воде.Теперь он уже не думал о чудовище. Его занимала другая мысль: Боди приказал гнать робота к противоположной стороне завода, а он не выполнил его указания. Да еще и оружие потерял. Увидев стальную лестницу, Нэш взобрался по ней на второй этаж и побежал по узким металлическим мосткам вдоль периметра здания.

Он здраво рассудил: здесь безопаснее, чем внизу.

Поглядывая с десятиметровой высоты, стараясь не пропустить приятелей, Нэш продвигался вперед, торопясь поспеть вовремя.

Луис заметила Бодигера, как только он выбежал из-за угла. Все получилось именно так, как ей и хотелось.

Между ней и убийцей тянулась гигантская грязная лужа и огромная куча песка. Даже если бы преступник увидел ее, ему было бы очень трудно прицелиться. А Луис могла спрятаться за этой насыпью и отбежать в сторону, оставаясь незамеченной. Преимущество было явно на ее стороне, и девушка вздохнула с облегчением. Взведя курок пистолета, она прислушалась к приближающимся шагам.

Вот они замерли, видимо, Бодигер остановился у края лужи, а затем снова двинулись вперед.

Кларенс сразу заметил застывший на гребне песчаной кучи патрульный «порш». В суматохе он совершенно забыл о человеке, помогающем роботу. В том, что этот второй прячется где-то поблизости, он не сомневался, а значит, нужно быть вдвойне осторожным.

Ему ничего не стоило разнести полицейскую колымагу из своей пушки. Нужен-то всего один выстрел. Но Бодигер подумал, что машина может пригодиться. Его «Эс-Ю-Эс» был в таком виде, что даже самый слепой патрульный остановил бы автомобиль на дороге безо всяких колебаний.

Кларенс осторожно приблизился к бескрайней луже и еще раз внимательно огляделся. Тихо. Стараясь производить как можно меньше шума, он вошел в воду и побрел к «паршу».

СЛААШШЩШШШШ! — порода осела у него за спиной. Бодигер резко повернулся, вскидывая ружье, и... никого. Совсем никого.

Где же эти уроды, Нэш и Эмиль? Он окинул взглядом пустырь, но не обнаружил ничего подозрительного и повернулся.

Прямо на него уставился черный глазок ствола.

— А ну-ка, брось пушку, приятель, и не дергайся. — Тихо и весомо сказала Луис. — Иначе я тебе башку прострелю, понял?

Кларенс кивнул — что ему еще оставалось! — и швырнул ружье на кучу песка.

— Вот и отлично. А теперь повернись спиной и положи руки на голову. И без глупостей.

Он выполнил просьбу девушки без промедления. Чутко вслушиваясь в каждый шорох за спиной, Бодигер пы-

тался определить, где в данную секунду находится эта сучка.

Вот звякнули наручники, и песок с шуршанием осыпался под ее ногами. Холодный ствол ткнулся ему в затылок, и напряженный голос произнес:

— А теперь медленно заведи руки за спину.

Бодигер усмехнулся. Он физически ощущал ее. Как она стоит и что делает. Осторожно сняв руки с головы, Кларенс резко развернулся и, перехватив пистолет, ударил Луис кулаком в лицо. Удар отбросил ее на песок, и тут же грохнул выстрел.

Пуля пробила правое плечо девушки насквозь и вышла над самой ключицей.

Кларенс засмеялся. Он и не ожидал, что все пройдет так гладко. Держа пистолет в вытянутой руке, убийца презрительно хохотнул:

— Пока, детка!

Палец потянул спусковой крючок, но выстрелить он не успел. Пуля сорок восьмого калибра выбила из его руки пистолет, и тот упал в грязную воду. Кларенс обернулся. Прямо на него шагал Робокоп, сжимая в руке тяжелый никелированный «браунинг».

И тогда Бодигер испугался. Он оказался один и без оружия против электронного робота, которого собирался убить. И, судя по всему, робот знал об этом.

Торопливо подняв руки, убийца крикнул надвигающейся серебристой фигуре:

— Ну ладно, я сдаюсь! Сдаюсь!

— Я не стану тебя арестовывать.

Безразличный ответ ошеломил Кларенса. **Как это «не стану арестовывать»? Этот робот что, хочет убить его? Но он не имеет права этого делать. Он — полицейский!**

— Эй, эй, подожди! Одну минуту! — Заорал убийца, пятясь. — Ты что, обиделся на меня за Джоунса, что ли? Брось ты это де...

Страшный удар швырнул его прямо на середину лужи. Грохнувшись в грязь и подняв фонтан брызг, Кларенс очумело замотал головой. Заметив, что робот снова двинулся к нему, он отшатнулся и крикнул скорчившейся на песке девушке:

— Эй! Он не должен этого делать! — И, повернувшись

к Робокопу, завопил: — Ты не имеешь права этого делать, слышишь?

Мерфи остановился, внимательно глядя ему в глаза.

Нэш увидел стоящие внизу фигуры и сразу сообразил, что дело неладно. Слишком уж жалко выглядел Кларенс. Самое плохое то, что у него не было никакого оружия. Совсем. Этот говенный робот убивал его приятеля, а Нэш ничем не мог помочь Боди.

И вдруг его осенило. Кран! Стальная стрела магнитного крана выдавалась вперед, нависая над лужей, как раз там, где сейчас стоял Робокоп.

Быстро забравшись в кабину, Нэш потянул рычаги, благо, пояснительные таблички висели тут же, на стене.

Огромный магнит с закрепленными на нем обрубками рельсов и разнообразным железным ломом пополз вперед. Нэша волновало одно: только бы робот не отошел в сторону.

Бодигер заметил движение наверху. Он быстро поднял глаза, прикрывая свой взгляд вытянутой вперед ладонью, и понял все. Ему удалось разглядеть фигуру Нэша, согнувшуюся над рычагами. Кларенс прикинул расстояние. Если робот не отойдет, весь этот хлам свалится ему прямо на башку.

— Слышишь, парень! — Крикнул он.

Робокоп продолжал стоять

Только бы он остался на месте!

— Не заводись! Не убивай меня! Мы можем договориться! Я расскажу тебе обо всех крупных делах в этом городе, только не убивай меня!

Ему было все равно, что говорить. Хоть полную чушь. Лишь бы робот оставался на месте. Всего три секунды. Три несчастные, крошечные секунды!

— Правда! Я сдам тебе всех! договорились!

КРРАААК! — Магнит выпустил свою ношу, и полтонны железа рухнули на робота с высоты десяти метров. Не выдержав столь сильного удара, Мерфи упал в мутную воду. Нэш засмеялся. Выскочив из кабины крана, он перегнулся через перила и радостно заорал:

— Вот так, ублюдок! Так тебе! Эй, Кларенс, я убил его! Я все-таки убил его! ! !

Превозмогая боль в плече, Луис дотянулась до ружья Бодигера, повернула его и, теряя сознание, нажала курок.

— Кларенс! я уби...

ГРОООООООУУУУУММММ! ! ! ! — Огненный цветок взрыва расцвел в том самом месте, где мгновение назад стоял Нэш Леон.

Кларенс обернулся. Луис лежала, уткнувшись в песок. Можно было подумать, что девушка мертва, но он заметил, как у нее подрагивают пальцы.

Ладно. Я еще успею разобраться с этой сукой. Сперва надо завершить начатое.

Робокоп не погиб. Его придавило железом, но удар каким-то чудом не задел голову, и сейчас Мерфи пытался выбраться из-под обломков.

Бодигер навис над ним, злобно и довольно ухмыляясь.

— Ну что, приятель, поменялись ролями, а?

Из кучи лома он извлек длинный острый прут. Прикинув на руке его вес, Кларенс размахнулся и нанес страшный удар по серебристому телу робота.

КРАКС! — Титановое покрытие лопнуло на левом плече.

Следующий удар Робокоп сумел смягчить, подставив руку.

Кларенс засмеялся.

— Все равно я убью тебя, робот-полицейский.

Он поднял прут, держа его, словно копье.

БАЦ! — Острие пробило грудь Мерфи, пригвоздив тело к земле.

Полицейский закричал. Жуткая боль нахлынула на него, как цунами.

— Что, тебе больно, дружок? — Бодигер извлек прут из тела и, замахнувшись, опустил его в ту точку, где у людей находится сердце. — Умри, ублюдок!

Он наклонился чересчур сильно. В ту же секунду пальцы на руке Робокопа откинулись в сторону и острый стальной шип пронзил Бодигеру горло.

— Сдохни ты, сволочь!

Кларенс выпрямился, глядя на робота с каким-то недоумением, словно не понимая, что же произошло. Кровь фонтаном хлестала из пробитой аорты. Несколько секунд

убийца удерживался на ногах, а затем, покачнувшись, рухнул лицом вниз.

Окровавленный шип мягко скользнул на место. Робокоп вцепился руками в тяжелый рельс и титаническим усилием сдвинул его в сторону, освобождая тело.

— Луис! — Он поднялся на ноги и медленно пошел к напарнице. — Луис!

Веки девушки дрогнули.

— Мерфи. — Голос ее ослаб и был почти неслышен. — Я чуть жива.

Робот подошел к ней и опустился рядом, отщелкнув крышку аптечки первой помощи, упрятанной в левой руке.

— Не беспокойся, они тебя починят. — Голос его обрел интонации, и сейчас в нем слышалась горечь. — Они все чинят.

* * *

Офис корпорации «Оу-Си-Пи». 6 июня 1999 г. 19.20.

Дик Джоунс прошелся вдоль стола, за которым собралась вся управленческая верхушка корпорации.

Он был доволен. Дело оборачивалось как нельзя лучше.

Эти олухи, сидящие за столом, слушали его, открыв рты. Ну, еще бы. Ведь он предлагал им не что-нибудь, а реальную защиту города от преступности. Все просто. Собранные Эды стоят на складе корпорации. Достаточно отдать приказ, и эти электронные полицейские заполнят город, подняв тем самым его престиж, Но управлять ими будет он — Дик Джоунс. Эти ребята думают, что он заботится о правопорядке, черта с два! Дик Джоунс заботится о своей власти. С преступным миром он и так прекрасно ладит.

Все отлично. Все по плану. Как только роботы появятся на улицах, «Случайный преступник» застрелит Президента корпорации «Оу-Си-Пи» мистера Маккоя, когда тот будет возвращаться домой после вечернего заседания. Тоже совершенно случайно, разумеется. И тогда корпорации понадобится железная рука. Его рука.

А преступник погибнет, сраженный меткой пулей оказавшегося поблизости Эда-209.

Дик Джоунс усмехнулся и продолжил свою речь.

— Забастовка полицейских оказалась в некотором роде нам на руку. Мы можем поставить Эда-209 на каждом углу, и общественность будет поддерживать нас. Кстати, я отдал распоряжение поставить одного внизу. Он сейчас охраняет здание.

Робокоп остановил помятый «порш» напротив стеклянных дверей корпорации и вылез из машины. Побледневшая от потери крови, Луис молча наблюдала, как он внимательно оглядывал стоянку.

Гулкие шаги Эда-209 прозвучали в вечерней тишине, как раскаты грома.

Пулеметы выдвинулись вперед, и механический голос проревел:

— Вы запарковали свой автомобиль на территории частного владения. У вас есть двадцать секунд, чтобы убраться отсюда.

Совершенно невозмутимо Мерфи вытащил из салона ружье, тщательно прицелился и нажал на курок.

От грохота в здании зазвенели стекла, а когда дым рассеялся, Луис увидела, что от Эда остались лишь две сцепленные обломком платформы лапы. Они качнулись и грохнулись на асфальт, забившись в своей электронной агонии.

— Я сейчас вернусь. — Робокоп сунул оружие на заднее сиденье автомобиля и не спеша пошел к дверям.

— Что бы ни случилось, — продолжал Дик, оглядывая аудиторию, — эта корпорация будет следовать основополагающим принципам своего создателя. — Взгляд в сторону Маккоя. — Смелость и убеждения! Мы встретим каждую новую угрозу таким же агрессивным подходом. Иначе в этой жизни невозможно.

Маккой внимательно смотрел на Джоунса. Он знал этого человека уже более тридцати лет и сейчас мог бы держать пари десять против одного: Дик что-то задумал.

В этот момент огромные дубовые двери конференц-зала распахнулись. На пороге стоял Робокоп, сжимая в руке свой автоматический пистолет.

Мерфи сразу заметил, как вытянулось лицо Джоунса. Вице-президент растерялся. Но длилось это всего секунду. Дик взял себя в руки. Робот понял: Джоунс приготовился к обороне. Какие он предпримет шаги для своего спасения?

— Мы можем вам чем-нибудь помочь, офицер?

Том Маккой с интересом наблюдал, как Робокоп шествует по залу. Твердо и уверенно.

— Дик Джоунс, — возвестил он, — обвиняется в убийстве!

По залу пробежал легкий шепот. Люди начали оглядываться на своего босса, не зная, как поступить. Немногие из них видели Робокопа раньше, и никто не присутствовал при аресте.

— Это абсурд. — Заявил Джоунс. — Этот парень просто психопат.

— Моя программа не позволяет мне действовать против офицера «Оу-Си-Пи». — Сообщил робот, глядя на Президента.

Тот кивнул.

— Ваше обвинение достаточно серьезно. У вас есть доказательства?

Мерфи не ответил. Он шагнул к длинному ряду вмонтированных в стену компьютеров и вогнал серебристый шип в приемную щель:

Все замерли. Окаменевший Дик Джоунс, побледнев, глядел на свое собственное изображение. Улыбающийся и вальяжный, он смотрел с экрана, произнося те самые роковые слова: «Я должен был убить Боба Мортона, потому что он допустил ошибку. Теперь пришло время исправить ее!

Я ДОЛЖЕН БЫЛ УБИТЬ БОБА МОРТОНА...

Я ДОЛЖЕН БЫЛ УБИТЬ БОБА МОРТОНА...»

Робокоп пустил запись по кругу.

Кто-то вскрикнул. Дик Джоунс выхватил пистолет и прижал его к голове Маккоя.

Мерфи вытащил шип из компьютера и обернулся к ним.

— Вставай! — Выкрикнул Джоунс. — Вставай! ! !

Прикрываясь человеком, как щитом, он попятился к панорамному окну.

— Слушайте меня внимательно! — Звенящим от напряжения голосом сказал Джоунс. — Мне нужен вертолет. Сейчас. Немедленно!

Робокоп сделал шаг вперед, поднимая пистолет. И в ту же секунду острая боль пробежала по его телу.

Он остановился. Мерфи не мог действовать. В нем стоял прочный внутренний тормоз:

«Директива N4».

— Мы войдем в вертолет очень спокойно !

Мерфи смотрел в глаза заложнику. Президенту корпорации «Оу-Си-Пи» Тому Маккою.

— Я и мой заложник! И если кто-нибудь попытается вмешаться, я убью его!

— Дик! — Спокойно произнес Маккой. — Ты уволен!

Джоунс остолбенел. Он не понял сказанного.

— Спасибо, сэр. — Коротко ответил Мерфи.

Воспользовавшись замешательством бывшего подчиненного, Президент ловко ударил его локтем в живот и отскочил в сторону.

И сразу раздались выстрелы.

Робокоп уложил пять пуль точно, как в тире.

Джоунс вздохнул, попятился и, пробив стекло, вывалился наружу. Он даже не успел закричать. А может быть, Дик Джоунс был уже мертв.

Все кончилось, и Президент, поправляя галстук, невозмутимо, словно ничего и не произошло, направился к своему месту, заметив на ходу:

— Ты здорово стреляешь, сынок. — Он остановился и добавил. — Как тебя зовут?

В зале воцарилась полная тишина. Все, как по команде, обернулись к роботу и увидели, что он... усмехнулся.

Повернувшись к двери, Робокоп сделал шаг и только после этого ответил:

— МЕРФИ —

С героями этого произведения Вы встретитесь в следующей книге серии «БГ» — «Робокоп II».

ДЖОН БЕРКЛИ

ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ

Сегодня шеф полиции чувствовал себя отвратительно. Утром его вызвал мэр и устроил настоящий разнос.

— Дорогой Гаррисон, — голос звучал зловеще вежливо, — я не понимаю, за что наши налогоплательщики платят деньги вашему ведомству? Неужели такой огромный аппарат полиции не может навести порядок в городе? Мафия совсем обнаглела! Учителя жалуются, что наркотики продают прямо в школе! Родители в панике, а полиция спит! Разбойные нападения и убийства уже стали нормой...

Он говорил еще долго. Что их замечательный город превратился в вертеп, и что люди боятся появляться вечером на улицах и так далее, и так далее.

И, наконец, подвел итог:

— Может, Вы устали, и Вам пора подать в отставку? Если ничего не изменится, мэрия возражать не будет.

Маленький толстый Гаррисон стоял навытяжку и чувствовал, как холодный пот стекает между лопатками. Майка стала мокрой. Лицо его покрылось багровыми пятнами. Он ощущал себя провинившимся школьником перед строгим учителем, и от этого еще больше потел. Ему даже показалось, что запах пота распространился уже по всей комнате. И непреодолимое желание поскорее оказаться подальше наполнило все его существо.

Можно подумать, что мафия орудует только в нашем городе! Да вся Калифорния в лапах этих подонков! А у нас, слава Богу, пока еще ничего. И ребята работают из последних сил! Хотя, конечно, в чем-то он прав...

Нужно сегодня же вызвать начальников участков и серьезно поговорить.

* * *

— Джек, тебя к телефону!

— Кто?

— Не представились. Подойди, узнаешь!

Джек взял трубку.

— Да, я слушаю.

— Это Джек Кейт? — Женский голос звучал взволнованно. — Говорит Джудит Форман. Вы помните меня?

Джек вспомнил маленькую худенькую брюнетку — подругу того самого пушера[1], которого пришили неделю назад. Она, кажется, беременна...

— Да. Я помню. Говорите. — Он непроизвольно оглянулся: не прислушивается ли кто к разговору. Но кому здесь было слушать. Это же его полицейский участок.

— Мистер Кейт. Вы сказали позвонить Вам, если что... — Джудит замялась. — Я сейчас видела того парня, с которым Джонни разговаривал перед тем, как он... как его... Ну, я Вам рассказывала... тот самый, с мотодрома. Вы найдете его? Он стоял возле дома и смотрел на мои окна...

— Не волнуйся. Никуда не выходи, не отвечай на звонки и никому не открывай, о'кей?

Он услышал, что девушка всхлипывает.

— Мистер Кейт... Я боюсь...

— Спокойно, спокойно, детка. Ничего не бойся. Все будет нормально. Мы возьмем его.

* * *

Крепкие парни в шлемах носятся по кругу на ревущих машинах. Треск моторов, крики людей сливаются в один сплошной гул. Пожалуй, мотодром — не самое плохое место для деловых свиданий.

Во всяком случае, можно разговаривать спокойно, не опасаясь, что кто-то тебя подслушает.

Возле бензоколонки встретились двое: негр в светлом плаще и парень в рабочем комбинезоне. Перед негром на тумбе стоит черный «кейс», а рядом с парнем — синяя спортивная сумка.

Тейрон Берроуз (так зовут негра) очень нервничал.

1 Пушер — торговец наркотиками.

Если дело провалится, шеф снимет с него голову, а этот парень, кажется, не очень надежен.

Шум стоял невообразимый, и им, чтобы расслышать друг друга, приходилось почти кричать.

— Сто тысяч долларов! Пятьдесят сейчас, — Тейрон распахнул «кейс». В нем уютно устроились пачки купюр в банковской упаковке.

Парень взял одну из них и брезгливо поморщился:

— Я люблю сотни! Сколько раз можно говорить? Что это еще за дерьмо?

Он небрежно швырнул пачку в сумку. Следом за ней последовали и другие. Парень торопливо хватал деньги, набивая ими свой синий баул.

Негр криво, еле заметно, усмехнулся.

«Дерьмо!» Что же ты так вцепился в это «дерьмо»?

Из внутреннего кармана плаща он извлек фотографию и протянул парню.

Убийца взял ее и повертел в руках. Огромные глаза, курчавые волосы, полные губы — типичное лицо ниггера.

— Вот этот тип. Когда пришьешь его, получишь остальное. Он нам нужен мертвым. Ты все понял?

— С этим проблем не будет. — Успокоил Тейрона парень, небрежно кидая карточку на пачки денег.

Джек уже несколько минут наблюдал за ними. Он на глаз попытался определить цифру (сумма, видать, приличная!.. Значит, снова мокряк!), а главное, отметил фотографию, которую получил наемник.

Где же наши? Пора бы им подъехать! Не могу же я один вести двоих. И народу здесь до черта... Но эти, похоже, собираются прощаться... Уйдут...

Джек выхватил свой «бульдог» и заорал, стараясь перекричать рев моторов:

— Полиция! Не двигаться! Эй, ты и ты — сделайте шаг друг от друга! Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал! Двигаться медленно.

Убийца среагировал мгновенно. Джек успел сделать только шаг, а парень уже выхватил «кольт» и выстрелил. Это, действительно, был профессионал. Джек почувствовал, как обожгло щеку. «Шустрый». — Пронеслось у

него в голове, и тут же палец почти автоматически спустил курок.

Пуля пробила плечо парня, но тот не упал. Он продолжал стрелять в копа с отчаяньем обреченного. «Бульдог» Джека рявкнул еще пару раз и...

Рев моторов перекрывал хлопки выстрелов, а удар пули в бензоколонку вообще не был слышен. Тугая струя бензина вдруг хлестнула парня, раздался взрыв, и в воздух полетели тысячи ошметков плавящегося металла.

Словно живой факел, киллер кружил по площадке, пытаясь сбить пламя. Орущий рот и выпученные от ужаса и боли глаза — последнее, что увидел полицейский.

«Ну, этот теперь не уйдет». — Подумал Джек и бросился за негром, который, подхватив свой «кейс», пробирался между мотоциклами.

Те продолжали нестись по кругу. Остановиться было нельзя — сзади наезжали другие. Столкнись кто-нибудь с человеком, и тут же образовалась бы груда из покореженного металла и покалеченных людей.

Негр выбрался на трибуны и побежал вверх. Он не оглядывался на полицейского.

А Джек, пробравшись через внешнее кольцо, оказался в центре круга. Стрелять он не мог — между ним и Берроузом были гонщики. Мимо проносились шлемы, номера, сливаясь в какую-то чудовищную ленту. И Джек, наконец, понял, что преступника уже не догнать.

Пламя продолжало жить своей жизнью. Пожарные не могли так быстро справиться с морем горящего бензина.

Обуглившийся труп лежал в стороне от места, где он начинал свою огненную пляску смерти. Рядом с ним тлела набитая деньгами сумка.

Фотография... Ее необходимо найти. Она — единственное, что осталось. Эти ублюдки, наверняка, предпримут еще попытку...

Джек бросился к сумке и выхватил из нее обгоревший кусок глянцевой бумаги.

— Эй, что ты там делаешь? Убирайся отсюда! — Заорал подошедший в этот момент полисмен.

Да пошел ты! Конечно, теперь можно орать! Где вас носило, когда нужно было брать этих байкеров?

Джек разгладил фотографию на ладони.

Огромными грустными глазами на него смотрел Рейджи Хемонд.

* * *

Мотодром был забит полицией. Начальство обсуждало инцидент, остальные шныряли всюду, развивая бурную деятельность.

Джек стоял в стороне от всей этой кутерьмы. Он свое дело сделал. Теперь пускай крутятся другие. Рядом с ним, как всегда, Бен Кихос, единственный человек в участке, который понимает Джека. Сейчас взгляд Бена выражал сочувствие. Похоже, Джек опять влип в историю!

— Черт возьми, здорово ты его поджарил!

— Я его не жарил! Я только застрелил его и все. Не говори, Бен, что я его поджарил!

Господи, до чего же тошно! Уж если Бен так думает... Представляю, что скажут другие.

— Он первый выстрелил. Я только защищался.

— Спокойно, Джек. Попробуем найти его пистолет.

К ним подошел Френк Крюгер.

— Он здесь работал. Похоже, с ним все в порядке. Я проверил его шкафчик. Всего добра — 50 долларов и ключи от квартиры. Ничего особенного. Я спрашивал — пистолета у него никто не видел...

— Как это — никто не видел у него пистолета? А из чего же этот подонок стрелял? Из пальца что ли? Они здесь все заодно. Сволочи.

Немного в стороне от них начальник департамента убеждал Блейка Уилсона из управления внутренних дел.

— Черт! Он пришил одного из местных!

— Я считаю, что это была самооборона, — старший комиссар понимал, что Уилсон не верит ни одному его слову. Как же! Контролер хренов!

— Посмотрим. — Бросил Уилсон и направился к Джеку.

— Ой, не люблю я этих чудаков. — Тихо сказал Крюгер и посмотрел с неприязнью на приближающегося инспектора.

— Блейк Уилсон. Управление внутренних дел. — Представился Уилсон, с улыбкой достав удостоверение и протянув его Джеку.

Ну какого черта! Можно бы обойтись и без формальностей. Нет, выкаблучивается, гад!

— Похоже, наши пути все время пересекаются, Джек. Дайте-ка нам поговорить, ребята.

Уилсон подождал, пока Бен и Френк отошли. Голос его стал жестче.

— Ну, и что нам теперь делать, Джек?

Каждый раз я должен оправдываться! Ах ты крыса вонючая! Сам ни хрена не делает, а корчит из себя...

Джек не любил Уилсона.

Напыщенный индюк! И всегда с здакой улыбочкой... Тошнит. Но объясняться, видимо, придется.

— Я сидел в засаде... Я уже подошел близко к этим ребятам...

— Близко к Айсману?

— Да, к Айсману.

Какого черта я должен оправдываться?

И он почти закричал:

— Но я же очень близко подошел!.. Я хотел взять их...

Уилсон смотрел на него презрительно.

— Послушай. Сколько лет уже ты все свои дела хочешь повесить на Айсмана. Ты говоришь, что он — самый большой торговец наркотиками. Но у нас нет его отпечатков! Пистолет не зарегистрирован! Ты — единственный в полиции, кто верит в его существование... Хочешь, я открою тебе маленький секрет? Нет никакого Айсмана! Его не существует в природе! Все. А теперь давай вернемся к нашим фактам. Что здесь произошло, Джек?

Скотина!.. Так... Нужно успокоиться... Постараться взять себя в руки...

— Я видел деньги. Много денег. У этого парня был пистолет. Он стрелял. Я стрелял.

— Ты нашел пистолет?

— Он должен быть там, среди пепла. Я ни черта здесь не трогал.

Уилсон повернул голову в том направлении, куда показал Джек. Бен и Френк копались в еще не успевших остыть кучах золы. Крюгер поднял что-то с земли.

— Френк, что там у тебя? — Крикнул Уилсон.

— Ничего. Остатки обгоревшего металла. Наверное, от бензоколонки.

— А пистолета нет?

— Нет.

Уилсон снова посмотрел на Джека.

— Послушай, Джек. Я понимаю. Полицейский тоже человек, а человек иногда выступает сам себе адвокатом... Ну молодой, сделал ошибку, наконец. С кем не бывает...

— Да не было никакой ошибки! Он стрелял, я стрелял. Вот что было! — Джек уже орал.

— Ребята из лаборатории проверят здесь каждый сантиметр. — Уилсон говорил медленно. Он очень четко произносил каждое слово, вбивая его гвоздем в эту упрямую башку. Голос звучал почти угрожающе. — Да. Каждый сантиметр. Если здесь есть пистолет, его найдут. Ну а если нет.. .

Он развернулся на каблуках и пошел прочь. Но вдруг оглянулся и сказал почти дружески:

— Мы еще увидимся, Джек.

* * *

Ветер налетел неожиданно. Вначале песок покрылся мелкой рябью, но уже через мгновение закружился в воздухе. Перепуганный зверек, не успевший добежать до своей норки, на секунду замер и тут же припустил дальше.

Черри покрепче сжал руль. Он ощущал свой «Харлей», как живое существо. Колючий песок впивался в лицо, но Черри это не очень беспокоило. Кожаные штаны и куртка надежно защищали его тело, а лицо давно привыкло и к песку, и к дождю, и к другим «мелким подаркам» природы.

Мимо проехал одинокий грузовик. И снова — никого. Только барханы выстроились вдоль дороги, как часовые. Ничто не нарушает однообразный пейзаж. В пустыне не живут.

Лишь одинокий домик затерялся в этом забытом богом месте. Кто и зачем здесь поставил бар, Черри не знает. Но сегодня его там ждут Прайс и Уилли.

Интересно, какого ублюдка нужно убрать на этот раз?

Черри нажал на акселератор, и «Харлей», взревев, прибавил скорость.

— Может, ты пива выпьешь или еще чего-нибудь, пока ждешь?

Бармен, седой плотный мужчина в синей шапочке и белом фартуке, стоял за стойкой и протирал стаканы. Ему было уже сорок семь лет, но все почему-то называли его просто Томом. «Эй, Том, принеси — подай... Эй, Том, возьми — прибери!» — обычное обращение редких посетителей бара. Но сегодня все было иначе. Этот клиент не произнес ни слова с тех пор, как вошел сюда. В черном длинном кожаном плаще, в черных очках, он молча ходил либо стоял у окна.

Тому этот мужик не понравился сразу. Ни его усы, ни серьга в ухе, ни длинные волосы (в таком-то возрасте!.. Уже лет сорок, наверное, стукнуло, а все патлатый ходит!). Но больше всего раздражал «кольт» 45-го калибра, который парень почему-то держал в руке.

Какого черта он его сейчас вытащил? Кто на него здесь собирается нападать? И все время в окно глядит. Даже ногой постукивает по полу от нетерпения! И за дверью еще один тип торчит! Такой же волосатый, и тоже весь в коже. А в баре, как назло, больше никого!

— Слышишь меня, мистер!

Прайс нехотя повернулся к бармену.

Ну чего трясешься, сучонок? Кому ты нужен, дерьмо паршивое? Ну, успокойся, успокойся.

И тут Прайс услышал мотоцикл Черри.

Наконец-то! Явился!

— Я возьму бутылку, мак[1] — Бросил он.

Бутылка с бокалом мгновенно перекочевали со стойки в руки Прайса. Он повернулся и успокоенно направился к столику.

Черри подъехал к бару и поставил свой «Харлей» рядом с мотоциклом Уилли.

— Что так долго? — Спросил тот. — Я уже час торчу здесь. Прайс нервничает.

1 Мак (сленг) — бармен.

— Перебьется. Ветрина-то какой. А я не реактивный.

Они вместе вошли в бар.

«Похожи-то как! Словно братья!» — Подумал Том.

Они, действительно, были похожи. Одинаково длинные волосы, у всех бороды и усы, глаза прикрыты черными очками, и, как униформа, на всех черная кожа. И только шрам под левым глазом был лишь у Черри! «Шрамы украшают мужчину. Это, как ордена, — чем их больше, тем почетней», — так сказал ему Берт, его старший брат, когда Черри, будучи еще мальчишкой, в драке получил эту отметину.

— Здорово, ребята. Чего будете? — Засуетился бармен.

— Пивка, — процедил Черри.

Тут же пиво было налито в бокалы, и «ребята» подсели к Прайсу.

Тот взял у Черри шлем и медленно сложил туда пачки банкнот.

— Пятьдесят сейчас, пятьдесят потом.

Им не надо долго объяснять, за что платят деньги!

Этот ритуал повторялся каждый раз: называлась сумма, и клиент, если размер гонорара устраивал, родственники жертвы могли заказывать похороны.

— Всего, значит, сотня, Он что — полицейский?

— Нет. Это, кстати, твой друг. — Голос Прайса звучал обыденно просто. — Тебе понравится эта работенка.

Он протянул фотографию.

Черри отлично помнил это проклятое лицо. Глаза его стали узкими, челюсти сжались, и он процедил сквозь зубы:

— Этот ублюдок был в банде моего брата. Вначале он наколол Альберта на пятьсот тысяч, а потом с потрохами продал копу. И та скотина его пришила.

Бармен старался сохранять спокойствие.

Господи, да когда же они уберутся отсюда?

Бар был небольшой, и до него доносились обрывки фраз посетителей. Но тут, к его счастью, кто-то подъехал. Быстрый взгляд в окно...

Белая машина с черной крышей, капотом и багажником! Надпись на двери гласила: «Служить и защищать».

«Полиция!» — Бармен вздохнул с облегчением.

Машина остановилась. В ней сидели двое. Один совсем молоденький, почти мальчик, в темных очках и отутюженной форменной рубашке. Нил совсем недавно служил в полиции и свято верил, что это самая важная на свете работа. Он вышел из машины.

— Я хочу зайти посмотреть. — Напарник не ответил. — Эй, «кока-колу» принести?

— Да, диетическую.

Нил остановился у мотоциклов.

Машинки-ко одинаковые, а номера разных штатов. Странно. Какого черта их сюда занесло? На всякий случай, нужно сообщить в комиссариат.

Он снял рацию с поясного ремня и щелкнул тумблером:

— Говорит Нил Сименс. Мы находимся в четырнадцати километрах от шоссе, у бара. Проверьте два мотоцикла. Первый — Калифорния 694859, второй номер...

Дверь бара распахнулась, полицейский вошел и направился к стойке.

— Привет, Том. Рад тебя видеть. Как дела?

— О'кей. — Бодро ответил Том и несколько раз, одними глазами, показал в сторону столика, где сидели эти проклятые мобстеры[1]. Ну посмотри, посмотри туда.

«Понял», — взглядом ответил Нил и медленно развернулся к столу.

Трое насмешливо глядели на этого желторотого.

Ну иди, иди сюда, щенок!

Нил сделал несколько шагов и очутился у окна.

— Черри Генц. К вашим услугам. — Черри поднялся со стула и стоял, раскачиваясь на носках.

— Уилли Хиккон. — Уилли встал рядом с Черри.

— Не понял... Мы что, знакомимся, ребята? — Что-то странно они себя ведут.

Он потянулся к кобуре, но вытащить оружие уже не успел. «Кольты» Черри и Уилли громыхнули одновременно, и тело полицейского, выбив стекло, вылетело на улицу.

Его напарник выскочил из машины, выхватил «специальный полицейский», но... Было поздно. Прайс оказался проворнее. Несколько пуль свалили полицейского на землю.

1 Мобстер (сленг) — бандит.

Бармен упал. На четвереньках, стараясь быть как можно незаметнее, он полз к телефону. Если бы он только мог врасти в пол, слиться с ним воедино! Дрожащими руками Том схватил трубку и, сидя на полу, начал набирать номер...

— Кому звонишь, друг?

Фигура в черном плаще показалась бедному бармену вышедшей из преисподней, хотя голос звучал спокойно, почти ласково.

— Никому, никому не-не звоню...

— Отчего-то я тебе не верю.

Прайс медленно поднял руку. Черное дуло уставилось Тому в глаза.

— Нет, нет, нет, — повторял он.

«Гнида!» — подумал Прайс и брезгливо плюнул в бармена горячим куском свинца.

Хороший свидетель — мертвый свидетель.

Эту аксиому Прайс усвоил давно.

Багрово-красный диск солнца медленно погружался в пелену сумерек. Навстречу ему двигались трое на мотоциклах. Казалось, что тела людей срослись с машинами. Волосы их развевались, как гривы коней. Было что-то нереальное в этих черных силуэтах. Будто порожденные адом мотокентавры вырвались на волю, чтобы мстить людям.

Они направлялись за своей жертвой.

* * *

В баскетбольном зале два тюремщика, стоя у стены, наблюдали, как Рейджи кладет в корзину очередной мяч. Здорово. Красиво играет малый.

Раздался лязг открывающейся двери, и надзиратель пропустил в зал Джека.

— К Хемонду. — Буркнул полицейский, прикрывая за собой дверь.

«Неплохо устроился. Все по камерам, а этот мячом балуется».

— Ты, наверное, очень опасный заключенный. — Громко сказал Джек.

Ни хрена не меняется! Законсервировали его здесь, что ли?

Рейджи повернул голову, и мяч врезался в щит.

— Из-за тебя я промахнулся. — Он поймал мяч, но к Джеку не подошел.

Они так и стояли в нескольких шагах друг от друга.

Явился! Даже не поздоровался! Как будто выходил на минуту. Раздолбай!

— А у тебя ничего получается, Рейдж!

Джеку трудно было начать разговор. Все-таки он ощущал какую-то вину перед этим парнем. Когда он был у него в последний раз? Года четыре... Нет... Пять лет назад. Проклятая работа!

А Рейджи продолжал серьезно смотреть на него.

— Сколько лет я тебя не видел, Джек! А думал — ты мой друг.

— Ну извини, я был занят.

— Да я тоже. Наверное, что-то тебе очень понадобилось, раз пришел. Даже подстригся. — В его голосе чувствовалась насмешка.

— Времена изменились. — В тон ему заметил Джек. — А ты похудел на пару фунтов.

— Ты пришел сказать мне это? Или директор снова выбрал тебя, чтобы сообщить, что мне еще пять лет добавили?

— Не волнуйся. Ты выйдешь завтра. А когда ты выйдешь, у нас с тобой будет маленькое дельце.

— Ни черта у нас с тобой не будет. Понял? Когда я выйду, отдашь мои деньги, и я пойду отсюда подальше. Я пробовал уже играть в полицейского, — ни хрена не получилось. Отдашь мне деньги, и я исчезну.

Джек подошел к Рейджи. Голос его звучал доверительно.

— Рейдж, ты не понимаешь. Если ты не поможешь мне в этом деле, я не верну тебе деньги.

Глаза у Рейджи округлились. На минуту он потерял дар речи, а потом заорал:

— Ты меня наколол!

— Нет.

Как это нет? Коп проклятый! Присвоил мои денежки и еще издевается.

— Эй, Джек, я дал тебе эти деньги на хранение. Я тебе доверял!

— Я не просил, чтобы ты мне доверял.

От такой наглости Рейджи задохнулся.

— Ты хочешь сказать, что после всего этого дерьма я не могу получить свои деньги?

Джек посмотрел на него с сожалением.

— Для заключенного ты все правильно понял.

Заключенного?!

Этого Рейдж вынести уже не смог. Изо всех сил он швырнул мяч в эту наглую рожу. От неожиданности Джек растерялся. И прежде, чем надзиратели схватили Рейджа, он успел еще трижды приложиться к физиономии Джека.

* * *

Полицейские тащили Рейджа по гулкому тюремному коридору. Он уже не сопротивлялся.

Да черт с ними со всеми! Но Джек! Жаль, не успел навешать ему еще!

— Ну, на этот раз ты себе сделал. — Заметил тюремщик.

— Черта с два! Это была самозащита! Ясно? Са-моза-щи-та!!!

— Никто в это не поверит. Так что, мотать тебе новый срок, парень.

— Эй, подождите минуточку! — Рейджи остановился. — Два года я отсидел за преступление, которое совершил. Я этого не отрицаю. Но следующие пять лет мне добавили просто так! Я никого не грабил! А теперь вы хотите повесить мне еще срок?

— Остаток дней проведешь в специзоляторе! — Сказал надзиратель и отворил дверь.

Рейдж тут же уселся на кровать и схватил плейер.

Да пошли вы все! Лучше буду слушать Джеймса. Этот парень меня не продаст... А Джек... Такое же дерьмо, как все остальные. Как это он там сказал?..

«Для заключенного ты...» У-у, гад!.. Ну, все, хватит! Не думать об этом! Не думать!

Он натянул наушники. Но мысли о Джеке мешали наслаждаться музыкой. Он снова и снова возвращался к их разговору.

И чтобы заглушить это, он начал подпевать Джеймсу Брауну дурным голосом:

— А-а-а-у-у-у...

Но Брауна никто, кроме Рейджа не слышит, и изолятор наполнился визгом и воем арестованного.

— А-а-у-у, — орет Рейджи, и рот его расплывается в блаженной улыбке.

* * *

Джек очень любил свой город. Любил его улицы. И не только просторные авеню с многоэтажными монстрами в новых кварталах, а и те маленькие узенькие улочки, где дома стоят так близко, что между ними едва может проехать автобус; любил пальмы, которых осталось уже не много, но они так украшали площади; траву на газонах, голубое прозрачное небо, — оно пробивалось даже среди самых высоких домов; холмы вокруг города — они защищали от бурь; озера в парке, который зеленым языком спускался к океану. Словом, все, что окружало его, Джек любил. Даже людей...

Сегодня город был в тумане. Туман окутал холмы, но не спускался ниже. Солнце едва осветило только вершины, и они казались зелеными островами в молочном океане неба.

На одном из холмов появились три черных пятна мотокентавров. Они двигались в направлении города.

Охота началась.

* * *

Этот огромный бар с дансингом был выстроен из металлических балок и стекла. Светящаяся реклама на фасаде подмигивала прохожим, возвещая: — «Бернсториз». Вечером, когда он гремел музыкой и переливался разноцветными огнями, множество людей заполняли

вместительные залы, чтобы жевать, пить, танцевать, знакомиться, расходиться...

Но сейчас день, и бар полупустой. Музыка звучит негромко. Официантки порхают почти бесшумно: — Вашепивосэр, Чтоугодносэр, Благодарюсэр...

Барменша в шикарном блестящем платье наблюдает за работой своих девочек. Оглушительный вырез подчеркивает грудь, а огромные серьги делают лицо еще привлекательней. Ее зовут Кэт.

В центре зала, за отдельным столиком, сидит Тейрон Берроуз. Он не снял плащ, очевидно, рассчитывает задержаться здесь недолго.

В бар ввалились трое. Прайс, осмотрев зал, бросил бармену:

— Бутылку текиллы[1].

Кэт не спеша направилась к Черри и Уилли.

— Хотите что-нибудь, ребята?

— Виски, — сказал Черри и добавил: — Налей в стаканы.

И с таким дерьмом я должен иметь дело.

Берроуз с отвращением смотрел, как Прайс заглатывает текиллу.

— Мистер Прайс. Босс очень расстроен. Бардак, который вы устроили в пустыне, подсказывает нам, что никого из вас не будет здесь, чтобы закончить работу.

Хлюпик! Что ты-то можешь? Деньги платить да нотации читать сопредонам!

Прайс усмехнулся.

— Это ерунда, Тейрон. Слушай, надо дело делать, а не пылить. Если ты преступник, нельзя жить по законам. Законов для тебя нет.

Уже набрался! Когда же он успел? Ведь они только что приехали!

Прайс проделал в воздухе какой-то непонятный жест рукой, отхлебнул еще из бокала и стал излагать дальше:

— Настоящий американский ветер свободы! Мы это поняли, а вы — нет. Поэтому, до того, как появились большие города, компьютеры и адвокаты, мы были свободны, а вы были рабами.

1 текилла — мексиканская кактусовая водка.

— Да! Это очень интересная мысль, мистер Прайс. Может, вам баллотироваться в конгресс?

Берроуз вопросительно посмотрел на Прайса, но тот не ответил. Тогда он продолжил:

— Итак. Вот то, что вам необходимо. — Он извлек из-под стола сумку с динамитом и осторожно поставил ее на колени. — Вы знаете, что с ней делать?

— Нет проблем, друг. Я служил в морской пехоте!

— Я так и думал. — Берроуз встал. — Если будут затруднения, звоните мне. Номер вы знаете.

И, не попрощавшись, он вышел из бара.

У стойки пили виски Черри и Уилли. Им было почти хорошо.

Сколько баб! Вон та, в блестящем, ничего цыпочка! Трахнуть бы ее сейчас!

И Черри не выдержал.

— Эй, ты! — Позвал он барменшу. — Иди сюда!

Кэт подошла, хотя ей очень не понравилось обращение «эй, ты».

Черри схватил ее за шею, притянул к себе и быстро зашептал в ухо.

Девушка попыталась отстраниться.

— Я думаю, ты ошибся адресом. Я этого не делаю!

Ты что, совсем дура? Не понимаешь, что нам нужна баба?

Он криво усмехнулся.

— Да брось ты... Мы с другом только что приехали в город. Понимаешь?

Кэт не понимала.

— Мы ищем шлюху!.. Ну, здесь когда-то работала. Как ее зовут?

Она ощущала его потные лапы. Они тискали ее.

— Эйнджел. Она здесь больше не работает. Она танцует на Георт-Бич.

Черри рванул Кэт к себе и жарко задышал ей в лицо:

— Но ты-то здесь! Как насчет тебя?

Он сжал руку сильней. Девушка сделала еще попытку освободиться, но тщетно — хватка была мертвой.

— Пусти! Пусти, я тебе говорю! Мне это уже надоело. Пусти, а не то я позову полицию!

Уилли, стоявший с другой стороны, ткнул «кольтом» ей в шею.

— Давай, красотка, зови!

В эту минуту тяжелая рука опустилась на плечо Черри. Он дернулся, но услышал голос Прайса:

— Пошли. Пошли, ребята, пора.

Черри с сожалением отпустил жертву.

— Мы еще встретимся, красавица!

И через минуту они вышли на улицу.

* * *

— Рассмотрев дело о применении оружия на мотодроме, результатом которого стало убийство подозреваемого Артура Брока, комиссия учла все обстоятельства дела и считает, что офицер полиции Джек Кейт не имел достаточных оснований для применения оружия...

Председатель комиссии оторвал глаза от протокола и из-под очков посмотрел на Джека.

Конечно, «не имел»! Тебе же здесь за столом виднее, имел или не имел я основания!

Джеку было скучно. Он сидел рядом со своим адвокатом, полуразвалившись, и оглядывал зал. Здесь собрались ребята из его департамента. Вон сидит Джон... А там — Бен. За ним Френк Крюгер, дальше Том и Крис. Рядом с прокурором с наглой рожей устроился Уилсон. Как он говорил сегодня! Если верить всему, что он наплел, Джека давно нужно было вышвырнуть из полиции. И адвокат тоже хорош! Взъерошенный, похожий на воробья, он не смог сделать ни одного дельного замечания!

Прокашлявшись, председатель продолжал читать постановление.

— Учитывая его послужной список и проведенное Управлением внутренних дел расследование, комиссия заключает: полицейский был неправ.

Председатель комиссии встал и удалился из зала. Джек тяжело вздохнул.

Ты, естественно, подставил бы задницу под пули этого Брока! А я «неправ»! И поэтому в морге сейчас он, а не я!

Джек продолжал сидеть. Собирая бумаги в папку, адвокат пытался оправдаться:

— Понимаешь, я не думал, что они так обрушатся на тебя! Клянусь!

Да пошел ты!

Джек встал и направился к выходу.

— Джек, — остановил его Уилсон. — Я буду рекомендовать окружному прокурору, чтобы он выдвинул обвинение в непреднамеренном убийстве.

Инспектор даже не скрывал своей радости. Джеку очень захотелось ударить этого самодовольного индюка. Он с трудом поборол в себе это желание.

В глазах Уилсона вдруг промелькнуло едва уловимое сочувствие.

К ним уже спешили адвокат, Френк, Бен.

— Мне очень жаль, Джек, но я обязан был выполнить свой долг.

Инспектор уходил с высоко поднятой головой и прямой спиной. Эдакий светящийся монумент честности и «исполненного долга».

— Ты же понимаешь, тебя считают одержимым полицейским, способным на разные неправомерные действия. — Продолжал оправдываться адвокат.

— Другими словами — тебе крышка. — Успокоил его Бен.

Джек думал о своем. Он почти не слушал их.

— Я все равно найду Айсмана.

Бен посмотрел на него, как на идиота.

— Да перестань. Из-за этого у тебя все неприятности! У тебя нет улик. У Управления нет улик. На тебе висит непреднамеренное убийство! Защищаться надо. Понял?

— Понял. — Ответил Джек и вышел из зала суда.

* * *

Он шел по тюремному заводу. Лязг, грохот, жара. Заключенные в одних трусах хватают листы металла и вставляют в огромные штампы. БАЦ! И оттуда вылетают номера для автомобилей свободных людей. Пот заливает заключенным глаза, и стоит потерять осторожность, не заметишь, как расстанешься с рукой, а то и с жизнью.

Джеку не было их жаль. Каждый платит свои долги, как может. В конце концов, ведь не ангелы же сюда попадают! И это все-таки штампы, а не гильотина! Но то, что среди этих людей не было Рейджа, радовало Джека. Сейчас ему снова был нужен Рейдж. Убийц не нанимают просто так, для удовольствия. Он знает что-то, что мешает Айсману спокойно спать по ночам. А может быть, Рейдж знает его самого?

Во что бы то ни стало, нужно его разговорить. Конечно, он — засранец, этого мяча я ему не прощу. Но с другой стороны, и мне не черта было изгиляться... Его тоже можно понять. Столько сделал для меня, а я его забыл. Да еще эти проклятые деньги... Но как Рейдж мог подумать, что я его надул? Нет, он все-таки засранец.

Рейджи лежал на кровати, когда дверь изолятора распахнулась и чистенький, в белой рубашке и черном галстуке, охранник торжественно произнес:

— Давай, выходи! У тебя сегодня большой день...

— Да что ты говоришь? — Засмеялся Рейджи. — Ты меня, главное, выпусти отсюда. И все. А эти торжественные речи побереги для кого-нибудь другого.

— Ладно, ладно, пошли.

Охранник не рассердился. Этот парень ему нравился. Он не был похож на других заключенных. Всегда опрятный, не унывающий, а главное, эти огромные, по-детски распахнутые глаза.

Он добродушно подтолкнул Рейджи к выходу, и они пошли по коридору мимо камер, откуда на них с завистью смотрели другие заключенные.

У одной из решеток, сжав ее сильными мускулистыми руками, стоял пожилой небритый негр. Его волосы были коротко острижены, глубокие морщины пересекали лицо. Голубая джинсовая тужурка — с оторванными рукавами. Он много знал и много пережил.

Это был Смит Керкланд — старейшина черного тюремного братства.

— Эй, Рейджи, подойди сюда. — Голос Керкланда звучал глухо.

— Извини, минуточку. — Рейдж вопросительно посмотрел на охранника. Тот кивнул. — Я сейчас.

Он быстро подошел к решетке, за которой стоял Смит.

Керкланд смотрел на Рейджа в упор.

— Ты сдержишь обещание. Да? — В словах его чувствовался полувопрос-полуутверждение.

— Да ты не волнуйся. Не волнуйся. Все будет в порядке. Все будет о'кей.

— А этот белый полицейский, ну, который вчера приходил. С ним не будет проблем? — В голосе Керкланда послышалась тревога.

Рейджи постарался поскорее успокоить его, хотя сам не очень верил в то, что говорил:

— Нет, нет. Что ты! Никаких проблем. Абсолютно никаких. Все тихо, спокойно. Это я тебе говорю.

Здесь совершенно ничего нельзя скрыть! Ну откуда он узнал о вчерашнем мордобое?

— Но это может длиться немного дольше, чем я предполагал. понимаешь...

— Ты брось, — прервал его Керкланд. — Не болтай. Ты получи эти деньги и выполни свое обещание... — Он смотрел на Рейджа, не мигая. — Я держал тебя в этой дыре в живых пять лет! Но я выйду. И встречу тебя на воле. И если ты обманешь меня, я вырву твое сердце. Понял?

— Эй, пошли! — Крикнул охранник. И Рейджи был благодарен ему за то, что он прервал этот нелегкий разговор.

Нет... Надо сматываться. Если я не достану эти вонючие деньги, он меня точно пришьет. Ну не этот, так кто-нибудь еще.

— Ну и что ты собираешься делать, когда выйдешь отсюда? — Прервал его мысли охранник.

— Жить. Если получится, конечно. — Буркнул Рейдж, и они подошли к начальнику тюрьмы.

Тот стоял у открытого окна камеры хранения и рассматривал документы. Увидев вошедших, он тоже разразился торжественной речью:

— Рейджи! От имени правительства Калифорнии, я обязан дать тебе сто долларов и бесплатный билет до Сан-Франциско. — И протянул конверт.

— Ба-а-альшое спасибо. — Рейдж поклонился. И тут же небольшой бумажный пакет шлепнулся перед его носом. — Эй, зачем так бросать мои вещи! — Возмутился бывший заключенный, а теперь вольный гражданин. Он

сунул руку в пакет и сразу начал орать. — А где моя пленка? Моя любимая пленка с Джеймсом Брауном! Ее нет! Я так и знал, что ее слямзят! — Но вот рука нащупала кассету, и настроение его мгновенно изменилось. — А, вот она.

Рейдж извлек ее из пакета, нежно погладил и обиженно произнес:

— Черт возьми! И его продержали столько лет в тюрьме. Вместе со мной.

* * *

Да, долгонько он собирается! Можно подумать, полтюрьмы хочет унести с собой.

Джек стоял у ворот, сунув руки в карманы. С начальством он все уладил, и Рейжди должен был выйти с минуты на минуту. Но когда тот появился — сияющий, в отлично сшитом сером костюме, белоснежной рубашке и галстуке — даже Джек на мгновение остолбенел.

«Свободный гражданин» гордо прошествовал мимо, даже не взглянув на него.

— Эй, погоди! — Опомнился Джек. — Мы еще не закончили наш разговор!

— Держисьотменяподальшепоканевернешьденьгияв сесказал! — Рейджи пошел дальше, к тюремному автобусу, который стоял на площади.

Но Джек был не из тех, кто так быстро сдается.

— Я не могу отдать тебе деньги, если ты мне не поможешь!

Рейдж остановился.

Опять двадцать пять! Нет, мало я ему навешал! Каким же дерьмуком он стал!

Он постарался говорить как можно спокойнее. Но это требовало большого напряжения.

— Послушай, я тебе доверил свои деньги и свою машину. Я думал — ты честный человек. Впрочем, раньше так и было. Что с тобой случилось?

— Нет, это ты меня послушай! Я последние четыре года гонялся за Айсманом. На прошлой неделе я узнал, что этот Айсман хочет тебя прикончить. Смотри, — он протянул Рейджи обгоревшую фотографию. — Это я взял

у человека, который получал деньги за то, чтобы кое-кого пришить. Ты узнаешь этого парня?

Рейдж даже не взглянул на фотографию.

— Ну погоди! Пойми, ты — моя лучшая версия за пять лет! Айсман очень хочет убить тебя! А если есть жертва, появится и охотник.

— Да плевать я хотел на твои версии! Верни мои деньги и больше я ничего не хочу. Все, что ты говоришь, — чепуха! Это даже не чепуха, это — дерьмо собачье!

Джек вздохнул. **Пора менять тактику.**

— Послушай, Рейдж. **Обещаю — на этот раз все будет иначе...** Знаешь, если ты не поможешь, меня могут выгнать из полиции. Мало того, я могу попасть в тюрьму...

Рейдж посмотрел на него внимательно.

Врет. Опять все врет.

Но вслух произнес:

— Так теперь, значит, у тебя неприятности, парень! Ну, тогда мне хорошо! И я не хочу иметь с тобой ничего общего. Теперь я точно с тобой никуда не пойду!

— Послушай же! Я тебе... — начал Джек и осекся. В глазах у Рейджи он увидел насмешку.

— Ну, что ты мне? Что ты мне сделаешь? Прибьешь? Пристрелишь прямо перед тюрьмой? Нет, парень, так не поступают со своей лучшей версией!

Джек повернулся и пошел к своему белому «кадиллаку», который стоял поблизости.

— Не волнуйся! — Заорал ему вслед Рейджи. — Я буду навещать тебя в тюрьме! Часто! Каждые пять-шесть лет!

Он вошел в автобус и бросил водителю:

— Слушай, поехали отсюда.

— У нас расписание. — Ответил тот.

— Да к черту расписание! Я теперь свободный человек. Я не подчиняюсь этому говенному тюремному расписанию! — И Рейджи шлепнулся на переднее сиденье.

Душа его ликовала. Во-первых — он на воле, во-вторых — первый день встречает его солнцем и абсолютно прозрачным небом, а в-третьих — Джек-таки получил от него увесистую оплеуху! Гуд бай, парень!

Джек минуту постоял у машины, потом сел в нее, и дверца захлопнулась. Ну, что же! Придется подождать, пока Рейджи остынет.

* * *

С холма напротив за ними следили двое в черной коже.

— Вон та здоровая сволочь в белом «кадиллаке», — Черри передал бинокль Уилли, — прикончила моего брата. Отлично. Теперь я смогу разделаться с ними обоими.

«Кадиллак» тронулся. Через некоторое время, точно по тюремному расписанию, покинул стоянку и автобус.

* * *

Джек сидел в придорожной закусочной лицом к стойке, перелистывая блокнот. Это был очень странный блокнот. Все его странички были разделены на несколько частей. На первой изображены волосы, затем глаза, носы, губы и подбородки. С его помощью любой полицейский мог составить портрет преступника прямо на месте преступления и сразу же представить для опознания потерпевшему или свидетелям.

Сейчас Джек пытался сделать то же самое. Он составлял портрет Тейрона Берроуза.

Так. Он — негр. Это безусловно. Подбородок был поуже. Нет, не этот. Еще уже. И бородка... Очки... Какие же у него очки? В тонкой металлической оправе....

От усердия его собственные очки съехали набок. Нижняя губа была закушена, а волосы растрепались.

На улице проурчал автобус. Джек обернулся к большому панорамному окну, позволяющему охватить всю площадь, и увидел...

...Там, развалившись на сиденье, в наушниках, с совершенно идиотской улыбкой на детских губах, сидел Рейджи.

Слова богу! Настроение у него хорошее. Нужно будет повторить попытку. Ну ладно. Время еще есть. Продолжим.

Рейдж проехал мимо, и Джек вернулся к работе.

Он не видел двух мотоциклистов, сопровождавших автобус.

Заметив Джека, один из них притормозил и подошел к окну. Тук-тук-тук, постучал он костяшками пальцев по стеклу.

Джек оглянулся. В окне, улыбаясь во весь рот, стоял незнакомый парень и кивал ему головой: привет, мол! Джек лихорадочно рылся в памяти, — где он его видел? Но, на всякий случай, тоже стал улыбаться.

Парень, продолжая кивать и улыбаться, спокойно расстегнул черную кожаную куртку и...

Джек попытался достать свой «бульдог», но было поздно.

Шесть пуль, выпущенных из «магнума» Черри, разнесли стекло и отбросили тело Джека на стойку.

Черри засмеялся и вскочил на свой верный «Харлей».

ОДИН ГОТОВ!

* * *

Солнце раскаленным диском висело над степью. Мелкий кустарник по обочинам цепко держится за песчаную почву. Выжить!

На заднем сиденье тюремного автобуса расположились двое. Они сидели немного согнувшись и с неприязнью смотрели, как, развалившись, словно в бабушкином кресле, в середине салона полулежит какой-то тип и периодически орет благим матом. На коленях он держит «Уокмен», а на башке надеты наушники.

Да заткнется этот придурок когда-нибудь?!!

Рейджи был счастлив. Да пошли они все! Доберемся до города, займу денег и рвану во Флориду!

«Если ты устал, или у тебя неприятности, поезжай во Флориду — фрукты укрепят организм, прибрежный песок успокоит нервы, ласковые волны океана смоют усталость и заботы».

Так написано во всех проспектах.

Во Флориде им меня не достать.

А какие, должно быть, там девочки! Конечно, хуже наших (ну, с Бэллой вообще никто сравниться не может. Но где сейчас Бэлла?), и все же!

Он в очередной раз помог Брауну справиться со своей любимой песней.

А-а-а-а, гоу-гоу,
Бейби-бейби, бейби,
А-а-а-а, гоу-гоу,
Детка, детка-детка.
А-а-а!
у-у-у!

Визгливый голос, иногда переходящий в рычание, заполнил салон.

Чарли — водитель автобуса — поморщился, как от зубной боли. За сорок пять лет он впервые встретил такого ненормального пассажира. В зеркальце он видел, как тот закатывал глаза, мотал головой, а рот открывал так широко, что казалось — он хочет проглотить весь белый свет.

Бейби-бейби, бейби!
у-у-у!!!

Да чтоб ты затрахался со своей бейби!

И тут в зеркальце появились два мотоциклиста. В них не было ничего особенного, но черные очки и кожаные куртки при ярком солнце казались какими-то зловещими. Чарли охватило беспокойство.

А мотокентавры догнали автобус и ехали с двух сторон.

Елки-палки! Эскорт, как у Президента! Вот это подарок! К дню освобождения!

Рейджи радостно улыбнулся и помахал им рукой... но тут (глаза его чуть не выскочили из орбит!) он увидел уставившееся на него дуло «магнума».

Мать твою так!

Реакция его оказалась мгновенной. Секунда, и он забился между сиденьями в проходе. Двое, сидевших сзади, тоже знали, что нужно делать в таких случаях!

Пули прошивали корпус автобуса насквозь. Прошло не больше пяти секунд, а он уже выглядел, как решето. Осколки стекла сыпались на руки Рейджи, но пока ни они, ни пули не причинили ему вреда, не считая легкой царапины на правой кисти.

Автобус продолжал мчаться вперед, но «Харлеи» шутя справлялись с этой скоростью.

— Внимание! — Кричал в микрофон рации водитель. — Я здесь на пятидесятом шоссе. Обстрелян! Нужна помощь! Срочно пришлите помощь!

Мотоциклисты с ревом пронеслись мимо, но, проехав метров пятьдесят, круто развернулись и стали возвращаться.

— Срочно пришлите помощь! — Чарли видел, что они снова собираются стрелять. — Их двое, на...

Рация что-то пищала в ответ, но Чарли уже не слышал. Он сидел с окровавленным лицом, запрокинув голову назад — пуля угодила ему прямо в лоб. Руки его опустились, и автобус, оставшись без управления, завилял.

Рейджи приподнялся на колени. Оглянувшись, он заметил своих попутчиков. Им повезло меньше. Пули все-таки достали их.

А впереди...

Навстречу неуправляемому автобусу — лоб в лоб — двигался огромный грузовик, груженный длинными чугунными трубами.

Мать их так! Что за кретины! Откуда эти суки вывернули? Неужели они не видели меня?! Сейчас от них мокрого места не останется!

Водитель грузовика резко взял вправо, машину развернуло...

Рейдж бросился к кабине и вцепился в руль. Губы его были плотно сжаты, на лбу проступили капли пота. Нужно объехать эту громадину! Но как? Дорога была слишком узкой.

В этот момент пуля пробила переднее колесо... Автобус занесло...

Прицеп грузовика по инерции двигался вперед...

Рейдж, широко открытыми глазами, смотрел на наползающую на них махину. Потом он зажмурился...

Автобус кувырком полетел по дороге. Крыша-колеса, крыша-колеса, крыша-колеса... Из перевернувшегося прицепа, с лязгом и грохотом, катились трубы...

Последний кувырок, и автобус встал. Каким-то чудом

уцелевший Рейджи выбрался из-под мертвого водителя и выглянул в выбитое окно. Мотоциклы стояли посреди дороги, а убийцы... Убийцы шли к автобусу, опустив руки с зажатыми в них пистолетами.

У него должно быть оружие!!!! Рейдж потянулся и вытащил из набедренной кобуры водителя «кольт».

Ничего, ничего.... Еще посмотрим, кто кого...

Он выстрелил прямо в ненавистные черные очки.

Очень синхронно, как будто у них была единая нервная система, Черри и Уилли упали на землю. Так же синхронно они вскинули оружие.

Гляди-ка, жив, паскуда! Ну, сейчас ты успокоишься!

Наверное, этот день стал бы последним в жизни Рейджи, но и на этот раз Ангел-хранитель улыбнулся ему.

Истошно воя сиренами, по дороге неслись полицейские машины, вызванные покойным Чарли.

— Пошли! Скорее! Ну идем же! — Уилли повернулся к другу.

Черри с сожалением опустил пистолет.

НУ НИЧЕГО. УБЛЮДОК, МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ.

* * *

Операционная, как две капли воды была похожа на тысячи таких же операционных в маленьких больницах, разбросанных по всем уголкам света. Такие же холодные стерильные стены. Такие же рентгеновские снимки на них. Ключицы, ребра, руки...

Молодая женщина врач осторожно осматривала пациента.

Джек сидел на кушетке в майке. Болело плечо, рука, грудь. Огромные синяки выделялись на белом (загорать-то когда!) теле.

— Трещина в левой ключице. — Врач посмотрела снимок и положила его на тумбочку. — Кровоподтеки... Тебе повезло.

Конечно, повезло, раз я здесь, я не в покойницкой. Хорошо, что не в голову! Тогда бы точно — конец.

Но почему этот байкер стрелял в него? Джек его никогда не видел, если бы было что-то крупное, он бы запомнил, а по мелочам не убивают полицейских. Может быть, это человек Айсмана?..

— Ты всегда носишь бронежилет? — Прервала его размышления врач. Она подвязала больную руку к шее.

— Нет. Только когда встречаюсь с друзьями.

А может, Рейджи обстреляли те же люди?

Женщина протянула Джеку тампоны и бутылку с какой-то жидкостью.

— Возьми это. Компресс нужно менять каждый часполтора. А руку будешь носить на перевязи;

— Спасибо, доктор, — сказал Джек, и, как только она отвернулась, забросил бутылку, тампоны и повязку в урну. Потом надел пиджак и, подхватив свой бронежилет, пошел к двери. Нужно срочно поговорить с Рейджи!

— Надо еще подождать данных из лаборатории. — Вслед ему крикнула врач.

— Потом.

Джек быстро шел по коридору.

Если это одни и те же люди, значит, они точно знали, когда Рейджи выйдет. И следили за ним от самой тюрьмы.... Видно, здорово он им мешает...

Он завернул за угол и вошел в хирургическое отделение.

Посреди комнаты на каталке сидел Рейджи. Его осматривал врач, а два полисмена стояли рядом, наблюдая за его манипуляциями и, время от времени, задавали вопросы, пытаясь выяснить обстоятельства налета. Джек остановился и стал вслушиваться в разговор.

— Сколько можно повторять одно и то же? Я уже сказал: я занимался своим собственным делом — слушал музыку. А тут эти байкеры...

Полицейские смотрели на него недоверчиво. Они не были глупыми и понимали не хуже Джека — ни с того, ни с сего такую пальбу не устраивают.

Врач закончил осмотр.

— Слава богу, все в порядке.

— Да? А почему у меня голова болит?

— Может быть, слабое сотрясение мозга. Тебе крупно повезло, между прочим. Наверное, в рубашке родился! Ну, переночуй здесь, мы еще понаблюдаем за тобой, а утром отпустим.

— Я не собираюсь здесь ночевать. — Возмутился

Рейдж. — Мне домой надо! Хватит. Называется — первый день!

— Ты точно не видел их раньше? Ну этих... байкеров? — Снова спросил полисмен.

Ну что пристали, как банный лист...

— Я уже все вам сказал. Все-о!

Полисмен вздохнул и повернулся к напарнику:

— Ты побудь с ним, а я сейчас вернусь. Меня там свидетель ждет.

— О'кей.

— Черт возьми! — Заорал Рейджи. — Не хватало мне первый день на свободе проводить с вами! — И уселся, демонстративно положив ногу на ногу. Он не хотел разговаривать с полицейскими вообще, а уж с Джеком особенно.

Свидетель, очень полная дама, говорила, все еще переживая случившееся. Казалось, от возмущения она выпрыгнет из платья. Женщина задыхалась, и от этого голос ее звучал прерывисто.

— Понимаете... Я тороплюсь, опаздываю... Это было ужасно... Они мне сразу не понравились, эти хиппи... Да... А потом... вдруг... началась стрельба... Я закрыла глаза... и больше ничего не видела...

«Да, ценный свидетель». Полисмен вздохнул и пошел обратно. Перед ним вырос Джек.

— Подожди, Хемелтон. Когда я смогу с ним поговорить?

— Врачи хотят оставить его на ночь для наблюдения. Надо же, как повезло парню! Все мертвы, а этому хоть бы что!..

— Так когда, Хемелтон? — Прервал его Джек.

— Не знаю. Мы бы хотели за ним последить.

Джек приблизился вплотную и заговорил полушепотом.

— Ты знаешь, кто это такой? Он занимается детской порнографией!.. Жуткий тип. Я должен доставить его в Сан-Франциско. Он насильник... — Джек посмотрел, какое впечатление произвели его слова, и остался доволен, — Если я не доставлю его туда — он сбежит.

Хемелтону даже в голову не пришло спросить, почему именно Джек должен доставить «насильника» в Сан-

Франциско. Раз тот сказал, значит, так и есть — Джек пользовался авторитетом. А потом, если негр и сбежит, то лучше от кого-нибудь другого. У них и так забот достаточно. Патрульный вздохнул.

— Ладно, забирай его.

Они шли по коридору. Впереди Рейдж, чуть позади Джек с бронежилетом в руках. Он не знал, как начать разговор.

Как объяснить этому олуху, что не только он нужен мне, но и я ему! Ну хорошо, Я не был у него пять лет!.. Но сейчас не в этом дело! За ним же охотятся, неужели он не понимает? А почему? Наверняка, что-то знает, но молчит. Упрямый черт!

— Слушай, Рейдж, хочешь прокатиться на «кадиллаке»? — Спокойно спросил он.

— Отстань. У меня ужасный день сегодня. И для полноты счастья мне не хватает только тебя.

— Я просто пытаюсь тебе помочь. Ну, что ты так спешишь? Или боишься опоздать на автобус! В прошлый раэ, мне помнится, тебе не очень-то повезло.

Рейдж остановился.

— Послушай, Джек. Сделай милость — исчезни. Я уже говорил тебе — держись от меня подальше.

— Э-э. Они отпустили тебя под мое поручительство!

Конечно, как же иначе? Коп говенный! Хрен ты узнаешь от меня что-нибудь!

Толкнув дверь больницы, они вышли на залитую солнцем улицу. Рядом со входом замер белый «кадиллак» Джека.

Джек понимал — Рейдж не верит ему. Но все же он распахнул дверцу машины, и, к его удивлению, Рейдж плюхнулся рядом. «Кадиллак» тронулся. Некоторое время они ехали молча. Наконец, Джек сказал:

— Ну хорошо, ладно. Давай миром... Ты видел раньше этих байкеров?

— Я лучше говорю, когда у меня деньги в кармане.

Рейдж смотрел прямо перед собой.

— Как только ты мне скажешь, где я их смогу найти, я... тебя отпущу...

— А ты спроси того парня, у которого взял фотографию. — Рейдж насмешливо посмотрел на полицейского.

И на такую дешевку ты хотел меня поймать!

— Понимаешь, он в последнее время что-то плохо разговаривает.

— Да? А что случилось?

Джек еле заметно поморщился. Снова дико разболелась ключица. На мгновение закружилась голова. Но нельзя сходить с тона... Поэтому он взял себя в руки и легко ответил:

— Он стрелял первым... Правда, сейчас мы не можем найти его пистолета, поэтому у меня неприятности...

А может, он врет? Да какая мне разница, в конце концов! Врет — не врет. Пошел он к черту! У него свои пироги, у меня — свои! Все! При чем здесь я?

Рейдж разозлился. Он резко повернулся к Джеку.

— Я направлялся во Флориду. Ты хоть знаешь, что такое Флорида?.. Для меня?! Это — мечта моего... обездоленного детства! Да ни черта ты не знаешь! Так вот!.. Я направлялся во Флориду, а вместо этого сижу здесь с тобой без гроша в кармане! Мне чуть не прострелили голову, я потерял свой «Уокмен», на меня наехал здоровенный грузовик, и... вообще... Оставь меня в покое! — И он снова отвернулся.

Джеку стало смешно. Рейдж сейчас напоминал маленького обиженного ребенка, у которого отобрали конфету.

Стена между ними, кажется, начинала потихоньку разрушаться.

— Я тоже встретил твоих друзей. Так что успокойся, не ты один пострадал! Они всадили мне шесть пуль в грудь.

Рейджи заинтересованно окинул его взглядом.

— Да? Для покойника ты неплохо выглядишь!

— Я был бы трупои, если бы не носил вот это. — Джек кивнул на тяжелый бронежилет.

— А зачем ты его носишь? — Рейдж взял бронежилет в руки и стал, разглядывая, вертеть перед собой.

— Что? А... Чтобы быть живым и разговаривать с тобой.

— Очень мило. — Рейджи, сидя, попытался раскланяться. — Может, мне такой же купить?

— Конечно, купи. Он стоит всего 850 долларов. Правда, это немножко побольше, чем тебе дали, когда ты вышел из тюрьмы. — Съязвил, не удержавшись, Джек.

Рейдж не остался в долгу:

— Ничего. Зато, у тебя целое состояние. Мое!

— Да-а-а. С этим все в полном порядке. Я отдам тебе деньги, как обещал.

Они уже разговаривали, как прежде, будто и не было этих проклятых пяти лет!

Джек повернул голову к Рейджи. Тот сидел расслабившись, слегка прищурившись от ветра, и смотрел на дорогу. Он семь лет не видел деревьев, травы, не ездил на машинах... Вдруг он взглянул на Джека и не зло, а скорее как-то буднично, сказал:

— Слушай, Джек. У нас с тобой была сделка. Я должен бы давно выйти, но ты меня подвел.

— Я тебя подвел? — Взорвался Джек. — Да ты сам себя подвел!

— О чем ты!

— О чем? Какого хрена ты пытался украсть зарплату тюремного персонала! И не смотри на меня так! Деньги нашли у тебя в камере!

— Господи! И ты поверил? Да они же меня подставили!

— Подставили!..

— Конечно. Нужны мне были эти говенные гроши!

Собеседник промолчал, и Рейдж тут же зловредно добавил:

— Зато, ты так и не нашел этих бандюг!

Красный «линкольн» выехал на встречную полосу, и Джек резко взял вправо, избегая столкновения, чем вызвал новую волну боли в ключице. Проклятое плечо!

— Это разные вещи, — голос звучал спокойно, и Джек остался собой доволен. — Я — полицейский, а ты — мошенник. Я могу ошибаться, а ты — нет.

— Конечно, у вас всегда так. Если Рейджи Хемонд, значит, сам виноват.

— Конечно.

— Да пошел ты.

И снова встречная машина. Джек сильнее ухватил руль и тут же поплатился за это. Острая боль отозвалась

во всем теле. Джек невольно застонал и принялся растирать плечо.

Рейдж посмотрел на него удивленно. Он никогда не слышал, чтобы Джек стонал.

— В чем дело? У тебя рука болит?

— Вот именно. Благодаря твоим дружкам.

Конечно, в меня стреляли из-за Рейджи! Они, очевидно, видели нас вместе у тюрьмы и решили, что он мне что-то рассказал. А этот засранец молчит!

— И сильно болит? — Посочувствовал негр.

— Сильно. — Буркнул Джек.

— Хорошо.

Джек посмотрел на него. Рейджи сидел и улыбался. Они въезжали в город.

* * *

Берроуз стоял в телефонной будке все в том же светлом плаще. Ему было противно слушать этот ноющий голос, звучавший в трубке. И это — помощник шефа! Сначала связываются черт знает с кем, а потом ноют!

— Эй, эй. Ну успокойся. Не я же нанял этих придурков, в конце концов... И не надо мне жаловаться... Сейчас этим делом занимается морской пехотинец. Правда, беда в том, что он такая же деревенщина, как и те, что были до него, но будем надеяться.

* * *

«Кадиллак» свернул на центральную улицу Сан-Франциско. Мимо мелькали дома, куда-то по тротуарам спешили люди. Рейдж вертел головой направо и налево. Вот прошагали две длинноногие девицы в коротких шортах и узеньких полосках, едва прикрывающих грудь. Рейдж от восхищения даже присвистнул.

— Эй! — Прокричал он им весело, помахал рукой и ослепительно улыбнулся.

Нет, это удивительный человек! За ним смерть по пятам гонится, а он на девиц заглядывается!

— Слушай, а сколько моих денег ты потратил? — Рейдж неожиданно повернулся и заинтересованно уставился на Джека.

— Двадцать пять тысяч, примерно.

— Двадцать пять тысяч! Да ты же мог купить себе новую машину!

— А это и есть новая машина.

— Да! А так похожа на ту старую развалину, которая была у тебя.

— Правильно. Того же года, того же цвета, той же модели. Это-то мне и нравится.

— Никогда не думал, что ты консерватор! — Рейдж продолжал болтать так непринужденно, как будто между ними не было никакой размолвки. — Погоди. У тебя та же машина, та же одежда, и та же девушка, наверное! Элейн! — Он еще больше развеселился.

Губы Джека дрогнули. Глаза сузились.

— Я не хочу говорить об этом дерьме!

— Правильно. Все дерьмо держи в себе.

И Джека прорвало.

— Она должна была выйти за меня замуж лет пять назад! Но ей надо было, чтобы я остепенился! Всем надо, чтобы я остепенился! Кроме меня!.. А я не могу! Я такой, как есть! И другим быть не желаю. — Джек свернул в одну из боковых улочек и, проехав два квартала, притормозил у аккуратного красивого дома. — Вот здесь мы жили. Пока не разошлись.

У Рейджа перехватило дыхание. Но он смотрел не на дом, а на черный «порш», который сиротливо замер у кромки тротуара. На нем лежала груда опавших высохших листьев, и весь он был какой-то грязный и неухоженный, как брошенная хозяином собака.

— Слушай, — начал Рейдж тихо и медленно. — Как ты мог оставить здесь мою машину! Здесь!!! Почему ты не доставил ее в гараж? — Голос его набирал силу. — Посмотри, сколько грязи на ней!

А вдруг деньги украли?

— Успокойся. Деньги на месте.

— На месте? — Это несколько успокоило Рейджа, и он продолжал с апломбом. — Не-ет! Ты не умеешь ценить приличные вещи! Ты не знаешь, сколько эта машина стоит! Сколько баб подцепил я на ней!

Он порылся в своем пакете и вытащил дистанционное управление, решив откинуть крышку «седана» и сделать

два дела сразу. Первое — проверить, не сел ли аккумулятор, второе — стряхнуть с «порша» мусор.

Негр брезгливо вышел из этого несчастного белого «кадиллака» и с силой захлопнул за собой дверь, одновременно вдавливая в пульт кнопку.

И тут, словно в ответ на этот хлопок, раздался сильный взрыв... Пламя окутало «порш», и столб дыма и огня, вместе с остатками машины, взлетел в воздух.

Джек даже не успел сообразить, что произошло. Он выскочил из машины, выхватывая пистолет. Руки чуть согнуты в локтях, указательный палец на курке.

На улице никого не было. Пусто. Значит, это не граната, а бомба, заложенная под капот. Ну и то, слава богу. Эти байкеры могли бы перестрелять их, как котят, если бы захотели. Хорошо, что обошлось. Джек с облегчением вздохнул и сунул «бульдог» в кобуру.

Рейдж застыл. От удивления и обиды он даже не сразу смог заговорить. Глаза его округлились, стали влажными, губы задрожали, он стоял одеревеневший и горестно повторял:

— Они взорвали мою машину! Они только что взорвали мою машину! Они взорвали мою машину!

Он был похож на мать, на глазах которой только что убили ребенка.

— Беда какая. — Тихо произнес Джек. Ему было очень жаль Рейджи.

Вот это он сделал напрасно. Рейдж набросился на него так, будто именно он, Джек, взорвал его любимый «порш»!

— Они взорвали мою машину, а ты говоришь «беда какая»! — Голос его звенел ненавистью. — Нет машины, нет денег!

— Тебе не везет сегодня! — Джек не знал, как успокоить Рейджа, и говорил первые подвернувшиеся слова.

Скажи спасибо, что ТЫ был а другой машине!

— Не везет! Да как мне может повезти, если я связался с тобой?!! Все. Хватит. Я еду домой!

* * *

Сказать было просто, выполнить куда сложнее.

Рейджу срочно были нужны деньги. Машина, а с ней и весь капитал, на который возлагались такие надежды, догорали где-то на улице... За семь лет все связи нарушились... Ну ничего. Есть еще друзья! Не бросят. Вот. Бакстер. Он, наверняка, не откажет старому приятелю.

Рейдж зашел в первый попавшийся телефон-автомат, достал из кармана никель и принялся быстро листать записную книжку. Наконец, он нашел нужный номер. Лицо его мгновенно прояснилось, рот растянулся в улыбке, как будто человек на том конце провода мог видеть его. Трубку снял хозяин.

— Бакстер! — Радостно заорал Рейджи. — Это я, Рейджи Хемонд! Я вышел! Представляешь!.. Просто так звоню. Приятно тебя слышать, братец!.. Да, я знаю, я — придурок... гм... словом, понятно... Мне нужна ссуда... Да я знаю, что должен... Постой, ты же мой брат! Мой брат... Нет, нет, у меня ничего нет под залог! Я же только что из тюрьмы, какой может быть залог! Это же я — Рейдж Хемонд. Эй, Бакстер! Бакстер!

Засранец! А еще «брат»!

И Рейдж со злостью бросил трубку.

* * *

Джек подошел к участку. Навстречу ему выскочил встревоженный Бен. Мимо проходили служащие, но он ни на кого не обращал внимания.

— Господи, Джек! Что происходит? Мы получили сообщение о перестрелке возле твоего дома.

— Да никакой перестрелки не было. Просто взорвалась машина.

— Твоя машина?

— Да нет, другая...

Джек очень устал. Ему не хотелось ни с кем разговаривать. Даже с Беном. Нужно пойти и закончить фоторобот негра с мотодрома... И сделать еще один, на того подонка, который стрелял в кафе.

Мимо проходил Френк. На минуту он задержался, чтобы посмотреть на живого Джека.

— Френк, будь так любезен, проверь этих байкеров. — Бен протянул ему какие-то листки и тут же снова повернулся к Джеку.

— Слушай. Тебя тут Уилсон разыскивал. Ты сходи к нему сам. Сделай одолжение. Иди прямо сейчас, а не-то он кого-нибудь за тобой пришлет. Или, не дай бог, сам заявится!

— Ладно, иду.

Он направился к дверям, но, очевидно, шаг его был неверным. потому что Бен окликнул его:

— Эй, Джек, с тобой все в порядке?

— Все.

Он вошел в здание.

* * *

Рейджи обошел всех, кого можно было обойти. Тех, кого нельзя, к кому не стоило заходить, он обзвонил. И, конечно, денег ему никто не дал.

Со свойственной ему энергичностью, Рейджи принялся придумывать безопасный путь добычи денег, который, кроме всего прочего, не привел бы его на пару лет в то заведение, откуда он сегодня так успешно вышел.

Прокручивая в уме различные варианты, Рейдж не заметил, как оказался у того самого участка, в котором служил Джек. Но понял он это, только когда здорово шарахнулся коленом о занимающий полтротуара белый «кадиллак». Негр тихо и вымученно застонал.

Ну что за город? Нет, ну что за город, а? В какую сторону не пойди, везде наткнешься на этого раздолбая. Нет. Отсюда определенно надо сматываться. Да. Но... Где же взять деньги?

И тут его осенило. Он же может позвонить еще одному человеку! Ну точно. Соседу по камере, который вышел на год раньше.

Рейдж заскочил в стоящую тут же телефонную будку.

В этот момент с громким воем сирены подъехал полицейский патруль.

Один из полисменов вышел и обогнул «кадиллак». Ставят тут всякие. Он достал квитанцию и попытался заправить ее под дворник.

Рейдж наблюдал за этим процессом с неподдельным интересом. Не положив трубки, он крикнул полисмену:

— Эй, ты собираешься оштрафовать хозяина этой тачки? Правильно. Он ненавидит полицейских.

— В самом деле? — Буркнул патрульный, косо глянув на стоящего в будке негра. Ему-то какого черта надо?

— Конечно! — Рейдж уже вошел в раж. — Он, когда уходил, так и сказал мне: все полицейские — дерьмо. Трусы, которые прячутся за свои формы! А еще он сказал, что будет ставить свою машину, где захочет. И плевать, мол, ему на эти правила! И добавил, что если я увижу полицейского, который надумает оштрафовать его, сказать: «он может поцеловать меня в задницу!» Это он так сказал, мистер, а не я!

Рейджи кричал и слушал себя, как слушал Джеймса Брауна. Во всяком случае, удовольствие он получал не меньшее.

— Твой приятель — урод! — Оборвал его патрульный.

— Это точно! — Легко согласился Рейджи. — Он здоровый глупый полицейский, по имени Джек Кейт.

— Черт! Скажи Кейту, пусть перестанет ставить машину перед участком. — Полицейский выхватил квитанцию из-под дворника и, быстро порвав ее, зашагал к своей машине.

* * *

Уилсон сидел за столом и перебирал бумаги. За спиной у него красовалась картина. Это был роскошный пейзаж — синее море и на берегу огромные пальмы! Увидев вошедшего Джека, он приветливо улыбнулся. Слишком приветливо.

— Рад видеть тебя живым и невредимым, Джек. Слышал, слышал. Значит, сначала тебя обстреляли какие-то мотоциклисты... Потом бомба взорвалась у твоего дома... Конечно же, это дело рук Айсмана. — Улыбка сползла с его лица, и он продолжал уже обычным тоном, осознавая значимость того, что говорит.

— Так вот. Ты отстранен от службы. По крайней мере, до суда, который состоится завтра. А теперь отдай мне свой пистолет, удостоверение и полицейский значок...

Он говорит со мной, как с недоумком! Да черт с тобой! На, бери все!

Кейт кинул на стол удостоверение, значок и... аккуратно вытащил «бульдог» из наплечной кобуры. Он положил его осторожно, как живое существо. Пистолет был другом, не раз спасавшим ему жизнь.

— Ты, наверное, думаешь, что я получаю от этого удовольствие? — Уилсон ощутил какую-то неловкость. И, чтобы сгладить ее, сказал: — Джек, сделай одолжение. Иди домой и выспись хорошенько. Мне надо еще проверить кое-что. В свободное от работы время. — Он усмехнулся.

Джек медленно пошел к выходу.

Господи, как же я ненавижу его ухмылку!

У самой двери он обернулся, еще раз взглянул на Уилсона, пристально смотрящего ему вслед, и спокойно сказал:

— Ты знаешь, я не против людей, которые инспектируют полицию. Я не считаю, что мы стоим выше закона. Только это плохо для морали и боевого духа. Я против тебя. Потому что ты, Уилсон, — дерь-мо! Хотя, это, может быть, и не твоя вина! Может, это — твой долг.

И Джек вышел, громко хлопнув дверью.

* * *

Пускай забирают пистолет, удостоверение, бляху! Пускай! «Конечно же, это дело рук Айсмана?» До чего же гнусно он это сказал! Не верят! Сами ни хрена не делают, а еще под ногами путаются!

Мужик на мотодроме, ясное дело, ликвидатор. Он убрал того пушера, и должен был ликвидировать Рейджи... Не получилось. Тогда откуда-то возникли мотоциклисты. Эти, конечно, тоже профи. А кто же приказал? Сами, что ли, организовались? А в меня какого хрена стреляли? Значит, я кому-то меша-аю.

Джек сидел за столом и заштриховывал лицо негра. Вот теперь, кажется, похоже. Интересно, куда пошел этот кретин?

«Этот кретин» как раз набирал номер бывшего сокамерника. Он уже не очень рассчитывал достать деньги, — просто приятно было услышать знакомый голос.

— Алло! Вермер! Это Рейджи. Да, ты все правильно понял, Рейджи! Да, да, да, да. Только что вышел. Да...

Что? Ты... ты крестился? Да пошел ты... Нет, — Рейдж расхохотался. — Не могу представить тебя христианином. Да нет... Пойми меня правильно... Пойми... Да, да, да, да. Да, я тоже люблю Христа... Да, я люблю его... Я люблю его. Да... Алло... Алло-о... Алло-о-о-о... — он постучал по трубке, но оттуда услышал лишь: пи-пи-пи-пи.

Надо же! Обиделся!

Но он недолго расстраивался. Через минуту Рейдж набирал новый, услужливо подсказанный памятью, номер.

— Алло, Вилли Бик! Здоров....

— Здоров...

Джек закончил составлять фоторобот Черри. В отделе было полно народу. Огромный зал, наполненный столами, и у каждого — человек. Столы, люди, машины, столы, люди, машины... И уже начинает казаться, что нигде на свете не существует ни травы, ни деревьев, ни неба, ни солнца. Только — столы, люди, машины...

Стол был завален бумагами. Бен копался в них так сосредоточенно, что Джеку было неудобно отрывать его от работы. Но выхода-то все равно не было! Кому еще, кроме Бена, он мог доверить это дело.

Бен оторвался от бумаг и взглянул на Джека.

— Вот, Джек, тридцать жалоб на этих бродяг за три-четыре дня!

Джек протянул ему составленные фотороботы.

— Возьми, проверь это через опознание.

— Кто это? — Бен рассматривал портреты.

— Это — мотоциклист, стрелявший в меня, а этот — черный сукин сын, сбежавший с мотодрома.

— Что-то не очень он похож на «ангела ада»[1]!

— Внешность бывает обманчива. Ну, пока!

— Пока. Приятно было с тобой поговорить.

Бен смотрел вслед уходящему Джеку.

Вернется ли он сюда еще?

* * *

Джек вышел на улицу.

1 «Ангелы ада» (сленг) — название банд мотоциклистов.

Уже наступил вечер, и город осветился тысячью огней. Машины проносились с горящими глазами фар, дома сверкали мигающими рекламами, фонари заливали улицы неоновым светом.

Облокотившись о «кадиллак», его поджидал Рейджи. Он стоял, скрестив ноги, засунув одну руку в карман, опираясь другой о дверцу машины. Полы пиджака были распахнуты, и ослепительная улыбка сияла на его лице.

Как в рекламном проспекте.

Джек подошел и остановился рядом.

— Ты все еще здесь?.. Я думал, ты не останешься.

— Думаешь, мне это приятно? Твою большую белую задницу я уже видеть не могу! Но я должен быть свободным человеком с деньгами в кармане. Заниматься своей жизнью, поехать во Флориду. — Ничуть не смутясь, отбрил Рейджи.

Джек с улыбкой распахнул дверцу машины. (Он даже не думал, что так обрадуется этой улыбающейся физиономии!)

— Добро пожаловать!

— Да пошел ты! До тебя все никак не может дойти, что положение изменилось. Я больше не заключенный! Ясно? Я свободный человек! Это ты в дюйме оттуда, где я был вчера. Понимаешь? Значит, так. — Подвел он итог. — Я на тебя не работаю; я тебя не люблю. Я тебе не доверяю!

Артист! Во, как разошелся! Хорош! В Голливуде ему место, а не в тюрьме!

Джек до конца дослушал эту тираду и спокойно сказал:

— Может, хватит болтать, а? Послушай, я не верю, что тебе ничего неизвестно об Айсмане. Ну дай мне хоть что-нибудь, чтобы я мог его поймать.

— Да пошел ты.

— Рейджи, пойми. В нашем городе живут люди. Одних травит наркотиками банда Айсмана. Других грабят, не достав денег на очередную порцию зелья, наркоманы.

— Плевать мне на твоих людей вместе с их городом! Где они были, когда мне добавили «пятерку»? Или это не люди сделали! — Вскипел Рейджи.

Нет. С ним невозможно разговаривать! Он, как баран, ни черта не видит дальше своего носа!

Джек сделал последнюю попытку.

— А дети, Рейджи! Они в чем виноваты?

— При чем здесь дети?

— Да их у школы поджидает целая свора пушеров! Во что они превратятся через пару лет, а?

Рейджи закипал быстро, но так же быстро и остывал. Он на секунду задумался и спокойно произнес:

— Ладно. Слушай. Айсман купил тебе дом.

— Я же сказал — хватит болтать! — Джек строго посмотрел на негра и увидел, что тот снисходительно улыбается.

— Я не могу поверить, что ты до сих пор не научился складывать два и два. Вникай... Несколько лет тому назад я украл полмиллиона долларов. Это были деньги Айсмана. Он до сих пор очень расстроен. Ну что ты так смотришь? Да, деньги оказывают такое влияние.

— Я вижу, у тебя колесики закрутились.

Воодушевленный похвалой, Рейджи продолжал:

— Да. Человек, которого ты искал все это время, купил тебе эту машину и внес взнос за дом. Вот. И ты едешь на машине и ищешь его, а он тебе ее купил. — Он счастливо засмеялся, увидев слегка озадаченное лицо полицейского. — Знаешь, Джек, ты, наверное, самый тупой мужик в полиции.

Ну что? Я тебе дал «что-нибудь»! И много ты узнал?

Рейджи обошел «кадиллак» и открыл другую дверцу.

— Я поведу. У тебя рука разбита, а с меня достаточно и одной катастрофы.

Он удобно расположился на месте водителя. Джек не возражал и устроился рядом. Двери машины захлопнулись, и она бесшумно тронулась.

Светящиеся витрины магазинов, окна квартир, огни реклам проплывали мимо.

Джеку было хорошо (если человеку в его положении, вообще, может быть хорошо). Теперь он мог смотреть по сторонам, да и разбитая ключица немного успокоилась. Рейджи отлично вел машину.

За столько лет не забыл!

— Я всегда мечтал о таком шофере, Рейджи!

Рейджи не обратил внимания на эту фразу. Он думал совсем о другом.

Конечно, Джек мастер давить на жалость, но насчет детей, это он прав.

Рейдж знавал кое-кого из наркоманов, и, как правило, все они заканчивали свой путь на каталке морга.

Он вздохнул и повернулся к Джеку.

— Послушай. Я узнал одного из этих. Его зовут Черри. Он брат Альберта Генца. Помнишь его?

— Да.

— Так вот. В сравнении с ним, Генц — щенок. Они появились здесь, значит, их нанял Айсман. А зачем Айсману нанимать именно его? Подумай об этот. Не догадываешься? Ты же убил Альберта, а я тебе его подставил. Он хочет нас убрать.

— Я это понял еще в кафе!

— Постой... У него была девка. Она работала в «Бернсторнзе».

— Погоди... Где этот бар? Ты знаешь?

Еще бы Рейдж не знал! До того, как загреметь в эту вонючую каталажку, он недурно проводил там время. Девочки — класс, напитки — высший сорт, а главное, какой оркестр играл там!

Рейдж развернул машину и направил ее к бару.

Джек посмотрел на него с уважением.

— И как ты помнишь, где работала эта девушка, отсидев семь лет в тюрьме?

— Слушай, когда ты отсидишь семь лет в тюрьме, то будешь помнить всех баб, которых когда-либо видел и лапал в жизни.

— Я вижу, тебе не терпится меня туда упрятать!

— Почему мне? Это твоим дружкам не терпится. Сам говорил. Ай-яй-яй!

Рейджи увидел, что Джек достал полицейский жетон и пытается вставить его в книжку-планшет. От этого «ай-яй-яй» Джек вздрогнул и уколол себе палец.

— Черт! Подожди минуту.

Рейдж притормозил, и Джек, наконец, смог водрузить жетон на место.

— Эй, Джек! Ты с ума сошел! Это же фальшивка!

— А, ерунда. Если быстро показать, никто и не заметит.

— «Не заметит!» Ты и так находишься под подоз-

рением, а еще собираешься заниматься такими делами, черт возьми!

— Лучше за собой посмотри! И не чертыхайся больше!

— Эй, эй! Ты куда собрался! — Поинтересовался Рейдж, заметив, что Джек выбирается из машины.

— Подожди-ка здесь.

* * *

Полицейский быстро пошел к телефонной будке и набрал номер участка.

— Бен, дружище, посмотри, у нас ничего нет на бар «Бернсторнз»? Что?.. А когда она звонила?.. Ясно... Ну спасибо... Да нет... Мне нужно туда подъехать. В нем работает девка моего мотоциклиста. Да... Буду держать. Пока.

Джек повесил трубку на рычаг и, вернувшись к «кадиллаку», забрался на сиденье.

— Все в порядке. Можем ехать.

Рейджи ничего не оставалось, кроме как пожать плечами и нажать газ.

* * *

Бар был переполнен. Публика собралась самая разнообразная. Клубы табачного дыма носились в воздухе. Разгоряченные потные тела толкались, сливались, плясали под оглушительный рев оркестра. На эстраде лохматые парни в джинсах, приплясывая, «пели» в охрипшие микрофоны. Подогретые спиртным посетители подхватывали мелодию и помогали исполнителям. Официантки уже не порхали, а протискивались сквозь густую массу тел.

Джек и Рейджи распахнули дверь и тут же окунулись в атмосферу бара.

Они застыли на пороге. Джек огляделся. Нет... Пока ничего подозрительного.

— Я пойду узнаю кое-что. Барменша звонила, жаловалась на этих типов.

Джек посмотрел на Рейджа. Тот счастливо улыбался. На семь лет лишенный игрушки ребенок, наконец, обрел ее вновь.

— Ради бога! Иди играй в полицейского, а я займусь делом! — и он принялся с интересом разглядывать девушек.

Джек направился прямо к стойке. Барменша была все также красива, но менее блистательна — наплыв публики сказывался и на ней. Она успевала отвечать сразу нескольким посетителям, наполнять бокалы, шлепнуть по рукам не в меру распоясавшегося клиента. Когда подошел Джек, она разговаривала с очередным посетителем. Полицейский сунул ей свой жетон, и, не давая как следует присмотреться, быстро спрятал его, спросив:

— Это ты звонила с жалобой на мотоциклистов?

Кэт даже не взглянула на то, что ей показал этот тип. Она тут же начала кричать, как самая обыкновенная баба:

— Наконец-то, полиция явилась! Сейчас вы мне нужны, как прошлогодний снег! Это было, слава богу, полтора дня назад.

— Не кричи! Ты будешь говорить или нести чушь?

— Буду чушь нести! Вас никогда нет, когда вы нужны. А когда все позади, вы являетесь!

Рейдж занимался делом. Он внимательно смотрел по сторонам, в надежде встретить хоть кого-нибудь из знакомых.

Перехватить бы хоть несколько тысчонок! И тогда... Прощай, Калифорния, — привет, Флорида! С Черри шутки плохи! Это — все равно, что играть с разъяренным тигром!

Красивая мулаточка в открытом черном платье подошла к стойке. Роскошные волосы покрывали обнаженные плечи и высокую грудь; тонкая талия перехвачена широким поясом; длинные, растущие из-под мышек ноги были только чуть прикрыты платьем.

«Вот это кадр!» У Рейджи перехватило дыхание. Повернувшись к бармену, девушка сказала:

— Ну-ка, рюмочку столичной. Со льдом.

Она получила рюмку, сделала большой глоток и тут увидела негра, пожирающего ее глазами.

— Привет! Как дела? — Голос ее звучал, как музыка.

— Привет! Тебя как зовут?

— Салли. Хочешь со мной выпить?

Мне бы чуть побольше денег, киска, я бы с тобой не только выпил!

— Детка, я только что вышел из тюрьмы, сижу на мели. Может, ты меня купишь? — Небрежно бросил Рейдж.

— Да пошел ты! — Профессиональным жестом она опрокинула рюмку и поставила ее на стойку.

Плотный, хорошо одетый молодой мужчина стоял в пяти метрах от них, растерянно оглядывая зал.

Скорее всего, залетный провинциальный Рокфеллер, — решил Рейдж.

Парень переминался с ноги на ногу, явно не зная, как себя вести в подобном заведении.

Мулатка легко соскользнула с высокого стула и направилась к нему танцующей походкой.

— Привет.

— Привет. — Провинциал смотрел на нее восхищенно.

Она положила ему руку на грудь.

— Я тебя знаю. Да?

— Ты когда-то разбила мне сердце!

Рейдж ухмыльнулся. Точно, залетный.

— Угу.

Девица прильнула к парню, и он сразу же схватил ее за плечи.

— На этот раз я тебя не отпущу!

Виски и духи иногда делают из людей идиотов. Негр с интересом продолжал наблюдать за мулаткой. Он знал таких девушек и не сомневался, что у нее особые виды на этого пентюха.

Салли легко отстранилась. Парень смотрел на нее уже ничего не соображающими глазами, поэтому каждое слово она произносила очень четко, — как втолковывают младенцу — похлопывая ручкой по его груди.

— Я сейчас вернусь. Сейчас вернусь. Напудрю только носик и приду. Ну, ты же понимаешь! Пи-пи... И вернусь. Прямо сейчас.

Она пошла к туалету, оставив клиента с блаженной улыбкой на губах.

Рейдж довольно засмеялся, наблюдая эту комедию.

Когда девица ушла, он подошел к млеющему от восторга парню и постарался спустить того на землю.

— Эй! Привет, как дела?

— У меня — отлично. А как у тебя?

— Нормально... Слушай. Ты видел такую рекламу по телевизору... Ну, с носом этаким большим парень, помнишь?

— Ну, помню. — Он все еще улыбался!

— Так вот. Мы показываем эту рекламу, чтобы предупредить людей о том, что иногда у них тащат кошельки и бумажники. Да, да, да.

Провинциал мгновенно изменился в лице. Он начал хлопать себя по груди и бокам. Еще и еще раз. Но... увы. Карманы были пусты.

— А, черт!

— И — именно — черт! Именно! Лучше не придумаешь. — Рейджи посмотрел на верзилу с сочувствием. — Слушай. Я тебе верну твои деньги обратно, но это, естественно, тебе будет стоить...

— Сколько? — Быстро спросил тот.

— Я думаю... половину тех денег, которые там есть.

— Половину?! Да помилуй.

— Я и так тебя милую! Сейчас-то ты стоишь вообще без денег! Мало того, она найдет твои кредитные карточки, позвонит в банк, снимет все со счета... Ты представляешь — все!!!!

— Договорились! — Быстро сказал парень, как только он представил себе перспективу, нарисованную негром.

— Я так и думал, что мы договоримся. Все. — И Рейджи весело зашагал в сторону туалета, за дверью которого скрылась девица.

Джек слушал Кэт очень внимательно, и это нравилось девушке. Этот коп не был похож на других полицейских, которые иногда заходили сюда. Не грозил, не орал, не отпускал шуточек...

— Этот темный спросил: «а где девка, которая здесь работала?» А потом стал меня хватать и, вообще, приставать. А другой вытащил пистолет...

— Пистолет?

— Ну да... Здоровенный револьвер.

— А кто эта девушка?

— Эйнджел. Да она уже год, как здесь не работает. Танцует на Георт-Бич. — Кэт вдруг заметила, что у полисмена в руках нет ни карандаша, ни блокнота... Она насторожилась. — А ты что это ничего не записываешь?

— У меня фотографическая память.

— А...

Дамский туалет сверкал кафелем и зеркалами.

Салли пересчитала деньги, сунула их за вырез платья, а пустой бумажник швырнула в урну. Потом, глянув в зеркало, поправила прическу и направилась к выходу.

Дверь распахнулась, и сияющий Рейдж появился на пороге. Две девицы взвизгнули.

— Это, между прочим, женский туалет. Тебе здесь делать нечего.

— Занимались бы вы лучше своими делами, а?

Девицы мгновенно вылетели наружу, хлопнув дверью.

Рейдж даже не повернулся к ним. Он с восторгом смотрел на ту, что так красиво обчистила верзилу.

Но Салли не разделяла его чувств. Увидев придурка, у которого нет денег даже на рюмку, она сделала попытку обойти его (мало ли что ему нужно в женском туалете!), но Рейджи преградил ей дорогу. Он, как всегда, улыбался. Только гораздо шире, чем обычно.

— Эй, эй. Я думаю, самое время познакомиться нам поближе. Ты ловка! Ты очень ловка! Я видел много карманников, но никто из них не работал так красиво, как ты! Но парень так переживает, бедняжка... Вот я и сказал ему, что пойду сюда и верну ему половину денег... Ну, конечно, если ты предложишь мне маленькую взяточку, я вернусь и скажу, что ты оказалась слишком ловка для меня.

Салли ненавидяще уставилась на него. Глаза ее сразу сделались узкими, тело напряглось...

Ну ни дать ни взять — кошка на охоте!

— А я и так слишком ловка для тебя! — Из-за чулка, как по велению волшебной палочки, появился нож, и девица взмахнула им перед лицом Рейджи.

Рейдж очень не любил ножи. Особенно остро отточенные. Да еще, когда они порхают перед самым лицом.

Через секунду рука мулатки оказалась выкрученной за спину, и Салли болтала ногами в воздухе.

— Ах ты, скотина!

Она брыкалась и несколько раз-таки достала его каблуком по голени. Волосы Салли разметались, голова дергалась вперед-назад — она хотела ударить его по лицу затылком и расквасить этому уроду нос или выбить зубы. Но негр каждый раз успевал отклонить голову и продолжал крепко держать девицу.

В этот момент дверь отворилась и в туалет вошла какая-то дама.

Рейдж быстро поставил Салли на пол, но продолжал всем корпусом выделывать какие-то немыслимые движения. Напряженно улыбаясь, он повернул голову и, задыхаясь, сказал:

— Привет, заходите. Я почти кончил.

Это точно были те байкеры!

Джек устал. Но он чувствовал, что барменша должна знать еще что-то.

— Ну вспомни. Может, с ними все-таки был еще кто-нибудь.

— Да нет же! Я уже сказала — они пришли втроем. Ах, да... Как же я забыла! Был еще такой черный. Худенький. Ну да. Один из них говорил с ним... Да, да. Но тот пришел раньше, вот я и забыла.

Джек достал фоторобот негра.

— Вот такой?

Кэт взглянула краем глаза.

— Да, это он. Но он был ничего. Вежливый. Ко мне не приставал.

— Понятно... Слушай. Если кто-нибудь из них придет, позвони нам в управление. Инспектор Бен Кихос будет знать, что делать.

Джек записал телефон и отправился на поиски Рейджи.

— На, парень, бери. И в следующий раз будь внимательней. Сегодня тебе повезло, но не каждый же раз я буду рядом.

Провинциал схватил деньги, которые ему протянул Рейджи, вздохнул и жалобно спросил:

— А как же кредитная карточка!

— Ну ты даешь! Мы говорили о деньгах. О кредитных карточках разговора не было! Они где-то плавают. Не стану же я нырять за ними в унитаз. Ну, будь! Он легонько хлопнул парня по плечу и пошел разыскивать Джека.

Ну куда же он пропал?

Джек протискивался между потными телами, пытаясь поверх голов увидеть Рейджи.

На сцене бесновались парни из джаза, и их настроение волнами охватывало публику. Плотный сизый туман висел над залом. Давая широчайший спектр запахов — от дорогих сигар до менее престижных сигареток с травкой.

Рейджи как сквозь землю провалился.

Господи, неужели он ушел? Да нет. Без денег ему никуда не деться. Где-нибудь здесь околачивается.

Джек очень торопился. Нужно поехать к этой танцовщице и поговорить с ней до того, как туда явится Черри. Если повезет, можно узнать, где обитает вся эта шайка, а если опоздать... Один бог ведает, что они застанут после визита Генца.

— Эй, приятель! Ты помнишь меня?

Волосатый парень в жилетке встал, покачиваясь, перед Джеком. Глаза его были слегка затуманены выпитым виски, мокрый рот — приоткрыт. Он уставился на Джека, пытаясь сосредоточить свой взгляд на лице полисмена.

— Нет, не помню.

Джек хотел обойти эту глыбу, но с другой стороны подошел дружок парня, а сзади стоял столик, за которым шумно расслаблялись две веселые пары.

— Ну как же! Ты арестовывал меня в Калеро. Ну... на заднем сиденье с девушкой.

— Это не похоже на меня.

— Девочка, как выяснилось, была несовершеннолетняя... Но я же этого не знал.

— Это бывает. — Джек вертел головой, в надежде, что Рейджи появится рядом, и они смогут уйти без скандала.

— И машину я не угонял! Мой приятель это сделал! — Продолжал здоровяк пьяным задиристым голосом.

— Ну, извини, значит.

— Ты ему это скажи! А я пару лет отсидел! — Парень явно напрашивался на драку.

У Джека возникло ощущение, что этот мордоворот появился здесь не случайно. Уж больно настойчиво он лез на скандал. Тем более, что их было двое, и полицейский вряд ли совладал бы с ними в одиночку.

Симпатичная официантка протискивалась мимо них, держа перед собой поднос с дюжиной пивных бутылок.

— Слушай, отстань. Я не хочу ввязываться в драку в баре. Люди, почему-то, всегда дерутся в барах... Это какой-то штамп. Об этом пишут в книгах, газетах, показывают в кино. Они бьют друг друга по голове пивными бутылками, мебелью...

С этими словами Джек резко повернулся и, схватив с подноса бутылку, обрушил удар на скошенный, дегенеративный лоб здоровяка. Тот мешком рухнул на пол, но тут же несколько человек бросились на Джека со всех сторон.

— Ах вы суки! — Джек отбивался от разъяренной толпы, совсем забыв о боли в ключице.

Трещали столы, летели стулья, крики и визг наполнили бар. Солист повернулся к оркестру, махнул рукой, и музыка загремела еще громче, заглушая вопли дерущихся.

Куда же подевался Джек?

Рейдж, счастливый от ощущения кругленькой суммы в кармане, вошел в зал. Он как раз поспел к началу потехи и видел, как полицейский нанес шикарный удар бутылкой какому-то перекачанному придурку.

Здорово! Молодец, Джек!

И Рейдж захохотал во всю глотку. Мелкая потасовка быстро переросла в настоящее побоище. Джек один уложил, наверное, человек десять! Но вот какой-то огромный бородач в двухведерном «стетсоне» подхватил Джека на руки... Потом он завертелся с ним на месте, как волчок...

— Уууууууэээаааууууу!!!!! — заревел бородатый и, сметая всех с пути, понесся, как на приступ, к стойке бара. Он грохнул тело полицейского на гладкую повер-

хность и, не удержавшись на ногах, рухнул сверху. Полетели бутылки, бокалы, закуска...

Рейджи в три прыжка преодолел разделявшее их расстояние, ухватился за декоративный навес, и тот сорвался, накрыв и бородатого и Джека.

— Уууууаааууууу, — рычал бородатый, выбираясь из-под обломков.

Джек скатился на пол. Он едва успел вскочить на ноги, как новая волна нападавших потащила его в глубину зала. Полицейский щедро наносил удары направо и налево. В воздухе мелькали руки, ноги, лица, задницы. В конце концов, им удалось-таки свалить Джека на пол.

Эдак они его совсем прикончат!

Рейджи подскочил к барменше, которая, отодвинувшись от пролома в стойке, спокойно наблюдала за дракой.

— У тебя есть пистолет?

— Что? — Она удивленно подняла брови.

— Ну, пистолет! На случай, если грабить будут!

Она кивнула и вытащила из-под стойки пистолет.

— Я тебе покажу эти два года! — Закричал парень и занес ногу, чтобы ударить...

Рейдж выхватил у нее оружие и выстрелил в воздух.

БАНГ! — Толпа на мгновение замерла.

Звенящим голосом негр прокричал:

— Ну хватит! Прекратить этот бардак! — В зале воцарилась тишина. Люди настороженно смотрели на человека с пистолетом в руке. И Рейджи, почувствовав, что его слушают, продолжил уже спокойней. — У меня выдался сегодня очень тяжелый день. Только утром я вышел из тюрьмы, а в меня уже стреляли; мой автобус перевернулся семнадцать раз; какая-то баба чуть не порезала в сортире; взорвали мой любимый «порш». — Он выдержал паузу. — Обычно, я не вмешиваюсь, когда кого-нибудь избивают. Но этот человек, Джек Кейт, обещал мне помочь. Так что, займемся своими делами.

Толпа смотрела на Рейджи враждебно. Все еще возбужденный бородатый громила не мог сдаться без борьбы.

— Что, мы должны разойтись только потому, что у тебя в руках пистолет?

Окружающие ободряюще загалдели.

— Нет. — Произнес Рейдж серьезно. — Потому что у меня в руках пистолет, и я прострелю тебе коленную чашечку, если ты не перестанешь выступать.

— Я не верю тебе! У тебя не хватит на это мужества. — Громила сделал шаг вперед.

Рейджи посмотрел на него с сожалением... Все-то им приходится доказывать... пожал плечами, вздохнул и... выстрелил.

— А-а-а! — заорал бородатый и, согнувшись пополам, ухватился за ногу.

Джек с уважением посмотрел на приятеля. Две вещи Рейджи ,действительно, делал классно. Бросал мяч в корзину и, как выяснилось, простреливал ноги.

— Кто-нибудь еще будет здесь пасть разевать? — Осведомился негр с неподдельным интересом.

Оглядев всех и не увидев больше желающих «разевать пасть», он повернулся к барменше и протянул ей пистолет.

— Извини за чашечку, немного увлекся.

И тут снова грянула музыка. Оркестранты старались заглушить тишину, повисшую в баре.

Рейдж спокойно направился к выходу. Джек поднялся и, отряхнувшись, последовал за ним.

Толпа молча расступилась, и они вышли на улицу.

На душе у Джека было гадко. И этот город он любил! Берег покой этих людей! Сволочи!.. Как они набросились на него! А Рейджи? У Джека и сейчас перед глазами стоял его хохочущий рот.

Он подошел к машине. Чтобы спрятать лицо, он открыл багажник, порылся в нем и, вытащив «бульдог», — точную копию сданного — сунул его за поясной ремень брюк.

Рейдж стоял рядом. Он был очень доволен.

Идиоты, нашли с кем связываться! Да они с Джеком справлялись и не с такими говнюками!

— Отлично, Джек! Ты умеешь вести расследование!

— Куда ты исчез? Где ты был? Если бы я нашел тебя сразу, мне не пришлось бы лезть в эту драку!

— Я занимался тут делами, а потом пришлось спасать тебя.

— Мне не нужна была твоя помощь...

Рейджи посмотрел на часть Джека, торчащую из багажника.

— А я не тебе помогал! Я защищал свои деньги, черт возьми!

Джек резко выпрямился. **Значит, тебя в тот момент интересовали только твои гребаные деньги?!**

Чтобы скрыть досаду, он прошипел:

— Зачем я туда поперся без пистолета! И влез в драку. Надо же быть таким кретином! Влезть в драку в баре, черт побери!

Он захлопнул багажник и повернулся к Рейджу. Тот стоял и светился улыбкой в тридцать два зуба. И тут Джек не выдержал. Изо всех сил он врезал по этой расплывающейся физиономии.

Рейдж, держась рукой за скулу, отскочил в сторону и заорал:

— Ты что, с ума сошел? Это за что?

— Это — за твой баскетбольный мяч. Теперь мы квиты.

Джек говорил уже спокойно. Казалось, приоткрылся аварийный клапан, выпустивший его гнев на город, людей и на Рейджи.

А тот пятился, не поворачиваясь к Джеку спиной. (Мало ли, что придет в голову этому психу.)

— Нет, я лучше пойду отсюда, пока не совершил убийства. Хватит. Никаких дел.

— Как это «никаких дел»? Прекрати болтать, давай в машину.

Джек опустился на место водителя и приоткрыл дверцу. Но Рейджи и не думал сдаваться. Он отошел на безопасное расстояние и закричал:

— Эй, Джек! Ты родился дерьмом или уроки брал, чтобы стать таким?

— Да не принимай это на свой счет. — Примирительно сказал Джек. — Давай, садись, поехали.

— Я же тебя предупреждал раньше — держись от меня подальше! Я серьезно говорю. — Рейдж повернулся и быстрым шагом пошел от машины.

Джек медленно поехал за ним.

— Да ладно! Не будь таким дураком! Ну куда ты пошел!

— Подальше! Подальше от тебя. — На ходу ответил Рейдж. — Вот куда я пошел!

— Эй, кстати! Ты был прав! — Крикнул Джек в спину Рейджи. — Девка Геица живет на Майлшел!

— Пока, Джек! И мать твою так, Джек!

Прохожие с любопытством смотрели на темнокожего парня, который бежал им навстречу огромными шагами. Выпученные влажные глаза его почти не видели окружающих. Он размахивал руками и что-то бормотал себе под нос, явно с кем-то споря, хотя рядом никого не было.

Рейджи был очень эмоциональным человеком. Когда ему было весело — он хохотал. Когда больно — ругался. Сейчас он не просто ругался — из него хлестал поток отборного мата.

...Потом он немного успокоился.

Скотина... Мать его так. Я с ним, как с человеком, а он, как дерьмо последнее, руки распускает! Ну хорошо, я двинул ему мячом в рожу! Так я же за дело! А этот сукин сын прямо в лицо... Нет, Джек, этого я тебе никогда на забуду. Чтоб ты провалился! Все! Никаких дел, Джек! Прощай, Джек! Пошел ты к такой-то матери, Джек!

Джек сидел в машине, устало положив руки на руль. Дико болела голова, ключица снова давала о себе знать.

Господи, зачем я ударил его... Ну разозлился, ну было хреново... Нужно было все-таки сдержаться! А теперь... Куда пошел этот малахольный? А вдруг его найдет Черри со своим партнером, не дай бог! Кстати, нужно позвонить Бену, узнать, что они раскопали об этом байкере...

Он включил зажигание и поехал искать первую попавшуюся телефонную будку.

* * *

В полицейском участке жизнь продолжала идти своим чередом. Бену как раз принесли бумаги, и в это время зазвонил телефон.

— Привет, это Джек.

— Хорошо, что ты позвонил, Джек. Мне только что

принесли данные на твоего мотоциклиста. Это — Генц Черри, член банды. Семь штатов выписали ордера на его арест. У него семьдесят два нарушения дорожного движения.

— Понятно. А второй?

— Только что заложили в компьютер данные. Ищут его.

— Я сейчас подъеду.

— Нет. Сюда лучше не приезжай. Тебя разыскивает Уилсон. Я буду ждать тебя в нашем баре через пятнадцать минут.

— Приезжай и привози все, что у тебя есть. Хорошо?

— О'кей.

* * *

Ровно через пятнадцать минут белый «кадиллак» подъехал к бару. На улице, приподняв воротник плаща, с пакетом в руках, его ожидал Бен. Почти не останавливаясь, Джек распахнул дверцу и пригласил:

— Давай, садись.

Бен устроился рядом.

— Ну-ка, давай сюда, а ты подержи руль. — Джек выхватил пакет и стал рассматривать фотографии Черри. Фас... Профиль... Точно — это тот ублюдок, который хотел убить его. Человека, который стреляет в тебя как правило забываешь очень нескоро.

Бен крутил баранку, стараясь не врезаться в какую-нибудь машину из несущегося им навстречу потока.

— Это — Генц. Брат Альберта Генца. — Он посмотрел через плечо Джека.

— Да, я знаю об этом.

«Кадиллак» вильнул, объезжая «форд».

— Знаешь? А то, что они убийцы полицейских, тоже знаешь?

Вот этого Джек не знал. Он повернулся к Бену, и тот продолжил, довольный произведенным его сообщением эффектом:

— Они убили двух полицейских пару дней тому назад. А два года назад их братство связывали с пятнадцатью убийствами. Тормоз! Тормоз!!! — Вдруг закричал Бен.

Джек смотрел в бумаги и не заметил, что светофор замигал красным глазом.

«Кадиллак» вылетел на перекресток и чуть не врезался в рефрижератор, поворачивающий налево.

— Жми! — Орал Бен.

Джек затормозил. Он даже не обратил внимания на этот «маленький инцидент». Машина пошла задним ходом.

— Ну ладно. Что-нибудь есть еще? Что с тем вторым?

— Не знаю. Я передал его Крюгеру, но пока ничего. Эй, Джек, — вдруг улыбнулся он, — А тебе не кажется, что ты едешь не в ту сторону?

Машина затормозила. Джек, кивнув, свернул в переулок.

* * *

Стоя в телефонной будке, Рейджи набрал номер. Ему необходимо поговорить с Керкландом. Он знал, что у того длинные руки и его люди вполне могут добраться до Рейджа и на воле! А денег, которые он взял у Салли, конечно, не хватит, чтобы вернуть долг.

Да, Джек молодец!.. Как он меня сделал... Коп есть коп... И ему наплевать, что скажет Керкланд. Не его же башка полетит. Нет, не зря ребята говорили, что никому из них нельзя доверять. Даже самому распрекрасному. Они только прикидываются хорошими! А потом раз — и в рожу!

Керкланд мылся в душе. Его тело было гораздо моложе лица. Увидев широкие плечи и могучие руки, начинаешь понимать, что он стал главой черного братства далеко не просто так. Теплый дождик душа смывал усталость и печальные думы о дочери. С тех пор, как он попал сюда, дочь ни разу не пришла к нему. А Керкланд помнил о ней постоянно. Уже несколько лет девочка живет совсем одна. Кто знает, чем она займется, если ее не поддержать.

— Керкланд Смит. Тебе звонят. — Голос охранника прервал его размышления, и Керкланд, обернув полотенце вокруг бедер, зашлепал по кафельному полу в коридор.

— Але, это я, Рейджи Хемонд.

— Рейджи! — Лицо Керкланда стало напряженным.

— Да! Эй, Керк, как дела? — Голос в трубке звучал радостно.

— Сделал?

— Послушай. Все оказалось намного сложней. Нужно подождать немного...

— Не связывайся со мной! — Оборвал Керкланд Рейджа. — Я тебе скажу вот что... Ты больше не гражданин. Ты не можешь голосовать. Никто не возьмет тебя на работу. Ты — изгой. У тебя ничего не осталось кроме твоего слова. Не нарушай данное-тобой-мне-слово.

Керкланд говорил ровным голосом. Так спокойно, что Рейджи стало ясно — этот точно «вырвет сердце», если он не сделает обещанного.

* * *

Джек спешил к девице Черри.

Он ехал по китайской части города, которую называют «прачечной Сан-Франциско».

По всей Гранд-авеню, как свечи, стоят старомодные китайские фонари с остроконечными, загнутыми кверху углами крыш, на которых висят колокольчики. Когда налетает ветер, они колышутся и звенят. Не город, а рай.

Джек свернул направо и оказался на узкой улочке, на углу которой он увидел четырехэтажный дом с вывеской «Отель Кинг Май».

Отель «Кинг Май» оказался заведением определенного пошиба. Это чувствовалось сразу. Фасад был обшарпан, в рекламе не светилась буква «г». Очевидно, хозяина неприглядный вид отеля не очень беспокоил. Публика, которая его посещала, была не требовательна. Джек оценил отель сразу, еще из машины: обыкновенный «Дом свиданий».

Он вошел в вестибюль и огляделся. Вид внутри был не лучше, чем снаружи, — никакого уюта.

— Какое чудесное заведение. — Громко сказал Джек.

— Что ты так долго ехал? — Знакомый голос прозвучал из-за спины.

Джек оглянулся. Облокотившись о решетку спиной, чуть нагнув голову, стоял Рейджи!

Пришел! Он все-таки вернулся! Ну, брат, вдвоем-то нам не страшен большой злой волк![1]

— Я думал, ты ушел, наконец. — Джек говорил, чуть растягивая слова, чтобы скрыть охватившее его волнение. — Что, просто не можешь жить без меня?

Но Рейдж не подхватил этот легкий тон. Он смотрел на Джека сурово.

— Я решил остаться, Джек... Я решил остаться! Но вот что я тебе скажу, а ты накрепко запомни это. Если ты еще хоть раз меня ударишь; если ты меня схватишь; если ты посмеешь до меня дотронуться; если твоя рука даже слегла коснется меня, — я убью тебя, Джек. Я говорю серьезно.

Он проговорил это очень спокойным тоном. Джек никогда еще не видел Рейджа таким. Перед ним стоял не балагур-балаболка, не трепач, а человек, преисполненный чувством собственного достоинства. Джек понял — Рейдж не шутит. Он исполнит все, что говорит.

Чтобы как-то снять напряжение, Джек дружески улыбнулся.

— Ай... Да не волнуйся, Рейдж! Я буду обращаться с тобой очень хорошо...

Но Рейджи не подхватил шутку.

— Я позволил тебе ударить меня единственно потому, что у тебя сломана ключица... В тебя стреляли... Ты ранен...

Джек позволил себе чуть-чуть расслабиться.

— Да. Здесь, — он погладил больное место и поморщился, — до кости достало. — Пожаловался он Рейджу.

— Надо же. Какая жалость. — Посочувствовал тот и шагнул к Джеку.

Трах!... Из глаз Джека посыпались искры, — Рейджи вложил в удар всю накопившуюся обиду: и за пять лишних лет в тюрьме, и за то, что Джек надул его с деньгами, и за то, что он поверил ему, и, наконец, за тот подлый удар на улице!

— Вот теперь мы квиты, черт возьми! — Заорал прежний Рейдж. Злость слетела с кулака вместе с ударом.

1 Слова детской песенки из мультфильма У.Диснея.

Он быстро отскочил в сторону и стоял уже на безопасном расстоянии.

Конечно, Джеку было больно! Но что такое боль физическая в сравнении с болью душевной! А ту, другую, глубокую и темную, он видел в лице Рейджа. И то, что она исчезла после удара из этих детских глаз, искупало все. Он даже не попытался ударить, а просто сказал:

— Подожди, я только с тобой рассчитался за баскетбол!

— Да? Отдай мои деньги, и тогда я позволю тебе залепить мне в морду баскетбольным мячом!

— Ну ладно. — Согласился Джек, чтобы закончить этот бессмысленный разговор.

И Рейджи, переполненный благодарности за то, что Джек не стал дальше сводить дурацкие счеты, сразу начал строить план действий. Как же! Ведь он пришел сюда единственно для того, чтобы помочь раненому другу!

— Сейчас нужно пойти и поговорить с девушкой. Так?

— Так. Но смотри, не пытайся меня обмануть!

— Да нет. Что ты! Мы просто с ней поговорим... Нормальная полицейская работа.

Джеку стало смешно — парень снова играл в полицейского...

Страшно захотелось курить. Он достал сигарету, но никак не мог справиться с зажигалкой — очень болела ключица.

Рейдж дружески взял зажигалку у него из рук, чиркнул кремнем и поднес огонь.

— Спасибо! — Улыбаясь, поблагодарил его Джек.

Привычка — вторая натура! Зажигалка исчезла в кармане пиджака Рейджи...

— Эй! Дай сюда! — Крикнул Джек.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Сразу. Оба. И этот общий хохот растопил остатки льда.

Он все-таки классный парень! Мы еще поборемся с ними, Джек! О'кей?

Черри спешил. В отеле его должен был ждать Уилли. Он подъехал к парадному подъезду. И сразу заметил белый «кадиллак». Тот самый! Как он здесь очутился? Неужели копы что-то пронюхали? Черри проехал чуть

вперед и свернул в узкий переулок. Там, возле пожарной лестницы, спокойно ожидал мотоцикл Уилли.

Спокойно, Черри, спокойно...

Уилли стоял посреди комнаты совершенно голый.

У Черри отличный вкус. Хорошо работает шлюха!

Он пытался натянуть трусы дрожащими руками, но это не очень ему удавалось.

Девушка, сжавшись в комок, лежала на кровати. (Какой смысл вставать, если сейчас все начнется сначала, будь они все прокляты!)

— Когда придет Черри?

— Соскучилась! Не волнуйся. Он скоро заглянет. — Уилли уже справился с трусами и натягивал брюки. — Он мне сказал, что ты ничего. И был прав.

Хозяину отеля очень не понравились эти двое, как, впрочем, и его жене. И если негр еще худо-бедно был похож на полицейского, то белый точно выглядел, как заштатный гангстер мелкого полета. К тому же, в Чайна-тауне принято платить за расспросы, а эти двое пока не выложили ни одного доллара и, судя по всему, не собираются этого сделать.

Конечно, он мог бы рассказать им кое-что и о девчонке, и о том парне, фотографии которого они только что показывали... если бы услышал приятный шелест. А так... Китаец только хлопал глазами, отрицательно — что бы у него ни спрашивали — качал головой и непроницаемо улыбался.

— Ну что вы, сэр. Мы никогда о ней даже не слышали.

— Да?

Конечно. Откуда? Вы же хозяева пансиона благородных девиц, а не этого борделя.

Джеку уже надоела комедия, и он достал полицейский жетон. Хозяйка усмехнулась. Она была умной женщиной. А уж сколько повидала таких жетонов...

— Это подделка. У моего ребенка такой же.

По логике, за фальшивым жетоном должна была последовать крупная купюра.

Видать опытная.

Джек быстро убрал фальшивку, вздохнул, как бы го-

воря: «Ну, не вышло, что поделать!» И... вытащил пистолет.

— А такое у него есть? — Спокойно поинтересовался он у китаянки.

Аргумент был очень весомый, поэтому ответ прозвучал четко.

— Эйнджел Ли. Наверху. Четвертый этаж. Комната — 4-Б.

— Ясно. — Джек повернулся и отошел. Рейджи держался рядом.

— Сэр. Скорее всего, она никогда не видела этого человека. — Взволнованно сказал хозяин ему в спину.

Ясное дело «не видела». Именно поэтому ты так нервничаешь!

Рейджи еще раз оглянулся на китаянку и заметил Джеку доверительно:

— Ты знаешь, они делятся своими девками, как эскимосы. Ну, хорошо. Подожди меня здесь. Я пойду...

— Хорошо. Все равно у меня болит рука.

— Вот я и говорю: стой лучше здесь. А если там кто есть, я тебе заору.

— Давай. Только ори погромче.

— Не боись.

Рейджи подмигнул Джеку и на цыпочках стал подниматься по лестнице. Джек стоял на нижней площадке, прижавшись спиной к стене.

Отличный ты парень, Рейдж. Если бы еще не был мошенником — цены бы тебе не было!

Черри поднимался по пожарной лестнице. Один этаж... Второй... Он заглядывал в окна, которые выходят в коридор — пока ничего подозрительного. Стоп. На четвертом этаже два парня... Нет... Это не копы... То ли девку не поделили, то ли гомики поссорились.

Черри прижался к стене — пускай лучше уйдут. Береженого бог бережет...

Рейджи, наконец-то, добрался до четвертого этажа. Он прошел красный коридор. Интересно, почему в таких отелях ковры всегда красные? Наверное, чтобы, если при разборке пришьют кого-нибудь, не было видно пятен крови! В холле спорят какие-то мужики... Нет, это не Черри... Так... Комната 4-А... 4-Б...

Он на минуту прислушался. Нет... Голосов не слышно. Рейджи деликатно постучал. Из-за двери раздался женский голос:

— Да! Кто там?

— Я принес пиццу для мисс Эйнджел.

На секунду повисла пауза.

— Я не заказывала пиццу.

— Но здесь сказано: комната 4-Б, мисс Эйнджел, пицца...

— Сейчас... Секундочку. Я накину на себя что-нибудь.

— Она голая! — Глаза у Рейджи разгорелись, спина его согнулась сама собой, и он приник к замочной скважине...

Девушка спустилась с кровати абсолютно обнаженная. Она повернулась к кому-то, невидимому для Рейджи, и что-то тихо сказала, что — он не расслышал. Все ясно. Рейдж слишком хорошо знал этих людей, чтобы и дальше стоять возле двери.

Уилли уже застегнул брюки, когда в дверь постучали. Это был не их стук. Он повернулся к Эйнджел. Кто это?

— Да. Кто там?

Из коридора какой-то кретин понес что-то о пицце.

Уилли быстро привел себя в порядок и достал пистолет.

— Я не заказывала никакой пиццы. — Прошептала одними губами Эйнджел.

В ту же секунду, почти не целясь, Уилли выстрелил через дверь. Раз. Еще. И еще...

Услышав хлопки пистолета из комнаты Эйнджел, Черри ввалился в окно...

...Стреляют!.. Джек бросился вверх. Он прыгал через ступеньки, забыв обо всем на свете. Рейджи попал в засаду! Он поднял голову и увидел...

...Черри перегнулся через перила... Вверх по лестнице бежал тот самый коп, этот ублюдок, эта гнида, которая,

непонятно почему, до сих пор жив! Глаза у Черри побелели от ярости. Из распахнутой глотки вырвалось рычание раненого зверя:

— Сволочь! Свинья, я убью тебя! Ты не можешь быть живым! Я убью тебя!

Он стрелял снова и снова в эту ненавистную скотину.

Джек прилип к стене, глядя, как пули «магнума» дробят ступени в щепки. Внизу раздался визг китаянки — хозяйки борделя. Сначала развела здесь притон, а потом визжит!

— Вызови подмогу, быстро! — Заорал ей Джек через плечо, вытаскивая «бульдог».

Она смотрела на него обезумевшими глазами и не двигалась с места.

— Слышишь? Я тебе говорю, мать твою так! Звони в полицию.— Он поднял пистолет и выстрелил вверх. Наугад.

...В номере Эйнджел вцепилась в Уилли.

— Что здесь происходит? Куда ты пошел?

— Отстань, шлюха! — Он отшвырнул ее с такой силой, что Эйнджел отлетела в угол, больно ударившись головой о стену.

...Рейджи держал дверь под прицелом. За спиной стрелял Черри (очевидно, по Джеку), но сейчас нужно было не выпустить этого, второго!

Он стоял за колонной, когда из комнаты 4-Б вылетел Уилли. Сейчас он был готов прикончить любого, лишь бы вырваться из этой западни.

В конце коридора показался человек и тут же упал с простреленной головой.

Из соседнего номера высунулась заспанная физиономия. Рейджи с силой затолкал ее обратно и ввалился следом.

А-а, вот эта черная сука! Уилли бросился за ним. Он только успел просунуть руку с пистолетом в щель, как Рейдж захлопнул дверь. Он держал ее телом и выворачивал уже бессильную кисть с оружием. Борьба была недолгой. Уилли выдернул руку и метнулся по коридору.

...Эйнджел выскочила из комнаты и бросилась к Черри. Тот посылал пулю за пулей, пытаясь достать Джека. Слюна брызгала изо рта, когда он изрыгал проклятия.

— Ты убил моего брата, свинья! И я убью тебя!

БАНГ! БАНГБАНГ!!!!

— Черрииииии... — Девушка пыталась прижаться к нему, как бы ища защиты.

— Да пошла ты! — Он оттолкнул ее, продолжая стрелять. — Вот тебе, вот, свинья, мать твою!

БАНГ! БАНГ!

Он спускался все ниже.

БАНГ... — Пистолет замолчал — кончились патроны.

— Черри, сюда! Скорее! Давай!

Уилли бросился вверх по лестнице. Черри за ним. Они выскочили на карниз и пошли, цепляясь за стену, к пожарной лестнице.

— За ними! Вниз! Вниз! — Кричал Джек Рейджу, надеясь перехватить убийц, пока они будут спускаться.

Уилли и Черри замерли на карнизе четвертого этажа. До лестницы еще далеко, но там, внизу, стояли баки с мусором.

— Поехали! — Черри кивнул и оттолкнулся от карниза.

Господи! Помоги приземлиться! Только это он и успел подумать, пока летел вниз. Подняв кучу пыли и грязи, он грохнулся прямо в огромный мусоросборник. Пронесло.

Уилли проследил за его полетом и прыгнул следом.

Твою мать!

КРАК! — Он открыл глаза уже внизу.

Они тут же выбрались, и мотоциклы взревели, унося их с места бойни.

— За ними! За ними! — Джек и Рейджи выскочили на улицу. Но киллеров уже нигде не было.

Черри и Уилли мчались по переулку. Скорее. Скорее. Но тут навстречу им выполз огромный автобус. Резко затормозив, мотокентавры развернулись на сто восемьдесят градусов. Сзади на них надвигался автобус, впс-

реди ждала полиция. Они пролетели мимо Джека и Рейджи. Слева слышался вой сирен полицейских машин. Справа — тупик. Прямо перед ними — павильон летнего кинотеатра.

На экране голая роскошная красотка демонстрировала свой бюст. Мужчины наслаждались.

Вдруг на ее теле образовалась рваная черная дыра, и сквозь эту дыру в зал ворвались мотоциклисты. Рев двигателей заглушил киностоны. Они проехали между рядами и, пробив заднюю стену, вылетели на улицу.

Все... Свобода... Свобода и месть!

* * *

Полиция, наконец, приехала. Выговор шефа еще хорошо помнили в участках, а здесь снова стрельба... Трупы. Кто-то допрашивал хозяйку отеля, кто-то жильцов...

Крюгер связался с участком по рации.

— Мы оцепили весь квартал. Да. С Джеком все в порядке... Нет... У меня еще не было возможности взять у него показания... Я не знаю, чьим пистолетом он пользовался... Ну хорошо. Я допрошу его. Хорошо. Я же сказал...

Джек вопросительно смотрел на Крюгера. Мол, как там дела? Тот молчал.

— Ну? — Не выдержал он.

— Знаешь, Джек, ты по горло в дерьме...

— Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю!

— Я проверил через компьютер этого типа. Опознания нет.

— Я так и думал.

Вот так, Джек. Везет тебе как утопленнику.

Эйнджел Ли сидела в полицейской машине на заднем сиденье. Ей было очень жаль себя. Болели ушибы, а тут еще неизвестно что будет из-за бардака, который устроили эти подонки. Надо же было им открыть пальбу! Да еще пришили кого-то...

Дверца справа распахнулась, и, вежливо подвинув ее, в машину втиснулся какой-то черный коп в гражданском. Наверное, какой-нибудь начальник.

Полицейский внимательно посмотрел на нее большими карими глазами и тихо сказал:

— Ну ладно. Пока тебе светит соучастие в убийстве первой степени. Это от пяти до десяти лет тюрьмы... С хорошим поведением. Но если ты поможешь нам, то может, мотать срок вообще не придется.

Рейджи был хороший актер. Ему об этом говорили не раз. И даже Джек как-то похвалил его!

Сейчас голос его выражал искреннее сочувствие девушке. Но она продолжала упорствовать.

— Слушай, я уже сказала вашему полисмену, — я ничего не буду говорить, пока не свяжусь со своим адвокатом.

Рейджи передернуло. Он видел, как Черри толкал ее!!!

— Ты что, защищаешь этого Черри, потому что влюблена в него? — Голос звучал проникновенно. — Я понимаю, как в этого типа можно влюбиться! Сколько раз он приезжает в год? Раз? Два? Не слышу!... Всех друзей к тебе приводит! Напивается. Колотит тебя. Я, конечно, понимаю, как можно в него влюбиться! Я очень понимаю...

Эйнджел начала всхлипывать. Она вспомнила эту скотину, под которую Черри подложил ее сегодня, и тех, других...

— Но я не знаю, где они! Правда! Они все время передвигаются... У меня нет с ним связи.

— А у кого она есть? — Она начала раскалываться!

— Я не знаю... Они сумасшедшие.

И в этот момент в окне появилась физиономия Джека! Сигарета болталась на нижней губе, и, вообще, он имел какой-то расхлябанный вид.

Девушка съежилась. Джек открыл дверцу и водрузился с другой стороны. Рейджи едва сдержался, чтобы не послать его куда-нибудь! Чуть не сорвал ему весь допрос! Но он взял себя в руки и церемонно представил их друг другу, как будто они находились где-нибудь на приеме, а не в вонючей полицейской тачке.

— Не волнуйтесь ни о чем Это наш офицер Джек Кейт. Мистер Кейт. Мисс Ли. Мисс очень хочет помочь следствию. По-моему, она собиралась назвать мне имя связного Черри.

Действительно. Какого черта мне еще за них срок мотать! А этот парень такой любезный...

— Его зовут Малколм Прайс. Он такой здоровый, со страшными глазами. Длинные волосы и в ухе серьга... Никто не говорит с Черри, не поговорив сначала с ним.

Так, нужно запомнить имя.

Джек подхватил эстафету у Рейджи.

— Прекрасно, мисс! И где нам найти этого типа?

— Я не знаю...

Интонация мгновенно изменилась. Джек строго посмотрел на Эйнджел.

— Эй!

— Клянусь вам, сэр. Я знаю только его имя...

— Спасибо, детка.

Джек и Рейджи одновременно выбрались из машины и направились к своему «кадиллаку», сиротливо ожидавшему хозяина.

— Эй, минуточку! Джек! Джек, куда это ты направился? — К ним спешил Крюгер.

Джек уселся в «кадиллак». Рядом опустился на сиденье Рейджи.

Ощутив под руками руль, Джек рванул машину вперед, но потом, что-то вспомнив, сдал назад. Он повернулся к удивленному Крюгеру и сказал:

— Свяжись с участком. Скажи, чтобы проверили байкера Малколма Прайса. У него должен быть дли-и-инный список.

— Послушай, подожди. — Засуетился Крюгер. — Я должен взять у тебя показания.

Джек ничего не ответил. Он вдавил в пол педаль газа, и машина рванула с места.

— Смотри, дождешься ты когда-нибудь, — крикнул Крюгер, глядя вслед удаляющемуся Джеку.

«Кадиллак» ехал по шоссе. Джеку хотелось немного отдохнуть, собраться с мыслями.

Если Бен сработает быстро, Прайса можно разыскать еще сегодня или, в крайнем случае, завтра утром. А если он не расколется? Да нет, куда он денется! Ребята умеют спрашивать так, что даже камни вспоминают, кто у них были бабушка и дедушка. А Рейджи молодчина! Как он эту девку ловко обработал!

«Молодчина» сидел, развалившись, рядом и разглагольствовал:

— Да... если так будет продолжаться, ты скоро приедешь на свои собственные похороны.

— А чего это ты так беспокоишься? Не тебе же меня хоронить придется.

— А кто о тебе еще побеспокоится. Не Айсман же! — Рейдж ухмыльнулся. — Если он тебя найдет, от тебя вообще ничего не останется.

— Ничего. Ты меня защитишь! — В тон ему ответил Джек.

Встречная машина подмигнула им фарами. Джеку стало немножко легче.

А все-таки хорошо, что рядом сидит этот вечно улыбающийся парень.

Рейджа осенило! Он развернулся к Джеку и уже серьезно сказал:

— Знаешь что? Нам надо поехать поговорить с одним человеком, который знает толк в этих делах...

— Да? И где же он, этот твой человек?

Рейдж выдержал паузу и торжественно произнес:

— В тюрьме. Нужно съездить в тюрьму.

Если бы он предложил слетать на Марс, это показалось бы Джеку не менее разумным!

— Ты долго думал? — Поинтересовался он. — Это же надо предложить такую чушь!

— Да я серьезно тебе говорю! Там ты сможешь узнать кое-что об этом Малколме Прайсе. С вашей разворотливостью мы получим сведения о нем примерно через год. А в тюрьме есть человек, который знает все обо всех.

Рейджи говорил горячо, пытаясь убедить Джека, но, увидев, что тот не собирается внимать ему, выдвинул еще один аргумент:

— Между прочим, тебе не помешает побывать в тюрьме. Может, ты там скоро сидеть будешь. А так снова познакомишься с ребятами, которых ты туда отправил.

Джек рассердился. Опять этого парня занесло!

— Ты это прекрати! Я просто арестовываю. Понял? Не я заставляю их воровать.

— Да перестань! Ты так говоришь, будто они заранее

отправились к консультанту, и тот устроил им экзамен, а потом определил, что они годятся только в бандиты...

— Ну конечно, они были бы ангелами! Давай, вини, вини общество! Перекладывай все на его плечи!

— Да. Вот что я тебе скажу, Джек. Если бы дерьмо что-нибудь стоило, бедные рождались бы без задниц!

Рейджи замолчал и отвернулся от Джека. Ну как объяснить тому, кто родился в доме, где всегда есть, что пожрать, одеть, игрушки и всякое такое, что, когда нет куска хлеба, а желудок подводит от голода, уже не очень-то думается о морали! Тогда человек идет и крадет, но это еще не значит, что Бог создал его хуже тебя! Общество тут же начинает возмущаться: как же — нарушены их говенные законы! И человека сажают в тюрьму, а уж там научат, как работать, чтоб не попадаться!

* * *

Берроуз уже собирался ложиться, когда зазвонил телефон. Ему очень не хотелось брать трубку, но телефон трещал и трещал, и, наконец, он сдался:

— Да. Это я... Я слышал об этом... Но я же предупреждал тебя, как вести дела с этими придурками... Нет. Нет. У меня ничего нет... Это не мой профиль... Ну и что? Я тоже бизнесмен, но я бы и близко не подошел к ним. Эти типы лишили меня радости работать.

На том конце провода повисла пауза. Берроуз почти физически ощутил тяжесть этого молчания... Почему-то вдруг запотели очки... Потом в трубке вновь заклокотал голос. Заболели зубы... Они всегда начинали болеть, когда ему становилось страшно.

— Да, я помню... Я помню... Я сказал, можешь мне не напоминать! Ну хорошо, пускай это тебя не волнует. Я все сделаю.

Берроуз положил трубку и устало повалился в кресло.

* * *

В последнее время Керкланд спал плохо. Целых пять лет он ждал момента, когда Рейджи Хемонд выйдет из тюрьмы и сходит к его дочери. Девочка должна знать, что отец помнит ее и хоть как-то проявляет свою заботу.

О дальнейшем он не смел думать. Напряжение его достигло предела, как только Хемонд покинул тюрьму. Вот он долгожданный миг!

Альберт Генц ему не нравился, но он отдал его Хемонду только ради дочери. А теперь эта задница заявляет, что нужно ждать. Сколько еще можно ждать? Или пять лет недостаточный срок?

После звонка Рейджи он забылся тяжелым сном. Ему приснились какие-то свиньи, собаки. Они окружали Керкланда, хрюкали, лаяли. Одна собака все время норовила укусить его за ляжку. Он отмахивался тяжелым посохом, который откуда-то появился в его руке. Потом пес громко залаял, ощерил зубы и... Собачья морда превратилась в лицо Рейджи. Он хохотал и показывал язык. Руки его стали расти, ладонь заслонила солнце, а потом пальцы свернулись в огромный кукиш, которым он тыкал Керкланду в лицо.

Он прыгал и кричал: «На-ко-ся вы-ку-си!»

— Керкланд, проснись. Проснись, Керкланд. — Надзиратель никак не мог растолкать этого здоровяка, стонавшего во сне.

Керкланд с трудом сбросил кошмарное видение и открыл глаза.

— Доброе утро! К тебе пришли. Поднимайся.

— А к нам? А я тоже хочу на свидание! И я, и я, — бесновались заключенные в других камерах.

— Да прекратите вы! — Прикрикнул на них охранник и добавил, обращаясь к Смиту: — А ты давай собирайся быстрей.

Рейджи и Джек сидели за столом для свиданий. Тяжелое бронированное стекло отделяло их от комнаты, где находился заключенный.

Джек с любопытством рассматривал пожилого мужчину, сидящего напротив. Седые, коротко стриженные волосы и щетина старили его, но, если присмотреться, можно было понять, что он еще не стар. Только все лицо избороздили морщины, но плечи выглядели довольно внушительно. Он мрачно смотрел из-под насупленных бровей на Рейджи.

Рейджи сиял! Как же! Он сейчас сможет доказать

Джеку, что здесь находятся более осведомленные люди, чем в полиции. Да и не такие уж они злодеи. Он усадил Джека к столу, где лежала телефонная трубка, и пристроился рядом. Потом толкнул Джека в бок:

— Ну давай, Джек. Покажи ему картинку.

Джек быстро достал фоторобот негра со стадиона и приложил к стеклу. Другой рукой он держал трубку.

Керкланд лишь взглянул на портрет. Он не думал и секунды.

— Это мелкий дилер. Зовут его — Берроуз. Айсман взял его к себе пару месяцев назад.

Если это нужно для нашего общего дела, Рейджи, — я отдам всех этой белой заднице!

Вот это «компьютер»! Джек посмотрел на Керкланда с уважением. Сколько он уже здесь? Ну неважно! Все равно гораздо дольше, чем Берроуз работает на Айсмана! И все знает! Да... Их контора посерьезней нашей!

Рейдж ликовал. Он смотрел на Джека счастливыми глазами. Ну, давай дальше. Шпарь! Спрашивай!

— Хорошо. А ты знаешь того, кто у них главный? Его зовут Малколм Прайс.

— Да, знаю. — Керкланд утвердительно кивнул головой. — Западное братство. Хочешь, чтобы эти ребята убили кого-нибудь для тебя, обращайся к Прайсу.

— Адрес есть? — Быстро спросил Джек.

— Я не справочное бюро. Найди сам. Где-то в мотеле на Балтсвей. — Этот коп надоел Керкланду. Ему нужно было выяснить свой вопрос! — Передай трубку Рейджи!

Он вдруг завращал глазами и стал возбужденно размахивать рукой.

Джек удивленно посмотрел на Рейджи.

— Чего это с ним?

— Не знаю.

Ну дела! До чего же они все тупые. Неужели непонятно! Я тебе уже все сказал, а теперь — отвали!

— Эй, ты не возражаешь, я хочу поговорить с братом?

— Хорошо. Хорошо. Извини. — Джек встал и передал трубку Рейджи.

Тот принял ее и пожал плечами. Джек все еще стоял рядом. Как маленькому, Рейджи стал втолковывать ему:

— Мой брат хочет со мной поговорить... Наши черные дела. Извини. Личные. — Ну чего ты торчишь здесь, мать твою! Тебе же ясно сказали — уматывай! — Ты что? Возражаешь, что ли?

Господи, чего им надо? Я же передал ему трубку!

— Ну ты можешь отойти куда-нибудь! Я же сказал — черное дело.

Да хрена ли я услышу через твою трубку!

— Ладно, ладно. — Произнес Джек и пошел в угол.

Наконец-то, они были одни. (Полицейские, которые стояли у стен и Джек — не в счет. Три метра в диаметре их остров в море дерьма.)

— Рейджи, слушай. Я дал тебе что-то важное уже во второй раз...

Только не дать ему говорить дальше! Мне нечего сказать.

И Рейджи, торопясь, закивал, все так же улыбаясь.

— Да, Керк, да. И я благодарю тебя за твое терпение. И спасибо...

Он быстро положил трубку и пошел к двери, все еще улыбаясь.

...Свиньи... собака... костыль... Сон всплыл в памяти неожиданно. Керкланд взревел:

— Так ты заплатишь свои долги, наконец? — И швырнул костыль (трубку) прямо в кобеля. Лицо его перекосилось, рука дернулась, и он со всего маха врезал кулачищем по перегородке. Она не выдержала удара этой кувалды. Раздался треск, и на стол посыпались стеклянные брызги.

* * *

Прайс, в длинном махровом халате, развалился в мягком кресле и пил текиллу.

В комнате было полутемно, горело бра, из динамиков стереомагнитофона лилась тихая музыка.

На последнем деле ему обломилось пятьдесят тысяч. Сейчас можно было немного расслабиться.

В дверь позвонили. Прекрасно. Одному пить стало уже скучно, так что Прайс был рад гостю. Он ждал его. Тот звонил полчаса назад, а значит, не было нужды задавать идиотский вопрос «кто там.»

Он направился к двери, щелкнул замком, отворяя ее,

и отступил, пропуская гостя в комнату. Но тот молча стоял на пороге.

— Не волнуйся. Все впереди. У нас будет еще масса возможностей. Заходи, выпьем.

Прайс раскрыл руки, как бы желая заключить гостя в объятия, и...

Он даже не успел ничего сообразить. Оружие было с глушителем, так что из комнаты по-прежнему доносились лишь звуки музыки. Малколм упал не сразу. При первых выстрелах руки его взметнулись вверх, он как-то вытянулся, тело изогнулось... Глаза удивленно выкатились. Потом Прайс согнулся пополам и рухнул на ковер. А гость все стрелял и стрелял в уже мертвое тело, пока не кончились патроны.

* * *

Когда машина подъехала к моргу, Джек и Рейджи были уже на месте. Задние створки распахнулись, и оттуда вытащили носилки с мертвым телом.

— Малколм Прайс. — Прочитал врач надпись на табличке.

Морг сверкал кафелем. Вдоль стен стояли каталки, ожидающие очередных клиентов.

Джек разговаривал с начальником участка. У них всегда были нормальные отношения. Во всяком случае, он не вставлял палки в колеса.

— Да, — задумчиво произнес капитан, — наверное, хорошая была версия. Кто-то всадил в него шестнадцать пуль.

— Черт возьми! — В голосе Джека слышалась горечь. — Сколько лет уже с этим Айсманом одна и та же история. Как только выйдешь на него, так сразу трупы. И снова тупик!

— Да, на этой работе когда-нибудь сойдешь с ума.

Капитан отошел от Джека. Нужно было еще составить протокол, отправить кого-нибудь разыскивать свидетелей...

Рейджи вспомнил! Эта мысль давно вертелась у него в голове, но сейчас созрела окончательно. Хотя высказал он ее только когда они вышли на улицу.

— Джек. Айсман — полицейский.

— Ты совсем рехнулся. Откуда?

— А ты сложи все вместе. Все это дерьмо, Джек. Сгреби его в кучу! Подумай!... Ты звонишь в участок, узнать адрес Прайса. Айсман приходит туда первым!

— А, не повезло. Простое совпадение.

— Какое совпадение? Ну хорошо, допустим. А вспомни этого черного брата! Ты показал фоторобот — никакого результата, а Керкл дал его тебе в секунду!

— Но нужно время, чтоб его опознать!

— Сколько времени! Мне смешно... Уже прошло столько часов!

— Это делается не так быстро...

Джек говорил уже не так уверенно. Рейджи в чем-то был прав. Действительно, столько совпадений... Слишком много!

А Рейджи горячо продолжал:

— Перестань! Это какие-то детские оправдания! Сказать тебе, почему Айсман хочет убить меня? Ты думаешь, из-за денег, которые я украл у него? Да плевать он хотел на эти деньги! Не-ет. Он хочет убить меня, потому что я его видел. Я могу опознать его когда-нибудь на улице... И та пятера, думаю, тоже дело его рук. А сейчас я вышел, и ему ничего не остается, как убрать меня. Он же боится! Джек, подумай, вспомни... Ты за ним идешь по пятам. И вот тот же, кто хочет убить меня, мешает твоему расследованию. Ты должен узнать, кто больше всего мешал тебе в этом деле. Он то и есть Айсман.

Рейдж говорил, захлебываясь, заглядывая в лицо. Джеку даже не нужно было особенно рыться в памяти. Перед его глазами сразу возник этот «урод».

— Значит, это может быть только Уилсон. Он мешает мне уже много лет. С тех самых пор, как я начал искать Айсмана. Все это время... Который час? Черт! Опоздал на два часа. Я же должен бежать на слушание. — Он уже прыгнул в машину, Рейджи едва поспевал за ним. — Поехали. Там ты его увидишь!

— Какое слушание?

— А то, где решают отобрать у меня служебное удостоверение и посадить меня в тюрьму!

* * *

Прохожие с удивлением оглядывались на белый «кадиллак», который летел на огромной скорости, проскакивая в любую щель между машинами. За рулем сидел блондин с растрепанными волосами. Рядом что-то кричал, размахивая руками, молодой негр. Казалось, эта парочка спешит в ад.

* * *

В зале уже давно шло слушание, но ответчик почему-то отсутствовал. Впрочем, это никого не волновало.

Адвокат Джека сегодня еще больше смахивал на взъерошенного воробья. Ему было сложно сражаться с этими зубрами! Очки съехали на кончик носа, он то и дело вскакивал, пытаясь хоть чем-то помочь своему подзащитному, но не очень успешно. А тут еще почему-то не было Джека.

Публика, сидевшая в зале, скучала... Кроме Уилсона. Он устроился в кресле и то и дело кивал, одобряя речь прокурора.

— После этого инцидента на мотодроме, — вещал тот, — офицер Кейт придумал эту версию. Я считаю, что в течение четырех лет он тратил средства управления на обработку своей теории.

Судья из-под очков посмотрел на прокурора.

— Вы можете описать его профессиональное отношение к службе?

— Когда офицер полиции нарушает закон и инструкции, он мешает всем.

Адвокат вскочил.

— Я протестую, Ваша честь! Эти замечания не имеют никакого отношения к инциденту!

— Наоборот, Ваша честь, — парировал выпад адвоката прокурор. — Я пытаюсь доказать, что это характерно для его поведения.

Секретарь в нерешительности замер.

— Оставьте показания в протоколе. — Глубокомысленно изрек судья.

Никому из них, в сущности, не было дела до офицера Джека Кейта. Они играли в свои игры... Кто окажется сильнее... А прав он или нет, какая, собственно, разница...

«Кадиллак» подлетел к зданию суда.

Из него выскочили Джек с Рейджем и, забыв запереть машину, бросились вверх по лестнице. Перепрыгивая через ступеньки, сбивая встречных, они бежали так, будто, уже наступая им на пятки, за ними гнались все демоны ада.

Пролет... Еще пролет... Коридор... Дверь.

* * *

Поскорее бы закончить это идиотское дело! Откуда я знаю, кто из них прав, а кто — виноват!

Судья уже зачитывал постановление...

— На основании предварительных показаний и материалов, представленных Управлением полиции Сан-Франциско...

... Дверь с грохотом распахнулась, и в зал ввалились две запыхавшиеся фигуры. Все в недоумении оглянулись.

Джек быстро осмотрелся, взгляд его выхватил лицо Уилсона.

— Смотри. Вот он. — Он показывал в сторону какого-то незнакомого Рейджи мужика.

Судья остановил чтение, — что за шум?!

— Порядок! Порядок в зале! — Он схватил колокольчик. — Это официальное слушание!

Но эти двое не обратили на него никакого внимания!

— Нет, это кто-то другой, — тихо сказал Рейджи с сожалением. — Я его вижу впервые.

— Да нет же, это — он! Ты внимательней смотри!

Уилсон ничего не мог понять. Кейт указывал рукой в его сторону и в чем-то пытался убедить этого черномазого. Тот, видно, не соглашался.

— Это кто-то другой! Говорю тебе, это — не он. — Рейджи настаивал...

— А я, черт возьми, говорю, что это — он! — Джек уже кричал.

— Кто эти люди? — В недоумении спросил судья. В его практике подобный случай происходил впервые.

Они громко спорили и тыкали пальцем в Уилсона. Белобрысый, выпучив глаза, тормошил негра. Хлопал себя руками, пригибался, орал и, вообще, был похож на сумасшедшего.

— Это, Ваша честь, и есть инспектор Джек Кейт. — Ответил прокурор и, улыбнувшись, развел руками, — мол, теперь вы и сами видите, что это за фрукт!

Рейджи еще раз вгляделся в Уилсона и твердо сказал:

— Нет. Это точно не он!

Джек схватил его и стал трясти.

— Это должен быть он! Ты просто забыл! Люди ведь меняются!

— Да перестань ты! Человека, которого ты обставил на полмиллиона долларов, не забудешь!

Джек уже не видел окружающих. Ни судью, ни Уилсона, ни защитника. Он не помнил, где находится... Его переполняло единственное желание — разоблачить эту сволочь! И он закричал на весь зал:

— Это должен быть он! Должен быть Айсман!

В зале на минуту повисла тишина. Джек пришел в себя и огляделся.

Уилсон встал. Он ненавидяще смотрел на полоумного... Надо же! Уже до этого дошел!

...Ребята из его участка, — те, что смогли придти, — смотрели на него с сочувствием — совсем заработался парень!

...Прокурор ухмылялся, глядя на судью, — ну, что я говорил!

...Защитник вскочил, еле успев подхватить очки, — он ничего не успел подумать...

Судья ударил молотком по столу:

— Это уже слишком! Суд считает, что имеет достаточно доказательств, чтобы начать предварительное слушание уголовного дела, возбужденного против Джека Кейта. Дата суда будет установлена дополнительно...

Он быстро собрал бумаги и вышел из зала.

* * *

Черри Генц и Уилли Хиккок возвращались в город — у них там ожидалась важная встреча.

С теми ублюдками можно будет разобраться и попозже, но это дело не терпело отлагательств.

Мотокентавры шли по следу.

* * *

Берроуз уже собрался выйти на улицу, когда дверь открылась, и на пороге конторы появились двое. Они вошли бесшумно. Все те же черные куртки и очки, прикрывавшие выражение глаз.

Вот и все. Мысль эта мгновенно промелькнула в голове Берроуза и сменилась чувством животного страха. Они знают все.

Он отступил назад и опустился на крутящийся стульчик, стоявший перед письменным столом. Силы оставили его, а в ногах ощущалась противная дрожь. Лоб покрылся холодной испариной.

Черри не поздоровался. Он сразу перешел к делу — трясущиеся колени и перепуганные глаза, смотревшие из-под очков, говорили о многом.

Этому ублюдку все известно.

— Айсман прикончил Прайса... Может быть, ты скажешь почему?

— У него не было выбора. Девка навела полицию.

— Чушь! Прайс сделал свое дело, и вы его убрали, как можете убрать и нас, когда мы выполним ваш заказ!

Берроуз понял, о чем думают эти двое, поэтому он старался говорить как можно убедительней.

— Это не чушь. Вы ее оба знаете. Она работает танцовщицей. Живет в «Кинг Майе». Вам нужно быть поосторожнее, когда с кем-нибудь связываетесь.

Замечание было справедливым. Но это еще не значит, что можно безнаказанно убивать наших людей!

— Кто нажал на курок?

— Какая разница, кто нажал на курок, черт возьми? Важно, что полиция все узнала о ней, а через него могли выйти и на вас, и на шефа.

Страх постепенно оставлял Берроуза. Он сам ощущал убедительность своих слов.

Связываются со всякими шлюхами! В пустыне пришили двух полицейских и бармена... Наследили на каждом углу, а потом приходят еще права качать. Здесь не в бирюльки играют, мальчики!

«Мальчики» не шелохнулись.

— Значит, так он поступает со своими партнерами? — Черри посмотрел на Берроуза, но тот промолчал. Тогда он поставил вопрос иначе. — Так босс ведет дела?

— Дела? Это не только его бизнес. Вам давно пора понять...

— Бизнес? — Перебил Черри.

— Да.

Это проклятое слово «бизнес»! Они убили Альберта — это их «бизнес». Постоянно платят нам, чтобы пришили кого-нибудь, это тоже их «бизнес»! Наш «бизнес» — расчищать дорогу этим подонкам. А потом они убивают нас, чтобы мы не мешали их вонючему «бизнесу».

В глазах у Черри потемнело. Он спустил курок, и в комнате прогремел выстрел.

— Это тоже бизнес!

Берроуз упал. Кровь заливала ему глаза. Он лежал ничком на грязном полу и вдруг почувствовал, что страх совершенно ушел, уступив место ненависти и презрению.

Он ненавидел Айсмана. Грязная скотина! Поймал его на мелком мошенничестве и, угрожая выдать властям, сделал из него «шестерку». Но этого мало. Ему нужно было превратить его еще и в убийцу. Убийцу Прайса.

Он ненавидел Рейджи и Джека. Из-за этих двоих его жизнь сейчас оборвется.

И он презирал Черри и Уилли. Эта деревенщина все вопросы решает лишь при помощи оружия. На большее их извилин не хватает.

Берроуз повернулся на бок и, зажав рукой простреленное ухо, посмотрел на киллера. Рот его оскалился.

Сейчас он был похож на раненого волка, который делает последнюю попытку напасть, зная, что жить ему осталось недолго.

— Ну, теперь ты счастлив, засранец?.. — Он секунду помолчал, умеряя боль, а потом продолжил тоном приказа. — Хотя, это все равно не меняет нашего дела. Вы должны убить Рейджи Хемонда. Вам за это заплатили.

Черри насмешливо смотрел на этого недобитого ниггера — он еще приказывает!

— И как мы это сделаем?

Берроуз знал как. У Айсмана везде были свои люди, а в тюрьме тем более. Все их дела и разборки были известны ему, а значит, и Берроузу.

— Керкланд сумеет. Это он помог Рейджи выжить в тюрьме. Теперь Рейджи его должник, но вроде бы не может расплатиться. Дочь Керкланда работает в магазине готового платья... Найдите ее...

— Ладно. Мы убьем Рейджи, мы убьем полицейского, мы убьем Айсмана. Всех. — Уилли поднял винтовку,..

Неужели ты думаешь, дерьмо, мы не прикончим их без твоего указания. Это наши похороны[1].

Черным глазом винтовки смерть уставилась на Берроуза. Он презрительно посмотрел на Уилли и, усмехнувшись, сказал:

— Главное, делайте дело...

Последнее слово прозвучало одновременно с выстрелом...

* * *

В раздевалке участка было на удивление безлюдно.

— Черт! Все время забываю шифр!

Джек навис над замком своего ящика, пытаясь открыть его, но тот не поддавался. Просто пальцы слегка дрожали от обиды, и он никак не мог правильно набрать нужные цифры.

Перед глазами стояла довольная рожа Уилсона, когда тот слушал решение суда. Как же — победитель хренов! А то, что страдает дело — так на это ему плевать! Теперь Айсман может спокойно орудовать в городе.

1 «Это наши похороны» (сленг) — «Это наше дело».

Не Уилсон же будет ловить его! Пять лет коту под хвост!

— Эй, Джек, я не хочу смотреть, как ты будешь забирать свои вещи. Пойдем на улицу. Мы еще можем его найти.

Рейджи стоял рядом. Его сердце сжималось от жалости, при виде ссутулившейся спины Джека. Этот сильный, всегда уверенный в себе мужчина, вдруг превратился в обиженного ребенка, а он не знал, как помочь ему.

— Пойдем, Джек, пойдем.

Ах ты, чертушка... Да тебе нужно, как можно скорее, сматываться в эту твою Флориду, а не спасать бывшего копа!

Джек, наконец, набрал нужный номер и достал из шкафчика саквояж.

— Знаешь, Рейджи. Я двадцать лет работаю полицейским. Я общался всегда только с сутенерами, убийцами, грабителями. Конечно, после этого трудно остаться ангелом. Но в наших отношениях я всегда был честен. Ты сделал все, что мог. — Он раскрыл саквояж, и Рейджи увидел там плотно уложенные пачки денег. — Так что, вот твои четыреста семьдесят пять тысяч.

Он сказал это просто, как будто возвращал взятую на время ручку или блокнот...

Рейджи остолбенел. **Кто еще мог так красиво швырнуть целое состояние, кроме Джека!? И это — когда он остался без работы!** Глаза его были широко раскрыты, и некоторое время он не мог произнести ни слова. А потом тихо, почти шепотом, спросил:

— И ты держал все это время мои деньги в своем шкафчике?

— Да.

— В полицейском участке, Джек?

«В полицейском участке» прозвучало, как — «в вертепе разбойников, жуликов и грабителей».

Джек улыбнулся.

— Да.

Он закрыл саквояж и протянул его Рейджи.

— Нас больше ничего не связывает. Ты свободный человек, Рейджи. Мой тебе совет — бери эти деньги и исчезай.

Рейджи грустно посмотрел на Джека.

Конечно. Кто я для тебя? Жулик. Мошенник.

— Ты так думаешь?

— Да.

— Хорошо. Пока, Джек.

— Пока, Рейджи.

Ну вот и все!.. Опять я один... Дай Бог, тебе, Рейджи, успеть унести отсюда ноги. И прости, что я не отпустил тебя раньше!

Джек вздохнул и стал собирать вещи.

* * *

Нет, Джек. Нет. Так просто ты от меня не отделаешься! Подожди, я улажу кое-какие дела и вернусь. Джек, вот только отдам должок... И вернусь... Ты думаешь, я могу тебя оставить, бросить. Как последняя свинья?! Плохо же ты знаешь Рейджи!.. Я вернусь, вернусь, вернусь...

Рейджи шагал по улице, не замечая прохожих. Он шел по адресу, который дал ему Керкланд Смит.

* * *

Дверь магазина готового платья открылась, и негр шагнул в прохладу просторного зала. Народу немного... Это хорошо... Значит, не будут мешать разговаривать. Кассы... прилавки... кассы... Где же она?

Даже если бы Рейджи не сказали, в какой кассе сидит дочь Керкланда, он бы все равно узнал ее. У нее были такие же глаза, как и у отца — большие и грустные. Симпатичное лицо, черные кудрявые волосы и довольно светлая для негритянки кожа. Желтая кофточка очень шла ей, и девушка казалась совсем юной. Она с любопытством смотрела на мужчину, который, вежливо улыбаясь, остановился перед ней.

— Хемонд. Рейджи Хемонд. — Представился он. — Вас зовут Энни?

— Да... — **странный какой-то...**

Рейджи положил перед девушкой пакет с деньгами.

— Здесь семьдесят пять тысяч долларов. От вашего отца.

Энн отодвинулась. Взгляд ее не выражал радости от свалившегося богатства.

— Это деньги Керкланда Смита. Они, должно быть, грязные.

Рейджи почувствовал в горле комок.

Ах ты..... Из-за этих денег меня чуть не пришили, я оставил там Джека одного, а ты еще выдрючиваешься!..

Но он сдержал себя.

— Да нет. Мы оба знаем, что твой отец не святой. Но эти деньги — не краденые. Я только что вышел из тюрьмы... Твой отец оказал мне услугу, и я его должник. Но он велел отдать деньги дочери. Решил, что пойдут тебе на пользу. Я думаю, ты должна взять их. Пока.

Он быстро развернулся и пошел к выходу.

Но девушка окликнула его:

— Мистер Хемонд! — Голос ее звучал неуверенно. — Как там отец? — Казалось, ей очень трудно произнести это слово.

— Хорошо. Тебе бы следовало навестить его.

— Может быть...

— Без «может быть»! Ты должна пойти и навестить отца.

Вдруг глаза у девушки сделались еще больше, рот приоткрылся в немом крике.

Рейджи хотел оглянуться, чтобы посмотреть, что ее так испугало, но не успел... Кто-то схватил его за шею и он почувствовал у виска холодную сталь. К девушке подскочил Уилли и приставил к ее голове пистолет.

— Всем вести себя тихо! — Крикнул Черри.

Это последнее, что услышал Рейджи. Последовал тяжелый удар рукояткой по голове, и он потерял сознание.

* * *

Джек сидел за столом. Из выдвинутого ящика он доставал бумаги, карандаши, записки. Вот на свет появилась полированная дощечка, которую украшал латунный полицейский значок с памятной гравировкой:

«Джеку Кейту за выдающиеся заслуги в деле охраны общественного порядка».

Джек криво усмехнулся... Когда же ему вручили этот «сувенирчик»? А... после ликвидации банды Альберта Генца... И тогда же в его жизни появился Рейджи... Интересно, где-то он сейчас? Небось катит в свою любимую Флориду... если, конечно, успел выскочить... А меня, всего из себя «заслуженного в деле охраны общественного порядка», вышвырнули, как использованную половую тряпку. «Никакого Айсмана нет...» И снова перед ним возник вечно ухмыляющийся Уилсон, его наглая, самодовольная рожа...

У Джека даже скулы свело от ненависти. Но все же... кто из них? Он обвел глазами зал... Все же свои... Том, Френк, Сэм... Другие ребята... нет, не может быть.. но Рейджи сказал: Айсман работает в полиции, потому что он всегда успевает на шаг раньше. И сейчас...

— Привет, — он вытащил ручку с девицей в купальнике: повернешь вниз — девица одевается, вверх — раздевается. Смешная штука.

Джек и не заметил, как возле него остановился Бен.

— Привет, Бен.

— Прости, что не смог тебе больше помочь.

— Да ладно. Ты сделал, что мог...

Джек чувствовал, что Бену нелегко разговаривать с ним, — так всегда бывает, когда кого-нибудь выгоняют с работы.

Ну чего ты маешься, Бен? Кому нужны слова? Все нормально... Вот только Айсман от нас тю-тю. А так, все хорошо...

Джек сгребал свои пожитки в «кейс», чтобы не видеть сочувствующих глаз друга.

— Скучно будет без тебя, Джек. Ты же знаешь — здесь ты мне ближе всех был...

Ну почему «был»? Что ты меня хоронишь раньше времени? Суд впереди. Еще неизвестно, какое будет определение...

— Ты уже решил с работой? — Бен понимал, почему Джек ничего ему не отвечает...

Тот молча собирал свои бумаги.

— Пива выпьем?

— Может быть попозже.

Бен кивнул и направился к своему столу.

А Джек все думал м думал. Кто же он — этот человек, знающий о нем ВСЕ.

...Френк пробирался между столами. Его догнал дежурный.

— Эй, Френк, тебе полно записок.

— Спасибо, Джон.

Френк разложил бумаги на столе и стал быстро их листать. В это время зазвонил телефон.

— Да. Крюгер слушает.

В трубке молчали. Потом мужской незнакомый голос сказал:

— Хемонд у нас...

Крюгер оглянулся. Нет, на него никто не смотрел. Каждый занимался своим делом. Он прикрыл трубку рукой и, стараясь говорить как можно тише, произнес:

— Хорошо. Он уже мертв?

— Планы изменились... Вам не следовало убивать одного из нас...

Ах ты, дерьмо собачье! «Не следовало...» Он еще будет указывать, что нам следовало делать. А таскаться ко всяким девкам следовало? А светиться, называя свои настоящие имена следовало?

Но Крюгер сдержался.

Джек уже собирался уходить, когда к нему подошел начальник участка.

— Эй, Джек. Только что поступило сообщение. Какой-то человек по имени Берроуз выглядит как раз как тот, которого ты искал. Его недавно нашли мертвым. За ним тянется список дел длиною в милю.

— Я же вчера спрашивал о нем, и мне сказали, что на него ничего нет?

— Странно. Крюгер арестовывал его в прошлом июле...

— Кто?

— Крюгер...

Джек повернулся и стал разыскивать глазами в зале Крюгера...

— Что ты собираешься делать? — Голос Френка звучал все еще спокойно, хотя то, что Рейджи еще жив, могло не понравиться Айсману. — Ты должен его убить! — Твердо сказал он.

— Нам нужно пятьсот тысяч. Это цена за убийство одного из нашего братства.

— Что вы несете? Он что — президент?

— Пятьсот тысяч, или мы дадим наколоть тебя.

Паскуды... Сволочи... Они еще угрожают! Хотя от этого дерьма можно ожидать всего... Но пятьсот тысяч! А... жизнь дороже... Ну ладно... Мы еще посмотрим...

— У нас есть местечко неподалеку от города. — Снова прохрипела трубка.

— Нет... Нет... — Френк знал, как эти «гориллы» разговаривают в укромных местечках. — Если вам нужны деньги, выберите место где-нибудь в людном помещении, где много народа вокруг! Скажешь, это мое условие!

— Учти, времени у тебя мало. Мы ждем...

...Джек наблюдал, как Френк взволнованно говорил с кем-то по телефону... Черт! Неужели Френк и есть Айсман?.. А почему бы и нет? Он знал каждый шаг Джека, и они были рядом все пять лет. И о Прайсе Джек ему сказал у отеля. А на мотодроме Френк рылся в сгоревшей куче дерьма и, значит, спокойно мог спрятать пистолет... И Берроуза он знал, но скрыл... А раньше...

...Крюгер бросил трубку и выскочил из-за стола. Он побежал через зал к выходу.

...Нужно его догнать... И проследить... или...

Перед Джеком вырос Уилсон. Он, как всегда, был тщательно прилизан.

Крюгер подходит к последнему повороту...

Физиономия победителя сияла, хотя он к пытался изобразить сочувствие.

Френк уже у двери!

а голос звучал почти торжественно.

Уйдет!!!!!!

— Кейт. Хотя мы всегда не любили друг друга, я хочу сказать, что мне жаль видеть, как человек губит свою карьеру. Ну ладно. Что было, то было.

Он заслонил своей дурацкой башкой Крюгера, и

Джек, чтобы убрать эту преграду, изо всех сил двинул Уилсона по скуле.

Нет, этот засранец не мог быть Айсманом. Слишком глуп.

Уилсон жалобно взвизгнул и повалился на пол. Джек, даже не взглянув на него, бросился за Френком, который уже вышел на улицу.

Крюгер пробирался среди припаркованных машин. Он ничего не видел вокруг, кроме своего «форда». Ключ не попадал в замок... Наконец, он распахнул дверцу и вскочил в машину...

Они отъехали от участка почти одновременно — черный «форд» Френка Крюгера и белый «кадиллак» Джека Кейта.

* * *

Ресторан «Бирд Кейтж» сверкал огнями.

Швецар в шикарной ливрее с золотым шитьем встречал посетителей у входа. Он внимательно следил, чтобы в зал не проникли случайные люди.

Френк, даже не взглянув на стража порядка, прошел прямо к метрдотелю.

— Я ищу Кейт-клаб. Его верхнюю часть.

— Пожалуйста, конечно... Но... Нужно оплатить вступительный взнос. Пятьдесят долларов. — Стодолларовая бумажка перекочевала из рук в руки.

— Сдачи не надо.

— Благодарю Вас, сэр... Пятый этаж, сэр...

Френк направился к лифту.

Рот распорядителя распахнулся в вежливой улыбке, навстречу уже спешил новый посетитель.

На пятом этаже дым стоял коромыслом: гремела музыка; мигали разноцветные прожектора; красивые женщины в шикарных платьях танцевали с мужчинами в очень дорогих костюмах. Плечи и спины дам были очень смело обнажены, и руки партнеров, то и дело, опускались чуть ниже положенного. То там, то здесь раздавались взрывы смеха.

На сцене голые девицы в масках исполняли какой-то замысловатый танец. Мужчины забрасывали их десятидолларовыми бумажками и, когда те наклонялись, чтобы подобрать плату за «искусство», норовили шлепнуть по соблазнительному заду.

Под потолком висели две огромные клетки. В каждой из них танцевала солистка. Умело наложенный грим делал их лица прекрасными. Гибкие тела, стройные ноги, великолепные формы привлекали сюда многих клиентов. Девушки были гордостью заведения!

Столики, стоявшие вокруг эстрады, ломились под дорогими напитками и закусками. Все это великолепие отражалось в зеркалах, которые служили перегородками.

Четверо из полуотгороженной ниши находились здесь явно по недоразумению.

Двое лохматых парней в черных кожаных куртках, черномазый в сером костюме и девчонка в дешевой юбке и желтой кофточке казались нищими, случайно проникшими на королевский бал. Устроившись за столиком, на котором стояла бутылка виски и тарелка с бутербродами, все четверо молчали. Официантка небрежно оставила заказ и вышла.

Слава богу, их почти не видно из зала!

Как только она ушла, Черри и Уилли вытащили оружие и положили перед собой.

Рейджи и Энн сидели, плотно прижавшись друг к другу.

Господи. За что? Мало того, что пришлось уйти из колледжа, когда там узнали кто ее отец; мало того, что мы влачили полуголодное существование; мало того, что умерла от горя мама, — так еще теперь и это. Что сделают с ними эти подонки, она не знала. Но глядя на их рожи, понимала, что ничего хорошего ждать не приходится.

Плечи Энн задрожали, и Рейджи физически ощутил ужас, который испытывала девушка.

Он смотрел прямо перед собой и ругался последними словами.

Болван! Идиот! Как же я так облажался! Ведь знал же, придурок, что эти гады охотятся на нас... И Джек предупреждал... Нет, обрадовался, кретин, что полмиллиона в кармане! Совсем ума лишился... Даже не проверил, нет ли хвоста, вплюхался к девчонке. Называет-

ся, вернул должок! Ну ладно, у меня с этими недоносками свои счеты, а девчонка за что должна пропадать?

Черри страдал.

Черт! Такие девки голыми задницами вертят, а тут сиди, как импотент и поджидай этого гребаного Айсмана! Ладно. Девками займемся потом, когда получим бабки, а эти засранцы отправятся в «лучший мир».

Уилли не думал ничего. Это за него всегда делал Черри.

Он наполнил два бокала и протянул один из них Черри. Потом чокнулся с пустыми рюмками черномазого и его девки, «ваше здоровье», и выпил.

Черри оценил шутку. Надо же! А я думал, что у него чувство юмора отсутствует! Одним глотком он проглотил содержимое, и настроение его улучшилось. Он криво ухмыльнулся. (Нормально улыбаться Черри разучился в глубоком детстве.)

— Эй, парнишка! Что-то ты выглядишь не очень счастливым. Смотри, вокруг все веселятся. Может желаешь чего? — Он насмешливо посмотрел на девушку. — Последнее желание, как говорится, свято...

Рейджи сжал под столом кулаки.

Френк Крюгер вышел из лифта. Он быстро осмотрелся.

Так, народу полно... Это хорошо... Теперь нужно найти этих...

К нему подплыла девица. «Мужчина, кажется, пока еще свободен?» Френк довольно грубо отстранил ее и прошел в зал. Он почти сразу увидел тех, кого искал, но не подошел.

Отдельный кабинет — отличная ловушка для дураков. Несколько минут полицейский внимательно оглядывал зал. И только убедившись, что у этих людей нет сообщников, направился к ним. Он не собирался заходить в кабинет. В зале спокойней. Крюгер был профессионалом и всегда оставлял себе путь к отступлению. Вот и сейчас он встал в дверном проеме, у самой решетки, украшенной искусственными цветами.

— Где Хемонд?

Это прозвучало как пароль, и Черри кивнул на парочку, которую не было видно из-за зелени. Крюгер шагнул вперед, но всего на шаг.

И при чем здесь эта девка?

— Бабки принес? — Бесцветным голосом спросил Черри.

— Естественно. Кто девчонка?

— А хрен ее знает! Была с ним. Пришлось захватить с собой.

Уилли уже не отрывал взгляда от сумки.

Рейджи смотрел на Крюгера, выкатив глаза.

Господи! Ты услышал меня... Благодарю тебя, Господи! Его, наверное, Джек послал... или ты, господи? А, какое имеет значение кто из вас... Главное, он здесь. Это же тот полисмен, который вчера говорил с Джеком у отеля! Его, кажется, Френк зовут. Ну, теперь держитесь, ублюдки!

— Пятьсот косых, правильно? — Френк открыл сумку. В ней лежали пачки денег...

— Сейчас проверим товар.

Черри протянул руку, но Френк остановил его:

— Не торопись. Сначала выведите этого из ресторана и прикончите за зданием... И девчонку тоже.

Ах ты, сука позорная! Как это — выведите? Как это — прикончите? Значит, ты не от Джека?

И Рейджи дружески спросил:

— Ты что здесь делаешь? — Если бы только было можно, он бы выцарапал эти бестыжие глаза!

Черри и Уилли удивленно повернулись к ниггеру, — значит, они знакомы!...

Рейджи осенило. Это шанс! Маленький, слабый, но шанс!

Он набрал побольше воздуха в легкие и вдруг заорал во все горло:

— Вы же говорили, Айсман принесет деньги, сукины дети! А это не Айсман! Это полицейский! Вы ошиблись адресом! — Он сделал страшные глаза. — Нас подставили!

Черри вздрогнул и направил пистолет на полисмена.

Рейдж радовался как ребенок!

Ну что, хрен моржовый! Хорошо тебе. Пускай я сдохну, но и ты не выберешься!

Лифт полз вверх. Джеку казалось, что он почти не движется.

Ну скорее!!! Скорее!!!!!

Наконец, тоненько звякнул колокольчик, и двери распахнулись. Тесную кабину заполнили звуки джаза, смех, звон посуды. Сжимая ладонью рубчатую рукоять «бульдога», он медленно пошел по залу, выискивая в толпе знакомую фигуру Крюгера. Повернувшись в очередной раз, Джек увидел его. Френк стоял к нему спиной, разговаривая с кем-то, находящимся в отгороженном от зала маленьком кабинете.

Джек осторожно приблизился, вытаскивая пистолет и взводя курок.

Френк вздрогнул, когда ствол ткнулся ему между лопаток.

И Джек не смог сдержать злой ухмылки.

— Привет, Джек, — раздался вдруг за спиной знакомый голос. — Ну это прямо рождественский подарок. Можно прикончить всех.

— Вон Айсман! Вон он!!! — Крик Рейджи услышали все.

Он смотрел на того, кто стоял за спиной Джека.

А Джек... Джек узнал голос этого человека. Интонации, оттенки, легкая хрипота. Такая знакомая, что он даже растерялся на мгновение.

Значит, это ОН.

Айсман сжимал в руках короткий автомат.

— Неплохо, Джек! Ты всегда был умником. — В его голосе не было и тени издевки. Напротив, он был очень серьезен. — Но на этот раз ты сам загнал себя в угол.

Черри Генц недоуменно переводил взгляд с одного на другого.

Ах ты, мать твою! Похоже, черномазый прав. Их действительно подставили. Этот с сумкой — коп. Рядом с ним еще один, тот, что убил его брата. А третий, стало быть, Айсман? Интересно, сколько таких «Айсманов» внизу? Может быть, они уже оцепили все здание?

Джек вдруг успокоился. По крайней мере, теперь он знал КТО ТАКОЙ Айсман.

Айсман не фантазия, не призрак, не невидимка. Айсман — его бывший друг Бенджамин Кихос. Ну, что ж.

Глядя, как «узи» переместился к его груди, Джек пробормотал:

— Знаешь, я не хотел в это верить.

— Мне очень жаль, что пришлось разочаровать тебя, Джек.

Он холодно улыбнулся. В нем уже не осталось ничего от прежнего Бена. Теперь это был именно Айсман. Расчетливый, хладнокровный, безжалостный убийца. Перед глазами Джека мелькнули воспоминания. Горящий киллер, мечущийся по мотодрому; его пропавший пистолет; улыбающаяся рожа за стеклом придорожного кафе, — теперь понятно, как ему удавалось всегда быть на шаг впереди. Скотина.

Джек почувствовал себя человеком, которого заставили вычистить нужник. Он даже физически ощутил запах дерьма. Вдруг сильно разболелась ключица.

— Да пошел ты! — Джек сжал зубы, чтобы загнать обратно в глотку крик боли, рвавшийся наружу.

Он бросил взгляд на кабинет, оценивая шансы.

Так... Там два вооруженных до зубов бандита и рядом Айсман, тоже не с пустыми руками. У нас — один «бульдог» и безоружный Рейджи с девочкой. Расклад замечательный!

Черри задохнулся от ярости. Их опять провели!...

Он ненавидел Айсмана сейчас больше всех. Сначала этот урод убрал Прайса, а потом подставил нас, когда пришло время платить долги. Так кого — его или копа? Двоих ему не успеть — пришьют. И Черри сделал свой выбор.

— Мне нужен Айсман! — Заревел он, вскидывая пистолет и целясь в Бена.

Стоявший рядом Крюгер успел подбить его руку, и пуля ушла в потолок. Посыпались стекла. Завизжали дамы, мужчины постарались стать как можно незаметнее, ввинтившись в столы. Кто-то бросился к дверям, порождая панику. Сам того не подозревая, Черри спас Джеку жизнь. Когда грохнул выстрел, Бен отшатнулся, и Джек успел отпрыгнуть в сторону. Прежде чем очередь, выпущенная из «узи», прошила воздух там, где секунду

назад находилась его голова. Игра пошла серьезная. Бен не собирался щадить его, но и Джек решил действовать так же.

— Пошел с дороги! — Черри отшвырнул Крюгера, и, выскочив из кабинки, помчался к эстраде.

Клетка с солисткой раскачивалась в метре от пола. Он запрыгнул в нее и сгреб перепуганную девицу.

— Я пристрелю эту стерву! Пристрелю, говорю вам!

Айсман выстрелил. Ему было плевать сейчас на всех девок, вместе взятых. **Нужно убрать этого гада! И его, и дружка, тогда они не смогут провякать, кто платил за ликвидацию. А с Джеком разберемся потом...**

Разворачиваясь на месте, Бен выпустил длинную очередь по залу.

Черри понял, что девица — плохая защита. Он отшвырнул ее и, спрыгнув на пол, метнулся между столиками, отражаясь в огромных настенных зеркалах.

...Как только началась пальба, Рейджи затолкал Энни под стол — не дай бог, с ней что-нибудь случится! Она ничего не могла понять и пыталась вырваться. Рейджи пришлось объяснить ей, как должна себя вести порядочная девушка в подобной ситуации, — он легонько хлопнул ее по голове и с силой отправил на место. А сам, оглянувшись, выскочил из кабинета и помчался через зал под укрытие длинной стойки. Там не менее опасно, но, в случае чего, можно что-нибудь предпринять.

...Крюгер, подхватив сумку, стал пробираться к выходу, сшибая столики, заваливая людей, оказавшихся на его пути. На пол летели вина и закуски, приборы и хрусталь. И в этом месиве барахтались люди.

— Эй, стой. Это мои деньги. — Взревел Уилли и бросился за копом.

Сволочь. Он смоется. Нельзя дать ему уйти.

Джек, стреляя, бросился за ними.

Бен, спрятавшись за колонну, перезаряжал автомат. Он заметил пробежавшего Джека и надеялся подловить его, когда тот расстреляет патроны.

На мгновение в зале воцарилась тишина. Слышался только хруст стекла под чьими-то подошвами.

БАНГ! БАНГ! БАНГ!

Ага. Это Джек. Бен без труда отличал звонкий выстрел «бульдога» от раскатистого разрыва «магнума». **Ну, что же ты замолчал, дружище? Краем глаза он заметил движущийся по залу силуэт и выстрелил, не целясь.**

БАНГ! БАНГ! БАНГ!

Снова Джек. Давай, приятель, мочи их, пока не кончатся заряды!

Рейджи скорчился за стойкой, прислушиваясь к пальбе. Бах! Зеркала вдребезги. Бах! Бах! Пороховой дым плавал по залу.

Что-то грохнулось о стойку, и через секунду прямо на голову притихшего Рейджи кто-то свалился.

Все. Вот я и умер.

Он зажмурился и... ничего не произошло. Выстрелы удалялись... Рейджи осторожно приоткрыл один глаз...

Нет. Я еще не умер. Это ОН умер.

Рядом с ним, в нелепой позе, лежал Уилли. Рейджи на своем веку повидал достаточно покойников, и ему не нужно было гадать, как они выглядят.

Вот видишь, тебе не повезло. А... Не желай смерти другому, сам туда свалишься.... Ну ладно. А где же твой пистолет, парень?

Негр огляделся. Пистолета не было.

Ты что, придурок, потерял его, что ли?

Рейджи осторожно приподнял голову. На полированной поверхности стойки сверкал никелем прекрасный восьмизарядный «смит-вессон».

Ха! Ты все-таки не обманул моих ожиданий, браток. — Почти с нежностью подумал он, стягивая пистолет со стола.

И в этот момент рядом появилась еще одна рука. Она шарила по стойке в поисках оружия.

Господи! Неужели я ошибся! Он живой!

Рейдж быстро отпрыгнул в сторону. «Покойник», покачиваясь, поднимался. Вот он встал во весь рост... Лицо его было залито кровью.

Через стеклянную стену на Уилли уставился Крюгер.

— Ты еще жив, подонок?!

БАНГ! БАНГ! БАНГ!

Стекло разлетелось. Пули снесли пол-черепа, разбросав повсюду кроваво-серые брызги, перемешанные с осколками костей и клочьями волос.

Байкер снова исчез под стойкой.

Теперь он точно не поднимется.

Рейджи любовно погладил серебристый «смит-вессон».

Джек пристроился за опрокинутыми столами, перезаряжая револьвер.

Интересно, удалось ли Рейджи спастись? Жаль будет, если... Ладно, не каркай. Этого мошенника просто так не убьешь. Он сам кому хочешь хвост накрутит.

Полицейский выглянул из-за стола.

Значит, он один против троих. Уилли ему кажется удалось достать. Надо сменить место. Столы — дерьмовая защита от пуль.

Джек резко вскочил и побежал через зал. И тут же где-то рядом загрохотал «узи». Он уже ничего не мог изменить, разве что втянуть голову в плечи, что Джек и сделал. Ему удалось добежать до самой эстрады, как вдруг у него на пути — как чертик из табакерки — возник Крюгер. Черный зрачок ствола смотрел Джеку прямо в лицо.

Два выстрела ударили почти одновременно. Крюгер замешкался на долю секунды. Пуля сорок пятого калибра, ударив в плечо, отбросила его на метр назад.

БАНГ! — вторая развернула грудную клетку. Третья — царапнула по шее. Четвертая пробила живот, подняв Френка в воздух. Его тело, пробив стеклянную перегородку, разделявшую два зала, и описав короткую дугу, закончило свой путь в мелком декоративном бассейне с золотыми рыбками.

В зеленой, подсвеченной яркими фонарями воде расплылось мутное багровое пятно.

А сумка так и осталась стоять возле самой эстрады. Там, где ее хозяина настиг первый выстрел.

Со своей точки Черри видел Айсмана. Не всего, а только часть плеча. И кисть, сжимающую рукоятку автомата. Ему сейчас было плевать на остальных: на черного урода, на копа, убившего его брата, даже на Уилли. Черри сжигало яростное желание добраться до этого ублюдка Айсмана и прострелить ему башку. Вот и все. Остальные никуда не денутся. Отсюда уйдет только одна команда — он криво ухмыльнулся — и, скорее всего, это будут они с Уилли. Приятель Айсмана уже кончился, значит, сам Айсман остался без поддержки. А надрать как следует задницу копу для Черри — не проблема. И негритоса пристукнуть тоже. Он всегда доводит заказанную работу до конца.

Черт. Куда задевался Уилли? Ну да ладно, хрен с ним. Айсмана он сможет прикончить и сам. Один.

Черри встал и, выстрелив в руку, держащую автомат, побежал. к еще одной зеркальной колонне. Благо, что они располагались по всему периметру помещения и служили хорошей защитой.

Выпуская на ходу пулю за пулей, Черри летел через зал. Он уже почти видел Айсмана и ощущал, как выпустит роковую пулю, но... В этот момент произошло неожиданное. Из-за той самой колонны, к которой он направлялся, появилась рука с зажатым в ней серебристым «смит-вессоном».

БАНГ! БАНГ! БАНГ! БАНГ! — Одна из пуль раздробила ступню, и Черри, задыхаясь от боли, рухнул в стелющийся по полу молочно-белый туман. Этот дым напускали специально для того, чтобы у посетителей создалось ощущение, будто они на громадном облаке. Это «облако» сейчас спасло его. Автоматная очередь прошла над самой головой Черри, отбивая куски зеркал от колонн. Приподнявшись над туманом, он увидел ниггера, фотография которого до сих пор лежала во внутреннем кармане его куртки. Тот сжимал в руке тяжелый «смит-вессон», принадлежащий Уилли.

Ублюдок, ты убил Уилли? Надо было кончать тебя раньше, чернокожая скотина! — С ненавистью подумал Черри. Выбросив вперед руку с пистолетом, он нажал на курок.

ЩЕЛК! — Еще не осознавая случившегося, Черри остервенело продолжал дергать спусковой крючок. Твою мать.

ЩЕЛК! ЩЕЛК! ЩЕЛК! — Боек продолжал ударять по пустому затвору. Патронов не было.

Рейджи расхохотался.

Ну что, недоносок, кто из нас окочурится первым? Нет, я определенно везучий парень.

Устроившись поудобнее на жестком полу, он поднял «смит-вессон» и, положив ствол на согнутый локоть другой руки, тщательно прицелился.

ЩЕЛК! — Барабан провернулся. — ЩЕЛК! ЩЕЛК! ЩЕЛК!

Настало время веселиться Черри. Недобро ухмыльнувшись он поднялся на ноги.

— Я задушу тебя голыми руками, черномазый урод, — Ненужный пистолет полетел в сторону, исчезнув в белом облаке.

Черри, прихрамывая, шел на Рейджи, как огромный раненый зверь.

Они сцепились в смертельной схватке, готовые перегрызть друг другу глотки. Ни один, ни другой не слыли слабаками в своем кругу. И борьба была равной.

Со стороны казалось, что какое-то двухголовое чудовище барахтается в молочном море. Тела слились воедино; то одна, то другая голова выныривала на поверхность, глотая воздух оскаленными от ненависти ртами. Они исчезали и вновь появлялись над белым маревом, постепенно приближаясь к длинному широкому окну. Наконец, Черри освободил одну руку и вцепился железными пальцами в горло врага.

Рейджи захрипел. Но тут рука его наткнулась на что-то холодное, валявшееся на полу. Это был «смит-вессон».

Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Рейджи схватил его уже слабеющими пальцами и впечатал в физиономию убийцы.

Тот разжал руку, хватаясь за рассеченную бровь. Шатаясь, он приподнялся на ноги. И тут же кулак Рейджи погрузился в его солнечное сплетение.

ХАК! — Черри как-то странно охнул. Отшвырнув пистолет, Рейджи влепил кулак прямо в белое пятно лица. Он вложил в удар всю свою ненависть и отчаяние.

Стена была слишком близко. Пробив спиной стекло, Черри стал вываливаться из зала. Руки его лихорадочно искали хоть какую-нибудь опору, но тщетно...

Грузовой фургон, стоявший под рестораном, дрогнул от мощного удара, когда стошестидесятифунтовое тело рухнуло на него с пятиэтажной высоты.

Рейджи подошел к проему и посмотрел вниз. Он не испытывал ничего, глядя на распростертое тело человека, перед которым еще недавно трепетала вся округа.

Чья-то рука перехватила ему горло и потащила прочь, приставив к виску автомат.

— Двигай пошустрей костылями. — Айсман вел Рейджи к выходу. Они пробирались через зал, напоминающий дом после сильного землетрясения. Опрокинутые столы и скамейки, скалящие острые зубы остатки зеркал в рамах, повсюду следы пиршества и лужи красного вина, как лужи крови, проглядывающие сквозь белый туман.

У выхода их встретил Джек. Дуло его «бульдога» было направлено на Айсмана, но выстрелить он не мог — останавливал автомат у виска Рейджи. Так они и застыли молча друг против друга. Бывшие друзья, а теперь — смертельные враги.

Скоро подъедет полиция. Небось уже вызвали, будь они прокляты!

Айсман не мог больше ждать. (Он не смотрел на Рейджи. Да и зачем? Автомат плотно упирался негру в висок. Но если он спустит курок, Джек тотчас же нажмет на свой, а изменить цель он уже не успеет.)

— Послушай, Джек! Мы можем еще договориться! Только выпусти меня отсюда!

— Нет. Ты опозорил всех нас, Бен. Теперь мне стыдно, что я служил в полиции, раз там был такой, как ты.

Елки-палки! Этот фрайер меня сейчас прикончит, а Джек стоит и разводит свои тары-бары. Нужно же что-то делать!

И Рейджи отчаянно закричал, надеясь заставить Джека пошевелить мозгами:

— Эй, Джек! Ну спасибо тебе за очень приятный день! У меня теперь нет машины! У меня нет денег! И я заканчиваю день со стволом у виска! Слушай! — Он попытался повернуться к Бену, но тот еще сильнее сдавил ему шею. — Это день Джека! Дай ему меня пристрелить! Стреляй, Джек, стреляй!

И Джек выстрелил.

Рейджи дернулся от удара пули, глаза его расши-

рились, он удивленно посмотрел на Джека, застонал и стал медленно сползать на пол.

Бен крепко держал Рейджи — тот был гарантией его жизни. Он почувствовал сильный толчок, потом колени негра подломились, тело его, оседая на пол, потянуло Бена за собой. Чтобы не упасть, он разжал руку и удивленно посмотрел на черномазого.

На правом плече негра расползалось большое кровавое пятно. Тут же хлопнул выстрел, и что-то горячее ударило его в грудь. Он даже не сразу понял, что это пуля. Последнее, что увидел Бен: Джек, нажимающий и нажимающий на спусковой крючок.

* * *

У сверкающего стеклом ресторана собралась толпа любопытных. Уже весь квартал знал, что сегодня какая-то банда перебила всех посетителей, нескольких полисменов и разгромила вс, от первого до последнего этажа.

Разнесли бы и само здание, но вовремя подоспела полиция. Они уложили банду, а теперь оцепили дом, чтоб, не дай бог, никто не пострадал от обломков, сунувшись внутрь.

Но один из гангстеров остался жив. Правда, тяжело ранен, так как его везут в больницу, а не прямо в тюрьму. Во-он он! Несут на носилках! Смотрите! Смотрите! А рядом с ним какая-то девка. Наверное, его подружка.

Джек пробивался через толпу. Он боялся опоздать — носилки с Рейджем уже загружали в машину.

— Пропустите! Пропустите же!

Наконец, он прорвался, растерзанный, встрепанный, и склонился к Рейджи.

Бледный Рейджи смотрел на него своими грустными, по-детски круглыми глазами.

— Ай, Джек! Я до сих пор не могу поверить, что ты стрелял в меня. — И совсем как ребенок пожаловался. — Знаешь, как больно...

— Я говорил тебе, надо купить пуленепробиваемый жилет. — Джек придвинулся совсем близко к лицу Рейджи. Он говорил тихо, чтобы никто из посторонних их не слышал. — Ты молодец, Рейджи. Ты все сделал как

надо. Доктор говорит, что у тебя все будет хорошо. Наверное, я неплохо стреляю. А?.. Правда, тебе придется полежать некоторое время, но это не очень страшно. Твоя Флорида немного подождет!

Рейджи положил здоровую руку на грудь Джека.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось убить своего друга.

Джек секунду помолчал. Все не так просто, Рейджи. А потом, с какой-то несвойственной ему нежностью, сказал:

— Он не был моим другом. Мой друг — ты.... — и, как бы устыдившись своей сентиментальности, продолжил уже шутливым тоном. — Кроме того, я же должен был спасти своего партнера!

Рейджи благодарно пожал ему руку.

Я всегда знал, Джек, что ты мировой парень. Но если бы ты прошел мою школу, то тебе вообще не было бы цены!

И тут Джек произнес то, что, как он думал, должно ускорить срок выздоровления Рейджи втрое:

— Я прихватил у Айсмана пятьсот тысяч... — На лице Рейджи отразилось подобие улыбки, и Джек продолжал: — Встретимся в больнице. Там и поговорим, ладно?

Джек отошел. Дверцы захлопнулись, и машина тронулась.

Отличный ты парень, Рейджи. Если бы...

Рядом стояла Энни — девушка, с которой Рейджи был в ресторане. Джек сунул ей в руку сумку с деньгами.

— На, подержи-ка это.

И кинул в рот сигарету. Он полез за зажигалкой. Похлопал себя по карманам... Нет... Странно... И вдруг понял — не зря клал Рейджи руку ему на грудь. Он усмехнулся. Пускай будет у тебя, Рейджи, если уж так она тебе нравится. — И он закончил предыдущую мысль:

...если не был мошенником, цены бы тебе не было!

И Джек засмеялся.

Рейджи щелкал зажигалкой. — Огонек то появлялся, то пропадал. По его желанию.

Он улыбался. Боль ненадолго уснула.

Дурак ты, Джек. Подумаешь, пятьсот тысяч! Глав-

ное, квалификацию не потерять... Я же говорил — пройди ты мою школу, цены тебе не будет.

Врач удивленно смотрел на раненого. Он впервые видел человека с пулевым ранением, который, лежа на носилках по дороге в больницу, хохотал во все горло.

До свидания, Джек. До встречи. И храни тебя Бог.

ДЖЕЙМС ЛЕО ХЕРЛИХИ

ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ

Перевод с английского — *И. Полоцк*

Нет им блаженства в одиночестве,
И Книга гласит, что нет им благословения.

М-р О'Даниел

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

В новых сапожках Джой Бак обрел рост в шесть футов и один дюйм — и жизнь предстала перед ним совершенно в ином обличье. Когда он вышел из магазинчика в Хьюстоне, то весь словно пощелкивал и искрился; откуда-то изнутри в нем поднималась сила и мощь, которых он никогда раньше не ощущал, и мир раскрывал ему свои объятия. Играли готовностью мускулы ягодиц и икр, и мостовая с неизвестной ранее покорностью ложилась ему под ноги. Мир лежал перед ним, и он попирал его, ибо теперь в нем царил он — прекрасный дикий зверь, он, Джой Бак. Он был могуч. Он был на верху блаженства. Он был в полной готовности.

— Я готов, — сказал он про себя, задумавшись, что же он хотел этим сказать.

Джой знал, что его мыслительные способности никого потрясти не могут, да и вообще лучше всего ему думалось, когда он смотрел на себя в зеркало, и поэтому он пошарил глазами вокруг в поисках чего-то, в чем он может увидеть свое отражение. Прямо перед ним красовалась витрина. Клик-клак, клик-клак, клик-клак прощелкали его сапожки по асфальту, говоря о силе, силе, силе, силе, — и представ перед витриной, он увидел,

как в ней вырастает знакомая фигура, широкоплечая, раскованная, спокойная и красивая. Господи, до чего я хорош, тихонько сказал он про себя, а затем — эх, еще бы бабок раздобыть! Иначе зачем тебе все это?

И тут он вспомнил.

Когда он прибыл в «г"стиницу», у которой не было не только названия, но и буквы «О» на вывеске, почувствовал всю абсурдность ситуации — он, богатый, уверенный в себе, классный парень должен останавливаться в таком безымянном запущенном заведении. Перепрыгивая через две ступеньки, он поднялся по лестнице в крохотную спальню, куда, не медля ни секунды, втащил большой пакет. Разорвав коричневую обертку, он бросил на кровать черно-белую вьючную сумку.

Скрестив руки, он сделал шаг назад, с восхищением глядя на нее. Красота этого предмета не переставала потрясать его. Черный цвет переходил в непроглядную тьму, а белый слепил его, и вся она была такой мягкой и чудесной, что обладать ею было тем же самым, что держать в руках подлинное чудо. Он отряхнул ладони от пыли и тщательно стер масляное пятнышко с одной из них. На самом деле его не было, но он не хотел допустить даже возможности, что на его руках окажется грязь.

Теперь Джой занялся выкладыванием остальных сокровищ, приобретенных им за последние несколько месяцев: шесть новеньких ковбойских рубашек, новые брюки (черный габардин с черными же шерстяными вставками), пара белья, носки (полдюжины, все еще в целлофановой упаковке), два уже завязанных шелковых галстука, серебряное кольцо от Хареса, восьмиканальный транзистор, купленный в Мехико-сити, который чисто брал музыку, новая электрическая бритва, четыре блока «Кэмела» и несколько фруктовой жвачки, туалетные принадлежности, пачка старых писем и так далее.

Затем, приняв душ, он вернулся в комнату, чтобы собраться в дорогу. Выскоблившись новенькой электробритвой, он тщательно вычистил ее, прежде чем засунуть в сумку; сполоснув лицо, освежил подмышки и промежность «Водой Флориды»; выдавив каплю «Брай-крема» величиной в никель на свои шатеновые волосы, придал

им почти черный цвет; освежив вкус во рту фруктовой резинкой, сплюнул ее; специальной мазью для кожи отполировал новые сапожки, натянул свежую семидолларовую рубашку (черная, с белыми полосками, она сидела на его стройной широкоплечей фигуре, как вторая кожа), украсил горло голубым шейным платком, завернул обшлага брюк, туго обтягивающих бедра, так, что при каждом шаге то и дело выглядывали носки ослепительно-желтого цвета и наконец натянул на плечи мягкую кремовую кожаную спортивную куртку, такую удобную и мягкую, что она казалась живой.

Наконец Джой мог оценить результаты своих стараний. Приводя себя в порядок, он не мог окинуть себя взором во всей цельности. Он позволял уделять внимание лишь тому участку лица, по которому гуляла бритва, или же завитку напомаженных волос, который укладывал с помощью гребенки. Он не хотел лишаться радости сразу же увидеть себя с головы до ног. Определенным образом он напоминал хлопотливую мамашу, которая готовит своего ребенка к встрече с важным лицом, от решения которого будет зависеть судьба дитяти и поэтому, когда все было в порядке и настал миг насладиться конечным эффектом, вместо этого Джой Бак повернулся спиной к зеркалу и, отойдя от него, повел плечами, чтобы скинуть напряжение, сделал пару глубоких вздохов, поднимая диафрагму, и несколько раз присел до хрустов в коленях. Теперь он мог придать себе небрежную раскованность, которая, с его точки зрения, придавала ему привлекательность и стала уже привычной для него — вес тела на одной ноге, перед глазами облик хорошенькой девочки, которая с обожанием смотрит на него, а он уголком рта усмехается ей, как многоопытный сдержанный мужик; теперь закурить «Кэмел», перекатить его в угол рта и засунуть большие пальцы за низко спущенный военный ремень с широкой пряжкой. И наконец, готовый к непредвзятому взгляду на себя, он резко повернулся к зеркалу, словно кто-то скрывающийся за стеклом, неожиданно выкрикнул его имя:«Джой Бак!»

В этот день своего путешествия Джою больше всего понравилось то, что предстало его глазам: смуглый обаятельно-опальный дьявол, которого он с удивлением увидел в грязноватом зеркале этой «г"стиницы». За спиной

собственного отражения он увидел потрясающую сумку, лежащую на кровати, а в кармане брюк чувствовал плоскую пачку денег, двести двадцать четыре доллара — больше, чем когда-либо у него было. Он ощущал радость обладания тем, что его окружает, — словно обтянутый новой кожей, покачиваясь на каблучках новых сапожек, хозяин своих сил и способностей, источник всей этой красоты, которая придавала ему несокрушимую уверенность, обладатель билета, который в будущем вознесет его к блистательным вершинам, — он был вне себя от счастья. В недавнем прошлом из зеркала на него постоянно смотрело испуганное, растерянное и одинокое существо, вечно недовольное само собой, но теперь его не существует: оно окончательно исчезло, ибо Джой обрел новый облик. Он не мог добавить ни одной черточки к представшему перед ним великолепию без того, чтобы не нарушить это чудо совершенства, и ему казалось, что если он окончательно поверит в выпавшее на его долю невероятное счастье оказаться здесь, в это время и в этом месте, то просто разрыдается и волшебство исчезнет.

Так что ему оставалось лишь собрать свое имущество и покинуть «г"стиницу».

Над входом в кафе «Солнечное сияние» было большое желтое изображение предмета, давшего ему название, с накладными цифрами — от двадцати до семи и надписью на фоне часов «Время перекусить».

Оказавшись пред этим заведением, он увидел себя в следующей сцене:

Итак, он заходит в «Солнечное сияние». Его хозяин, розовощекий человечек в засаленном сером пиджаке, стоит на пороге, держа в правой руке карманные часы и покачивая указательным пальцем левой перед носом у Джоя: «Мы работаем только до четырех часов, понял?» — кричит он. Посетители прекращают есть и поднимают глаза. Джой берет человечка за ухо и мимо удивленных клиентов ведет его в мойку. Повара, официантки и посудомойки останавливаются и смотрят, как Джой ведет розовенького управляющего к посудомоечной машине. Тем временем Джой небрежно закуривает, и ставит ослепительно блестящий сапог на груду тарелок.

Затем, выпустив клуб дыма, он говорит: «Эта моечная машина мне чертовски не нравится. Она давным-давно раздражает меня. Так оно и есть. Интересно, годится ли она или нет, чтобы засунуть туда твою задницу? Ну-ка наклонись». — «Что? Что? Наклониться? Да ты что, сумасшедший?» — протестует человечек. В молчании Джоя чувствуется опасность, и он мрачно смотрит из-под темных бровей: «Никак ты назвал меня сумасшедшим?» — наконец говорит он. «Нет, нет, я только хотел...» — «Наклоняйся, — говорит Джой. Человечек наклоняется, и Джой видит, как из кармана у него вылезает пачка денег. — Считаю, что я вполне заслужил эти деньги, — говорит он, вытаскивая купюры: — Ну и плюс еще небольшие чаевые». Небрежно сунув пачку денег за отворот рубашки, он выходит оттуда, и все, широко раскрыв глаза, потрясенно смотрят на него. Но никто не осмеливается встать у него на пути или как-то помешать ему. Даже спустя несколько дней человечек для пущей безопасности ходит, согнувшись в пояснице.

Это все он видел в своем воображении. А вот что на самом деле имело место.

Цокая каблучками, он пересек улицу, толкнул вращающуюся дверь и, оказавшись внутри кафе, пронес свой новый облик мимо столиков к двери, на которой было написано «Только для персонала». За дверью воздух уже не кондиционировался, и тут было душно и жарко. Он миновал еще одни двери, которые вели в моечную. Цветной мужчина средних лет наполнял поднос грязными тарелками. Джой понаблюдал, как он, заполнив поднос, поставил его на ленту конвейера, который унес груду грязной посуды в моечную машину. Затем он улыбнулся Джою и кивнул на ряд стоящих на полу проволочных корзин с грязной посудой.

— Ты смотри, сколько дерьма, а? — сказал он.

Джой остановился рядом с ним.

— Слышь, я вроде бы в самом деле двигаюсь на Восток. — Он закурил.

Мужчина глянул на сумку Джоя.

— И на работу больше не выйдешь?

— Не-а, думаю, что нет. Я просто зашел попрощаться, сказать тебе, что двинусь на Восток.

— На Восток?

— Ага. Ну да, черт возьми. Вот захотелось попрощаться и глянуть на все вокруг.

Открылась дверь, и на пороге с криком возникла толстая женщина с лоснящимся лицом: «Чашки!» — заорала она на пределе голоса и исчезла, захлопнув двери.

Цветной протянул ему руку.

— Ну, что ж. Пока. — Они обменялись рукопожатием, и какое-то мгновение Джою не хотелось отпускать его руку. Совершенно неожиданно его потянуло надеть передник и приступить к работе, но об этом не могло быть и речи.

— Черт возьми, чего я тут забыл, верно?

— Это верно, — сказал мужчина, глядя на свою руку, которую Джой все не выпускал. — А чем ты собираешься заниматься на Востоке-то?

— Женщинами, — сказал Джой. — Они за это платят.

— За что платят? — Мужчина наконец высвободил свою руку.

— Мужики там, — объяснил Джой, — большей частью педики, и поэтому бабам приходится платить за то, что им надо. И они только рады, потому что лишь так получают то, в чем нуждаются.

Цветной покачал головой.

— Должно быть, там все с ума посходили. — Он взял очередной пустой поднос и стал заставлять его чашками.

— Ну да, посходили. А я собираюсь за это получать наличными. Что, не так?

— Не знаю. Я ничего не знаю на этот счет.

— Что ты имеешь в виду? Я же только что все тебе растолковал.

— Ну да, ясно, но я все равно в этом ничего не понимаю.

— Ну ладно, нет смысла и дальше болтаться здесь. Пора двигаться. Ясно?

Джой Бак, ковбой с головы до ног, внезапно понял, что никакой он не ковбой с раззявленым ртом, в котором виднелись большие неровные белые зубы, он стоял, уставясь голубыми глазами в лицо старика. «Папа, — словно говорил его взгляд, — я отправляюсь в поисках счастья и пришел к тебе за благословением». Но, конечно же, этот бедняга-цветной не был его отцом. Да и сам Джой не был ничьим сыном. Так что он просто вышел из мо-

ечной. Заведение еще должно было ему плату за день работы, но у него не хватило бы духа вести об этом разговоры с розовощеким человечком, который был управляющим «Солнечного сияния». Никогда он не сможет засунуть его задницу в моечную машину.

Пройдя через помещение кафе, он вышел на тротуар, окунувшись в чистый и свежий воздух весеннего вечера, и очень скоро четкое клацанье каблучков подняло его дух и привело в хорошее настроение, когда он направлялся на автобусную станцию; чувствовал теперь он себя великолепно, и мысли его были в тысяче миль отсюда: он прогуливался по Парку-авеню в Нью-Йорке. Богатые леди толпились у окон, чуть не падая в обморок от желания увидеть настоящего ковбоя. Бармены похлопывали его по плечу; лифты, журча, возносили его к пентхаусам, и золотые двери открывались перед ним, приглашая его в апартаменты, от стены до стены устланные мягкими коричневыми коврами. Перед ним предстала мадам, поддерживая коротенькую сползающую черную комбинацию. При виде Джоя Бака дыхание у нее прервалось. Она была потрясена. Содрогаясь всем телом от наслаждения, она опустилась на мягкий ковер. Опьяняющая влага ее женственности уже была готова встретить его. Не было времени даже раздеться. Он взял ее сразу и решительно. Дворецкий протянул ему торопливо заполненный чек с пустой графой суммы, предоставив ему возможность вписать туда столько, сколько заблагорассудится.

В Хьюстоне на вокзале стоял музыкальный ящик. Когда Джой сел в автобус, он услышал призывный и звучный голос полногрудой женщины с Востока, которая пела о «колесах фортуны, которые кружатся, кружатся, кружатся»; и ему казалось, что женщина поет, обращаясь лично к нему. Пробираясь по проходу, он криво улыбался, обнажая щербатые зубы, тая в себе то, для выражения чего у него не было слов: когда удается ухватить время за хвост, у человека появляется ощущение, что весь мир принадлежит ему, и когда это происходит, раздается этакий щелчок — клик! — и когда затем ты слышишь, например, музыкальный ящик, он играл только то, что ты хочешь услышать, и все вокруг, даже ав-

тобусы «Грейхаунд», подчиняется твоей воле — вот идешь ты на станцию и говоришь: «Во сколько отходит автобус на Нью-Йорк?», а тебе отвечают: «Сию секунду», и тебе остается только залезть в него, и все идет, как надо. Весь мир плывет на волнах музыки, а ритм ей задаешь ты. Тебе не нужно даже прищелкивать пальцами, потому ритм и так живет в тебе, и когда ты думаешь об этих бабах с Востока, ящик заканчивает песню словами, которые так и крутятся у тебя в мозгу: «Томлюсь по тебе, томлюсь, томлюсь» — вот чем они занимаются на Востоке. (О'кей, вот он я, леди, только что залез в автобус и мчусь к вам.) Вот и сиденье для тебя, даже два, одно для задницы, а второе, чтобы вытянуть ноги, и больше тебе ничего не надо, потому что и так весь мир принадлежит тебе, и как только закидываешь свою вьючную сумку на полку над головой, водитель включает газ и двигается с места секунда в секунду. Все идет точно по расписанию, может и не с точки зрения компании «Грейхуанд», но для тебя. Потому что т ы и никто другой определяет его и потому что автобус все же е д е т.

2.

Когда Джой Бак решил с помощью автобуса компании «Грейхаунд» перебраться с Запада на Восток в поисках счастья, ему уже минуло двадцать семь лет. Но несмотря на свой возраст, он обладал жизненным опытом, присущим восемнадцатилетнему или даже меньше того.

Воспитывали его несколько блондинок. Первые трое, с которыми он жил до семи лет, были молодыми и красивыми.

Хозяйство у них было беспорядочное, вечно к ним кто-то приходил и уходил, и Джой никак не мог разобраться, кто к кому приходил. Время от времени кто-то из блондинок принимал на себя роль его матери, но позже он понял, что двое из них были просто ее подружками, с которыми его настоящая мать вела общее хозяйство. Но блондинки хорошо относились к нему, позволяли ему делать все, что он хочет, дарили подарки и часто возились с ним. Кто-то из них, слоняясь по дому, постоянно напевал «Смотри, дитя мое домой вернулось», «Напевы вереска», «Леди в красном», «У него пара серебряных крыльев» и другие. Вспоминая эти дни, Джой неизменно предполагал, что певица и была его настоящей матерью.

Началась война, и блондинки оказались втянутыми в нее. Уходя из дома, они натягивали неуклюжие штаны, заматывали головы платками, которые назывались странным именем «бабушка» и таскали с собой коробки с ленчем. Порой они путешествовали между Хьюстоном и Детройтом на автобусах, и Джой припоминал, что ему доводилось жить в этих городах. В любое время в доме показывались мужчины в военной форме, которые проводили в нем время, а потом исчезали. Некоторые из них именовались мужьями, но Джой не помнил, чтобы кого-то из них представляли ему в качестве его отца. (Лишь позже он стал подозревать, что рожден вообще вне брака.)

В один прекрасный день, который запомнился ему белесым от жары небом, он был переправлен к четвертой блондинке в Альбукерк, Нью-Мехико, и отныне ему уже никогда не довелось увидеть остальных трех. И когда он вспоминал о них, то первым делом видел то белесое небо и женщину со светлыми волосами, чей облик таял на фоне неба.

Четвертой блондинкой оказалась его бабушка, тощее костлявое и глупое маленькое существо по имени Салли Бак. Но несмотря на свою костлявость, она была симпатичнее, чем вся остальная троица, вместе взятая. У нее были огромные серые глаза с густыми черными ресницами, а вид ее шишковатых бедных колен мог вызвать слезы. И если созерцание какой-то части тела любимого существа могло вызвать такую глубокую печаль, то для Джоя это были костлявые, бедные и печальные коленки Салли Бак. Салли содержала косметический салон, который требовал ее присутствия десять, а то и двенадцать часов в день, так что мальчику, к сожалению, приходилось добрую часть времени после школы проводить в компании самых разных женщин, очищавших кожу лица. Среди них никогда не встречалось блондинок; они никогда не носили платья светло-зеленого или лимонного цвета, не говоря уж о лавандовом; они практически

никогда не обращали на него внимания, а если им и случалось бросить на него взгляд, то он замечал, что у них почти не было видно ресниц.

По воскресеньям было не лучше. Салли, как правило, отправлялась на свидания. Она испытывала слабость к мужчинам, особенно к приезжим, многие из ее избранников обитали на фермах и носили стетсоны. Эти огромные широкоплечие мужики с просторов Запада, с выдубленными лицами, просто сводили с ума обаятельную малышку Салли. Она была такая тонкая, хрупкая, благоухающая, у нее всегда были наманикюрены ногти, а они были образцами мужественности, обтянутые дубленой кожей, под которой так и ходили мускулы, и этот контраст приятно возбуждал обоих. Порой она брала Джоя с собой на эти свидания, которые ему страшно нравились, и он прямо обмирал от восторга при виде этих мужиков, но только один из них уделил ему больше, чем беглое внимание.

Этого человека звали Вудси Найлс. Борода его отливала синевой, у него были блестящие глаза; он учил Джоя, как седлать лошадей и как делать рогатки, а так же как жевать табак и курить сигареты или как держать свой петушок, чтобы струйка вздымалась выше головы. Вудси Найлс принадлежал к тем счастливчикам, которые умеют получать удовольствие от всего, что они делают, даже от простой ходьбы. Да, двигался он так, словно не сомневался, что каждая минута жизни должна приносить наслаждение, и он извлекал его даже из простых действий, как, скажем, пройти по комнате или открыть ворота кораля. Он, этот Вудси Найлс, к тому же знал массу песен и постоянно напевал их приятным мужским голосом, аккомпанируя себе на гитаре, а когда они проводили ночи у него на ранчо, Джой порой просыпался часа в три ночи от песен, которые доносились из спальни, где располагались Вудси Найлс и Салли. Мальчик всегда подозревал, что Вудси бодрствовал по ночам, ибо чувствовал в себе такую мощь и такую полноту жизни, что не мог проводить время просто во сне и изливал ее в слаженном хоре из двух человек, исполнявшем «Последний круг». А затем он начинал все сначала, от чего Салли восторженно хихикала, а когда он доходил до того куплета, где говорилось о местечке на небе, откуда

берут начало радуги, Джой уже был захвачен волнами блюза, и ему было так хорошо, что только усилием воли он удерживал себя от желания присоединиться к этим чудесным людям в спальне. И это было первое, что Джой понял из того, как надо вести себя с женщиной в постели: ты должен петь ей песни. Прекраснее этого, ему казалось, ничего не было, и больше того, им подпевал весь дом.

Но Салли неизбежно должна была расстаться с этим выдающимся человеком — как рано или поздно она поступала со всеми остальными — и Джою оставалось лишь вспоминать его, как исчезнувшего отца. Но именно во время общения с Вудси Найлсом Джой стал считать себя чем-то вроде ковбоя.

Отдав время личным делам, по воскресеньям Салли суматошно собирала ребенка для похода в церковь. Воскресное утро больше всего нравилось ей оттого, что предоставляло возможность показаться на людях, продемонстрировать новый наряд. Ибо, проводя почти все время в своем заключении, Салли, например, практически не имела возможности покрасоваться в новой шляпке. И мальчик прекрасно смотрелся рядом с ней; все в голос так и говорили, что они выглядят как мать и сын, и Салли предавалась иллюзии, что становится моложе на целое поколение.

Но для Джоя эти посещения церкви запомнились совсем по другой причине: после службы взрослые удалялись отпить кофе с рогаликами в подвальном этаже церкви, а молодежь собиралась в воскресной школе наверху. На этих занятиях Вудси Найлс в восприятии Джоя и уступил свое место Иисусу Христу. Молодая леди с теплыми добрыми глазами, в которых светились искорки смеха, убедила его, что Иисус любит его. Над доской в классе висела картина, изображавшая Иисуса, гуляющего в сопровождении мальчика. От мальчика был виден только затылок, но Джой не сомневался, что там изображен он сам. Звучали песни, слова которых говорили, как Иисус гуляет с ним, разговаривает с ним, с Джоем, заверяя его, что он принадлежит только Ему и никому больше. А как-то молодая леди-учительница рассказала о событиях той ужасной пятницы, что выпала на долю этого доброго бородатого человека, а потом дала ему

маленькую раскрашенную картинку, которую ему было позволено взять с собой. Иисус смотрел прямо на него, и глаза его говорили: «Должен сказать тебе, что мне достались ужасные страдания и жизнь порой была невыносима, но как здорово, что у меня в друзьях есть такой ковбой, как ты». Что-то такое. Что-то, внушившее Джою глубокое личное убеждение, что страдание, читающееся в этих глазах, имеет к нему отношение и в свое время ему выпадет счастье смягчить его. Изучая картинку, он пришел к выводу, что, если Иисуса чисто побрить, он будет здорово смахивать на Вудси, и он продолжал изучать изображение в поисках остального сходства. Несколько ночей подряд он, поставив картинку с Иисусом на письменный стол, клал рядом с ней пачку жевательного табака и несколько сигарет «Кэмел» и каждое утро исправно проверял, приходил ли кто-нибудь ночью пожевать табак или покурить. Никого не было. И вскоре он окончательно потерял уверенность, что есть хоть кто-то, кто будет гулять с ним, говорить и объяснять ему, что он принадлежит только Ему. Иисус присоединился к людям, которые навсегда ушли из жизни Джоя: теперь он был на небе вместе с тремя блондинками и Вудси Найлсом.

Если уж зашла речь о любовных делах, в суматохе одного воскресного дня Салли обрела нового избранника, монтера с телефонной станции. Как-то он зашел в ее магазинчик протянуть проводку, и его широкий кожаный пояс, оттянутый сумками с инструментами, лежал низко на бедрах. Увидев его, Салли вытаращила глаза, и когда ему настало время возвращаться к своему грузовичку, монтер уже попал под обаяние чар этой маленькой симпатичной сероглазки.

Затем настал год, в течение которого Джой почти не видел свою бабушку. В сущности, он вообще мало кого видел. На пороге четырнадцатилетия им овладело полное равнодушие ко всему и апатия, а после Дня Благодарения он вообще отказался ходить в школу. Он был уже не в силах прилагать усилия, чтобы ходить туда и бодрствовать на уроках. Несколько ребят, схожих по характеру с Джоем, столь же нерасположенных к разговорам, в этом году тоже ушли из школы. Некоторые ударились во что-то, смахивающее на светскую жизнь,

но, поскольку Джой никогда не имел к ней отношения, она его не привлекала. Никто не питал к нему недоброжелательства, но, с другой стороны, никто и не обращал внимания. Для всех он был просто парнем с большими передними зубами (порой его так и называли — Кролик Бак), одним из тех, кто редко разговаривает, никогда не делает уроков и всегда пристраивается у задней стенки. Время от времени в салон к Салли заглядывал дежурный учитель, вылавливающий прогульщиков, но его посещения не влекли за собой никаких действенных последствий ни с ее стороны, ни с их, и Джой оставался предоставленным самому себе. Вставал он обычно к полудню, причесывал волосы гребешком, выкуривал сигаретку, ел хлеб с ореховым маслом и сардинкой и садился в комнате Салли у телевизора просматривать тысячи метров кинопленок. Просыпаясь, он включал телевизор, который кончал работать далеко за полночь. Все остальное время он чувствовал себя смущенным и растерянным. Ему было жизненно необходимо постоянно лицезреть образы на экране и, главное, впитывать в себя звуки, которые они издают. Его собственная жизнь, в сущности, проходила в безмолвии, и ему казалось, что в тишине есть что-то угрожающее: за ее покровом крылись враги, которых могли спугнуть только звуки.

К тому же в Ти-Ви было полно блондинок, и каждая из них чем-то смахивала на тех, которые когда-то принадлежали ему. В каждом почтовом дилижансе, в каждом фургоне и салуне, не говоря уж о магазинах, если хорошенько присмотреться, можно было заметить блондинку: распахивались двери, или раздвигались занавеси — и представала Клэр Тревор, или Барбара Стануик, или Констанс Беннет. А что там за стройный человек в седле, который щурится на солнце, и квадратная его челюсть говорит, что он поклонник справедливости и благородства, — он прямо олицетворение силы, мощи и целеустремленности, напоминая всех мужчин от Тома Микса до Генри Фонды? Да никак это сам Джой Бак.

Удивительная штука случилась с ним, пока он сидел, опьянясь телевизором. Потихоньку-полегоньку, день за днем, шаг за шагом он начал становиться таким же вы-

соким, сильным и симпатичным как ковбои из Ти-Ви. Однажды, когда наступавшее лето клонилось к закату и Джой пошел поплескаться в реке, он вдруг глянул на себя и обнаружил, что обрел тело настоящего мужчины. Выкарабкавшись на берег, он оглядел себя, и под гусиной кожей и грязью, покрывавшей икры, он увидел сильные мужские ноги. На руках его и теле прорисовывались пучки крепких мышц, а на груди и в низу живота появилась темная волосяная поросль. Его потрясло это открытие, и он помчался на велосипеде домой, чтобы внимательно изучить себя перед большим зеркалом в спальне Салли. Он обнаружил, что его лицо тоже изменилось: черты заострились и приобрели жесткую определенность и даже губы увеличились, прикрывая его большие зубы так, что их щербатость скрылась из виду.

Он был настолько обрадован представшим перед ним зрелищем, что решил принарядиться и продефилировать мимо соседей, предполагая, что они так же обратят внимание на происшедшую с ним перемену и оценят ее по достоинству. (Никто ее и не заметил.) Он остановился у магазинчика Салли.

— Господи, — сказала она, — дорогой, ты просто ужасно выглядишь, ты вырос из этой одежды!

— Нет, — возразил он, — она не стала меньше, чем была.

— Стала, стала, — сказала она и дала ему деньги, чтобы обновить гардероб.

Позже в тот же день Джой уже торжественно прохаживался по улицам Альбукерке в светло-голубых брюках, оранжевой спортивной куртке и ботинках бычьей кожи с подковками на каблуках.

Салли сказала, что цвета несколько дисгармонируют друг с другом, «но ты в самом деле стал очень мил, и не пора ли тебе обзавестись девушкой?»

Дома, уставившись в зеркало, пока у него не стали слезиться глаза, он пытался понять, в чем же причина столь радостного преображения. Перед ним во всей своей красе стоял совершенно новый человек, но представшее перед ним чудо стало обволакиваться пеленой грусти, а восторг стал испаряться, уступая место сожалению. И внезапно он понял, в чем дело. Ибо в этот день он понял

ужасную вещь: проснувшись, он ощутил свое одиночество.

Не избалованный дружбой, Джой не представлял, как вести себя в подобной ситуации. Обычно он действовал таким образом: найдя человека, который ему нравился, он просто болтался рядом с ним в надежде, что дружба вспыхнет сама собой. Так он пробовал подступиться к вдове лавочника, двум ребятам на бензозаправке, девочке, которая выписывала счета в аптеке, старому сапожнику-эмигранту, швейцару в кинотеатре «Уорлд-муви». Но они никак не могли понять, что ему нужно. Постепенно ему становилось ясно, что разговор был непременным элементом знакомства, но говорить Джою было нечего, а в тех редких случаях, когда он выдавливал из себя несколько слов, слушатели, как правило, не обращали на него внимания, и все его усилия уходили впустую. Он явно был не из разговорчивых. Лучше всего у него получалось разговаривать с Салли, но и с ней темы разговоров быстро исчерпывались. Например, когда он сидел на краю ванны, наблюдая, как она раскрашивает себя перед зеркалом; большей частью ее внимание было настолько направлено на то, чтобы скрыть на лице следы последних двадцати лет, что для внука у нее почти ничего не оставалось.

Когда ему вот-вот должно было минуть семнадцать, тоска его по раскованному общению с миром стала настолько непреодолимой, что в один прекрасный вечер Джой направился в «Уорлд-муви», где его ждало краткое, ужасное и невыразимо приятное свидание с девушкой по имени Анастасия Пратт.

3.

Хотя ей было всего лишь пятнадцать лет, Анастасия Пратт уже была живой легендой среди молодых людей Альбукерке. Такие легенды редко основываются лишь на фактах: в ее создании немалую роль играло воображение. Но поведение Анастасии Пратт с тех пор, как ей минуло двенадцать, превосходило всякое воображение: никакое вранье не могло превзойти то, что имело место на самом деле.

Ее знали под именем Лихая Анни, имея в виду, что

она всегда была готова добросовестно обслужить любое количество ребят, у которых имелось лишь полчасика свободного времени, и ее тело было к их услугам.

За серебряным экраном кинотеатра «Уорлд-муви» была большая комната, в которой были свалены старые портьеры и ливреи швейцаров, хранились полотенца и запасы мыла, а так же прочее имущество и оборудование. В одном углу громоздились коврики и дорожки, оставшиеся после очередного ремонта и переоборудования кинотеатра. Именно в этом углу легенды об Анастасии Пратт воплощались в действительность. Впрочем, столь же исправно она трудилась в гостиных, спальнях, в припаркованных машинах, гаражах, вечерами на школьных дворах и даже под открытым небом, когда хорошая погода позволяла уезжать в пустыни, окружающие Альбукерке. Но чаще всего и больше всего Анастасию использовали на этой куче ковриков в кладовке «Уорлд-муви».

Ее нельзя было назвать ни хорошенькой, ни уродливой, она выглядела совершенно ординарной школьницей, настолько обычной, что, учитывая ее поведение, эффект, производимый ее внешностью, просто ставил в тупик. Она носила юбочку, блузки, свитеры, носочки до лодыжек и сандалики. Ее волосы орехового цвета были собраны назад и заколоты на затылке. Откровенно говоря, косметики она не употребляла, только чуть выщипывала брови и иногда пускала в ход бледную губную помаду. Днем можно было видеть, как она направляется в школу и возвращается из нее, неся книги под мышкой, и на лице ее не было и следа тех забот, которые могли посещать эту юную особу с широко открытыми невинными глазами. И если вы не знали о ее второй жизни, у вас не было ровно никаких причин еще раз оглядываться на Анастасию Пратт. Но, обладая таким знанием, контраст между тем, что вы себе представляли и что видели на самом деле был просто потрясающим. Один юноша считал, что она Джекилл и Хайд женского рода[1].

Несмотря на славу, которой пользовалась девушка,

1 Намек на повесть Р.Стивенсона о докторе Джекилле и мистере Хайде, когда один и тот же человек выступал в двух ипостасях — воплощение зла и олицетворение добра.

было, как минимум, три человека, которые ни о чем не догадывались. Двое из них, конечно, были родителями девочки: отец — мрачный, раздражительный и работящий кассир в местном банке и мать — женщина с тонкими поджатыми губами и бегающими глазками, игравшая на пианино в Истинной Церкви. До вечера этой октябрьской пятницы третьим несведущим оставался Джой Бак.

Они встретились у фонтанчика рядом с кинотеатром. Джой вежливо отступил в сторону и предложил ей напиться. Сделав глоток, она с благодарностью взглянула на него и улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ.

— Не хочешь ли посидеть со мной? — сказала она.

Они сели рядом примерно в третий ряд с конца прохода. Анастасия тут же прижалась коленом к ноге Джоя и стала провокационно взвизгивать. Как-то само собой получилось, что они стали держаться за руки. Но как только Джой начал волноваться из-за потеющих ладоней, она притянула его руку, чтобы он погладил ее по бедру. Затем девочка откровенно пустила в ход свою руку, чтобы убедиться, насколько далеко зашло его возбуждение. Выяснив, что положение дел ее вполне устраивает, она развернула его лицом к себе и попросила, чтобы он поцеловал ее. Джой отнюдь не собирался отказываться от приглашения; при всем своем возбуждении он просто не думал об этом, но в ее требовании была такая настойчивость, такое отчаяние, что, когда он поцеловал ее, девочка с такой страстью впилась губами в его рот, словно хотела высосать из него все жизненные соки. Он почувствовал себя, словно к нему приникло смертельно раненное в катастрофе существо, теряющее последние остатки жизни.

В проходе показалась компания ребят, которые сели сзади Джоя и Анастасии Пратт.

— Иисусе, да никак это Анастасия Пратт, — сказал один из них.

— Ты шутишь,— сказал другой.

— А что это за парень? — осведомился третий.

— Он целует ее.

— Эй, смотрите, кто-то целуется с Анастасией Пратт.

— Кто это? Что это за парень, который целует Анастасию Пратт?

— Эй, Анни, кого ты подцепила?

Повернувшись, Анастасия взвизгнула:

— Заткнитесь! Прошу вас, замолчите. Не мешайте мне, ясно?

— Не мешать тебе? Давай я тебе помешаю.

— Иди-ка к нам, Анни.

— А как насчет меня, Анни? Давай-ка я разок разложу тебя на спинке сиденья!

Джой не понимал, что происходит. Пару раз он видел, как в этом кинотеатре обнимались парочки, но старался проскользнуть мимо них. Он был испуган и смущен. Наверно, при своей неопытности он сделал что-то не так, но не имел ни малейшего представления,что именно, и еще меньше он представлял, как вести себя в такой ситуации.

Один из компании встал и, перегнувшись через сиденье, узнал Джоя Бака, потому что они вместе ходили в школу в младших классах.

— Эй, да это же Джой Бак, — оповестил он, садясь на место.

Джой не узнавал голоса за спиной, но побоялся повернуться.

— Эй, Джой, — позвал его один из компании, — так как ты целовался с Анастасией Пратт, беги в аптеку и прополощи рот. Я не шучу. Она уже перетрахалась со всем Альбукерке. — В голосе не было враждебности, он был на самом деле дружелюбным и озабоченным. Наконец Джой повернулся и узнал смуглого мальчика-итальянца, которого он помнил еще со школы. Звали его Бобби Десмонд.

Анастасия Пратт вскочила с места и кинулась по проходу. Компания поспешила за ней. Прежде чем присоединиться к остальным, Бобби Десмонд нашел время похлопать Джоя по плечу и сказать:

— Давай!

Встав, Джой последовал за остальными. У задней стенки уже стояли шестеро ребят, все из старших классов, закрывавших выход.

Анастасия похныкала, пытаясь протолкнуться среди них. Высокий, тощий, громогласный блондин, усеянный прыщами, сказал:

— Слушай, Анни, там наверху Гарри Амбергер, и он прямо умирает от желания увидеть тебя.

— Его там нет, — сказала Анастасия, но в глазах ее читался вопрос: неужели он в самом деле там?

— Да ладно, он там. Ну ладно, пусть нет. Пойду скажу ему, чтобы он исчез.

— Нет, нет, я имела в виду, что его в самом деле нету, — сказала Анастасия.

И затем все они двинулись обратно вниз по боковому проходу — шеренга ребят и Анастасия Пратт, направляясь к красному сигналу, показывавшему выход с левой стороны экрана. Джой, следовавший за Бобби Десмондом, замыкал шествие. Когда он опустил занавеску, прикрывавшую выход, он услышал, как какая-то голливудская дама на экране говорит: «Говорю тебе, мы совершенно не можем контролировать положение дел. Единственная надежда на то, что ничего не случится».

Поднявшись по шатким ступенькам, все они очутились в кладовке. Кто-то включил свет.

— Где же он? — сказала Анастасия. — Где Гарри Амбергер?

Высокий светловолосый мальчик, которого звали Андриан Шмидт, сказал:

— Вон там на ковриках, Анни, на ковриках. — Он повернулся лицом к углу и крикнул: — Привет, Гарри, Анастасия пришла.

— Все ты врешь, — сказала она. — Это просто ловушка. Чтобы затащить меня сюда. Знаю я вас. — А затем она позвала: — Гарри? Гарри! Если ты здесь, скажи что-нибудь.

Искусственно усиленный голос женщины сказал:

— А теперь задуй свечи, дорогая и пожелай себе что-нибудь!

— Нет! — ответил ей голос девочки, — Мы еще не спели «Со счастливым днем рождения!» — С экрана раздались веселые крики, и хор голосов запел «Счастливого дня рождения».

— Я хочу уйти отсюда, — сказала Анастасия, но тут же выяснилось, что дверь закрыта. Потому что все в комнате, кроме Джоя, не сомневались, что она и не собиралась уходить.

— Я не верю вам, что он здесь, — сказала Анастасия, — но все же я сама посмотрю.

Андриан Шмидт, раздевшись, уже лежал в углу на ковровых дорожках, возбуждая себя, и все остальные ребята тоже стали раздеваться, и вот уже Анастасия Пратт легла там же и, стягивая с себя штанишки, нахально требовала, чтобы «сначала было красиво, а то ничего не будет». Андриану Шмидту было сказано, что ему придется ждать самым последним в наказание за его вранье о Гарри Амбергере. Но она с самого начала знала, что тут не было никакого Гарри Амбергера. Он еще три года назад уехал в Беттл Крик, штат Мичиган, и всем это было известно.

Пока молодой человек усиленно трудился над ней, Анастасия лежала совершенно спокойно, повернув голову, покусывая ногти; она совершенно не обращала внимания на происходящее. Она напоминала обреченного ракового больного, получающего порцию облучения и знающего, что помочь оно ему уже ничем не может, но тем не менее, пусть его...

— Пошевеливайся, — сказала она одному из них, — ты что, думаешь, я всю ночь тут буду? — Но на ее слова никто не обратил особого внимания.

Когда подошла его очередь, Джой тоже взгромоздился на нее, и у Анастасии внезапно пробудился интерес к нему — может, потому, что он был для нее новеньким.

Когда она снова отвернула голову, Джой шепнул ей:

— В чем дело?

— Я пыталась прочесть, что тут написано на этих письмах, — сказала она. Рядом с ней валялись какие-то конверты с марками, и, складывая буквы в слова, она пыталась понять, нет ли тут письма и ей.

Кто-то сказал:

— Держу пари, сейчас он ее ц е л у е т , — а Бобби Десмонд остановил его:

— Оставь их в покое.

Третий молодой человек сказал:

— Дайте мне кто-нибудь сигарету.

Андриан Шмидт крикнул:

— Подождите, пока я ее заделаю, я же последний.

Тут Бобби Десмонд сказал:

— Заткнитесь, а то она скрестит ноги и пойдет домой.

Донесся голос старой леди с экрана:

— Нет, нет, ты не должна этого говорить! Это неправда!

Джой шепнул Анастасии Пратт:

— Все правильно?

— Что правильно?

— Ну, вот это...

— Чего ты м е н я спрашиваешь?

Снова послышался голос Андриана Шмидта:

— Чем он там с ней занимается? Чувствую, его пора поторопить. Так полагается. Каждому отводится время. А иначе парень должен, я хочу сказать, просто п л а т и т ь . Верно, ребята? И отныне...

Анастасия Пратт ухватила Джоя за голову и притянула ее к себе. Она стала шептать ему на ухо:

— Ты у меня единственный, ты, только ты, только ты у меня после Гарри Амбергера, это ты, честно, только ты, честное слово. Обычно я ничего не чувствую, а ты, честное слово, я хочу сказать, что ты самый лучший. Поцелуй меня. Пожалуйста.

Ее тело под ним начало подавать признаки жизни, а дыхание участилось, словно она взбиралась на самую высокую гору в мире. Чувствовалось, что ей надо было как можно скорее припасть губами к источнику жизни, словно она не могла дышать в таком разреженном воздухе.

Но Джой мог думать только о том, что ему сказал Бобби Десмонд.

— Д а в а й ! — взмолилась она. — Д е л а й ж е !

Лицо девочки было влажным от напряжения, и в сравнении с тем, что произошло с Джоем в эту секунду, все остальное было уже неважно, и он с благодарностью ткнулся в нее ртом, позволив ей извлечь из этого мгновения близости судорожную дрожь, после чего она издала протяжный вопль, словно в апоплексическом припадке. Даже когда все было кончено, Анастасия Пратт не отпускала его. Она тихонько плакала и, лежа на спине, прижимала его к себе как самое лучшее, что у нее есть в жизни.

— О'кей, — сказал Андриан Шмидт. — С меня хватит. С меня, говорю вам, хватит. Считаю до десяти, и

это будет только справедливо, не так ли? То есть, вот я считаю до десяти, а потом... раз, два, три...

Голос другой почтенной голливудской леди произнес: «А теперь не забудь, дитя мое, мы все составляем семью бедной Сары, и как христиане мы обязаны...»

Затем послышался стук захлопнувшейся двери, в двадцать раз громче, чем в жизни.

Анастасия Пратт натянула штанишки, так и не позволив Андриану Шмидту даже дотронуться до нее. Он направился к ней, явно намереваясь дать ей плюху, но остальные ребята оттащили его. Миновав кладовку, она спустилась по ступенькам и пошла по проходу, держа голову до смешного высоко и покачиваясь, словно чуть пьяная.

Когда она миновала знак «выход», с экрана доносилась торжественная музыка, словно провожающая ее во тьму ночи вокруг кинотеатра.

4.

В юности так и тянет пошляться по разным местам. Он никому не мог доверить свои мечты и, боясь, что кто-то о них догадается, придумывал себе какой-нибудь предлог и отправлялся бродить, надеясь на чудо. Или хотя бы на какое-то подобие его.

Джой тешил себя надеждой, что ему удастся войти в компанию ребят, с которыми он делил Анастасию Пратт в кладовке кинотеатра. Но Андриан Шмидт, высокий, белобрысый, прыщавый, нетерпеливый крикун из этой компании жутко поносил Джоя за то, что ему пришлось остаться с носом в тот пятничный вечер. Так что, когда Джой однажды решил прошвырнуться мимо аптеки, которая была местом их сбора, Андриан уставился на него через стекло взглядом, который мог обескуражить кого угодно. Он настроил и остальных (кроме Бобби Десмонда) против Джоя, и, когда однажды он проходил мимо, все они высыпали на мостовую и стали изображать шлепающие звуки поцелуев.

В то же самое время Анастасия Пратт, не в силах забыть Джоя Бака, регулярно прогуливалась мимо его дома. Каждый день после окончания школы ее можно было увидеть здесь, неторопливо бредущей по улице.

Джой украдкой наблюдал за нею из-за высокой портьеры в комнате Салли, отмечая, что она, как ребенок, несет учебники в руках, и его неприятно поразило то равнодушие, с которым она смотрела только перед собой, не замечая, что краем глаза она обшаривает окрестные дома, как взломщик, осматривающий ювелирный магазин.

Как-то она стала обходить все дома на улице: звонила у дверей и предлагала билеты на благотворительную распродажу, которую организовывает Истинная Церковь.

— Ох! — сказала она, изображая удивление, когда Джой Бак открыл ей двери, — а я и не знала, что ты тут живешь. Я просто, то есть, я просто так, ну, наша церковь устраивает лотерею, и я вот тут, ну, там будут разные электрические игрушки, а ты давно тут живешь? То есть, я хочу сказать, не хочешь ли ты купить один, билет, то есть?

Джой смотрел на ее губы, когда она говорила, а потом он отвел взгляд и уставился в пространство, слыша про себя шлепающие звуки поцелуев, которые издавал Андриан Шмидт, и покачал головой — нет, он не хочет покупать билет на лотерею.

Девочка поняла, что он отказывается, но не двинулась с места; лицо ее, обращенное к нему, напряглось, в глубине глаз, наполнившихся влагой, затаилась тревога, и она сказала:

— Ты уверен?

Он кивнул. Анастасия стремительно повернулась и, сбежав по ступенькам, по дорожке направилась к тротуару. Ее ягодицы двигались на ходу туда и сюда, туда и сюда, и при виде их желудок у него сжался, а потом он заметил, какой печали преисполнена ее спина, как грустны и одиноки ее подколенные впадины, и тут он услышал, как довольно громко говорит: «Хм!» Когда она снова повернулась к нему, он сказал: «Не знаю, есть ли у меня мелочь», — и изгиб ее бровей поразил его в самое сердце.

Так что первой женщиной Джоя стала пятнадцатилетняя Лихая Анни Пратт. Они прятались как преступники. Ему было стыдно и за нее и за себя. Он терпеть не мог отвечать ее требованиям, этим отчаянным поцелуям, и тем не менее она нуждалась в нем, и его потрясало, когда она подчинялась ему.

Поскольку он ничем не был занят, у него было много времени для прогулок и размышлений. Сколько бы он ни давал себе обещаний, ее присутствие сводило их всех на нет. Он представлял себе пологую возвышенность ее живота и маленький влажный холмик под ним, и эти мысли, плюс исходящее от нее ощущение полного одиночества, заставляли его чувствовать себя идиотом, когда он вспоминал все свои намерения и обещания.

В один прекрасный день родители Анастасии Пратт получили анонимное письмо, повествующее не только о щедрости, с которой их дочь дарит плотские удовольствия в кладовке «Уорлд-муви», но и о ее встречах с Джоем. Как-то вечером мистер Пратт явился домой с твердым намерением «вышибить душу из этого мальчишки», но, поскольку он был скромного роста и телосложения, все закончилось несколько иначе: он направился в полицию. Джой так никогда и не узнал, что произошло в полицейском участке, но на следующий день Салли позвонила ему из Даунтауна, сказав:

— Все в порядке, мой дорогой, они решили поместить бедную девочку в очень приличное заведение. — «Приличное заведение» в устах Салли Бак было эвфемизмом для обозначения лечебницы для душевнобольных.

Такое завершение карьеры Анастасии Пратт вызвало множество разговоров. Имя Джоя Бака, которое постоянно связывалось с ней, приобрело определенную известность. Истории, которые ходили из уст в уста, далеко не всегда соответствовали действительности. По одной версии, он заставлял ее отдаваться многим другим, желая поправить свое финансовое положение; по другой — она от него забеременела, но все единодушно утверждали, что девочка сошла с ума, потому что он довел ее.

Когда до Джоя постепенно дошло, какой облик он приобрел в городе, он испытал стыд и смущение. Скоро известия о его жизни, побегах с уроков, его лени, его зависимости от бабушки стали наслаиваться друг на друга, вызывая у него острое ощущение собственной никчемности. Он презирал даже мысль о том, что мог бы обратиться к кому-нибудь с просьбой о работе, а поскольку ничего не заставляло его искать ее, он продолжал избегать каких-то занятий. Заведение Салли Бак подверглось ограблению, и теперь она вообще не обращала на него внимания. Тем не менее его безделье, в котором он провел свое девятнадцатилетие, и вот уже ему шел двадцатый год, похоже, не очень волновало ее. Она продолжала снабжать его деньгами, одевать и содержать его и, как обычно, почти не обращала на него внимания. Время от времени он прибирал двор и мыл машину Салли, а как-то покрасил дом и сделал мелкий ремонт на крыше. Время от времени он вступал с кем-нибудь в чисто сексуальные отношения, неизменно испытывая смутное чувство стыда, переходящее в уверенность, что его используют как последнего дурака, и все же надеясь, что одна из таких встреч приведет к подлинному дружескому союзу с кем-нибудь. Типичный случай произошел с Бобби Десмондом. Давно расставшись со своей компанией, Бобби с неделю или около того настойчиво искал общества Джоя: пригласив его покататься на машине, он взял с собой полдюжины пива, с которой они и приехали к нему домой. Как выяснилось, этот молодой человек просто хотел испытать ощущения, чтобы Джой его попользовал, как он пользовал Анастасию Пратт тем вечером в кладовке «Уорлд-муви». Джой, как всегда, полный желания помочь, дал ему возможность приобрести тот опыт, которого Бобби хотел. Но три недели спустя, когда Бобби женился, Джой испытал разочарование, выяснив, что его не пригласили на свадьбу. Все они, и мужчины и женщины, которых привлекало его великолепное тело, были одинаковы: им не приходило в голову обратить внимание, что в нем, в этом теле, обитает Джой Бак.

Где бы он ни появлялся, он ухитрялся создавать о себе впечатление, как о пустом месте. Одинокое детство научило его, что любой день, каким бы он ни был, откроет перед ним лишь чахлую пустошь бытия, на которой негде будет остановиться глазу, и он вечно где-то витал в мыслях, не допуская даже намека на то, что завтра что-то может измениться к лучшему. Даже стараясь удовлетворить какую-нибудь даму и истово желая доставить ей удовольствие, которое могло бы обеспечить ее вечную признательность и преданность, — а именно об этом он и мечтал, когда впервые стал заниматься любовью, — его мысли забегали куда-то далеко вперед,

стараясь представить себе будущую жизнь, которую он мог бы вести с ней.

Таким образом, плывя по течению, Джой достиг своего двадцатилетия, и в жизни его так пока и не случилось ничего, что могло бы заставить его обрести качества настоящего мужчины. Когда ему минуло двадцать три года, правительство призвало его в армию. Он опасался, что не справиться с возложенными на него обязанностями. Так и случилось. Но на первых порах ему удавалось избавиться от тревог, о чем он и писал письма Салли Бак.

«Дорогая Салли!

Похоже, что капралом стать мне так и не удастся — в Колумбусе не очень печет, да и вообще в армии не так уж и жарко, ха-ха — я получил тут водительские права — с новыми корочками вернусь в добрый старый Альбукерке — как у вас там идут дела, быстро или медленно —ну, а меня вечно клонит ко сну, и я делаю то, что мне нравится —

с любовью Джой.

П.С. они тут меня зовут ковбоем».

Это было верно: какой-то сержант при случае назвал его ковбоем и остальные тоже стали так к нему обращаться. Ему это понравилось, и даже ходить он стал по-иному: у него появилась привычка засовывать большие пальцы в задние карманы брюк, словно под тяжестью пояса с пистолетом у него спадали брюки.

В армии было на что сетовать, и Джой выяснил, что жалоб на армейскую жизнь у него не меньше, чем у остальных, так что наконец он научился принимать участие в разговорах. Ребята, собравшиеся вокруг большого стола в бараке, то и дело говорили «ну, дер-рьмо», и кое-кто обращался друг к другу со словами «парень». Один молодой солдатик, который утверждал, что он родом из Цинци, — черт его возьми, нате — во время разговора небрежно ронял ругательства уголком рта. Джою понравилась такая манера, и он взял ее на вооружение. Мало-помалу он становился личностью, обретая свой собственный стиль поведения.

В общем-то он не так плохо проводил время, и месяцы

бежали для него быстрее, чем это можно было бы ожидать от армии.

В октябре, когда шел второй год его службы, Джой писал:

«Дорогая Салли!

Ну вот и осталось отслужить только 59 дней, а потом я буду проситься на сверхсрочную, ха-ха (ничего себе шуточка, а?) — смотри, не умри от смеха — а вчера была инспекция, потому что этим медноголовым нечего делать как только инспектировать — ну вот, и все новости — так что будь хорошей девочкой, и пусть у тебя всегда горит камин для твоего самого лучшего приятеля — ну и кроме того, ты единственная, по ком я чертовски скучаю, так что провалиться бы всем им — случайно проверку я проскочил нормально — ну вот, пока —

с любовью Джой».

Это было его последним письмом к Салли, и он никогда и не узнал, что она не получила его. Потому что в далеком Альбукерке случилось нечто ужасное.

Его бабушка обрела нового ухажера, у которого было большое ранчо. Поскольку он был на несколько лет моложе Салли, эта разница в возрасте привела к необходимости невинной лжи. Например, она сказала ему, то, что было сущей правдой лет сорок пять назад: мол, она ездила верхом. Позже люди говорили, что мужик тот должен был бы понимать, что нельзя позволять Салли садиться в седло, ибо с первого взгляда можно было понять, что бедное маленькое создание хрупко, как стекло. Но в одно воскресное утро эта леди, которой минуло шестьдесят шесть лет, взгромоздилась на спину чалого жеребца и поскакала в пустыню со своим возлюбленным.

Тут и пришел конец четвертой блондинке в жизни Джоя Бака. Лошадь скинула ее, и пожилая леди разлетелась просто на куски.

Новость эта дошла до него как-то ближе к вечеру, когда он чистил грузовик в гараже. К нему подошел помощник капеллана и протянул ему телеграмму от женщины, которая работала в магазинчике Салли.

«ДОРОГОЙ ДЖОЙ ВАША ОБОЖАЕМАЯ БАБУШКА

ПОГИБЛА УПАВ ЛОШАДИ БЛАГОСЛОВИ ВАС БОЖЕ ИСКРЕННИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПОХОРОНЫ ПЯТНИЦУ МАРЛИТА БРОНСОН».

Когда Джой перечел телеграмму несколько раз, солдатик из службы капеллана осведомился, все ли с ним в порядке. Похоже, что Джой просто не понял вопроса. Он подошел к заднему борту грузовика и остался там стоять. Через несколько минут другой солдат обнаружил Джоя лежащим на боку под грузовиком: его трясло с головы до ног, изжеванная телеграмма торчала у него во рту, а руки судорожно вцепились в горло.

Молодой помощник капеллана прямо не знал, что и делать.

— С тобой все в порядке, солдат? — спросил он. Ответа не последовало. Несколько позже, он снова осведомился:

— Почему бы тебе теперь не вылезти оттуда?

Но Джой не пошевелился. У него было дикое выражение глаз, и помощник капеллана забеспокоился. Побежав за помощью, он вернулся с двумя солдатами, которые выволокли Джоя из-под грузовика, и доктором, который сделал ему укол. Затем они оттащили его в больницу, где он провел в полудреме от лекарств несколько дней, и, конечно, не успел на похороны Салли.

Через три недели он вернулся к своим обязанностям. Когда срок его службы завершился, Джой попытался остаться на сверхсрочную. Но, похоже, армия не испытывала нужды в солдатах, которые подобным образом реагировали на смерть обыкновенной бабушки. Они рассчитались с ним и демобилизовали его. Он вернулся обратно в Альбукерке, плохо представляя себе, что тут его никто не ждет, — это стало ясно ему лишь по прибытии. Он остановился в гостинице и стал звонить приятельницам Салли. Бабушка не оставила завещания. Он выяснил, что где-то в Кур д'Аллен, Айдахо у нее обитала сестра, о которой она никогда не упоминала. Эта старуха даже не подозревала о существовании Джоя. Приехав сюда, она ликвидировала все имущество мертвой косметички — включая дом, в котором Джой Бак жил с семи лет, — и вернулась к себе обратно в Айдахо, ничем не дав о себе знать.

И теперь, когда ему минуло двадцать пять и он был

полон по самую макушку печали и сожалений, Джой ощутил настоятельную потребность подумать над своим положением. Но ему было трудно держать в голове достаточно много разнообразных мыслей, да и пределы его воображения были серьезно ограничены. В этом не было ничего порочного, но он был не подготовлен к таким ситуациям и не знал, как вести себя при таком сложном положении дел.

Несколько дней он оставался в гостинице, проводя большую часть времени в своей комнате с задернутыми шторами. Дни и ночи беспорядочно сменяли друг друга, и порой он забывал даже поесть.Почти все время он спал, и ему снились кошмары. Во сне и наяву он томился по Салли Бак и порой звал ее. Однажды ему показалось, что она вошла в комнату, когда он спал, и села на край его постели. Он проснулся, и она в самом деле была тут, рассеяно перебирая пальцы, как она делала в жизни. Он видел ее в профиль. Сквозь распахнутое окно она глядела на ночное небо. Он сказал: «Салли, что же мне делать?» Но она не подала и виду, что слышит его. Потом она что-то вымолвила, но он не разобрал. То ли «Я хотела бы вернуть мой дом», то ли «Я не могу ездить верхом». Что бы там ни было, Джою помочь ее слова не могли. Он был рад хоть тому. что смог снова увидеть ее.

Как-то ночью ему приснился сон, который с тех пор стал часто повторяться, сон, в котором бесконечная вереница людей уходила куда-то за край земли. Затаившись в каком-то зябком, темном и молчаливом углу, он со своего наблюдательного пункта видел, как они скрывались на востоке за линией горизонта, связанные золотыми нитями света, которые соединяли их пупки; они двигались под бодрые маршевые звуки, и он провожал их глазами, пока все они не исчезали за горизонтом, куда опускалось солнце. Здесь были кто угодно — водители автобусов и нянечки, музыканты, солдаты и девочки из магазинчиков десятицентовых мелочей; здесь были китайцы и летчики, доходяги, толстяки и рыжеволосые женщины; тут можно было найти шахтеров и банковских клерков, миллионеров и детективов из универсамов, гуру, детей, бабушек и воров; стоило подумать о ком-либо в этой золотой цепи, и он был тут как тут — проститутки, карлики, святые, сумасшедшие, ко-

пы, учителя, репортеры, просто хорошенькие девушки, бухгалтеры, старьевщики и мясники. Тут было место для всех, кроме него. Он много раз делал попытку присоединиться к ним, ища какой-то разрыв в цепи, пусть и маленький, но достаточный, чтобы втиснуться, но, как только ему удавалось обнаружить его, ряды тут же смыкались и цепь обретала твердое единство, которое невозможно было нарушить, неизменно оставляя мечтателя в его темном, зябком и молчаливом укрытии.

После таких снов Джой не мог больше оставаться в комнате гостиницы. Одевшись, он выходил на ночные улицы Альбукерке, не переставая удивляться как знакомые места могут так для него измениться. «Может, ты и знаешь нас, — говорили ему городские строения, — но мы не знаем тебя». Он бродил по издавна знакомым местам и останавливался у дома Салли Бак. Дом был ныне необитаем, и в окнах стояла непроглядная тьма. Он подобрался с заднего двора и постучал в окно спальни Салли, смутно надеясь, что кто-то ему ответит.

Он ждал и ждал.

«Надо что-то делать, — наконец решил он. — Надо, черт возьми, сматываться отсюда куда-нибудь».

Вернувшись в отель, он сложил все свое имущество в сумку, удивляясь лишь тому, как мало у него скопилось вещей за все эти годы.

5.

В Хьюстоне Джой надеялся найти особу по имени Натали, которую он знал и некоторым образом даже любил в армии. У Натали была какая-то длиннющая итальянская фамилия, и Джой провел больше часа на автобусной станции Хьюстона в тщетных попытках найти ее в телефонном справочнике. Прежде чем окончательно сдаться, он истратил больше доллара мелочью на телефонные звонки.

Затем он пошел прогуляться и как следует осмотреться в Хьюстоне. «Ну, дер-р-рьмо, — сказал он про себя, — тут не убавить, не прибавить. Сдается мне, что этот город вполне может обойтись без всяких Джоев Баков. Но с одним-то ему придется примириться, черт бы его побрал».

Он шатался по городу, пока не набрел на гостиницу. На ту самую, в названии которой отсутствовала букву «О» — дешевое запущенное заведение, в номерах которого вечно стоял затхлый воздух, а пол в ванной был залит водой.

Стоял холодный январский день. Он сидел на краю кровати, размышляя, что ему делать со своими проблемами, но очертания их виделись ему смутно. Он видел себя в будущем: все так же сидящим на краю кровати в гостинице, пытаясь привести мысли в порядок. Пройдет пятьдесят лет, его длинная белая борода будет мести по полу, а он все так же будет сидеть на том же месте, задаваясь вопросом, почему же мир повсюду так неуютно устроен, как а Альбукерке и почему он оказался выброшенным из него.

Единственное окно выходило в межстенный колодец, так что звуки улицы доносились до него словно бы издалека. Тишина эта, вселявшая неуверенность, ввергла его в какой-то ступор, который длился несколько часов. Позже, когда он вспоминал эти часы, они напоминали ему детство, когда телевизор выходил из строя. Время навалилось на него невыносимым грузом, под которым он не мог шевельнуться. Оно окружало его непроницаемой стеной, выбраться за которую было невозможно, — об этом даже помыслить было нельзя. Во время этих бесконечных тягучих часов в «г"стинице» его била дрожь, которая не имела ничего общего с температурой снаружи, скорее, она напоминала дуновение смерти.

Он спасся от ступора, надолго завалившись спать, а когда проснулся, уже стояла ночь. Воспоминания об этих липких влажных часах были для него как прикосновение руки призрака к затылку.

Он оделся, причесал волосы гребешком и так стремительно выскочил на улицу, словно за ним гналось какое-то омерзительное существо в бородавках.

В нескольких кварталах отсюда были ярко освещенные улицы. Джой направился туда, чувствуя себя так, словно во сне он пытается вслепую включиться в золотую цепь, которую представляет собой жизнь. Когда он подошел поближе, тишина уступила место шуму уличного движения. Через несколько минут он остановился перед

дверью «Солнечного сияния», из двери которого на улицу лилось яркое солнечное сияние.

Зайдя внутрь, Джой внезапно погрузился в атмосферу слепившего его света, реальность которого стала для него средоточием жизни в этой темной мертвой стране. Помещение было заполнено почти до отказа, и ему показалось, что он знает тут почти всех.

Здесь были парочки, компании и группы; вперемешку сидели молчаливые и болтуны; одинокие перемежались женщинами в компании мужчин, которых тут было большинство; они курили сигареты и опустошали чашку за чашкой кофе. Тут же сидело несколько путников и тех, кто закончил ночную работу или только направлялся на нее, и здесь же были неизменные бездельники, которых можно обнаружить в любом месте земного шара, но особая порода которых выведена только в США.

С первого взгляда казалось, что они убивали время все вместе, так как часто занимали один столик или располагались группкой рядом со счетчиком на уличной стоянке; скорее всего, они не имели отношения друг к другу, как прерии, реки и города тех мест, откуда они все были родом. В глазах их и в поведении виднелась бесконечная неизбывная печаль; казалось, что они страдают из-за того, что свирепая судьба лишила их таких ценностей, что они даже не в силах назвать свою потерю.

Джой несколько секунд постоял в дверях, обшаривая взглядом лица в поисках знакомого. Найди он такого, он мог бы подойти к нему и сказать: «Ну, дер-р-рьмо, мужик, какого черта ты пропал?» В крайнем случае, он мог бы рискнуть подойти с такой фразой к незнакомцу, но для этого требовались хорошие нервы. У стойки он заказал кофе с гамбургером и во время ожидания заказа увидел лицо, которое так жаждал найти. Оно смотрело на него из зеркальной облицовки колонны, которая стояла посреди стойки. Ну, мужики, про себя негромко сказал он, восхищенно глядя на это симпатичное темноглазое лицо с аккуратной прической, которое отвечало ему мягкой сдержанной улыбкой, полной тепла и непосредственности. «Какого черта ты пропадал? — Кто, я? — ответил он, — да я вообще не знаю, где я был! Но я вернулся». — И он и отражение в зеркале — оба разразились смехом.

Джой приспособился проводить ночи в этом симпатичном месте.

Как-то ночью у него завязался разговор со сборщиком посуды, изящным симпатичным мексиканцем.

— Ну, мне кранты, приятель, — сказал Джой, которого уже начинало беспокоить состояние его финансов. — Словом, почти сел на мель. Они тебе подкидывают деньжат, когда ты собираешь грязные тарелки?

— Тут не разбогатеешь, — пожал мальчик плечами. — Доллар за каждый час.

— Ага, но ты же тут, черт возьми, можешь жрать. Точно? — В голову Джоя пришла молниеносная идея. — Разве не так? Неужели они не дадут тебе тут пожрать?

На следующий день он уже вышел на работу в «Солнечном сиянии». Его поставили во вторую смену, которая кончалась около полуночи. Джою так тут нравилось, что даже когда кончалась его смена, он оставался еще; ему полагался полновесный обед, после которого он неторопливо покуривал за чашкой кофе, проводя так большую часть ночи.

На вторую ночь мексиканец остановился у его столика, смерил его живыми черными глазами и сказал:

— А сначала я подумал, что ты из этих... из гостинщиков.

— Неужто? Да нет, черт побери, нет же.

В следующий раз, когда мальчик проходил мимо его столика, Джой сказал:

— Эй, а что это такое?

— Чего?

— Ну, та штука, о которой ты подумал.

— А о какой штуке я подумал?

— То, что ты говорил раньше, помнишь?

Мальчик нахмурился.

— Я извиняюсь за мой английский, — сказал он, отходя с полным подносом. В следующем рейсе он остановился и сказал: — Так что я был уверен, что ты г о с т и н щ и к .

— Что? — спросил Джой. — Что это такое?

— Гостинщик? — мексиканец сначала скептически посмотрел на Джоя, но затем что-то убедило его в полной невинности собеседника. — Гостинщик делает вот так:

пст-пст-пст, — сказал он, потирая большой и указательный палец жестом, обозначающим деньги. — Понимаешь?

До Джоя стал смутно доходить образ, но он никак не мог его сопоставить с чем-то.

— Фу! — сказал мальчик. — Все ты понимаешь! — И взмахнув завязками передника, подлетел к соседнему столику, за которым собралась группа его приятелей.

Джой наблюдал за ними с большим интересом: пятеро молодых ребят. Четверо из них относились к часто встречающемуся типу: большую часть времени непрерывно хохочут, болтают больше, чем обычно, и обильно жестикулируют. Одеты они были с показной мальчишеской небрежностью, а их глаза шныряли по залу, словно птицы, которые никак не могут определиться, где бы им присесть.

Пятый явно выделялся из них. Он не смеялся, не болтал и не жестикулировал; внешний вид, казалось, его тоже не интересовал — на нем были старые джинсы «Леви», выцветшая защитная рубашка, грязные белые сникеры. Волосы его, песочного цвета, беспорядочно свисали прядями, и почти все время он отсутствующим взглядом смотрел в одну точку. Он с удовольствием прислушивался к разговорам, но не участвовал в них, и эта замкнутость каким-то образом возвышала его над всеми остальными. Ясно было видно, что он просто убивал тут время и не испытывал нужды ни в ком из присутствующих.

Мексиканец остановился у их столика, сказал что-то и поспешил на кухню. Четверо обернулись посмотреть на Джоя, но пятый даже не пошевелился. Вместо этого он встал, подошел к стойке, с которой взял чашку свежего кофе и направился прямиком к столику Джоя.

— Можно присесть?

Джой смутился и был польщен.

— О, черт, да, конечно. — Вскочив, он стал без нужды двигать стулья, застигнутый врасплох ролью хозяина. Гость протянул руку и сказал:

— Перри.

— Ч-ч-что это?

— Перри — так меня зовут. П-е-р-р-и.

— Ах да, ну, да. — Он схватил руку молодого человека и потряс ее. — Джой Бак, — сказал он. — Хотите закурить? — Они закурили, и Джой увидел, что Перри внимательно смотрит на него. Глаза у него были внимательные и насмешливые, как бы тронутые печатью смерти: если бы молодого человека в силу какой-то глупой дурацкой оплошности постигла преждевременная смерть, наверно, такими глазами он бы наблюдал за собственными похоронами.

Не зная, как вести себя под этим взглядом, Джой засмеялся и пожал плечами, стараясь выкрутиться из этой ситуации. Перри еле заметно улыбнулся и вообще отвел от него глаза. Он небрежно откинулся на спинку стула, вытянув ноги и изображая полную расслабленность. Через большую витрину кафе была видна улица, и он внимательно изучал движение по ней. Хотя наблюдать было особенно не за чем: время от времени лишь мелькали пешеходы и проносились такси.

Джой не мог отделаться от ощущения, что ему здорово повезло. В первый раз после армии он сидит за столиком с другим человеком. Он томился от желания продлить знакомство, но не знал, чего от него ждут. В голове у него крутилось множество вариантов, как он мог бы начать разговор, но, если Перри присоединился к нему лишь для того, чтобы разделить с ним молчание, Джой не хотел нарушать его своими разговорами.

Почти сразу же он стал испытывать глубокое и загадочное восхищение перед этим незнакомцем по имени Перри. Если бы перед ним появился какой-нибудь волшебник с предложением поменяться ему своим обликом с этим парнем в джинсах с песочными волосами, он бы без всяких рассуждений воспользовался этой возможностью. Хотя никоим образом не мог бы объяснить свое намерение.

Так всегда: люди, подобные Перри, пользуются особыми привилегиями. Стоит им зайти куда-нибудь — и тут же все к их услугам. Часто они отличаются внешностью, но дело не в этом. Суть в том, что на них лежит печать рока и они несут свою обреченность с мрачной грацией, столь странной в молодом человеке.

Испытывая восторг и застенчивость, Джой сидел рядом с этим молодым человеком. Через несколько минут пестрая компания Перри поднялась и двинулась к две-

рям. Высокий рыжий парень, который вроде был у них за главного, провел их мимо столика, за которым сидели Перри и Джой.

— Спокойной ночи, дорогой, — сказал он, не замедляя шага. Второй и третий захихикали, а четвертый, коротышка с двойным подбородком, кинул:

— Желаю удачи. — Джой наблюдал, как они выходили из заведения. Но Перри не обратил на них внимания. Повернувшись к Джою, он кинул на него беглый равнодушный взгляд, а затем опять уставился в окно.

Так этой ночью началась их загадочная молчаливая дружба, которая длилась несколько недель. Каждый вечер, когда Джой, окончив работу, садился за ужин, бог знает откуда появлялся Перри и безмолвно располагался рядом с ним.

В первое время они обменивались минимумом необходимых слов, связанных лишь с необходимостью разлить кофе или передать сахар, но, по мере того как шла ночь за ночью, в словах вообще отпала необходимость. Они на пару смотрели через витрину или порой замечали какой-нибудь интересный столик; временами на секунду-другую их взгляды скрещивались, но большей частью они всю ночь просто сидели рядом в «Сиянии», ничем не проявляя свою связь. Они вместе проводили время, у них было общее место, и кому было до этого дело?

Не имело смысла интересоваться, когда Перри уйдет или куда он направляется. Посидев за столиком иногда минут десять, а порой и несколько часов, он мог просто подняться и, кивнув (а то и забыв это сделать), выходил сквозь вращающуюся дверь и исчезал из виду за окном.

Джой постепенно привык к мысли, что Перри — обладатель каких-то значительных тайн, и ему крупно повезет, если как-нибудь Перри поделится ими. Секреты эти имели отношение к другим сторонам жизни Перри, из которой он появлялся по ночам и исчезал с рассветом. Порой Джою хотелось принять участие в его загадочном существовании, чтобы он мог выйти вместе с Перри в мир тайн, что существовал за вращающейся дверью кафе, и Джой стал по-другому воспринимать темное время суток. Все изменилось — и пустота его собственного существования, и бесконечные часы во сне в «г"стинице», и бессмысленные смены, наполненные грохотом посуды

в мойке. Небрежная грация Перри заставляла Джоя подражать ему; и какой-нибудь его простой жест мог стать началом новой жизни Джоя, и он ждал, когда ожидание ночных кофепитий за их молчаливым столиком в шумной атмосфере кафе претворится в начало новой жизни или же исчезнет совсем.

Джой смутно представлял себе предмет размышлений; он даже не воспринимал его в виде оформленных мыслей. Перри был для него человеком с предначертанной судьбой, от которой было ему не уйти: она была у него в крови. Перри был гостем, но Джой, сам о том не догадываясь, воспринимал его как хозяина, гостям которого позволено разделить его хорошее настроение.

Как-то ночью Перри неожиданно повернулся к Джою и сказал:

— Как у тебя дела? — Но на самом деле это был не вопрос. Он просто смотрел на Джоя, не сводя глаз.

Джой покачал головой.

— Черт возьми, старик, я и сам не знаю. — Но на самом деле он хотел сказать: — Я просто сижу и жду — вот и все, что мне известно.

В другую ночь, ничем не отличающуюся от предыдущей, он совершенно неожиданно сказал:

— Хочешь номер отколоть? — Это было больше, чем просто вопрос, и Джой не нашелся, что ответить.

— Отколоть номер, — повторил он, уходя от ответа, — это было бы здорово в самом деле, черт возьми. — Он не имел представления, о чем идет речь.

Эти несколько раз, когда Перри обращался к нему, голос у него был глубоким и низким, как шепот, которым может говорить заживо погребенный.

Как-то утром, когда уже близился рассвет, он сказал:

— На тебя можно рассчитывать, Джой? — а затем встал из-за стола и ушел, давая понять, что ответа он и не ждал.

Затем в одну из следующих ночей он уставился на Джоя пристальным взглядом, напоминавшим ему об их первой встрече.

Джой занервничал. Пора. Что-то должно случиться. Он тщетно пытался понять, что его ждет. Он пыхал сигаретой, стараясь затянуться. Он хмыкал, издавал смешки, понимающе качал головой и барабанил пальцами по

столу. И вдруг почти непроизвольно он прекратил всю эту натужную активность и обмяк на стуле, просто глядя на человека напротив себя. Его взгляд явно взывал о помощи, но он не мог представить себе, чтобы его послание дошло до адресата.

Перри еле заметно кивнул. В глазах его было сочувствие. Затем оно сменилось явной иронией. И внезапно все его действия и поступки обрели загадочность, которая не имела ничего общего с прежней его обреченностью. Он еще раз посмотрел на улицу.

И словно все свершалось по заранее разработанному плану, в эту же секунду повернулась вращающаяся дверь. И к их столику подошел невысокий человечек в зеленом галстуке и спортивной куртке из коричневого твида.

6.

Он был довольно молод, лет примерно тридцать, но совершенно лыс; у него был высокий голый лоб и пронзительные бусинки глаз, увеличенные толстыми линзами очков. Он был похож на молодого «сумасшедшего ученого» из немых фильмов.

Он остановился у столика, за которым сидели двое молодых людей.

— Перри, — сказал он.

Перри не обратил никакого внимания на звук своего имени.

— Прошу тебя, Перри, ты же знаешь, сколько раз я допоздна искал тебя. — Голос его обволакивал мягкой карамельной сладостью.

Длинный столбик пепла упал Перри на брюки. Он смахнул его и продолжал курить.

— Я сказал: п р о ш у т е б я , Перри. — Ответа не последовало. — Я просто хотел узнать у тебя, знаешь ли ты, сколько сейчас времени, вот и все.

Теперь он стал действовать по-другому: подтащил стул от соседнего столика, поставил его так, чтобы сидеть лицом к Перри, и, сложив руки на коленях, расположился с видом, дающим понять, что он пересидит любое живое существо.

После долгой паузы Перри спросил у Джоя:

— Хочешь еще кофе?

Прежде чем Джой успел ответить, Перри повернулся к третьему у них за столиком и, не глядя на него, сказал:

— Марвин.

Тот не прервал своей игры в гляделки.

— Да, Перри.

— Марвин, две чашки кофе.

Ученый из фильма наклонился вперед, умоляюще склонив голову. Все его поведение показывало, что он подчиняется без большой охоты.

— Ох, Перри, — сказал он.

— Один черный, Марвин, а один со сливками.

У Марвина, который плотно сжал губы и поднял тонкие черные брови, был вид жестоко обманутого человека. Вздохнув, он пошел к стойке.

Джой улыбнулся и сказал:

— Эй, Перри, держу пари, что этот парень твой брат, верно?

— Ошибаешься.

Вернувшись с кофе, Марвин поставил обе чашки перед Перри. В силу каких-то деталей ситуации он, казалось, не замечал присутствия Джоя за столиком.

— Обслужи моего друга, Марвин, — сказал Перри.

Марвин послал одну чашку через столик к Джою.

— Спасибо, — сказал Джой. — Большое спасибо. — Лысый череп вызывал у него улыбку, и, борясь с абсурдным желанием нарисовать на нем картинку, он надвинул на него воображаемую шляпу.

Молча вернувшись на свое место, Марвин принял прежний бесстрастный вид.

— Мой друг поблагодарил тебя, Марвин.

— Мы ему рады, Перри. Добро пожаловать, сэр.

Голос Перри не изменился, и его мягкий тембр опьянял.

— Его зовут Джой, Марвин.

— Очень приятно, Д ж о й .

Прошло несколько минут.

Перри сказал:

— Марвин.

— Да, Перри.

Перри положил перед собой руки, по-прежнему не глядя на этого человека. В глазах его появилось выра-

жение высокой сосредоточенности, с которой отпускают грехи, и он не хотел отвлекаться на ерунду.

— Дай-ка мне взглянуть на твой бумажник, Марвин.

— О, Перри, прошу тебя.

Перри по-прежнему держал вытянутые руки перед собой.

— Я, конечно, имею в виду, что хочу увидеть его немедленно, Марвин. Каждый раз я имею в виду именно это, если не следует уточнения.

Марвин вложил свой бумажник в руку Перри.

— Ч е с т н о е с л о в о, — сказал он.

Перри сосчитал деньги. Там были четыре бумажки по одному доллару.

— Сколько у тебя в кармане, Марвин?

— В к а к о м ? — сказал Марвин, быстро отдергивая руку от бокового кармана твидового пиджака.

— Вот в этом, — сказал Перри, не тыкая пальцем и даже не глядя в сторону Марвина.

Марвину осталось только протянуть ему небольшую пачку купюр, которые Перри взял, даже не пересчитывая.

— Сколько здесь? — спросил он.

— Тс-с-с, — сказал Марвин. — Семьдесят. — Он вздохнул.

— Тогда можешь воспользоваться моей долей, Марвин. — Перри вернул ему бумажник. — А я возьму твою. — Он сунул доллары в карман.

— А теперь я хотел бы получить ключ от машины, Марвин.

— Нет! Я категорически отказываюсь! Пожалуйста, Перри.

— Прости, Марвин. Я не расслышал. Что ты говоришь? Ты что-то сказал только что. Повтори.

— Как мне добираться до дома?

— В чем дело, Марвин? Неужели ты скончаешься, если пойдешь ножками?

— Перри, ну зачем ты все это делаешь? Только, чтобы произвести впечатление на своего приятеля? Я уверен, что ты своего и так добился.

— Я собирался, — сказал Перри, — заглянуть к тебе домой завтра днем. Но ты так отвратительно ведешь себя, Марвин, что мне придется пересмотреть свои планы.

— Во сколько? — спросил Марвин. — Пораньше или попозже? Но завтра?

— Ключи от машины, Марвин.

— Да, дам я их тебе, дам. Но скажи, в какое время...

— Ты хочешь поторговаться, Марвин?

— Ох!

— Не скули. Ты скулишь, Марвин.

Улыбнувшись, Марвин попытался выдавить из себя какое-то подобие смеха, но лишь несколько раз нервно повел бровями и со всхлипом втянул в себя воздух.

К тому времени Джой ясно представлял себе, что бы он нарисовал на лбу Марвина, будь у него такая возможность: девочку с длинными наклеенными ресницами.

Марвин вынул из кармана ключи от машины и положил их на стол перед Перри.

— Вот, з а б и р а й. Итак, в пять часов?

— Спасибо, Марвин, — и за машину и вообще за твою любезность. Порой я забываю выразить тебе свою признательность, но не сомневайся, что она идет от сердца. — Перри встал из-за столика. — Идем, Джой.

Джой медленно поднялся, смущенный сценой, свидетелем которой ему довелось стать. Ему казалось, что если бы он мог заглянуть Марвину в глаза, все встало бы на свои места. Но очки были частью его лица, слившись с плотью, и избавиться от них не было никакой возможности.

Поднявшись, Марвин схватил Перри за руку. Перри, стоя спиной к Марвину остановился как вкопанный, держа руку, за которую тот ухватился, на отлете от тела.

— Убери руку, Марвин. И сядь на место.

Приказ был немедленно исполнен.

— Так в какое время? — продолжал настаивать Марвин. — В пять? Или после? Или что?

Наконец Перри всем телом повернулся к маленькому человечку и одарил его долгим рассеянным взглядом: в нем светилось презрение, которое сменилось мягкостью и спокойствием.

— Завтра днем, — сказал он. — А теперь я хочу, чтобы ты спокойно сидел на месте, пока я не исчезну. Ты понимаешь, что я от тебя хочу?

Марвин вздохнул.

— Х о р о ш о, Перри.

Перри не отводил от него глаз, подавляя всякую попытку возражений, пока Марвин не повторил то, что ему было сказано.

— Хорошо, Перри. Спасибо! — выдохнул он на всякий случай.

Перри миновал вращающуюся дверь, и Джой следовал за ним по пятам. Когда они проходили мимо витрины, Джой глянул на маленького ученого из кино. Как странно было видеть его, сидящим в безмолвной покорности; и толстые стекла его очков, в которых отражались огни кафе, были повернуты под таким углом, что напоминали два мощных прожектора, провожающих Перри.

7.

Они оказались на стоянке. Перри облокотился на капот белого «МГ», и Джой, растерянно улыбаясь, стоял перед ним, засунув большие пальцы в карманы и ломая себе голову над тем, что происходит. Ночь стояла холодная и ясная, а небо было усыпано яркими звездами, которых было больше, чем обычно. Джой засмеялся. Перри улыбнулся и, посмотрев на него, покачал головой, словно имел дело с малым ребенком.

— Джой, — сказал он. Имя его он произносил редко и осторожно, словно догадываясь, что для владельца оно было самым сокровенным словом, которое касалось не только его слуха, но и доходило до самого сердца. — Над чем ты смеешься, Джой?

По-прежнему улыбаясь, Джой покачал головой.

— Чтоб я знал. — Он продолжал смеяться, стараясь делать вид, что все понимает, и все же догадываясь, что выглядит сущим дураком.

— Тебе бы остыть, Джой и успокоиться. Как ты на это смотришь?

— Ну да, черт возьми, именно это мне и надо.

— Ведь ты не понимаешь, о чем я говорю, не так ли, Джой?

— Да нет, ясно, мне надо настроиться, то есть... Нет, не то, в общем-то я в самом деле не понимаю. — Он попробовал хмыкнуть, но у него ничего не получилось.

— Да, ты в самом деле не понимаешь, Джой. Ты многого не понимаешь. Но в этом и заключается твое достоинство. В противном случае ты ничего бы не мог усвоить. А ведь ты хочешь что-то понять, не так ли?

— Да, конечно, Перри, спорю, что хочу.

— В таком случае разве плохо, что ты ничего не понимаешь?

Джой насупился, опасаясь насмешки.

— Ты мне веришь, Джой?

Джой отчаянно кивнул. Этим жестом он хотел выразить все свое уважение и привязанность, которые питал к Перри и к которым относился со всей серьезностью. И затем он услышал собственное бормотанье:

— Конечно, Господи, да, конечно, доверяю. Но, честно говоря, я совершенно новый человек тут в городе и, м-м-м... — он хотел уточнить, как важна для него эта новая дружба, но у ничего не получилось. — Я только что приехал сюда, я тут чужой и приехал из... — Нет, эти слова не имели ничего общего с тем, что он хотел сказать.

— Ты совершенно не обязан говорить мне, откуда ты приехал, Джой. Ты здесь — вот и все. Не так ли?

— Я... что? Здесь? Ну да, господи. — Нет, это был явно не тот разговор, к которому он привык в армии. Там спокойно можно было просто заржать и состроить рожу, когда ты терял нить разговора и никто не обращал на это внимания. Но с Перри все было по-другому: тот жестко тянул свою тему.

— Я могу помочь тебе, но хотел бы, чтобы ты расслабился и доверился мне. Слушай, у тебя где-нибудь тут поблизости есть комната?

— Комната? Ага, у меня есть номер в гостинице.

— Тогда двинулись туда. Где это?

— В той, где упала буква «О».

— Где это? То есть, можно дойти или нам надо ехать?

— Ну, в общем-то мы можем и...

— Как далеко она отсюда, Джой?

— Примерно в паре кварталов.

— Двинулись.

Они оставили «МГ» на другой стороне улицы, миновали портье, сидящего в своей стеклянной конторке, и поднялись по лестнице в комнату Джоя.

— Чувствуй себя, как дома, Джой. Это же твоя комната, не так ли? И рядом с тобой друг, так что расслабься.

Джой присел на стул с высокой прямой спинкой.

— Если тут будет радио, все пойдет по-другому.

— Это точно. Хуже некуда, если у тебя его нет.

Джой сказал:

— Неплохо было бы обзавестись транзистором. Ты разбираешься в них и все такое?

— Да, разбираюсь.

— Ну, я в общем-то уже собираю деньги на него.

— И когда ты начал?

— Вчера. — Прошло несколько минут, и Джой сказал: — Вот что бы мне хотелось — мне бы хотелось, чтобы тут был настоящий мощный приемник, а не блестящая побрякушка. — Он оглядел свое обиталище, быстро скользнув взглядом по мрачным стенам. — Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Конечно, — сказал Перри. — Ты хочешь иметь мощный приемник. А не блестящую побрякушку.

Перри сунул в рот тонкую самокрутку и закурил. С хрипом затянувшись несколько раз, он задержал дыхание и протянул ее Джою. Тот попытался подражать Перри, но по неопытности сразу выпустил дым.

— Ты не знаешь, как это надо, Джой. Учись у меня, и тебе все станет ясно. Вот, — он помахал самокруткой у него под носом. — Это не табак, Джой, это специальная сигарета, в которой сухие листья и цветки растения Каннабис сатива. И его можно сравнить с настоящим мощным приемником, на который ты вчера стал собирать деньги. Хотя это не совсем так. Приемники — это мы с тобой, а Каннабис сатива — это как бы, м-м-м... мощный передатчик...

Замолчав, он снова затянулся, до предела наполнив легкие и жестами дав понять Джою, что тому надлежит делать. На пару они прикончили самокрутку, а потом посидели в молчании несколько минут, прежде чем принялись за другую. Джой встал, чтобы открыть окно. Перри сказал, чтобы он этого не делал. Тут Джой почувствовал, что испытывает огромную радость от каждого своего движения и не в силах сдержать улыбки из-за этого.

— Эта штука г о д и т с я, — сказал он. — Теперь я верю, что она в самом деле помогает.

Перри собрал оставшиеся окурки, растер их в пыль, выбросил в раковину и смыл водой.

— Это тебе не табак, Джой, и все окурки Каннабис сативы надо уничтожать до последнего. Вот так.

— Эй! — внезапно сказал Джой. — Да это же м а р и х у а н а! В сигарете была марихуана!

— Точно, Джой.

— Черт побери! — с восхищением сказал Джой. — То-то у меня крыша поехала! Ну, ты и хитрый черт, Перри. — Он прошелся по комнате, чувствуя, как обострились все его чувства, как легко он движется, как остро обоняет и ощущает, с каким удовольствием просто живет на свете, но возбуждение стало стихать, и он смутился больше, чем обычно.

Перри лежал на кровати. Он долго искал самое удобное положение и когда наконец вытянулся, скрестив лодыжки и положив руки под голову, то спросил:

— Тебе тут удобно, Джой?

— Отлично, — ответил Джой. Но вдруг он почувствовал, что на самом деле все не так. Что-то случилось, хотя он не мог ткнуть пальцем — вот оно! — но в комнате словно бы возникла какая-то безымянная опасность, которая беззвучно проникла в нее, скользнув под дверь и просочившись через щели окна, и он был не в силах остановить ее или просто описать.

— Ты чего-нибудь хочешь, Джой?

— О, нет, нет, я прекрасно себя чувствую.

— Нет, это не так, Джой. Тебе плохо.

— А?

— Ты нуждаешься в помощи.

— Да?

— Конечно. И я при помощи Каннабис сатива здесь именно с этой целью: помочь тебе понять, что ты хочешь, и показать тебе, как этого можно достичь.

Джою показалось, что его сердце наполнилось воздухом и готово вырваться из груди; оно горело и жгло, и он почувствовав опасность, прижал ладонь к груди. Но это не помогло. Он взял коробочку спичек и начал возиться с ними, стараясь справиться с охватившим его волнением. Для него было облегчением чувствовать реальную осязаемость спичек; он крутил их, ломал,

складывал в коробку и снова вынимал оттуда. Перри продолжал говорить:

— Ты не знаешь, что тебе делать, — и не только сегодня вечером. Ты воспринимаешь свою жизнь как тяжкую ношу. Поэтому ты постоянно мрачен, Джой. Поэтому ты и возишься с ерундой. — Он многозначительно кивнул на коробку спичек. — А ты должен знать, как спалить дотла этот мир. Но ты лишь безтолку слоняешься и впустую прожигаешь время. Ты должен быть совершенно спокоен. Пойми, что тебе надо, и отбрось все остальное, а затем обрести предельное спокойствие. Итак: что ты должен сделать?

— Понять, что мне надо?

— Верно. А затем?

— М-м-м...

— И отбросить... — подсказал Перри.

— И отбросить все остальное.

— Правильно. А теперь все снова.

— Понять, что мне надо, и отбросить все остальное.

— Ты начинаешь соображать, Джой. Это урок номер один. А теперь первое у п р а ж н е н и е: эта комната. Что бы ты хотел в ней увидеть? Просто назови — неважно, что, а я прикину, как ты можешь это раздобыть.

Джой начал обводить комнату глазами, и Перри сказал:

— Посмотри на меня. Может быть, это тебе поможет, Джой. Вот так. И теперь я снова спрашиваю тебя: есть тут вообще что-нибудь, что тебе было бы надо?

Джой уставился Перри в лицо, стараясь прочесть на нем подсказку. Но он ничего не увидел в нем.

— Видишь ли, Джой, есть пара сот человек, которые заплатили бы изрядные деньги, чтобы оказаться в твоем положении: сидеть рядом со мной в комнате и слушать, как я спрашиваю, чего бы им хотелось.

У Джоя кружилась голова от умственных усилий, которые он испытывал. Прошло еще несколько томительных минут. Внезапно Перри сорвался с кровати, оказавшись рядом с Джоем. Движение его было столь стремительным, словно его подбросили. Тишина комнаты и покой, овладевший Джоем, внезапно исчезли, и вот уже странный этот молодой человек сграбастал его за отвороты рубашки, заставляя смотреть прямо в глаза.

Он удивился, не увидев в них ни гнева, ни ярости, которые сказывались в его движениях. Просто Перри внимательно и спокойно смотрел Джою в лицо, и после долгого молчания, сказал:

— Если мы собираемся быть друзьями, Джой, запомни одно правило...

Джою казалось, что он наяву видит и слышит чудо: этот человек, обаятельный и прекрасный, мудрый и властный, предлагает свою дружбу, свою силу, свою проницательность такому ничтожному существу, как он, Джою Баку. Без сомнения, Перри ошибся в выборе, остановив свое внимание на Джое Баке. Стоит ему понять свою ошибку, как придет конец всему. Тем временем Джой застыл от ужаса, что сейчас он сделает неверный жест или что-нибудь брякнет несообразное, после чего Перри тут же исчезнет. Он попытался придумать, как ему избежать этой грядущей ошибки. Ему надо не двигаться и почти ничего не говорить, что поможет протянуть время. Но он знал, что у него ничего не получится. Перри был слишком мудр, он так четко все понимал, что одурачить его было невозможно.

— ...а правило такое — без всяких номеров. Номеров быть не должно. Никаких. Я сыт по горло людьми, которые знают, что им надо и не могут дотянуться до этого, не могут даже выдавить, как это называется. Когда я говорю тебе: «Что ты хочешь, Джой», ты отвечай. Просто говори о любой вещи, которую ты хочешь. Понял меня?

— Ага. Ясно, я так и сделаю, Перри, так и сделаю.

— Отлично. — На лице Перри неторопливо расплылась улыбка, и, отпустив отвороты рубашки Джоя, он сел на край кровати, взглядом установив между собой и Джоем непреодолимое расстояние в несколько футов. Когда глаза их встретились, он сказал: — Так говори. Назови то, что ты хочешь иметь.

Тупой идиот, окрестил себя Джой, да г о в о р и ж е что-нибудь, говори, неужто ты не можешь разговаривать? Ты так глуп, что даже не знаешь, что тебе хочется? Говори что-нибудь, говори же — и тогда все начнется.

— Я, м-м-м, я думаю, что хотел бы, м-м-м ... — он нахмурился и прижал подбородок к груди, словно то, что ему было нужно, хранилось где-то в желудке и усилием воли он мог извергнуть это из себя.

— Просто скажи, — подбодрил его Перри. — Что бы там ни было.

— Безнадежно. Со мной не стоит терять время. — О, Господи, подумал он, истина в том, что я паршивый сукин сын. Он поднял плечи, страстно желая, чтобы голова у него провалилась в грудную клетку.

Когда он открыл глаза, то почти был уверен, что увидит Перри, направляющегося к дверям. Вместо этого тот смотрел на него столь же мягко, как раньше, и даже еще более настойчиво.

— Почему? Скажи мне, почему ты считаешь, что с тобой не стоит терять времени, Джой?

— Я кусок дерьма, Перри, и могу сказать тебе, что я просто идиот. Вот такой я и есть. Я тупой сукин сын. Ничего не понимаю, дер-р-рьмо! Не могу ни говорить толком, ни думать, как полагается. — Он засмеялся, но лицо у него было серьезным. Во всем этом он не видел ничего смешного. Ибо между ними стояло нечто омерзительное, уродливое и непростительное, и он заслуживал того, чтобы на него просто плюнули; и смехом своим он лишь старался ускорить развязку. Но у него ничего не получилось. Чем натужнее он смеялся, тем хуже ему становилось.

Внезапно он увидел перед глазами восхитительную картинку: могилу Салли Бак, с белоснежным и девственно чистым камнем, который только и ждал надписи на своей поверхности. Появившийся в воображении цветной карандашик быстро чиркнул по камню, изобразив его самого, Джоя, в карикатурном виде, и ему стало как-то легче: картинка обрела завершенность. Теперь он снова мог смотреть на Перри.

— Мне кажется,— с удивлением услышал он собственный голос, — что меня ждет все то же самое: я буду мыть им тарелки, а они будут все таскать их мне, и я буду опять мыть их, и потом...

— И потом...

— И потом я приду сюда и завалюсь спать, и снова буду мыть тарелки за тарелками, а потом я буду, м-м-м...

— Что ты будешь?

— Я буду, м-м-м ...— Он простер руки перед собой и, разведя их, потряс в воздухе, давая понять, что слова носятся по комнате.

— Так скажи, Джой.

— Умру.

Ох! Ну, дерьмо! Что тут болтается в воздухе? Поймать и прикончить.

Он пытался выдавить из себя еще один хриплый смешок. Нет, ничего не получается. Ничего. Он не может справиться с ощущением чего-то большого и омерзительного, заткнувшего ему рот.

В воображении он увидел лопату и сунул ее в руки какого-то странного туманного существа, и существо это пустило лопату в ход, став копать могилу рядом с Салли. И вот уже рядом со свежей могилой стоит гроб, в котором находится прекрасное юное создание: он сам. Ох, черт возьми, подумал он, куда меня несет? Неужто таким молодым мне придется ложиться в гроб, и мрачная тьма покроет мою юность и мою красоту? Невыразимая печаль охватила его, и внезапно он захлебнулся в рыданиях, корчась на полу этой г"стиницы, и видя перед глазами грязные сникеры незнакомца. Ему было жутко нужно, чтобы этот человек покинул комнату, и он выдавил «Уйди», но это было все, что он мог сказать, ибо какое-то странное ощущение наполнило все его легкие и заполнило все полости тела, куда мог попасть воздух при вдохе; оно вторглось и в печень, и в сердце, и повсюду, терзая его, словно полдюжины ножей. Он видел перед собой лишь грязные сникеры. Что они хотят? Что им от меня надо? Что этот сукин сын хочет от меня? — снова и снова спрашивал он себя. Разве он не понимает, что я, что я, что я...

Этот незнакомец взял его за плечи и с силой опрокинул на спину, после чего Джой присел, опираясь на его руку. Этих действий хватило, чтобы избавиться от терзавшего его ощущения огромного страха, и вырвавшийся стон успокоил его: так стонать могут только живые люди. Лицо у него было мокрым. Наверное, он плакал, но не стыдился своих слез. Все дело в марихуане, он тут ни причем.

Он посмотрел на Перри, стоявшим над ним, с широко расставленными ногами, лицо его почти вплотную склонилось к нему. Он услышал его теплый, низкий, дружелюбный голос, идущий из темных глубин наркотического опьянения.

— Ручаюсь, что теперь тебе чуток лучше, Джой, не так ли?

Готов. Его просто распластало это тепло, мудрость, спокойствие. Хорош.

Ну наконец-то!

И что теперь?

— А теперь, — сказал Перри, — тебе надо только дать мне знать, намекнуть, чего бы тебе хотелось. Иными словами, как я могу тебе это дать?

Что это за птичка, свившая гнездо у меня в груди? Он что — Бог? Он что — Санта-Клаус? Он что — волшебник? Он даст мне то, что я хочу? Он с ума сошел? Он уже спрашивал меня и спрашивает снова. Ну, так я скажу ему, я ему все выложу. Скажу ему, что мне нужна блондинка, которую я могу трахнуть, а потом чтобы она заботилась обо мне всю жизнь — блондинка с длинными ресницами и пухлыми коленками с ямочками, в желтом платье, под которым у нее должны быть все округлости, и настоящие, а не как из вспененной резины, как у бедной старой Салли, и чтобы она сидела дома, и приносила мне еду к телевизору, и чтобы когда сидела на мне верхом, говорила: «Ах мой ковбой, я так люблю тебя» и плакала из-за того, что так любит меня. «Пст-пст, — говорил бы я ей, — в жизни не видел, чтобы меня так любили, как только у тебя это получается?» А потом бы она говорила, и голос у нее был бы такой же сладкий, как ее груди: «Почему? Ну, почему я так люблю тебя? Потому что ты ковбой Джой Бак, и мне так хорошо с тобой. Только ковбои умеют любить так сладко, как ты, и только с ними стоит проводить время. А теперь, когда ты лежишь такой красивый и суровый, только скажи мне, что тебе принести с кухни. Желе? С кремом? А как насчет куриной ножки с персиком, радость моя, чтобы ты побаловался ими, пока я тебе спою «Голубой месяц»? А потом мы займемся с тобой любовью прямо на полу, и ты мне споешь — «Беги за мной, отбившийся от стада, мой теленочек, беги со мной, беги со мной, беги со мной, мой маленький теленочек...»

8.

— В этом нет ничего особенного, — сказал Перри —

После марихуаны часто хочется есть. — Они сидели у стойки забегаловки, открытой всю ночь на автостраде; Перри курил и пил кофе, а Джой приканчивал последний из двух гамбургеров.

— Хочешь еще один? — спросил Перри.

Джой покачал головой: рот у него был набит так, что он не мог вымолвить ни слова. Чувствовал он себя прекрасно, как ребенок, который вволю наорался, а потом его отшлепали и накормили. Он испытывал к Перри невыразимую теплоту.

— Кто такая Салли? — спросил Перри.

— Салли? Откуда ты о ней знаешь?

— Ты все время повторял ее имя, когда был под балдой. Она что, твоя старая подружка?

— Ну да! Старая подружка! — В р а н ь е! Но если тебе нужна правда, то ты ее не получишь. Не хватало еще, чтобы взрослый мужик хныкал по своей бабушке.

— Так чем бы ты хотел заняться, Джой. Сейчас только четыре утра.

— Я? Что бы я хотел делать? Да плевать на меня! Чем бы ты хотел заняться?

— Нет, нет, Джой, это твоя ночь. Ты только скажи мне, чего бы ты хотел.

— Я хочу делать то, чего хочешь ты.

— Нет. Скажи мне. Сам.

— Но, Перри, черт побери, я и сам не знаю, да и вообще...

— Нет, ты знаешь. Ты отлично знаешь, что тебе надо. И все знают.

— Ну я... м-м-м, я скажу тебе, чем мы занимались в армии. Больше я ничего не знаю, да и вообще это была ерунда, но вот что мы делали — отправлялись в Колумбус и клеили баб — в общем-то и все. Ничего особенного.

— Хотел бы ты и сейчас этим заняться?

— Сейчас? Во дает! Ты хочешь сказать... именно сейчас?

— Да, сейчас. Тебе нужна баба сейчас?

— Ну, черт возьми, я даже не знаю. Мне сейчас так хорошо, что даже баба не нужна. — Джой молча допил свой кофе. Затем он посмотрел на Перри и сказал.

— А чего? Ты тоже хочешь?

— Обо мне не думай. Тебе нужна баба — так?

— Ну...

— Так нужна или нет?

— Ну, понимаешь, если бы какая-нибудь болталась рядом со мной, я бы ее поимел, но я, м-м-м, не хочу причинять тебе беспокойства. — И, окончательно расстроившись, добавил. — Если, конечно, ты сам не хочешь.

— Нет, — сказал Перри.

— Ну, тогда и черт с ними... м-м-м, если только ты не хочешь сказать, что они где-то под боком. Чтобы хлопот не было. Тогда не могли бы, так сказать...

Перри встал.

— Идем.

Он протянул кассирше за стойкой пятидолларовую бумажку, но Джой перехватил ее и сам сунул женщине десятку. Пятидолларовую купюру он сунул Перри в карман брюк. Тот улыбнулся и промолчал.

На краю стоянки была телефонная будочка без дверей. Джой, прислушиваясь, прислонился к ее стенке. Набрав номер и подождав несколько секунд, Перри сказал:

— Хуанита? Это Перри. П е р р и! Да, это я. Теперь слушай, Хуанита, вот что я хочу, чтобы ты для меня сделала. Хуанита, да не ори ты так громко, у меня уши лопаются. Не засовывай микрофон в рот, а то ты меня оглушишь. Слушай, Долорес на месте? Нет, я не собираюсь говорить с ней. Просто разбуди ее, Хуанита. Я говорю — р а з б у д и е е! Я ей притащу подарок — очень симпатичного парня... Да помолчи ты, Хуанита, и послушай меня. Разбуди ее, сунь в ванну, а мы будем так через полчасика.

Он повесил трубку. Джой стоял с открытым ртом, недоверчиво покачивая головой, не в силах поверить, что на него свалилось такое счастье. Он был словно ребенок, перед которым во плоти предстал ангел-хранитель.

— Перри, ну ты и сукин сын! — сказал он дрожащим от обожания голосом.

В машине, когда они уже вырулили на автостраду, Перри сказал:

— Знаешь, Джой, а ведь ты мне вечер испортил.

— Как? — встревожился Джой. — Каким образом?

— Видишь ли я получаю удовольствие главным образом, когда мне удается тратить на других деньги Марвина. А ты не дал мне уплатить по счету.

Джой с облегчением засмеялся.

— Да нет, — сказал Перри. — Я серьезно. И больше не делай этого.

— Слышь, Перри, этот парень, ну, как его, Марвин — он что, твой родственник или чего-то другое?

— Нет, он просто мой хозяин. Я работаю на Марвина.

— А? Ну да, я понимаю. Он твой б о с с. — Ему показалось, что он все понял. Но по мере того, как перед его глазами всплывала сцена в кафе, он чувствовал, что новая информация только все запутала. — Значит, босс?

— Да, это верно. Марвин меня нанял, чтобы я делал для него очень непростую работу. Предполагается, что я буду напоминать ему, как он омерзителен, и мое вознаграждение зависит от того, насколько я в этом преуспею. Несколько лет назад я занимался чем-то схожим на Востоке и с тех пор приобрел определенный опыт. Я научился понимать, что людям на самом деле надо и даю им то, о чем они потаенно мечтают. Закури-ка для меня, идет? — он протянул Джою сигарету.

Джой торопливо наклонился вперед, едва не стукнувшись о ветровое стекло и, прикурив сигарету для Перри, сунул ему в губы. Перри затянулся, вынул сигарету изо рта и продолжал рассказ:

— Например, тебе становится ясно, что человек, который не закрывая рта, болтает, как ему нужна нежность и забота, только и мечтает, чтобы испытать ужас. И я вижу, что он просто не может это высказать. Я не говорю о людях, которым в самом деле нужны тепло и забота; они на этот счет не распространяются. Я говорю только о тех, которые только и знают, что трепаться об этом. И можешь биться об заклад, что от любого внимания, да и просто от вежливого обращения их воротит. С другой стороны, ты не можешь так просто взять и тряхануть их страхом, пусть даже они и мечтают об этом, ибо они слишком трусливы получить то, что им нужно. Тебе приходится быть с ними до ужаса холодным и давать им в час по чайной ложке, да еще и говорить об этом не впрямую.

Но ничего не может быть проще. Даже когда их колотит от страха, они должны считать, что к ним отно-

сятся с любовью. Время от времени приходится давать им встряску. Но не очень часто. И делать вид, что ничего не происходит. То же самое и со страхом:не очень много, в меру. Пусть он вздрагивает от выражения твоих глаз, пусть дергается, когда его слегка подкалываешь - кровь пускать не стоит.

Что касается Марвина, думаю, со своей задачей справляюсь я неплохо. Сначала... то есть до того, как мы встретились, он считал себя сущим червяком — и по форме, и по содержанию. Но он уже не мог больше выносить такое отчаянное положение, оно было непосильно для него, и он был в полном ступоре. И вот, прошло всего лишь несколько кратких месяцев — я довел его уже до состояния окуклившейся личинки, и он счастлив успехом, которого мы добились. Что тут возразить? Разве у него не довольный вид?

Но, боюсь, долго это не продлится. У Марвина слишком много претензий. Он хочет, чтобы я в конце концов просто раздавил его, так сказать, подмял под себя, вышиб из него дух. Но я на это не подписывался. Я куда лучше чувствую себя в таком промежуточном положении, когда надо действовать очень тонко и искусно; молоток и тесак мне по вкусу. Кроме того, Марвин не хочет, чтобы за его же деньги его еще и прикончили. Он в таком упоении, что когда-нибудь это плохо кончится. Но только не с моей помощью. Свое дело я знаю.

— Это уж точно, — сказал Джой. — Ты свое дело знаешь туго. Кстати, сколько тебе стукнуло, Перри?

— Двадцать девять... уже подходит к сотне.

— Черт, а мне всего двадцать пять, — сказал Джой, — и я просрал всю свою жизнь, Перри, клянусь тебе, так оно и есть. Я и представить себе не мог, что может быть такое, о чем ты только что рассказывал.

— Я бы сказал, что это жутко забавно, Джой. Но больше всего мне нравится твоя невинность.

— Да нет, — сказал Джой. — Боюсь, что я не девственник, Перри. Я-то, конечно, туп как пробка, но натрахался вдоволь.

— Да я не о такой невинности говорю.

— Вон оно что! Так скажи мне толком, о чем ты ведешь речь, Перри. Давай, Перри, потому что мне пора разобраться с этим дер-р-рьмом.

Перри так долго не сводил глаз с Джоя, что тот стал волноваться, ибо машина неслась по шоссе. Затем Перри перевел взгляд обратно на дорогу, рассеянно покачал головой, словно его внимание привлекало нечто, скрывавшееся за горизонтом, и еле слышно сказал:

— Это будет, это придет.

В приливе благодарности и нежности Джой положил руку на плечо Перри и сжал его.

— Ты мой самый лучший приятель из всех, что у меня были. — Но слова эти были лишь слабым отражением того, что он чувствовал. Джой испытывал сильнейшее побуждение говорить без остановки, вытолкнуть все слова, которые, наконец, точно дадут Перри понять, что он к нему испытывает.

— Слушай, конечно, я не могу назвать тебя своим лучшим другом, потому что, понимаешь, когда я был в этой вонючей армии, ну все такое, у меня была куча приятелей, но никто из них и половины того не сделал для меня, что делаешь ты. То есть, вот ты катаешь меня, чтобы ублажить, гамбургерами кормишь. И все это п р о с т о т а к! Ну да, конечно, для чего-то все это делается, но главное — ты р а з г о в а р и в а е ш ь со мной, черт побери, и ты говоришь, мол, Джой, то, Джой, се. Со мной никогда и никто так не обращался, у меня, черт возьми, никогда не было настоящего д р у г а, понимаешь, д р у г а! Понимаешь, что ты мне даешь?

— Да, Джой. Но теперь я хотел бы, чтобы ты заткнулся. О'кей?

Джой медленно убрал руку с его плеча и уставился перед собой. На мгновение у него перехватило дыхание, и он сказал:

— Никак я слишком разболтался.

— Да нет, все в порядке, — сказал Перри. — Просто мне хотелось, чтобы ты пока помолчал. Вот и все.

— О'кей, Перри, — ответил Джой. — Это самое малое, что я могу для тебя сделать.

9.

Свернув с автострады, маленькая спортивная машина въехала в беспорядочное скопище припаркованных трейлеров, груд строительных материалов, старых домов и

небольших предприятий, известное под именем Ньювилла, Техас, затем она оказалась на поле каких-то неопределенных очертаний, на котором не росло ни деревьев, ни кустарников, вообще никакой растительности — оно представляло собой кусок голой земли, на которой стояло большое угловатое старое здание. К нему не вели ни дорожка, ни подъезд, будто оно совершенно случайно оказалось на этом месте, брошенное неким великанским дитятей, которое завтра может сесть за свой бульдозер и вообще снести его с лица земли.

Перри поставил машину на краю поля.

Когда они поднялись по ступенькам парадного входа, зажглась лампа в портике, открылась дверь, и на пороге, заслоняясь от света, предстало высокое неуклюжее создание, именуемое Том-беби Босоногий.

Том-беби Босоногий был бледным, неловко скроенным полукровкой с редкими волосами. Головка у него была маленькая, а о плечах и говорить не стоило, но от пояса и ниже у него было крупное, крепко сбитое тело. На нем был серый свитер с большими буквами «ГАРВАРД» на груди, выцветшие рваные джинсы, кроссовки и пара золотых сережек.

— Привет, Перри, — сказал он. Голос у него был тонкий и скрипучий, с заметным техасским акцентом.

Из глубин дома раздался грозный рык:

— Да выключи ты этот свет на крыльце, Принцесса.

— Моя милая матушка хочет, чтобы вы подобрали хвосты. — Он пожал руку Перри, а затем Джою Баку.

Перри сказал:

— Джой, познакомься с Том-беби Босоногим.

— Очень приятно, — сказал большой бледнолицый индеец, пол которого было невозможно определить.

— Как поживаете, Том-беби? — сказал Джой.

Миновав холл, Том-беби провел их в гостиную. Он двигался как корова с перебитыми коленными чашечками: то и дело казалось, что он вот-вот рухнет беспорядочной грудой, из которой будут торчать только берцовые кости. Раскрыв двери, он сделал шаг в сторону.

— Добро пожаловать во дворец благословенной Матушки, — сказал он.

Комната была обставлена надежной грузной мебелью

огромных размеров — стиль, который считался модерном в тридцатых годах прошлого столетия. У вешалки, рядом с вазой венецианского стекла, в которой торчал американский флаг, висели обрамленные фотографии респектабельных незнакомцев (все с подписями), а на стене в темно-розовую полоску — в рамках же фрагменты росписи Сикстинской капеллы, среди которых большей частью преобладали спины, задницы и руки.

На подушке в центре дивана у дальней стены комнаты в позе Будды сидела маленькая карга в красном сатиновом кимоно. У нее были огромные водянистые глаза бледно-голубого цвета, обрамленные покрасневшими веками, под которыми лежали черные тени от недосыпа. Глаза были в ней главным: жадно впиваясь в человека, они безостановочно обшаривали его, и казалось, что они принадлежат не этой маленькой женщине, а какому-то огромному чудовищу, вынырнувшему из глубин ночи. В углу небрежно размалеванного кроваво-алой помадой рта она держала окурок сигареты с ярко тлевшим кончиком.

— Перри! — удивленным мужским голосом воскликнула она.

— Добрый вечер, Хуанита, — сказал Перри.

— Пожелай его моей заднице, — сказала она. И повернувшись к Джою: — Привет, сынок.

Пока Джой представлялся этой женщине, чье имя звучало как Хуанита Коллинс Хармайер Босоногая, ее сын расположился на кресле-качалке и сложил руки на животе.

— Пошел, пошел, пошел! — замахала руками Хуанита. — Займись баром, Принцесса, займись баром. Бурбона там хоть залейся.

Том-беби встал с куда большей легкостью, чем можно было ожидать от него.

— Бурбона хоть залейся, — повторил он.

Покидая комнату, он прошел мимо огромной штуки, прислоненной к стене входа в столовую: эта восьмифутовая конструкция изображала игрушечного жирафа. Джой представил себе, как Том-беби может вскарабкаться на этого игрушечного жирафа и умчатья — и не только из столовой, но и пронестись по Техасу, но жираф, конечно, ослабеет под своей ношей и рухнет, ломая кости и раз-

бросав костистые ноги. Переживая эту воображаемую катастрофу, в реальности они с Перри расселись на огромных стульях вокруг зеркального столика для коктейлей напротив Хуаниты.

— Я, — сказала она Перри, — прямо пинками подняла для тебя вечером одну сучку.

— Как всегда, Хуанита, — улыбнулся Перри.

— Гляди! — Она вытянула костистую ведьмину лапу, грязную, с желтыми табачными пятнами и до мяса обгрызанными ногтями. Она показала пару свежих царапин на тыльной стороне кисти. — Вот что она мне сделала, когда я будила ее, проклятое животное. — Внезапно Хуанита уставилась своими большими глазами в лицо Джою Баку. — Слышь, а ты любишь животных?

Джой улыбнулся ей. Но чувствовал он себя отвратительно. Когда она говорила, перед ним предстала клетка со странным созданием — полутигром, полуженщиной, которое от голода металось взад и вперед. Ему не хотелось иметь с ним дело, он вообще не хотел видеть никаких животных. Ему хотелось чего-то мягкого, толстого и доброго, полного округлых местечек, в которые можно спрятаться с головой.

— И вам достанется, — сказала Хуанита. Она повернулась к Перри. — Как ты думаешь, заражения не будет? — спросила она, имея в виду поцарапанную руку. — На прошлой неделе она укусила меня. Даже кровь пошла.

Том-беби Босоногий вернулся с бутылкой старого бурбона в руке и парой стаканчиков.

— А ты расскажи, мама, что ты с ней сделала, и они с удовольствием послушают.

— Что он там говорит? — спросила Хуанита у Перри. — Неужто что-то умное? — И полукровке. — Займись делом, Мямля, займись делом.

Том-беби протянул стаканчик с виски Перри, а другой — Джою. Приложившись к третьему стаканчику, он снова расположился в своем кресле-качалке.

Хуанита схватила со столика тарелку для печений тяжелого стекла.

— Принцесса! — угрожающе рявкнула она, имея в виду пустую емкость.

— Ох! — Принцесса искусно изобразил удивление. —

Прости меня, мама, я совсем забыл. — Поставив на стол перед ней свой стаканчик, он налил себе другой.

Хуанита отставила тарелку и подняла стакан.

— И вруби какую-нибудь музыку. У нас тут что — бордель или морг?

— Интересный вопрос, — сказал Том-беби. — Поскольку ты тут главная приманка, матушка, я склонен думать, что это среднее между...

—Заткнись! — голос Хуаниты гулким эхом отразился от стен.

Том-беби покинул комнату.

— Это дело я всегда должна растолковать незнакомому человеку, — обратилась Хуанита к Джою. — Этот толстокожий петух с дыркой на том месте, где у него должен быть член, ну да, так и есть, и с двумя таблетками вместо яиц, — так вот, он совсем мне не сын, провалиться мне на этом месте. Он всего лишь ошибка этой, черт ее побрал, полупьяной ночной дежурной в Дхонсовской больнице в Шривепорте. Она мне подсунула другого ребенка. Ты думаешь, я шучу? Слушай, я п'мню эту ночь ясно, как божий день, ту ночь, когда я произвела ребенка, я п'мню то, что уже все забыли, когда меня ни спроси; я п'мню, как все это было, и как я лежала, и что я чувствовала, и что было потом, и как мы с Дарлингтоном Босоногим валялись прямо на крыльце, наверху блаженства, и в одной руке у него была выпивка, а другой он указывал на луну. И я помню все наши бардаки, словно это было десять месяцев назад. И только не говорите мне, что в то время мы зачали на свет этого бедного Том-беби. Потому что у моего ребенка, когда он вылез из меня, были черные волосики. Я-то знаю, я-то в то время уже проснулась и глядела во все глаза, и у него были черные волосики. А какие еще волосы могут быть у сына Дарлингтона Босоногого, рыжие, что ли? Дерьмо! А что они подсунули мне на кормежку следующим утром — только рот и задница! И скажу я вам, только увидела я этот кусок мяса, груди мои тут же от ужаса и высохли. Глянь! — Она распахнула красное кимоно и продемонстрировала два болтающихся мешочка. — Думаешь, я шучу? И с того дня из них не появилось ни капли молока: начисто высохли!

— Смысл этой истории в том, — сказал Том-беби

Босоногий, возвращаясь из столовой, где ставил на проигрыватель «Кто-то раскачивает мою лодку во сне», — заключается в том, чтобы показать вам свои бедные старые сиски. И так как она ждет оценки — ну что ж, можете сказать ей, что, мол, я представляю, как вам досталось.

Хуанита вскинула брови, делая вид, что внимательно прислушивается.

— Я улавливаю каждый слог твоих оскорблений, тупоголовый. Я исписала ими уже весь блокнот. И да спасет тебя Господь, лишь он сможет с п а с т и тебя!

— Матушка, ты меня не поняла. Я сказал лишь, что теперь они хотят увидеть твое влагалище. Ясно? Вот тебе и музыка; та-таааа!

— Что он говорит, что он говорит? Скажи мне, Перри.

— Он считает, — сказал Перри, тщательно выговаривая каждое слово, — что надеется, Долорес скоро будет готова. Как и я надеюсь.

— Могу ручаться. А вот Дарлингтону Босоногому хватило бы одного взгляда на это создание — и он сразу же заподозрил бы неладное. Он родился в сорочке и каждый раз хватал меня за нос, когда я походила к нему. Словом, Дарлингтон разок взглянул на него и тут же исчез, как молния. Разве можно ругать человека за это? То есть, я хочу сказать — надо посмотреть его глазами. Папочка Д а р л и н г т о н был храбрым, чертовски храбрым человеком! Но что ему оставалось делать — брать эту мисс Джейн Уитерс за гланды, тащить в свое племя и говорить, что, мол принимайте этого малыша? Ни фига!

— Из этого, матушка, вытекает, — сказал Том-беби, — что у той, кто уже легла на спину, больших трудностей в жизни не будет, разве что ей придется иметь дело с некачественными экземплярами: с пьяницами, со слепыми и так далее. — Он застенчиво подмигнул ей и махнул рукой. — Я-то им говорил, — сказал он, повышая голос, — как т я ж е л о ты всегда р а б о т а л а, чтобы п о д д е р ж а т ь меня.

Блеснула красная молния, и стакан с бурбоном полетел в сторону кресла-качалки, в котором расположился крупнотелый светловолосый полукровка. Он взял стакан, не разбившийся, но наполовину расплескавшийся и повернулся к матери.

— Еще выпьешь?

— Хочешь знать, почему я вожусь с ним? — повернулась к Джою Хуанита. — Потому что люблю его, словно он мой собственный. Можешь звать меня полной дурой, и так оно и есть, но тут я ничего не могу сделать.

— Я тебя тоже люблю, матушка, — сказал Том-беби. — Кроме того, я люблю, м-м-м, дайте вспомнить, полицейских, змей, войну и больших волосатых пауков и... м-м-м, что же еще? А, вспомнил! Рак заднепроходного отверстия!

— Как бы он ни изображал капризную девчонку, что бы он там ни болтал, он все равно относится ко мне с почтением и уважением. Так, Том-беби?

В эту секунду фальцетом завопил проигрыватель в другой комнате: «И когда сгущаются вечерние тени, ты приходишь ко мне во сне!» Где-то в задней части дома хлопнула дверь.

— Тебя Долорес ищет, — сказал индеец своей матери.

— Иди подгони ее. Передай, чтобы она пошевелилась.

Когда Том-беби вышел из комнаты, Хуанита сказала:

— Перри, какой он бедняжка, и что с ним будет? Меня это так беспокоит! Каждый раз, как он уезжает в Новый Орлеан или Даллас или куда-нибудь подальше и пытается зарабатывать себе на жизнь, какой-нибудь полисмен накручивает ему задницу и отсылает домой к маме. У меня прямо сердце разрывается. Так что, естественно, я пристроила его к работе здесь, ты же знаешь, какой я мягкий человек, не так ли? Он только что вернулся из Пенсаколы. Его не было три месяца, и я уже стала думать — Господи, неужели я от него избавилась? Но он притащился на прошлой неделе с поджатым хвостом. Я не знаю, ч т о там у него случилось в Пенсаколе, и он н е г о в о р и т об этом. Он уродлив, он педик, он ходит как Дональд Дак, и никто не может выносить его вида. Ну, ты понимаешь меня. Так что же мне делать? Даже ради спасения жизни он не причешет волосы, и даже подмываться не хочет. Можешь себе представить, сколько я с ним натерпелась, а он даже не мое отродье! И если хочешь знать, я скажу тебе, что тут не в порядке: плохая кровь тут есть, плохая кровь, а с этим уж ничего

не сделаешь. — Она взяла бумажный платок из коробки на столе и с шумом высморкалась. — Ну да, я понимаю, ты не собираешься плакать по этому поводу. А я сентиментальная дура, черт бы меня побрал, и делаю то, что мне нравится.

Хуанита допила стакан Том-беби, и, когда напиток стал действовать, она опустила плечи, откинула голову и, закрыв глаза, сжала губы. С видом жрицы какого-то магического культа, она сделала глубокий вдох и стала быстро тыкать себя в различные части тела.

— Здесь болит, и здесь болит, тут болит, и тут болит. Кого это волнует? Меня нет. Боль меня не беспокоит. Дай-ка мне эту бутылку, Перри.

Том-беби Босоногий ввалился в комнату и снова расположился в кресле-качалке.

— Долорес хочет знать, — с облегчением сообщил он, — насколько сеньор с т а р. Я сказал, что ему примерно семьдесят три года. И теперь она плачет у себя.

Хуанита заставила его все повторить, пока наконец ясно не расслышала. Затем она распрямила ноги и встала. В это время Джой успел бросить взгляд на ее коленки, которые не имели ничего общего с его бабушкой: при той же костлявости Хуанита не вызывала такой же печали.

— Слушай, — сказала она Джою, — мне придется быть чертовски злой, так что я утащу Перри на кухню и пошепчусь с ним по секрету, ладно?

Джой с серьезным видом с готовностью махнул рукой и состроил на лице выражение, которое, как он надеялся, создаст у нее впечатление, что для него давно уже совершенно нормальное явление, когда возникает необходимость пошептаться по секрету на кухне борделя.

Выходя из комнаты, Хуанита остановилась рядом с ним, чтобы приглядеться к нему поближе. Затем она кивнула, по-прежнему не сводя с него взгляда и сказала:

— Ничего жеребчик, совсем ничего. Будь у меня такой, я бы на нем доскакала до Нью-Йорка. А здесь приходится иметь дело только с извращенцами, с деньгами и голодными бабами. Будь у меня в стойле такой молодец, уж я бы его обхаживала. — Пожав плечами, она направилась к дверям. — Но видишь, что мне досталось? — Хуанита проткнула воздух большим пальцем

направив его в Том-беби. Затем они с Перри удалились в заднюю часть дома.

Джой ясно и отчетливо понимал, что женщина, которая только покинула комнату, просто ужасна. Она говорила вещи, от которых Том-беби Босоногий десятки раз мог уже повеситься, она была потрясающе эгоистична, ревнива, и с ней никоим образом нельзя было иметь дело. Он так же понимал, что у Том-беби, сидящего со спокойно скрещенными на животе руками, — так обычно любят сидеть степенные старушки — холодный черный язык без костей, напоенный ядом. И хоть ему приходилось немало сталкиваться с темными сторонами бытия, он казался средоточием этой темноты и вызывал ужас, как змеиное гнездо. Но он, Джой, пришел сюда по зову друга. Потому что в этом месте они стоят плечом к плечу, защищая друг друга от окружающего страха; и он ясно видит — даже не понимая, как назвать это чувство (любовь? ненависть?) — что пока они связаны друг с другом, им ничего не угрожает.

Джой поймал на себе мягкий взгляд полукровки. Он поднял свой стакан и сказал:

— С прибытием тебя, Том-бэби.

Тот не стал пить. Он сидел, крутя пальцами на животе и со слюнявой улыбкой смотрел на Джоя.

— Ага, я прибыл, — сказал он, продолжая улыбаться и смотреть на Джоя.

Когда сестры Эндрю запели «Саван святой Сесилии», в дверях появилась Хуанита.

— Сынок? — Она подцепила Джоя своей лапой. — Идем, идем! У нас есть кое-что для тебя.

10.

Джой последовал за Хуанитой через столовую и по длинному темному коридору. Наконец они остановились у запертой двери. Хуанита стукнула в филенку тыльной стороной ладони.

— Все в порядке, Долорес.

Она глянула на Джоя.

— Валяй, сынок, и веселись. — Повернув ручку, она легонько подтолкнула Джоя.

В углу комнаты стояла девочка, которой было не боль-

ше семнадцати лет, невысокая, смуглая, с чистым лицом. На ней был длинный синий халат, который она плотно запахнула на теле, словно пытаясь защититься. Она смотрела на Джоя со смесью страха и враждебности и, казалось, прикидывала как бы вцепиться в него.

Закрыв дверь, Джой сделал шаг к ней. Девушка напряглась и оцепенела, когда он подошел к ней.

— В чем дело, мисс? — спросил он. Но она ничего не ответила.

Удивившись, Джой направился к дверям, но, когда он взялся за ручку, девушка окликнула его:

— Нет!

Повернувшись, он снова посмотрел на нее. Несколько секунд девушка изучала его лицо, а потом страх и враждебность постепенно покинули ее, оставив на себе лишь облегчение. Повернувшись к нему спиной, она начала неторопливо развязывать поясок халата. Освободившись от него, она сделала несколько торопливых шагов к кровати с таким видом, словно Джой хочет что-то украсть у нее. Девушка легла на спину, уставившись в потолок. Она лежала не шевелясь.

Помедлив, Джой подошел к кровати и заглянул ей в лицо. Она не глядела на него.

Он старался не смотреть на ее тело, догадываясь, что на самом деле она его не предлагает ему, но не мог совладать со своими глазами. Они быстро скользнули по кровати, отметив оливковый цвет кожи мягких округлостей, две из которых были увенчаны розетками совершенной формы и самое влекущее, самое таинственное место, закрытое темною порослью волос.

Он вытянул руки.

— Слушайте мисс, я, м-м-м...

Он хотел что-то сказать этой девушке, что-то важное и более глубокое о себе: занимаясь любовью, он понял, что не может просто так, теряя уважение, залезать на женщину, чтобы только получить удовольствие, ибо в таком случае он многое теряет. Но поскольку он сам с трудом понимал смысл владевших им эмоций, они не могли вылиться в форме речи.

— Я в общем-то не считаю... то есть, я думаю, что если вы не в настроении, почему бы нам просто не...

— Не болтай, — сказала она. — Тоже мне онанист.

Джой подошел к изножью кровати, где валялся сброшенный ею халатик. Подняв его, он накинул на нее одежду. Девушка с изумлением взглянула на него. Он несколько раз качнул головой, стараясь как можно вежливее дать ей понять, что отказывается. Она уставилась ему в лицо, пытаясь понять, какой номер он собирается откалывать. Джой предложил ей закурить. Она отказалась, и тогда он закурил сам.

Девушка долго смотрела на него, после чего, приподняв голову, положила ее на руки и пристальнее уставилась на него.

— Эй, — сказала она, приглашающе похлопав рукой по половине постели рядом с собой. Джой подошел и сел рядом. Взяв у него из рук сигарету, она потушила ее об основание кровати, оставив на его мраморе очередную черную метку.

Взяв руку Джоя, она поцеловала ее и улыбнулась. Джой тоже поцеловал ей руку. Затем она снова взяла его руку и поцеловала каждый палец отдельно. Джой ответил ей тем же и к тому же поцеловал ладонь руки. Они долго, не мигая, смотрели в глаза друг другу, а потом девушка нахмурилась и на ресницах ее повисли слезы. Видно было, ей есть что сказать, но она не хотела этого говорить, во всяком случае, в эту ночь, и не Джою Баку и, может быть, вообще никому. Наклонившись к ней, он слизнул слезы кончиком языка. Отведя голову от ее лица, он улыбнулся, демонстрируя такие прекрасные белые зубы, что девушка засмеялась. Она стала стягивать с него одежду.

Через мгновение оба они оказались рядом в постели, обнимаясь, тиская, лаская и целуя друг друга. И наконец наступил самый главный момент, преисполненная тишины секунда, нежный, опасный, самый главный момент, когда оба они затаили дыхание. До этого они дышали в унисон друг с другом. И вот после крепких неразрывных объятий пришло это легкое, легкое, легкое освобождение, когда берешь и отдаешь, даешь и берешь, и глаза девушки затуманились. Он томился в ожидании ее слов любви, которые были понятны в безмолвии, и, прождав достаточно долго, он постарался дать ей все самое лучшее, на что только был способен.

Внезапно он застыл без движения.

Девушка вцепилась ему в плечо.

Джой склонил голову набок, прислушиваясь к чему-то. Он оторвался от нее так стремительно, что девушка вскрикнула от боли, но он соскочил с постели и уставился на туалет в углу комнаты. Дверь его была приоткрыта.

Девушка села на кровати:

— Эй! Эй! Ты что, сумасшедший?

Но Джой продолжать стоять, застыв на месте, пока дверь не распахнулась сама собой. Он понял, что она вела не в туалет, а в соседнюю комнату.

На столе в ней сидел Перри. За ним стояла Хуанита, и над ними обоими возвышался Том-беби Босоногий.

Перри улыбнулся.

— Валяй, Джой, — сказал он. — Не обращай на нас внимания.

Через мгновение Перри оказался уже на полу спальни, а Джой, по-прежнему голый, сидел у него на груди и жестко работал кулаками, стараясь стереть с лица Перри эту ухмылку. Девушка завизжала, но сам Перри не сопротивлялся. Более того, он смотрел Джою прямо в глаза, явно стараясь побудить его на дальнейшие действия. Хуанита стала выкрикивать короткие неразборчивые фразы, состоящие из испанских ругательств. Джой, остановившись на секунду, поднес к лицу Перри кулак.

— И больше не улыбайся, — попросил он. — Прекрати это. Прошу. — Но Перри не прекратил, и избиение продолжалось. Девушка оказалась за спиной Джоя, изо всех сил вцепилась ему в плечи, его окружили Хуанита с Том-беби и, хватая его за разные обнаженные места, оттащили от истекающего кровью человека на полу. Джой рванулся, и в этот момент в живот ему воткнулся чей-то кулак. Кулак принадлежал Хуаните. У Джоя перехватило дыхание. Он рухнул на край кровати, стараясь набрать воздуха в грудь. Вокруг его склоненной головы стояли ноги, круг которых словно заключил его в камеру. Он чувствовал, как его ощупывает множество рук, и некоторые из них, мягкие и влажные, гладили его по спине и по бедрам. От боли в желудке и от этих прикосновений его замутило, и он начал давиться рвотой. Но он даже не мог сплюнуть. Руки продолжали прикасаться к нему, и действия одной из них привели его в панику, когда ему удалось втянуть в себя немного воздуха, он

почувствовал, что готов к дальнейшей работе. Но в это время голос Хуаниты сказал громким шепотом:

— Ты хотел этого, Том-беби...

И тут раздался грохот, и все мгновенно исчезло, а когда всплыло вновь, весь мир предстал перед ним под совершенно иным углом.

Комната превратилась в яму, напоминающую колодец, и Джой лежал на самом дне его, глядя вверх. Нет, на дне была только его голова. Все остальное, даже его собственное тело, было над ним. И на самом верху стояли люди, которых он мог видеть за своими пятками: полукровка и эта ведьма. Они о чем-то спорили, но он почти не слышал их приглушенных голосов. Словно его уши были залиты какой-то жидкой субстанцией, сквозь которую до него ничего не доносилось. Женщина куда-то уплыла из поля зрения, и Джой остался наедине с какой-то огромной желтоватой штукой, склонившейся над краем кровати. Обоими руками она тянулась к Джою. Проем дыры, в которую он был опрокинут, напрочь закрылся этой толстой штукой, и все вокруг так потемнело, что ничего больше нельзя было разглядеть. Джой почувствовал, что ему не хватает воздуха, но, задохнувшись, понял, что все еще может дышать. Он отчаянно нуждался в свете и попытался едва ли не до боли выкрутить себе шею, чтобы хоть краем глаза уловить признак света.

Постепенно до него стало доходить, что кто-то наверху старается вытянуть его из тьмы и отчаяния. Словно какая-то чудовищная сила раздвигала стены, медленно таща Джоя все выше, выше, выше. И по мере того, как он понимал, что свобода все ближе и ближе, напряжение становилось все более и более невыносимым. Он изо всех сил старался помочь той силе, что тянула его наверх, напрягая мускулы, чтобы оказать ей содействие. И тут, когда он уже почти стал осознавать происходящее, что-то глубоко внутри его сломалось и он понял, что напряжение отняло у него все силы; густым потоком, с которым он не мог справиться, жизнь хлынула из него и, к стыду своему, он понял, что пришел конец битве. Но он ничего не проиграл, и кроме, дыры над головой ничего больше не существовало, и он валялся во прахе «там, куда Перри толкнул меня, — сказал он про себя. — Мой друг, мой Перри, столкнул меня в яму».

11.

«Столкнул так, что и не выбраться! Ну, дер-р-рьмо! Любой бы на моем месте не выглядел лучше!»

Джой с отвращением смотрел на себя в зеркало. Прошли два дня, и он еще не покидал комнату. Он был бледен, у него были голодные спазмы и что-то не в порядке с затылком. Но даже в этом бедственном состоянии он без усилий усваивал новую идею, которая вертелась у него в голове: во всем этом мире есть только один человек, который принимает его интересы близко к сердцу, да и его самого.

— Ковбой, — сказал он своему отражению, обращаясь к нему с таким глубоким чувством, что его вполне можно было принять за любовь, — я буду заботиться о тебе, и никто не посмеет ухмыльнуться в твой адрес, и до самых последних дней я буду с тобой. Ты видишь эту берлогу, которая называется комнатой? Наступит день, и ты покинешь ее. И никто больше не трахнет тебя по башке... м-м-м, впрочем, пусть только попробует. — Ему нравилось слышать новые жесткие нотки в своем голосе, и в глазах появилось что-то новое, дикое и опасное, и он с удовольствием глядел на них.

В эти дни одиночества Джой обретал энергию, чтобы начать существовать. Постепенно он накалялся гневом, вспоминая старые и новые обиды — и Перри больше не представлял для него особого интереса, затерявшись среди остальных, — но вспыхивающие в нем искры ненависти дополняли друг друга и отравляли его душу яростью. Вытащив из глубин памяти все свои годы, как барахло, сложенное в сундук, он перебирал воспоминания, отбирая те из них, которые помогали поддерживать ярость, давшую основание новой силе, жившей в нем, и казалось, что все, что он мог вспомнить, шло в дело, утверждая его в мысли, что равнодушие мира к нему зиждется на ненависти. Он не знал, откуда она идет, но был уверен, что в нем есть нечто такое, из-за чего никто не хочет иметь с ним дело. Это ощущение всегда присутствовало у него в подсознании, было одним из многих, с которыми он не знал, что делать: ощущение существа, которому нет места в этом мире, чужестранца, не знающего своего флага, одного из тех, у кого нет даже соседей.

Даже там, где он рос с детства, он чувствовал себя чужаком и, осторожно оглядываясь по сторонам, вертел головой, пытаясь понять хотя бы намек на подлинный смысл слов языка, который он слышал, но который, конечно же, не был его собственным; пробуя землю под ногами, он делал каждый шаг, словно бы сомневаясь в прочности земли этой странной планеты. И теперь, тщательно, но неумело обдумывая свою жизнь, он приходил к выводу, что с самого начала стал жертвой направленной против него кампании — никогда, никогда, никогда он не должен забывать о своем положении чужака, иноземца. Он пришел к странному заключению, что почти каждый из всех, кого он знал или о ком слышал, были частью этого заговора. Даже многие из тех, с кем он делил сексуальные радости, — да они особенно — отказывались иметь с ним дело во всем остальном: получив удовольствие, они исчезали как дуновение ветерка,без всякого сомнения, издеваясь над ним за ту серьезность с которой он благодарил их. Полный гнева, он особо отметил их, но, в сущности, они не отличались от всех прочих. Он перебирал в голове и лица, и группы, и организации, которые были достойны его гнева, — и старых учителей, и армию, и своего маленького розового босса в кафе, и компанию Андриана Шмидта, что вечно толклась около магазина, и так далее. Но гораздо больше лиц проходили перед ним без имен. Среди них были и те, с кем он когда-то ходил в школу, мириады клерков, чиновников, продавцов и просто незнакомцев, которые обращались с ним со снисходительной брезгливостью или вообще не удостаивали его внимания. Список расширялся, пока не стал включать в себя учреждения, банки и библиотеки, смысл работы которых он не понимал и служители которых вечно относились к нему, словно он явился ограбить это учреждение или каким-то иным образом мешать им. В конце концов он отнес в эту категорию весь город Альбукерке, и эта мысль заставила его раскинуть мозгами: если Хьюстон ничем не лучше Альбукерке, смело можно ручаться, что Гонконг, Де Мойн и Лондон ничем не лучше Хьюстона. Следуя этой логике, карту всего мира можно окрасить в цвет его ярости.

Но как бы он ни смотрел на мир, Джой чувствовал, что кто-то скрывается за покровом его благопристойности: какой отменный сукин сын играет в прятки с его памятью. Но кто? Или что?

И как-то он вспомнил Салли Бак.

Салли Бак говорила по телефону: «Джой, что ты делаешь, радость моя? Вот и прекрасно, а теперь слушай: я договорилась о встрече на поздний час, и когда я доберусь до дома, то буду такой усталой, что, может быть, зайду в «Коня и Седло» выпить пива».

«Мой красавчик? Как ты себя чувствуешь? Слушай, вроде твоя бабушка отправляется в Санта-Фе на день Четвертого июля, и похоже, что у меня новый ухажер, неплохо для такой старушки, как я, а? А ты веди себя молодцом, идет?»

Салли Бак стоит в дверях его спальни:

«Ну сейчас и я завалюсь на боковую, сладенький мой, а то я прошлую ночь почти совсем не спала, надеюсь, что у тебя было все хорошо днем, вот ты мне все и расскажешь утречком, а то я сейчас ни одного слова разобрать не могу».

Салли Бак в своем косметическом салончике:

«Слушай, сахарный мой, эта приемная только для леди, а ты же знаешь, как они к этому относятся, так что, если хочешь, бери этот журнал домой и не играй тут».

«Эй, малыш, тебе нет смысла дожидаться меня. Я должна еще заскочить к Молли и Эду. Ну неужели ты не можешь накрыться одеялом и заснуть как хороший мальчик?»

«Табель? А разве я не подписывала его на прошлой неделе? Ты говоришь, что это было шесть недель тому назад? Господи, как время летит, давай его сюда, где мне расписываться, сзади? Вот так! А теперь беги, малыш, а то у меня и так голова кругом идет».

Салли Бак. Он так и не мог припомнить, за что же он так любил ее: глупая старая балаболка, никогда не посидит спокойно, вечно сует нос во все дырки, то вытаскивает деньги и покупает то, что давно обещала, вечно все путает, и из-под платья у нее торчит комбинация, о чем ей приходится напоминать. Единственное, что он с удовольствием вспоминал, так это ее длинные тонкие

ноги и то, с какой грустью он смотрел на ее большие костлявые колени, когда она скрещивала ноги. Даже появившись привидением в этой комнате гостиницы в Альбукерке, она, в сущности, не обратила на него внимания, а просто сидела тут, болтая, как бы заполучить обратно ее дом, о поездках верхом и о прочей такой же чепухе. Скачи, Салли, старая дура, подумал он, скачи к дьяволу. И когда ты с ним встретишься, можешь сделать ему укладку. Дер-р-рьмо.

Так кто же, стараясь быть предельно честным, спрашивал он себя, так кто же относится к нему, как к существу, которому имеет смысл посвятить день или два? Кто? Вот так возьми и скажи — кто? В памяти у него всплыло два облика и ковбойская песня. Вот эти два лица он не мог забыть: одно из них принадлежало лихому парню, а другое — человеку, который не был во плоти и крови вот уже две тысячи лет. И осталась еще только песенка: «беги со мной, мой песик, беги со мной, беги со мной...»

Вудси Найлс!

Вот Вудси Найлс в самом деле был исключением. Но что толку от него здесь и сейчас? От него осталось в памяти лишь блистательное воспоминание, слишком неправдоподобное в своем великолепии, чтобы верить в его существование, от него не осталось ничего, кроме запаха хорошего табака, гитарного перебора, подарков в виде веселых чертенят и давным-давно ушедшего лета; все это было исключением, таким редким исключением, что ему не было места в сегодняшнем взгляде на мир. Так что сияющее веселым сумасшедствием досиня выбритое лицо Вудси Найлса и крупные костлявые коленки Салли Бак он изгнал из воспоминаний: они были опасны для него, ибо заставляли стихать жившие в нем гнев и ярость. А как-то ему стало понятно, что, если он собирается иметь дело с этим миром, ему нужен весь запас гнева, скопившийся в нем.

Теперь в моечной кафе «Солнечное сияние» Джой работал куда быстрее и с куда большим напряжением. С какой-то яростью он бросал тарелки на поднос и ставил их на ленту конвейера. Словно, если он запихает в не-

насытную пасть этой машины миллионы тарелок, она успокоится и извергнет деньги...

Он толком не знал, для чего ему нужны деньги. Он знал лишь, что на всякий случай надо иметь их при себе определенное количество.

Три утра в неделю он проводил в спортивном зале, где изнурял себя упражнениями, колошматил висячий мешок и не менее восьми раз проплывал бассейн. Он видел, что его тело подсыхает и обрастает мускулами. Он массировал кожу головы, уделяя внимание волосам, понемногу приобретая предметы ковбойского гардероба, и в нем неизменно присутствовало чувство облегчения, что все изменится к лучшему, когда наконец он полностью обретет новый облик. Он представлял себе, каков он должен быть, настоящий ковбой, но старался не утруждать себя вопросом; что, в сущности, изменит в его жизни это новое обличье. Существовала индейская легенда, что рано или поздно юноша увидит во сне маску и, проснувшись, он должен приняться за работу, вырезая тот облик, что привиделся ему во сне, И вступая в схватку, он должен одевать эту маску, чтобы одержать победу. И Джой Бак чувствовал себя так, словно увидел такой сон и теперь жизнь его была посвящена лишь тому, чтобы вырезать свою маску.

В эти дни он не тратил времени, мечтая о других компаниях и вообще не позволял себе расслабиться. Если у него нет на свете ни единой живой души, о ком ему заботиться?

Но, покинув кафе, он бесцельно бродил по ночам. Хотя для Джоя такие прогулки были отнюдь не бесцельны. Спроси его, что он делает, и он не обратил бы внимания на вопрос или просто отбросил бы его, словно цель его поступков крылась гораздо глубже, чем позволяли понять вопросы и ответы. Но он бродил по городу явно с какой-то целью. Он был настороже и не упускал из виду ни одной детали улиц ночного Хьюстона, словно разведчик в стане врага. Мало что из попадавшего ему на глаза стоило запоминания. Большинство оставляло по себе след не больше того, чем мимолетное отражение в зеркале.

Но некоторые сценки из его бесконечных скитаний

по городу запали в память и всплывали в ней снова и снова.

Одним из таких беглых воспоминаний было изображение молодого голливудского актера, которое, залитое светом, украшало здание кинотеатра. Ростом в два этажа, с выгоревшими завитками волос, падавшими ему на лоб, он стоял, расставив ноги, чуть откинувшись назад и вскидывая выхваченный револьвер. Тускло поблескивающий его ствол был направлен прямо на зрителя.

Вторым образом из этой коллекции встреч, собранной по ночам, была краткая сценка на углу. Длинная белая машина остановилась перед красным светом. Женщина за рулем уставилась на высокого красивого молодого человека в ковбойской рубашке, стоявшего на углу. Двигатель у нее заглох. Но она продолжала смотреть на юношу. Через секунду она сказала:

— Никак не могу его завести.

И молодой человек ответил:

— Ручаюсь, что и не сможете без помощи, дорогая леди.

Третья картинка, запечатлевшаяся у него в памяти во время ночных прогулок, была не из тех, которые он с удовольствием вспоминал. Но нравилась ли она ему или нет, она стала одной из тех, которые он не мог забыть. Он увидел большой плакат с изображением бородатого молодого человека, в глазах которого была вся печаль мира. Над головой его венцом были расположены готические буквы послания, с которым он обращался ко всему миру, а внизу изображения густой малиновой помадой были намалеваны слова: «ИМЕЛ Я ТЕБЯ!»

И когда Джой Бак решил двинуться своим путем, он сохранил в памяти эти картинки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

Мощь автобуса «Грейхаунд» сразу же поразила Джоя Бака, и в течение первой сотни миль, что они мчались на восток, он был всецело поглощен ею: хруст переключаемых передач, шипение шин, стелющаяся под колеса

лента дороги создавали представление о машине, как о существе, которое не столько покрывает расстояние, сколько поглощает его. Рядом с водителем было свободное место, и Джой присел на него покурить, восхищаясь идеальной слитностью автобуса и дороги, которая словно бы наматывалась на колеса огромной машины, а сама она, по мере того как улетали назад мили, идеально сливалась с шоссе. Возвращаясь к себе на место, Джой попробовал переговорить с водителем:

— До чего мощная штука, точно? — Но водитель даже не взглянул на него.

Двигаясь по проходу, Джой чувствовал себя циркачом, балансирующим на спине лошади. Огромная махина, в центре которой он находился, чем-то напоминала его самого, но Джой был слишком погружен в свои мысли, чтобы осознать это. Но подсознательно он ощущал, что отныне он так же будет прорезать пространство и время, стремясь к своей цели.

Вернувшись на свое место, он улыбнулся, прислушиваясь к жившим в нем новым ощущениям, послал воздушный поцелуй блестящим сапожкам и, едва лишь закрыв глаза, провалился в глубокий непроглядный сон ребенка, которому только предстояло появиться на свет.

Таким образом, Джой проделал первую половину своего пути на Восток. Порой он открывал глаза, но и в эти минуты рассеянно смотрел на пролетающие за окном пейзажи, потому что был всецело погружен в размышления о себе и об ожидающем его будущем.

Лишь на второй день в полдень, часов за пять до прибытия на место, Джой стал испытывать некоторое неудобство. Все шло так хорошо, что это стало вызывать у него подозрения. Ему пришло на ум, что его впутали в какую-то колоссальную игру, в которой он оказался и жертвой и преследователем. Например: какого черта он отправился в Нью-Йорк и что он собирается делать? Он уставился на полку над головой, стараясь обрести уверенность при виде своей черно-белой сумки и вспоминая те прекрасные вещи, которые хранились в ней; и каждые несколько минут он прикасался к карману брюк, в котором лежали деньги. Он изучал лица других пассажиров в поисках возможного союзника — или же все они такие же странники, смутно представляющие себе, что их ждет по прибытии в самый высокий и богатый город мира.

Последняя остановка для отдыха была в Говард Джонсон в штате Пенсильвания. Джой потащил с собой сумку и провел двадцать минут в туалетной комнате, готовясь к прибытию в Нью-Йорк. Он побрился, поплескал на лицо «Флоридской водой», сменил рубашку и несколькими быстрыми движениями навел глянец на свои сапожки. Хотя здесь были и остальные мужчины, занимавшиеся тем же самым, Джой не мог устоять перед искушением покрасоваться перед зеркалом. Он отошел от него на несколько шагов, испытующе глядя на себя, чуть повернулся, не в силах скрыть удивления перед представшим перед ним обликом. Зрелище полностью удовлетворило его. Когда пощелкивая подковками, он вышел из туалета, остальные пассажиры уже сидели в автобусе. Две очень юные девушки, сидевшие в передней части машины, которые во время всего путешествия явно старались обратить на себя внимание Джоя Бака, поднимались в автобус как раз перед ним. Одна из них, возбужденная его близостью, тихонько хихикнула. Джой испытал полное удовлетворение. Проходя на свое место, он чуть приподнял стетсон и одарил их сдержанной, но теплой улыбкой, которую выработал у зеркала. Реакция у них последовала невообразимая: почти всю дорогу они пребывали в состоянии дикого возбуждения, то и дело покатываясь со смеха, вырывая друг у друга носовой платок и подталкивая друг друга. Джой совершенно успокоился и даже не мог припомнить, что еще недавно так волновало его. Что он будет делать, когда окажется в Нью-Йорке? Ну, мать твою, что может быть проще? Прямиком на Таймс-сквер, а там видно будет.

Внезапно прямо перед ними выросла зазубренная линия небоскребов Манхеттена, словно столбы в густом винограднике. Джой засунул себе руку в промежность и, сглотнув, сказал про себя: «Вот с этой штукой мне и придется иметь дело — я накину на него лассо и скручу это чертов остров».

2.

В отеле «Таймс-сквер» Джой был препровожден в свой

номер старым морщинистым коридорным, который беспрерывно называл его «сэр» и тащил ему сумку. Дав ему доллар, Джой закрыл двери и осмотрелся в номере. Он был вдвое дороже, чем в Хьюстоне, но куда более уютен, и в нем даже была отдельная ванна. Стены недавно были выкрашены в светло-зеленый цвет, постельное белье отличалось безукоризненной чистотой, а мебель вся была сделана из кленового дерева. Над кроватью висела акварель, изображающая небоскребы Манхеттена, а рядом на столике располагался телефон. Джой ощутимо вырос в собственных глазах.

Распаковав вещи, он поставил транзистор на столик у кровати. Закурив, он присел у окна, в изумлении рассматривая два своих новых мира, — за окном бурлили шумная и богатая 42-я стрит, а за его спиной было обиталище, где висела его шляпа и где он мог преклонить голову. Он долго сидел, уставившись в открытые ящики комода, и в какую-то сумасшедшую минуту оказался не в силах поверить, что все эти вещи в самом деле принадлежат ему и лежат перед его глазами, хотя он сам только что разложил их. В это краткое мгновение ему показалось, что стоит ему отвести глаза, как все тотчас же исчезнет из виду.

Он торопливо пересек комнату и остановился перед зеркалом. Он испытал облегчение, убедившись, что сам он по-прежнему здесь, но полную уверенность в этом он обрел, лишь когда махнул рукой, улыбнулся собственному отражению и выпустил клуб дыма. Затем он обследовал ящики письменного стола и туалет. Убедившись, что чувства его не обманывают, он снова прошелся по комнате, остановившись, чтобы еще раз улыбнуться своему отражение в зеркале, и сказал: «А теперь успокойся, ковбой. Ты обосновался здесь, и тебя ждет богатство». Он возбужденно покрутил бедрами, изображая совокупление, и вернулся к столу докурить сигарету.

«Нью-Йорк сити», — сказал он, глядя на улицу. Неправдоподобно толстая оборванная старуха, сидела на улице напротив под витриной кинотеатра и, поливая какой-то жидкостью из бутылки голые грязные ноги, растирала их. Никто не обращал на нее внимания. Полисмен, проходя мимо, с интересом посмотрел на нее, и пошел дальше.

— Вот такая комната, — обратился он к транзистору. Он повернул ручку настройки, надеясь, что звуки музыки заставят его окончательно поверить в реальность новой жизни.

Высокий, едва ли не истерический женский голос объявил: «Вот это моя система!» — женщина захихикала. Усиленный электроникой мужской голос произнес: «Ну и ну! Это превосходит все, что я слышал! Значит, когда вас мучает бессонница, вы просто вылезаете из постели?» «Да!» — завопила женщина, теряя над собой всякий контроль. «Ради бога, чем же вы занимаетесь?» — вопросил мужчина. «Я включаю свет! — не дыша ответила она. — И одеваюсь! И принимаюсь за дела, даже иду готовить! или печь!» Чувствовалось, что женщину настолько переполняли чувства, что она была не в состоянии связно говорить. Мужчина сказал: «А не чувствуете ли вы себя УСТАЛОЙ на следующий день?» «О, нет! — с мрачной серьезностью, словно ее обвинили в чем-то недостойном, типа симуляции, заверила женщина. — Честное слово, нет, клянусь вам!»

Джой почувствовал жалость к этой женщине, но в то же время ему понравился диалог. Ибо, похоже, он подтверждал все те слухи, что ходили о женщинах с Восточного побережья. И вслух он сказал: «Мне-то совершенно ясно, что с вами делается, леди. Стоит мне добраться до вашей радиостанции, я быстро приведу вас в форму».

«Конечно, — сказала женщина. — Ну тут у микрофона у меня просто подкашиваются ноги!» — и слышно было, что она чуть не впала в истерику.

«Ну-ну! — глупо хмыкнул ведущий. — Я надеюсь, что вы не свалитесь до того, как споете нам!»

И он поставил пластинку, на которой женщина, спокойным голосом, перекликаясь с эхом в студии, спела «О, мое глупое сердце».

Пока она пела, Джой выдвинул ящик стола. В нем он нашел шариковую ручку и две открытки с видом отеля. Рассмотрев одну из них, он выяснил, где находится окно его номера. Обведя его овалом, он перевернул открытку и написал «Дорогая» в месте, предназначенном для письма. И тут он остановился, пытаясь понять, к т о

жает а дорогая. Не в силах придумать имя, которое следовало вписать, он разорвал открытку напополам и выкинул ее через окно.

Леди в транзисторе опять страдала, но на этот раз из-за л ю б в и . Джой взял вторую открытку, снова обвел свое окно и чиркнул: «Это я» — через все небо. И на второй стороне, уже ни к кому не обращаясь «дорогая», он написал: «Ну, вот я и здесь — Нью-Йорк совсем не такой большой город, и я нашел место, которое очень чистое к тому же...». В графе, предназначенной для адреса, он написал «Дерьмо». Затем порвал карточку надвое и сказал: «Провалиться мне на этом месте, если я приехал сюда, чтобы писать открытки». Но едва только выбросив ее обрывки через окно, он вспомнил, кому бы он мог ее отправить: своему коллеге-негру по мойке в «Солнечном сиянии». Высунув голову в окно, он проводил взглядом обрывки, плавно опускающиеся вниз. Один из них, казалось, мог упасть на шапку-пирожок прогуливающегося моряка, но тот успел влиться в толпу пешеходов, высыпавших на улицы ранним вечером.

3.

Джой ускорил шаги, чтобы оказаться на углу в одно и тоже время с респектабельной дамой. К счастью, зажегся красный свет, под надзором которого им придется постоять рядом, и тут может как-то завязаться разговор, в ходе которого леди, может быть, изменит ее сдержанность. Парк-авеню разочаровала его: в сумерках на ней прогуливалось всего лишь несколько человек и никто из них не удостоил его второго взгляда. Его вера в себя и успех своих намерений носила в лучшем случае очень хрупкий характер, и он должен был поторопиться не терять времени даром, подавляя всякие сомнения, которые могли окончательно обезоружить его.

Например, поведение данной леди, за которой он следовал, ни в коей мере не свидетельствовало, что она хочет обрести то, что он мог бы ей предложить. Но он знал, что, если хоть на мгновение поддастся ее безукоризненной уверенности, которая сказывалась в каждой черточке ее облика и в каждом движении, решимость покинет его раз и навсегда.

Она была хрупкой женщиной с каштановыми волосами, среднего роста. Когда она шла перед ним по Парк-авеню, Джой восхищенно глазел на ее лодыжки. Они были стройные, прекрасной формы и, казалось, говорили: «Мы не очень сильные — но все же силы у нас хватит — и богатства тоже».

На углу 39-й стрит, ожидая переключения светофора, Джой снял шляпу и приложил ее к груди.

— Прошу прощения, мэм, — сказал он, приводя в движение все мускулы лица, чтобы изобразить мужественную улыбку. — Я тут в городе новый человек, только что из Хьюстона, Техас, и ищу Статую Свободы.

Богатая леди не мешала ему любоваться ее профилем, тонким и изящным, но не подала и виду, что слышит его слова.

Когда свет сменился, леди пересекла Парк-авеню. Джой последовал за ней. Оказавшись на другой стороне улицы, она остановилась и повернулась к нему, сказав:

— Вы что, шутите? Относительно Статуи Свободы? — Тон ее был сух, но в нем не было ни враждебности, ни симпатии.

— Шучу? Нет, мэм! О, нет! Я в самом деле это и имел в виду.

— В таком случае, простите меня, — сказала она, колеблясь, но по какой-то причине, ясной только для нее, решила продолжить разговор. — Мне кажется, вы пытаетесь что-то... впрочем, неважно. — Она улыбнулась, и Джой внезапно растрогался, увидев следы былой красоты, присущей ей в далекой-далекой молодости — возраст чуть тронул ее кожу, но все же в глубине ее ярко-голубых глаз была та искренняя симпатия, которая свойственна только юности.

Она повернулась лицом в южную сторону.

— В сущности, я и сама никогда не видела ее, разве что только с борта судна. Но вот что вы должны сделать... дайте мне подумать. Вы должны сесть на подземку, да, я уверена, на Седьмой авеню и доехать до конца линии. Хотя, впрочем, я не уверена. Лучше вы спросите кого-то еще и действуйте смелее, понимаете?

Джой был так тронут отношением женщины, что с трудом разбирал слова, но каждое из них, слетавшее с ее губ, казалось ему верхом совершенства.

— Ну до чего же вы красивая женщина, — сказал он, удивляясь самому себе.

Женщина быстро отпрянула от него, повернулась и так покраснела, что он сам смутился.

— О! — сказала она, пытаясь нахмуриться, но чувствовалось, что она не привыкла это делать. — Вам же совсем не нужна Статуя Свободы.

— Да, мэм, — сказал он. — Не нужна.

— Тогда почему же... о, это просто ужасно. Как вам только не стыдно?

Но лицо ее расплылось в улыбке, покрывшись сетью морщинок, и в яркой голубизне ее глаз он увидел неприкрытую симпатию к себе. Ее лицо, особенно эти потрясающие глаза, казалось, говорили: «Мы с вами удивительные люди, которые понимают всю красоту мира, скрытую от прочих, а теперь после столь приятной тайной встречи, мы должны расстаться».

Но вслух она просто пожелала ему счастливого пути. И ушла.

Он смотрел ей вслед, отметив, что ее стройные бедра живут словно сами по себе. Это ему понравилось. Но он почувствовал легкую спазму в желудке. Ему всегда нравилось смотреть вслед проходящим женщинам, обращая внимание, как они подчеркнуто покачивают попкой из стороны в сторону и в то же время так гордо держат голову, что ты начинаешь думать, как будто мысли их где-то за семь тысяч миль в Ледовитом океане и так же холодны и невозмутимы. Но сейчас ему было не до этих милых радостей; Джой Бак чувствовал слабость и жжение во всем теле; ему пришлось напрячь мышцы бедер, чтобы сохранить равновесие и со всей слой поджать пальцы ног.

— Симпатичная баба, — приглушив голос, вслух сказал он, глядя, как она идет по 37-й стрит. — И богатая к тому же, — добавил он, следуя за ней по другой стороне улицы и восхищаясь каждым ее шагом. — Жалко, что такую не купишь, — добавил он, видя, как она, повернув, поднялась по ступенькам большого кирпичного дома.

Он смотрел, как она открывала дверь. Он видел, как она вошла в дом. А затем он издал некий нечленораздельный звук, в котором была тоска, холодком тронувшая ему сердце: дверь закрылась.

Он присел на соседнюю скамейку и, продолжая наблюдать за зданием, пытался понять, в чем смысл доставивших ему новых страданий. В темных окнах бельэтажа внезапно бесшумно вспыхнул свет. Он был янтарного оттенка, теплым, как плоть, но Джой не мог понять, почему ему так больно смотреть на него. Он понимал только, что время сумерек кончилось и пора хорошенько выпить.

Он заставил себя встать на ноги и снялся с места. И очень скоро наткнулся на другой тип богатой леди.

4.

Эта вторая дама прогуливала белого французского пуделя по Лексингтон-авеню в районе 39-х улиц. Джой наткнулся на нее, когда она любовалась желтыми соцветиями в окне цветочного магазина.

Пудель был таким крошечным, что смахивал на игрушку, но хозяйка его отличалась внушительными размерами. Она была похожа на кинозвезду, крах карьеры которой наступил из-за неумеренного обжорства. Жгучая брюнетка, она носила накладные ресницы длиной в три четверти дюйма, а на лице и ногтях был наложен густой слой краски. Многочисленные украшения придавали ей вид марионетки, которой управляет рука кукловода: кто это там у нее внутри, думаете вы, глядя на маленькие зеленые глазки крупной куклы, уставившейся на вас.

Пока она изучала бутоны, Джой пристроился рядом и настойчиво уставился на розы, пока не понял, что она обратила внимание на его присутствие.

— Идем, Беби, — с наигранным оживлением сказала она, обращаясь к собачке, которая крутилась под ногами. — Не серди мамочку. Идем же, сладкая моя.

Джой прижимал к сердцу свой стетсон.

— Прошу прощения, мэм, — сказал он. — Я в вашем городе как с неба свалился, только что приехал из Хьюстона, Техас, и надеюсь, что мне удастся взглянуть на Статую Свободы.

Недоверчиво приоткрыв рот и приподняв брови, женщина окинула его недоверчивым взглядом.

— Вы надеетесь взглянуть на ч т о?

— На Статую Свободы, — сказал он, улыбаясь и щурясь, словно его слепило сияние луны. Точнее, он слегка скривил губы, будто стараясь скрыть непроизвольную улыбку, что не могло не вызвать к нему определенного интереса.

Встретив его взгляд, леди выдержала его с твердостью, достойной мужчины.

— Вам бы лучше прошвырнуться в Центральный парк, — сказала она. — Если поторопитесь, успеете на большое шоу. А теперь проваливайте. — Голос у нее был хриплый и громкий.

Но едва он собрался отступить, эта вторая леди подмигнула ему. И улыбнулась недвусмысленно провокационным образом. Удивленный, он уставился ей вслед, когда вихляющей походкой она пошла по Лексингтон-авеню в своей плотно обтягивающей черной юбке и розовых туфлях на высоких каблуках, в сопровождении бежавшей за ней собачонки.

У светофора она остановилась, ровно на четыре секунды, смерила ковбоя взглядом, улыбнулась, а затем, нагнувшись чтобы подобрать собачку, исчезла за углом, что-то ласково нашептывая пуделю, который удобно устроился на сгибе руки.

Поспешив за угол, Джой увидел, что она поджидает его под навесом дома с квартирами. Леди, убедившись, что он последовал за ней, двинулась внутрь здания.

Через секунду и Джой миновал створки солидных золотых дверей — может, они и не были на самом деле золотыми, но, во всяком случае, создавали впечатление, когда вы проходили мимо них, что деньги отныне не являются проблемой. По ковровой дорожке он дошел до лифта, в котором стояла леди, гордо глядя перед собой и делая вид, что не замечает его. Но как только двери лифта с мягким чмокающим звуком захлопнулись за ними, Джой почувствовал, как длинный язык леди буквально засосал в себя его губы, а животом она настойчиво терлась об него. Затем, несмотря на свои внушительные размеры, она улыбнулась как маленькая девочка и сказала: «Привет». Джой передернулся.

Пудель гавкнул, раздался еще один чмокающий звук, и они вышли из лифта прямо в квартиру, застланную пушистым ковром.

Леди взяла его за руку.

— Мне надо пару дзинь-дзинь, — сказала она, таща его за собой к бело-золотому столу, на котором стоял телефон.

Одной рукой, набирая номер, другой она расстегнула пуговицы его рубашки и стала возиться с «молнией» брюк.

Все последующее произошло с такой быстротой и в таком стиле, что они превзошли даже самые смелые фантазии Джоя.

— Это Кэсси Трехьюн, — сказала в трубку богатая леди, запустив левую руку в брюки Джою. — Есть какие-нибудь послания для меня? Кто это? Имельда? Привет, радость моя. Есть что-нибудь для меня? Нидлмен, так, ясно. Как давно? Я говорю, к о г д а? О'кей, это где, на Мюррей-хилл, пять? Нет, нет, я беру его. Беру, Имельда, так и есть, черт возьми. Понимаешь? С п а с и б о! Привет.

По-прежнему держа трубку, она нажала большим пальцем на рычаг. Затем посмотрела вниз — выяснить, что удалось найти ее левой руке.

— О, господи! — восхищенно воскликнула она и занялась находкой, продолжая в то же время набирать номер в Мюррей-хилле.

— Мистера Нидлмена, будьте любезны.

Наступила пауза, в течение которой она приподняла рубашку Джоя и, повернувшись задом, прижалась к нему, притянув его руки себе на талию.

— Добрый день, мистер Палбаум, что вы там делаете? Благодарю вас, отлично. Просто потрясающе. — Наступила еще одна пауза, и она прижалась ухом к губам Джоя. — О, Господи, да прекратите же, — простонала она, — Я не могу этого вынести, я просто умираю. М о р и? — Голос ее обрел ласковую мягкость, словно она заманивала ребенка в газовую камеру обещанием печенья. — О, Мори. Как я ждала твоего звонка. Я гуляла с Беби. Нет, радость моя, я выходила только на минутку. Ну да, конечно, я раньше с ним выходила. Примерно в три часа. Но, радость моя, я интересовалась и для меня

ничего не было. Ведь ты не оставил мне никакого послания, не так ли? Ну, хорошо! Вот что я тебе скажу! О, да ты меня просто с ума сводишь. Я с ума схожу, мне просто плохо. Еще немного, и я заблюю весь ковер. Мори, понимаешь, что я этого больше н е м о г у в ы н е с т и? Тебе нужно от меня только одно...

Хихикнув, она продолжила:

— Конечно, я не это имею в виду, глупенький. Слушай, когда ты можешь прийти? — Повернувшись лицом к Джою, она засунула ему язык в рот. Никакой страсти в ее действиях не чувствовалось; ею руководил чуть ли не клинический интерес, с которым она решила исследовать состояние зубов у него во рту. Затем, быстро завершив испытания, она снова обратилась к телефонной трубке. — Ну ладно, если ты так считаешь, но я буду очень разочарована. — Подмигнув Джою, она показала ему руку с перекрещенными на счастье пальцами. — Ты спрашиваешь, что я буду делать, Мори? — Ну, сосну часик-другой, пообедаю у телевизора, а потом буду долго одеваться. Убивать время. Очень хорошо, куколка моя, в полночь у Джили, и я вне себя от ожидания.

Она издала звук в трубку и закончила разговор, изображая детское сюсюканье.

— Нет, нет, тебе достанется только р а з о к! Я тоже у ж а с н о люблю тебя.

Повесив трубку, она обратила полное и безраздельное внимание на Джоя.

Последовавшие события происходили в трех комнатах, и свидетелем большинства из них был маленький пудель. Начав у стола, они переместились к столику для коктейлей и к пуфику. Затем, когда они оказались у мойки на кухне, пудель потерял к ним интерес и покинул помещение. Через несколько минут Джой и леди перебрались в спальню. Обнаружив, что кровать уже занята собакой, они разместились на полу.

Скоро они уснули прямо на пушистом белом ковре, и, пока они дремали, сгустились сумерки.

Джой проснулся от странного ощущения: ему показалось, что пудель лижет ему пятки. Он осторожно отдернул ногу. Тут же он почувствовал, что его схватила за лодыжку чья-то рука. Он открыл глаза и увидел, что его покусывает за щиколотку сама леди. Присев, он потя-

нулся к ней, но она игриво отпрянула от него и голая выскочила на террасу. Восхищаясь ее размерами, он последовал за ней, с удовольствием обнаружив, что был занят делом в пентхаусе, особняке на крыше. Он погонял ее по террасе, пока наконец она, едва переводя дыхание, не позволила ему притиснуть себя к перилам, которые предохраняли от падения с пятнадцатого этажа.

— Т-с-с! — сказала она, глядя вниз и прижимая палец к губам. — Звезда взошла, и яркий свет, тот первый свет — вот что хочу, вот что хотела бы всю жизнь видеть над собой; о, в о т о н а! — Она перегнулась через перила, прижавшись к ним животом и всем видом приглашая Джоя примкнуть к ней сзади.

— О-о-о, — протяжно простонала она, — я так боюсь, я так боюсь в ы с о т ы.

В каждой руке Джоя лежало по ее ягодице, и Джой искренне наслаждался их полновесностью.

— Ну, от себя-то я тебя не отпущу, — сказал он, решительно приступая к делу, которого ждала от него леди.

— О, господи! — вскричала она. — Что ты делаешь, ведь это же просто ужасно, я никогда и не слышала о таком... — И тут она замолчала.

Долгим взглядом с севера на юг Джой обвел огромный остров Манхеттен, а затем увидел себя — на крыше одного из его небоскребов, голым под звездами, сливающегося с женщиной, — и испытал глубочайшее потрясение. Он увидел себя словно в двух ипостасях, одна из которых представляла то, о чем он всегда мечтал, и на этой террасе, и в ту ночь они существовали словно отдельно друг от друга — и вот наконец они слились. Он застыл на несколько секунд, чтобы продлить это ощущение чуда, и глаза его наполнились слезами. Он испытывал момент подлинного счастья.

Но леди нетерпеливо дернулась, давая ему понять, что следует уделить внимание самому главному делу.

5.

Первое предположение Джоя относительно состояния Кэсс Трехьюн опрометчиво исходило из двух факторов: из изящества и хрупкости ее собачки, на содержание

которой надо было ухлопывать кучу денег и из-за обилия фальшивых камней на ее запястьях, которые он ошибочно принимал за алмазы. Ошибочность оценки усугублялась еще одним неправильным заключением: у того, кто обитает в пентхаузе, денег должно быть больше, чем у архиепископа.

Тем временем, когда минуло половина одиннадцатого, и Кэсс готовилась к своему полуночному свиданию с мистером Нидлменом, Джой советовался со своим отражением в зеркале у кровати в спальне.

— Слышь, Кэсс, — начал вслух репетировать он, — я хотел бы тебе сказать, что сегодня у меня самый лучший вечер в жизни! Провалиться мне, если это не так. Так что ни о каких делах не может быть и речи, ха-ха.

Прикинув, что такое начало может произвести довольно убогое впечатление, он пошел по другому пути.

— Эй! Ну, ты и классная штучка! — Опершись обеими руками на туалетный столик, он внимательно рассматривал свое отражение в зеркале. — Ты можешь подкинуть мне двадцатку? «О, КОНЕЧНО, беби! — сказал голосок у него в голове. — Бери пятьдесят. Хотя, видит Бог, ты достоин и сотни».

Облизав губы, он послал воздушный поцелуй самому себе в зеркале и снова улыбнулся.

Кэсс на цыпочках вышла из ванной — в полном макияже, но все еще голая. Почему-то застеснявшись, она закуталась в полотенце.

— Не смотри, — сказала она.

— Слышь, Кэсс, — сказал ковбой. — Я, м-м-м... ей богу, мне жутко понравилось вечером.

— Мне тоже, любовничек, — раздался голос из-за двери гардероба.

— Честное слово, никогда в жизни так не было!

К нему приблизилась башня цвета слоновой кости, украшенная россыпью черного стекляруса. — Застегника эту «молнию», техасец.

Джой затянул «молнию».

— Понимаешь, Кесс, — затем сказал он, — я, м-м-м, ну, говоря по правде, я занят делом.

— Бедняжка, — сказала она, усаживаясь за туалетный столик и опрыскивая волосы лаком. — Мори просто уж-жасно страдает от язвы.

— М-м-м, — задумался Джой. — Ну, я не знаю, чем там занимается твой Мори, — сказал он, помедлив, — но у меня совсем другие дела.

Кэсс была всецело занята собой.

— Да, на Мори ты совсем не похож, — сказала она, — как там ни крути. Уж можешь мне поверить. — Она внимательно изучала себя в зеркале. Обнаружив неровно наложенную помаду, она взялась за тюбик.

— В сущности, — сказал Джой, выдавливая из себя слово за словом, — я игрок. И сутенер.

ВОТ ТАК!

— Хм-м-м, — сказала она, закусывая нижнюю губу и покрывая ее густым слоем оранжевой помады. Она пробормотала нескольких непонятных слов.

— Прости?...

Она вернула губы на место и закрыла тюбик помады крышечкой.

— Говорю, что каждый зарабатывает на жизнь, как умеет.

Джой хмыкнул.

— Ты уверена, что слышала мои слова?

Кесс не ответила на это. Но Джой приободрился, увидев, как она встала и подошла к столику, на котором лежала ее сумочка.

— Прости меня, милый, — сказала она. — Боюсь, что крепко поиздержалась. Может, ты мне подкинешь.

Она открыла сумочку. Джой поежился. Краем глаза он видел, как она подошла к нему и опустила сумочку на уровень его глаз.

Она была распахнута, и в ней было совершенно пусто.

— Техасец, — сказала она, — не подкинешь ли мне немного мелочи на такси-макси. А то я не успела сегодня забежать в банк. — Сев, она положила подбородок на руки и умиротворенно посмотрела на него. — Ты ТАКАЯ куколка! — сказала она. — Я просто ненавижу деньги, верно? Господи, да это просто смешно!

Джой был потрясен до мозга костей, но быстро оправился. Он выдавил из себя смешок и сказал:

— В самом деле, смешно, что ты говоришь о деньгах. Я сам собирался одолжить у тебя немного. — Он попытался сопроводить свою просьбу легкой усмешкой, но она застыла у него на губах, поскольку и воздух в ком-

нате и все окружающее превратилось в сплошную глыбу льда. Прикрыв глаза, он сжался, чтобы переждать эту невыносимо долгую опасную минуту.

Наконец, по-прежнему подпирая подбородок скрещенными руками, женщина сказала тихим бесстрастным голосом: «Значит, ты хотел бы получить денег от МЕНЯ? Так? Ты просишь меня о деньгах, да? Вот что тебе надо — получить от меня денег? — Джой был не в состоянии вымолвить ни слова, но Кэсс прочитала ответ в его взгляде. — Ты кусок дерьма! — с силой сказала она. — Ты подонок! Ты сукин сын! Ты, наверное, решил, что имеешь дело с какой-то старой шлюхой! Ты только посмотри на меня: мне тридцать один год! Ты решил, что провел со мной время и можешь набить мошну, так? Ну, ты явно рехнулся. Да тебе такой женщины, как я, вовек не видать, мне только тридцать один, чтобы ты понял! Да я, не моргнув глазом, убью тебя!»

Глаза ее внезапно заволокло слезами. Зарыдав, она бросилась ничком на кровать, выдавливая из себя слова типа «Да у меня никогда в жизни...» и тому подобные, которые разобрать было очень трудно, так как она засунула пальцы себе в рот.

Джой поднялся. Он не имел представления, что ему делать и что говорить. Он закурил, кинул спичку в пепельницу и глубоко затянулся. Подойдя к женщине, он нерешительно остановился, глядя на ее тело, словно ожидая подсказки, как ему себя вести. Ее голые плечи тряслись от рыданий, и вся она напоминала кита, выброшенного на берег. Его поразила глубина горя, которое сотрясало такую тушу.

— Эй, — сказал Джой, садясь с ней рядом. — Эй, КЭСС! — Положив руку ей на спину, он принялся нежно водить по ней взад и вперед. — Неужели ты в самом деле подумала, что я это думал? Ну, насчет денег? Господи, да я хотел только разыграть тебя. — Вот черт! А я думал, что у тебя прекрасное чувство юмора и ты тут же поймешь, что я дурачусь.

Он склонился к ней, стараясь утешить ее.

— А! Да ты просто притворяешься. Ты вообще не плачешь. Слушай, так сколько тебе нужно на такси? — Он вытащил деньги, всю пачку. — Сколько тебе нужно, радость моя? Пять? Десять? Давай же выкладывай, черт бы тебя побрал.

Выпрямившись, он помахал деньгами у нее перед носом.

— Открой глазки. Глянь-ка! Стал бы я просить у тебя денег, когда у меня их такая куча на заднице? Пошевели мозгами! Господи, да я же из техасского Хьюстона, и мой папа нефтяник! Я никогда в жизни ни у кого и цента не одалживал. Ну, ты кончишь хныкать?

Она стала рыдать еще горше и отчаяннее. Он сунул ей пачку носовых платков, взятых с ночного столика. Она прижала их к лицу, продолжая всхлипывать.

Он тихонько прошептал ей на ухо:

— Эй, — и легонько коснулся ее щеки. — Ты СОВЕРШЕННО потрясающая баба, Кэсс. Мужик только взглянет на тебя, и тут же сходит с ума.

Она открыла глаза. Джой кивнул.

— Точно, — сказал он.

Затем он взял двадцатидолларовую бумажку и засунул ее в ложбинку между грудями.

— Вот туда ее.

Кэсс Трехьюн села и прочистила нос.

6.

Оставив апартаменты Кэсс, Джой отправился в ближайший салун выпить. Он здорово устал, и в голове у него был сплошной туман. В памяти у него все время всплывала та жуткая баба в техасском борделе, мать Том-беби. Он понять не мог, почему физиономия этой ведьмы все время крутилась у него перед глазами, но она появлялась снова и снова.

Он сделал еще один глоток, надеясь, что жгучая жидкость прочистит мозги и он начнет что-то соображать. Он решил пройтись, разглядывая окрестные вывески, но плохо представлял, куда направляется. К полуночи он обнаружил себя в другом салуне, крепко напоминающем большой бордель под названием «Эверетт», где-то на Бродвее в районе 40-х улиц. Телевизор и музыкальный ящик, как электронные психи, перекрикивали друг друга, и извергаемый ими шум, отражаясь от истертого пола, эхом уходил к потолку из оцинкованного железа,

производя жуткий грохот, но никто из двадцати или около того посетителей бара, казалось, не обращал на него внимания.

Джой пропустил две порции ржаного виски, сопроводив их пивом. Затем, закурив, он поискал глазами зеркало, взгляд в которое мог бы придать ему уверенности. Снова перед ним вспыхнула Хуанита Босоногая, давая понять, что расставаться с ним она не собирается. Он видел, как она сидела на корточках, подманивая его, подобно дьяволу, приглашающему в ад. Он видел, как она разевала пасть, слышал даже звук ее голоса, но слова были неразличимы. Обнаружив зеркальце на небольшом автомате для сигарет, он купил совершенно не нужную ему пачку «Кэмела» и увидел свои усталые глаза, по-прежнему видя перед собой Хуаниту. Она перекрывала собой весь Нью-Йорк, и он уже смирился с тем, что она даст ему какой-то совет.

Совет.

Он должен выслушать его, хоть от кого-нибудь, вот в чем было дело. Эта мысль завладела им, он не может в этом городе и шагу ступить без того, если не найдет кого-нибудь, кто знает тут ходы и выходы и сможет дать ему дельный совет.

Обретя новое расположение духа, Джой увидел, что на него уставилась некая личность, которая появилась тут во время его отсутствия: костлявый парень детского телосложения, который расположился по соседству с ним.

Поймав взгляд Джоя, он улыбнулся и слегка махнул ему рукой.

— Ты уж меня извини, что я глазею, — сказал он с явным нью-йоркским акцентом, — но я просто восхищаюсь такой потрясающей рубашкой. — В немом восторге он покачал головой. — Черт, ну и рубашка! Бьюсь об заклад, что она тебе недешево обошлась, верно? — Он говорил шепотом, но настолько серьезно, что Джой увидел в парне намерение установить конспиративные отношения. Он тут же догадался, даже не отдавая себе отчета, что такая манера разговора говорит о тесном знакомстве с уголовным миром.

— Да, уж н е д е ш е в а, — скромно сказал Джой. Он уперся кулаками в бедра и осмотрел себя сверху донизу. — То есть, ага, я бы сказал, что рубашка в самом деле стоящая. Знаешь, я как-то не привык таскать дешевые вещи. Точно.

И тут Джой внезапно понял, где он получит совет, в котором так нуждался.

Он протянул руку:

— Джой Бак из Хьюстона, Техас. Что ты скажешь, если я поставлю тебе выпить?

Они обменялись рукопожатием. Давно не мывшийся маленький кудрявый блондин представился как Рико Риччио из Бронкса. Он производил впечатление человека, понимающего, что к чему и почем. И знал, как слушать собеседника: в его больших карих глазах были внимание и сочувствие, и у него были большие настороженные уши, словно чья-то рука была постоянно приставлена к ним, чтобы они не потеряли ни звука.

Пока они разговаривали, Джой угостил Риччио выпивкой и дал закурить. Чувствуя себя в данной ситуации хозяином, он старался, насколько возможно, почтить своего гостя, постоянно подливая ему пива и поднося огонька.

Джой убедился, что ныне он открыл сокровенную сущность алкоголя. Он не только придал ему чувство уверенности в общении, но и раскованность языку, и он во всех подробностях изложил внимательному и восхищенному слушателю детали представшей перед ним дилеммы. И когда Риччио проявил осторожный интерес к финансовому положению Джоя, тот с подчеркнутой аккуратностью выложил ему точно девяносто один доллар. Наличными. Из бокового кармана. Того, что слева.

Риччио предложил, что их необходимо посчитать. Просто для точности.

В этом месте беседы внимание нового друга Джоя было отвлечено появлением двух молодых людей. Войдя, они расположились у дальнего конца стойки. Риччио явно дал понять, что не рвется встретиться с ними. Он предложил Джою уединиться в кабинке.

Следуя за Риччио в заднюю часть бара, Джой обратил внимание на две вещи, касающиеся того. Во-первых, он был инвалидом. Левая нога его была меньше и короче, скорее всего, в результате болезни в детстве. При ходьбе он при каждом шаге клонился на сторону, напоминая

качели. Второе, что отметил Джой, заключалось в том, что большие уши, в своей оттопыренности далеко отстоящие от головы, казалось, не принадлежали их хозяину. Внезапно ему показалось, что коротышке не больше двенадцати лет, и он сделал усилие, чтобы не дернуть его за рыжеватый вихор.

Когда они рассаживались, заняв отгороженную нишу рядом с орущим музыкальным ящиком, Джой заметил, что Риччио взял обеими руками свою левую ногу и засунул ее под стол. Он стиснул зубы и побледнел от напряжения при этом усилии.

Для Джоя это было решающим моментом: он увидел, что его новый друг страдает от боли, и, может быть, живет с постоянным ощущением ее, что угрожало нарушить так блистательно складывающуюся дружбу. Алкоголь придал Джою особенно острое ощущение бытия, и он во всей обнаженности увидел жизнь, которая доныне была скрыта от него: всегда, в самые лучшие часы, перед тобой может всплыть ее внезапное безобразие. Ты можешь быть наверху блаженства, но одно слово ввергает тебя в глубины печали. И это, и понимание того, что он ничего не может сделать с больной ногой друга, вызвало у Джоя гнев, который перешел едва ли не в ярость. Эту ярость он не мог долго сдерживать в себе, поскольку перед глазами постоянно был ее источник. Внезапно взгляд его упал на музыкальный ящик. Он начал извергать оскорбления по поводу звуков, которые тот издавал, и перед его мысленным взором предстал лихой ковбой, который одним точным ударом гасит все его мигающие огни. Он встал, решив предотвратить этот образ в реальность, но внезапно его остановило выражение лица Риччио, на котором он увидел удивление и страх.

Джой со смущенным видом улыбнулся и направился в туалет. По пути он выяснил, что выпитый алкоголь оказал на него и побочный эффект: его мутило, и у него кружилась голова. Ему придется скорее добираться до туалета, если он не хочет, чтобы его вывернуло тут же на пол.

Чуть позже, умываясь над раковиной и сполоснув рот, он с удивлением услышал отразившийся от зеркала свой громкий голос, который на самом деле был голосом Хуаниты Босоногой, и куда более звучным, чем его собственный: «Выпей-ка и освежись, ковбой, это тебе поможет».

«Заткнись, старая ведьма, я сам знаю, что мне делать», — сказал он, стараясь придать твердость своему голосу.

Вернувшись к столику, он сказал:

— Ну вроде с меня хватит пить. Баста.

Риччио, погруженный в какие-то свои мысли, кивнул и взглянул на Джоя прищуренными глазами.

— Я пока тут прикинул, что к чему, — сказал он, с трудом выталкивая слова из горла, в котором, казалось, громоздилась куча гравия. — Тебе повезло, Джой. Дайка мне сигарету.

Джой торопливо протянул ему «Кэмел» и дал прикурить. Чувствуя, что наступил едва ли не самый важный момент в его жизни, закурил сам и, глубоко затянувшись, наклонился вперед.

Риччио выпустил клуб дыма. Затем покивал, не сводя глаз с Джоя Бака. Раза три или четыре он промычал «М-да», каждый раз рассматривая собеседника под каким-то новым углом.

— Знаешь, что тебе нужно? — наконец сказал он. — Мистер О'Даниел.

В этот момент чертов музыкальный ящик опять взорвался грохотом, и Джой не уловил имени человека, который был ему так нужен.

Риччио аккуратно вытащил изо рта табачную крошку и внимательно изучал ее, держа большим и указательным пальцами.

Джой схватил его за руку.

— Кто мне нужен? Кто мне нужен? — крикнул он.

— Мистер О'Даниел, — повторил Риччио.

— Мистер О... КТО?

— МИСТЕР О'ДАНИЕЛ.

— Говори громче.

— Менеджер, — крикнул Риччио в ответ. — Тебе нужен менеджер. Ты знаешь что это такое?

— Слышал.

— Тогда о'кей. — Риччио склонился к нему и каким-то чудом до слуха Джоя стало доходить каждое сказанное им слово.

— Есть шикарные бабы, которые готовы платить

деньги, потому что большинство из них уже не первой молодости; они богатые и держаться с достоинством — такие вот светские бабы. Следишь за моей мыслью? Так что они не могут, понимаешь, бродить по Таймс-скверу, приценяваясь. Понимаешь смысл? Они должны иметь дело с неприметным солидным человеком средних лет. С агентом. С представителем. Вот как мы с тобой, Джой, — идет?

— Ага! ИДЕТ! — Яростно кивнув головой, Джой снова подставил ухо к губам Риччио.

— Значит, договорились, — заключил Риччио. — Мистер О'Даниел — во мужик! — Он вскинул руки ладонями кверху. — Вот такой.

Джой расслабил мышцы. Прислонившись к стенке, он позволил себе отдохнуть. От жесткого сиденья побаливали ягодицы, но чувствовал он себя словно на крыльях. Покачав головой, он улыбнулся и сказал:

— Ну, дер-р-рьмо! — Затем он засмеялся от счастья.

— Скажу тебе, — поведал Риччио, — что недели две тому назад я устроил к нему одного парня. Сегодня у него просто СКАЗОЧНАЯ жизнь. Куча новой одежды. Водит машину. Что ни день, отправляется в банк — естественно, чтобы ПОЛОЖИТЬ туда деньги. Хотя, насколько я знаю, он не представляет собой ничего особенного. Совершенно обыкновенный парень.

Джой снова выпрямился.

— Черт возьми, как мне повезло, что я напоролся на тебя.

— Да это просто позор, что такой парень, как ты, дал двадцать долларов какой-то толстухе, это с у м а с ш е с т в и е. Не то, что я тебя ругаю. Господи, мне так же плохо, как тебе. Да еще х у ж е! Стоит бабе заплакать, и я готов дать ей все, что она просит. Пустит слезинку — и я готов сердце вырвать из груди ради нее.

— Я г о т о в, — сказал чей-то новый голос, — сделать эту маленькую операцию.

Рядом с ним стояли двое молодых людей, которых несколько раньше они видели входящими в заведение. Говорил тот, кто был повыше; голубоглазый парень с лоснящимся лицом напоминал фермера, но брови его были сведены в жесткую прямую линию, что противоречило первому впечатлению.

— Вырезать у тебя эту маленькую штучку, — сказал он, — не сложнее, чем проткнуть нарыв.

— Идем отсюда, Джой, — сказал Риччио.

Но он не шевельнулся, потому что молодой человек перекрывал ему дорогу.

— В сущности, — продолжал высокий, — можешь сидеть тут и не дергаться, а я справлюсь перочинным ножичком. Тебе даже не понадобится «скорая помощь». Что думаешь об этом плане, Рэтсо?

— Меня зовут Риччио.

— Это я и говорю, Рэтсо.

Наконец Джой Бак решил встать на ноги. Поднимаясь, он лениво демонстрировал смесь угрозы и доброжелательства, которую почерпнул из вестернов.

— Привет, — сказал он высокому парню, и в улыбке его явно читалось: мне бы не хотелось убивать, но если меня зажмут в углу...

Эта пара посмотрела на него с определенным уважением. Джой Бак просто несколько раз величественно качнул головой, давая понять, что он не настаивает на немедленном открытии военных действий.

— Все в порядке, — сказал Риччио, — я уж привык, что такие типы вечно пристают к калекам. И тут полно такого дерьма.

— Прошу прощения, — с подчеркнутой вежливостью сказал похожий на фермера парень, обращаясь к ковбою. — Могу ли я кое-что спросить у вас?

Джой неторопливо опустил ресницы, давая ему на то разрешение.

— Все очень просто: если ты сидишь вот тут, а он, — говоривший указал на Риччио, — вон там, думаешь, он удержится, чтобы не запустить тебе руку в карман? Ну ладно, — он пожал плечами, давая понять, что тема разговора его больше не интересует. — Я уверен, что он уже выкинул эту мысль из головы. — Он повернулся к Риччио. — Спокойной ночи, радость моя.

И пара покинула заведение.

Риччио смотрел на Джоя широко открытыми глазами, и на его лице была глубокая печаль.

— Теперь, — сказал он, — я думаю, что ты считаешь меня ОБМАНЩИКОМ!

Прежде чем Джой успел ответить, Риччио продолжил.

— Ну и пусть! Так что, если ты хочешь отделаться от меня, мы живем в свободной стране.

— Черт побери, — ответил Джой, — ничего я не собираюсь делать. Я не отворачиваюсь от друга просто потому, что он там почему-то не поладил с сопляками какими-то. — Джой совершенно отчетливо видел теперь перед своими глазами Хуаниту Босоногую: она, зевая, смотрела на небо. — Кроме того, — продолжал Джой, не обращая внимания на эту старую ведьму, ты знаешь тут все ходы и выходы. И вот что я собираюсь делать — мне надо выкрутиться из того дурацкого положения, в которое я попал.

Риччио слегка расслабился. Он быстро облизал губы и сказал:

— Я думаю, что ты совершенно правильно оцениваешь положение дел.

Джой перегнулся через стол. — Так ты можешь сегодня же познакомить меня с этой птичкой, с мистером Как-его-там?

— С е г о д н я ж е? — Джой не смог скрыть изумления. — Так поздно? — Он нахмурился, пытаясь осмыслить вопрос Джоя.

— Ну, думаю, что в общем-то могу, но ... — он испытующе в упор посмотрел на Джоя. — Слушай, объясни, почему я должен этим заниматься? Только потому, что ты хороший парень? Потому что ты поставил мне выпивку? Ладно, все это, конечно, прекрасно, но ты не представляешь, как нелегко мне будет найти этого типа. Во-первых, мне придется порядком побегать, в моем состоянии это требует немало времени, и для меня это будет уж точно не пикник. Кроме того, что м н е с этого будет? Я чертовски устал, и в кармане ни цента. Ты со мной рядом? А завтра, когда ты будешь валяться в какой-нибудь шикарной спальне на Пятой авеню и шикарная баба будет чесать тебе спину, кто вспомнит о каком-то Риччио? Разве что вот этот автомат!

— Да брось ты! — оскорбился Джой. — Занимайся лишь своим делом, в о т и в с е. Ты что, думаешь, я из тех сукиных сынов, которые получают что им надо и уносят ноги? Ты думаешь, я не отвалю тебе кусок? Ну, парень, ты, я вижу, совсем хвост поджал. — И взмахом руки Джой небрежно отмел все те глупости, которые сейчас прозвучали.

— Спасибо, Джой, — сказал Риччио. — Я говорил, что ты отличный парень, и сейчас ты мне доказал это. Но, м-м-м ... — Он покачал головой. — Я ничего не делаю из-за выгоды. Это дело принципа. Понимаешь?

— Да я ничего и не говорил о выгоде, — сразу же возразил Джой. — Я сказал, что отвалю тебе к у с о к. А ты уж сам скажешь, чего тебе надо.

— Нет, нет, нет, Джой, я хотел сказать, что никогда не доверял людям, которые мне что-то сулили п о т о м. И никаких обид, ты честный парень и у тебя благородное лицо. Но и у меня тоже. Верно? Ведь у меня тоже благородное лицо?

— Ну да, черт возьми, жутко благородное.

— Во! — Риччио щелкнул пальцами и вытянул указательный, чуть не ткнув Джоя в нос. — Ты доказываешь мою точку зрения: у меня честное лицо — но я жуткий обманщик. Так почему же я должен доверять тебе? Можешь ты мне ответить на это?

Джой задумался, наморщив от усилий лоб. Сплюнув окурок, он полез в боковой карман брюк.

— Я тебе сразу же подкину кое-чего, вот сию минуту, черт бы ее побрал!

— О, п о д о ж д и, Джой, — сказал Риччио. — Пошевели мозгами. — На лице его появилось бесконечно грустное обиженное выражение, словно слова, которые предстояло сказать, причиняли ему огромную боль. Встряхнув головой, он заговорил свистящим шепотом: — Ты не должен мне доверять. Ты что, не понимаешь? — С этими словами он съежился и уставился Джою прямо в лицо, так широко распахнув глаза, что, казалось, будто ресницы вот-вот оторвутся. — Ведь мне ничего не стоило бы обстричь тебя, — сказал он.

— О, черт, думаешь меня это беспокоит? — Джой отмахнулся от этой мысли, бросая деньги на стол. — Сколько тебе, по твоему мнению, причитается?

Риччио с готовностью склонился к нему.

— Представляю это решать тебе, Джой.

— Слушай, кончай крутить мне яйца и давая к делу. Можешь ли ты сделать так, чтобы уже сегодня ночью я поимел богатую бабу?

— Н о ч ь ю? Ты говоришь, н о ч ь ю? — удивился Риччио. — Мистер О'Даниел не утруждается таким и скороспелками — на ночь. Он найдет тебе положение, при котором ты будешь чувствовать себя, как у Христа за пазухой. Может, первая дама и не станет твоей постоянной. Кто знает, может, со второй или с третьей тоже не получится, чтобы надежно устроиться, тебе придется поработать. Но только за знакомство тебе придется выложить пятьдесят или сто, а может, и больше. Только за проклятое знакомство.

— Знакомство?

— Ну, ты к ней присмотришься, попробуешь, проведешь с ней ночь.

Джой был поражен.

— Пятьдесят или сто? Долларов? — Он побарабанил пальцами по столу, на котором лежали его деньги. — Вот. Сколько ты хочешь? Десятку?

Риччио с отвращением хмыкнул и, оскорбленно улыбаясь, сказал:

— О, Джой, прошу тебя. Ты хоть представляешь, что я мог бы сделать за то время, которое мне понадобится на поиски этого типа? Ладно, не буду тебя утомлять. Слушай, вот что я тебе скажу: пока с меня хватит десятки. — Он небрежно сунул бумажку в карман, давая понять, что она не представляет для него никакого интереса. — Но когда я передам тебя из рук в руки мистеру О'Даниелу, я должен буду получить еще десятку. Справедливо? — Наступило молчание. — Ладно, если ты считаешь, что это не так, забудь.

— Ответь мне вот что, — спросил у него Джой. — Есть ли возможность, что мне удастся подцепить птичку уже сегодня?

— Возможность? Об этом не стоит и говорить. Тебе придется приниматься за работу уже этим же вечером. Факт. Ты просто не понимаешь, Джой, что очутился в Нью-Йорке. Ты никак не можешь ухватить ситуацию, в которой ты теперь находишься. Ты знаешь такое выражение: рынок сбыта?

Джой покачал головой.

— Это значит, что спроса больше, чем предложений. Усек?

Джой насупился.

— Скажу тебе проще: женщин тут выше головы, так что бездельничать тебе не придется.

Джой стремительно поднялся на ноги.

7.

Направляясь по Бродвею к Таймс-сквер, Джой заметил, что на открытом пространстве Риччио неплохо управляется со своей ногой. Наметив перед собой определенную цель — скажем, ближайший угол, он снимался с места, дергаясь в таком диком ритме, что с трудом притормаживал перед красным светом на перекрестке.

На 42-й улице Риччио сказал:

— Первым делом попробуем заглянуть в гостиницу. Если нам здорово повезет, то есть я хочу сказать, если нам ф а н т а с т и ч е с к и повезет, мы найдем его в номере. Пошли. — Они протолкались сквозь толпу людей, по внешнему виду которых можно было бы предположить, что они никогда не видели солнечного света, существуя лишь в сумрачном свете неона и электричества городских улиц, которые беспощадно высвечивали всю дряблость кожи, что не могла скрыть даже косметика.

— Не может быть, чтобы он оказался здесь, — пробормотал Риччио. — Я думаю, то есть я предполагаю, что нам придется таскаться по всем барам. Сороковых улиц с западной стороны; и честно говоря, не могу понять, чего ради я утруждаю себя ради какой-то мелочи.

Когда они оказались в холле гостиницы «Таймс-сквер палас», Джой сказал:

— Ну, дер-р-рьмо, парень, я ведь тут ж и в у!

Риччио остановился, словно споткнувшись. Он внимательно посмотрел на Джоя.

— Ты здесь живешь? — приглушенно спросил он.

Джой кивнул.

— Ага.

— Так. Ты знаешь еще кого-нибудь, кто живет здесь? Хоть мимолетно?

— Не думаю. Я только сегодня устроился.

— Уверен?

— Черт возьми, конечно, уверен.

— Ну надо же, — растерянно улыбнулся Риччио. — Вот это совпадение, а?

Он снял трубку внутреннего телефона.

— Мистера О'Даниела, будьте любезны. Я хотел бы поговорить с мистером О'Даниелом.

Во время паузы, он подмигнул Джою, показав ему кружок, составленный из большого и указательного пальцев.

— Мистер О'Даниел? Как поживаете, сэр? Это говорит Энрико Риччио... О, я, конечно, помню в а с. Да, сэр... Да, сэр, много раз, это было незабываемо... Мистер О'Даниел, я привел тут молодого человека, просто великолепного молодого ковбоя. И он, м-м-м, он готов к, м-м-м... ну, откровенно говоря, сэр, он только что с Запада, и ему нужна ваша помощь — просто позарез... Как вы думаете, вам удастся как-то поработать с ним сегодня вечером? Мне еще не доводилось видеть такого... я бы сказал, что он в полной готовности, просто горит желанием вникнуть в... Ох, это просто чудесно... Да, сэр, если бы вы могли, я бы, м-м-м... Закрыв рукой микрофон, он шепнул Джою: — Он ж у т к о хочет, чтобы ты начал уже сегодня же вечером. Мне кажется, что у него есть куча заказов, а послать ему некого. Ты уверен, что можешь взяться?

Джой закивал с такой готовностью, что пришла в движение вся верхняя половина туловища.

Риччио сказал в трубку:

— Да, сэр, триста семнадцатый номер. Благодарю вас, сэр, большое спасибо.

Риччио повесил трубку.

— Он жаждет с р а з у ж е увидеть тебя.

— И ч-ч-что мне делать? Просто подняться?

— Номер триста семнадцатый. Давай-ка посмотрим, как ты выглядишь. — Риччио сделал шаг назад, осматривая Джоя с головы до ног. — Прекрасно, просто прекрасно. А теперь мне причитается еще одна десятка. Так?

— Слушай, друг, — Джой протянул Риччио бумажку и взялся за него обеими руками — одной за кисть, а другой за локоть. — Я хотел бы сказать тебе, что чертовски ценю все, что ты для меня сделал, а дальше, когда дела пойдут на лад... ну, словом, я не забуду тебя.

Часчет этого можешь поставить об заклад последний доллар, и не проиграешь.

— Да брось, ничего ты мне не должен. Я просто был рад помочь тебе. — Мгновенным движением пальцев Риччио переправил деньги в боковой карман.

— Нет, нет, — продолжал настаивать Джой. — Я хотел бы знать, где я могу найти тебя. Потому что, черт возьми, все получилось только из-за тебя. Так где ты живешь?

— Да ладно, брось, и давай двигай.

— Мне нужен твой адрес, — продолжал настаивать Джой.

— Ну ладно, я живу в гостинице «Шерри-Нидерланд», а теперь хвост торчком — и валяй. Он ж д е т тебя!

Джой отпустил руку Риччио. Закрыв глаза, он стиснул виски пальцами, повторяя: «Шерри-Неверлин, Шерри-Неверлин, Шерри-Неверлин. Запомнил!» — Открыв глаза, он увидел, что Риччио уже миновал стеклянную дверь гостиницы и захромал по тротуару, демонстрируя свою головоломную походку.

Джой воспользовался зеркалом у лифта. Выяснив, что он несколько бледноват, резко согнулся в поясе, достав руками пол и сделав несколько таких наклонов, надеясь, что лицо обретет естественные краски. Затем он причесался, одернул рубашку, несколько секунд повозился с обшлагами, выравнивая их, с клацаньем притопнул каблучками по мозаичному полу, улыбнулся своему отражению и вошел в лифт.

Как только приоткрылась дверь, Джой почувствовал себя маленьким ребенком. Ибо у человека, ждавшего его в 317-м номере, было отеческое выражение лица; он был в том возрасте, в котором должен был бы быть его отец: в годах, но не о ч е н ь стар, и на нем был старый выцветший купальный халат, которые преподносят в подарок в День Отцов.

Мистер О'Даниел был полноват, и одутловатые припухлости на лице говорили, что он или сидит на диете, или недавно болел. Наибольшее внимание привлекали глаза. С темными мешочками под нижними веками и густыми нависающими бровями, они отличались выцвет-

шей голубизной, как у старого морского волка, который, щурясь, долгие годы оглядывал горизонт. Стоя в своем купальном халате, чуть приоткрыв рот и испытующе глядя на Джоя, он напоминал жертву кораблекрушения, которая выбралась на берег и еще не знает о судьбе своих детей — «Живы ли они? — казалось, спрашивали его глаза. — Не ты ли один из них?»

Джой, заговорив, вел себя так, словно пытался ответить на один из этих вопросов: «Как поживаете, сэр, меня зовут Джой Бак».

Мистер О'Даниел кивнул. Повторив его имя, он снова кивнул. Глаза его говорили: «В ужасный час ты вернулся к порогу дома, но слава Богу, что ты жив».

Вслух он сказал:

— Джой Бак.

Джой понял, что аудиенция состоится, и постарался придать лицу максимально осмысленное выражение.

— Мне сказали, что ты ковбой — это верно?

— Нет, сэр. — Джой с удивлением обнаружил, что говорит чистую правду. Затем, как-то почувствовав прилив юмора, он добавил: — Я не ковбой, но трахать умею по первому классу.

Шутка его не вызвала той реакции, на которую он рассчитывал. Мистер О'Даниел был откровенно шокирован.

— Сынок, — сказал он, и голос его был тверд. — Не стоит употреблять такие выражения. А теперь подойдика поближе.

Джой сразу же обратил внимание на убожество комнаты, отметив и грязно-зеленые стены, и единственное окно, выходившее в глухую шахту, и сырой запах гниения от отбросов, мокнущих внизу.

Но ему и в голову не пришло, что мистер О'Даниел может обитать в такой комнате лишь по бедности: вне всякого сомнения, у него были какие-то убедительные причины находиться здесь, имеющие отношение к тому, чем он занимался.

— Но с другой стороны, — сказал этот человек, не теряющий своего отеческого вида, — почему бы и нет? Сдается мне, что ты готов к откровенному разговору. Поэтому ты и явился прямо сюда — или я ошибаюсь?

— Да, сэр, — ответил Джой. Он с трудом понимал,

к чему клонит мистер О'Даниел, но после первой оплошности он из кожи вон лез, чтобы показаться умным и покладистым.

— Ты, м-м-м... — Видно было, что мистер О'Даниел по-прежнему оценивает его. — Ты несколько отличаешься от большинства ребят, что приходили ко мне. Большинство из них были какие-то дерганые и смущенные. А ты, видимо, понимаешь, что тебе требуется. — В голосе его было что-то старомодное — так тянут гласные лодочники с Миссисипи, так врач беседует с больным, успокаивая его, но скорее всего, он напоминал обыкновенного человека откуда-то из Чилликоты или тому подобных местечек.

— Ручаюсь, что вы не ошибаетесь, сэр.

— Ну, а я ручаюсь, что у тебя есть нечто общее с ними всеми: спорю, что ты так же о д и н о к! — Казалось, мистер О'Даниел с трудом сдерживается, чтобы не выйти из себя. — Я прав? Ты одинок, не так ли?

— Ну, я, м-м-м... — Джой явно тянул время. Он не мог понять, чего от него ждут. — Н е о ч е н ь. Ну, понимаете, я хочу сказать, что в общем-то н е м н о г о есть. — Вот! И я понял это, не так ли? Этим всегда можно оправдаться, «Я так одинок». — Он сделал гримасу хнычущего человека. — «Я пью потому, что я так одинок». «Мне тоскливо одному, и поэтому я пристрастился к наркотикам». «Я один как перст, и поэтому я ворую, прелюбодействую и торгую женщинами». «Фу!» — говорю я. — Фу! Все это я слышал. И под всем этим то же самое: «Я одинок, я так одинок!» И мне надоело все это, до смерти надоело!

Внезапно Джою показалось, что он уловил смысл всего происходящего: этот мужик, конечно, в самом деле крупный сводник, как Риччио и говорил, но к тому же он еще и немного сумасшедший. Жаль, что он раньше об этом не знал.

— А ныне перед нами открыт путь к Блаженству, — сказал мистер О'Даниел и, уставившись в потолок, принялся цитировать: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное; блаженны плачущие...»

Интересно, подумал Джой, что бы мне ему такое сказать, чтобы он занялся делом, вот бедный старик...

— Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Вот так! — сказал мистер О'Даниел с видом человека, который наконец-то обрел истину и теперь может себе позволить быть великодушным. — Где в этих строчках говорится об одиночестве и тоске? Хоть одно слово? О, да, в них говорится о нищих духом, о кротких, об униженных; идет речь о тех, кто алкает правды. Конечно, это есть. Но! — Сидя на краю кровати, он склонился вперед, положив локти на колени и сплетя пальцы, горящими от возбуждения глазами он уставился на Джоя. — Но ни звука — ни м а л е й ш е г о з в у к а! — об одиночестве. И знаешь почему? Потому что в одиночестве нет Блаженства. Книга гласит, что нет им благословения. Н и к о м у!

Казалось, что мистер О'Даниел был готов впасть в очередной приступ гнева.

— Вы только и знаете, как лелеять свое одиночество! Только этим вы и занимаетесь! Черт побери, слышишь ли ты меня: я говорю, что этим, именно вот этим вы и занимаетесь!

Выпрямившись, он обхватил себя руками за плечи, как человек, которого внезапно стала бить дрожь от холода. Вот он и услышал печальную новость о детях, которые были на гибнувшем судне: все утонули.

— И вот их кидает туда, и вот их кидает сюда, они занимаются и тем, и этим, и всякой прочей ерундой, их словно несет по ветру, и они думают, что это прекрасно, просто прекрасно — и все потому, что они лелеют свое одиночество! Хм-м-м. Хм-м-м. Хм-м-м. Но это вовсе не так хорошо.

В голосе его внезапно появились нотки усталости. Словоизвержение кончилось. Встав с кровати, он стал мерить шагами комнату, говоря быстро и тихо:

— Читайте главу пятую от Матфея, в ней есть все. Не помешает и шестая, так что прочитайте и шестую от Матфея, а теперь займемся делом. Что скажешь, ковбой, а?

Воодушевившись возвращением к земным заботам, Джой ответил:

— Да, сэр, я ковбой.

— Отлично, нам нужны ковбои, нам нужны все! — Мистер О'Даниел снова оглядел его с головы до ног и кивнул. — Такой отличный парень, как ты, — молодой, сильный, симпатичный — ты и сам не представляешь, что тебе может дать эта работа.

Джой испытал прилив облегчения и благодарности, что его сочли достойным. Он расплылся в улыбке и позволил себе несколько расслабиться в присутствии столь величественного, хотя и несколько сумасшедшего человека.

— Сынок, ты знаешь, чем мы, как мне кажется, должны заняться?

— Чем бы то не было, — ответил Джой. — Я готов.

— Да, я вижу и верю в тебя. — Тяжелая рука легла Джою на плечо, и в него впились влажные, голубые, добрые глаза, которые вопросительно смотрели на него. — Понимаешь, у меня есть предчувствие, Джой Бак. Просто п р е д ч у в с т в и е — но я думаю, что ты справишься с этим делом легче, чем кто другой.

— У меня точно такое же предчувствие, сэр, — кивнув, Джой улыбнулся как можно шире. — Словно ждешь деньги из дома.

— Деньги из дома. — Пораженный этим выражением, мистер О'Даниел повторял его снова и снова. Он смотрел на Джоя так, словно видел перед собой выдающегося поэта. — Вот видишь? Это другая сторона твоей силы, твоей власти. Ты умеешь облекать мысли в такие простые земные выражения, что их может понять самый обыкновенный человек. Сынок, я тебя предупреждаю: я собираюсь использовать тебя на всю катушку! Тебя будут просто рвать на части! Ты готов к тяжелой, очень тяжелой работе?

Сжав кулак, Джой взмахнул им. Затем он простер руки жестом, гласившим: что еще я могу вам сказать?

Теперь и мистер О'Даниел расплылся в улыбке.

— Ты прекрасный парень, — сказал он. — И я не сомневаюсь, что мы с тобой поработаем рука об руку, черт возьми! И радость не покинет нас, о, отнюдь не покинет! Итак! — Он воздел руки кверху, как оратор, требующий внимания, и перешел едва ли не на шепот: — Почему бы нам прямо не встать на колени? Что нам мешает?

Наступил момент полного безмолвия, в течение которого оба не шевельнулись, не вздохнули. Теперь до

Джоя дошло, что именно он стал смутно ощущать, едва лишь открылась дверь номера.

Знание это неотвратимо заполнило его жилы тошнотворной зеленой слизью. Но теперь, даже поняв все, он уже ничего не мог сделать.

После долгого молчания, он сказал:

— Встать на колени... где? — Губы у него пересохли, и он еле выдавливал из себя слова.

— Прямо вот здесь, — ответил мистер О'Даниел. — Почему бы и нет ? Считай, что тут церковь, разве не так? Каждый квадратный дюйм земли под ногами — сие есть храм. Я молился в салунах, я молился на улицах, я не стыдился возносить молитвы где бы то ни было. И знаешь что?

— Что, сэр?

— Я молился в сортире! Е г о это не волнует. Ему нужна только молитва!

Джой кивнул и, не представляя больше, что ему делать, решил опуститься на колени и немного помолиться. Но он никак не мог сосредоточиться на молитве.

8.

Он понял, что его просто обдурили. Это было невероятно, и поэтому он снова и снова прокручивал перед собой все происходящее. Затем он услышал слова мистера О'Даниела, призывавшего впустить Христа в свое сердце, и реальность предстала перед ним во всей своей наготе.

Не говоря ни слова, он поднялся и кинулся из комнаты, решив исправить ситуацию. Он даже не оглянулся, когда мистер О'Даниел, выскочив в холл, кричал ему вслед:

— Мальчик! Мальчик! Не пугайся, не пугайся, мальчик! — Он даже не стал дожидаться лифта, а кинулся по лестнице, прыгая через две ступеньки, и, вылетев на 42-ю стрит, маханул прямо по Шестой авеню и обратно до Восьмой, понимая, что у него нет никакой возможности найти Риччио. Даже пытаясь вспомнить название гостиницы, он понимал, что в этом нет никакого смысла. Джой не рассчитывал получить обратно свои двадцать долларов, да и не мечтал о них; он жаждал мести, насладившись которой почувствует себя не таким идиотом. Стоя на углу Таймс-сквер и Бродвея, он представлял в мыслях такую картину:

Вот это уродливое маленькое создание выкатывается из-за угла и ныряет в двери табачного магазина. Джой стремительно пересекает улицу и перехватывает его там на месте. Риччио не только не выказывает никакого раскаяния, но и начинает глумиться над человеком, которого так нагло обманул. Джой вытаскивает нож и приставляет его к горлу Риччио, давая понять, что ему не составит труда сделать легкое движение лезвием. Но даже в мыслях он не мог себя заставить увидеть, как нож пропарывает кожу жертвы. Он бросает нож и душит Риччио голыми руками, убийство собирает толпу, появляется полиция и...

В этом месте фантазия ему отказала: Джой отчетливо увидел свою фотографию на первой странице газеты. Он проморгался и снова присмотрелся. Газета была не воображаемой, она была столь же реальной, как его сапожки, и пачка их лежала перед уличным торговцем с зеленым козырьком на глазах. На первой полосе одной из них была фотография молодого человека, которого уводили двое полицейских. «Это не я, — подумал Джой, — я никого не убивал!»

Но перед ним была фотография.

Купив номер газеты, он заскочил с ней в пиццерию. Рассмотрев снимок при свете, он выяснил, что молодой человек, смахивающий на него как две капли воды, на самом деле был убийца из Западной Вирджинии, который уложил одиннадцать членов своего семейства во время ссоры из-за гармоники.

Джой испытал настоящее потрясение, увидев в столь официальном документе, как газета, зрелище того, как уводят смахивающего на него человека. В поисках зеркала он покинул заведение и нашел его перед входом в кафе.

— Я никого не убивал, — сказал он своему отражению. — и не собираюсь.

Через несколько минут, очутившись в своей комнате, он глянул в другое зеркало, висевшее над комодом, и принялся так пристально изучать свое лицо, словно видел его в первый раз в жизни.

Он не из тех типов, что убивают других людей, подумал он. Но в глазах его по-прежнему стоял вопрос, на который надо было дать ответ. Он видел его, но решил: нет, сэр, даже крыс не буду. Даже Крысеныша. Так эти типы называли его — Крысеныш Риччио. Черт с ним. Этой ночью он смог заснуть только при свете.

На следующее утро Джой несколько раз пытался проснуться, что удалось ему только к полудню. Даже и тогда он еще полежал, делая вид, что спит, но ему так и не удалось одурачить себя.

И в этот день и в несколько последующих он ходил как сомнамбула: ходил, говорил и совершал все действия, присущие обыкновенному человеку, — причесывался, ел, мылся и так далее — но на самом деле голова его в этом не участвовала. Он понимал, что деньги улетучиваются со скоростью, которая заставила его задуматься, но на самом деле он не ощущал серьезности положения, даже когда подошел конец недели и он получил от управляющего гостиницей специальное напоминание о состоянии его счета.

По ночам в постели перед ним представали восхитительные картины: то он пассажир стремительно мчащейся машины, уходящей от стремительной опасности, то он сидит в засаде на вершине горы, куда подступают враги, то он утомленный пловец в бескрайнем океане. И просыпаясь, он медленно выходил из этого оцепенения, чувствуя омерзение перед положением в котором находится, когда мечты и фантазии уступали место мелким заботам повседневности.

Днем он, склонив голову к транзистору на плече, пускался в бесконечные прогулки по боковым улочкам, отходящим от Бродвея, с головой уходя в невидимый мир радиоголосов, он чувствовал себя в безопасности перед окружающей действительностью. Больше всего ему нравились передачи, в которых много разговаривали и нередко он принимал участие в беседах.

— Вы хотите сказать мне, — услышал он как-то голос человека неопределенного пола с гнусавым произношением, — что нечто просто падает из ниоткуда? — Нет, нет, нет! — возразил упрямый напыщенный старческий голос, — нечто вовсе не падает откуда-то. Так можно говорить о синдроме землетрясения! Я же говорю о полтергейсте, о пол-тер-гейс-те!

— Знаете, что я вам скажу, джентльмены? — вмешался Джой Бак. — А я скажу — дер-рьмо! И тут я хозяин. — Клик. Он вырубил станцию.

— Вот и я, вот и я, — прорезался надтреснутый старческий голос, — в следующий раз, когда вы почувствуете приступ ревматизма или ишиаса или вообще любой признак старости, не жалуйтесь. Просто подумайте о всех тех, у кого нет счастья спокойно стариться в этом из миров! Ну и ну! — сказал сахарный голос, — просто великолепный, просто чертовски хороший рецепт насчет того, как лучше жить! А что скажете, ребята, — годится ли он для прабабушки?

— Ну да, черт побери, — перекрывая аплодисменты, сказал Джой, — но не исчезай, старушка, я хочу, чтобы ты мне вот что сказала. Дошли до меня кое-какие слухи о тебе, и я интересуюсь, есть ли в них правда: неужели ты в самом деле согласна так жить, милая? Неужели? Ну, никак это в самом деле чертовски здорово, да-сэр-черт-бы-вас-побрал...

И так далее.

Как-то в один прекрасный день кетчуп брызнул на его светлую кожаную куртку, оставив безобразное пятно. Джой стал ломать себе голову, как бы ему почистить одежду. Он решил достать еще кетчупа и разрисовать окрестности пятна разводами, которые могут быть приняты за его собственный стиль. Он пошел даже на то, чтобы стащить еще кетчупа, с которым забрался в туалет одного кафе, где и застыл в нерешительности, не зная, как приняться за дело. В таком состоянии он и пребывал долгую половину дня, что было типично для того ступора, в который он впал.

Как-то вечером в начале сентября он испытал потрясение, которое заставило его наконец встревожиться. Вернувшись в отель, он обнаружил, что его выставили из номера.

— О, ваши вещи в полном порядке и сохранности у нас в подвале, — объявил клерк в ответ на вопрос Джоя о судьбе своей черно-белой сумки. — И как только вы оплатите свой счет, мы тут же вернем их вам.

Джой попытался поторговаться с этим человеком, даже предлагая ему все содержимое сумки, если только сможет получить обратно ее и еще пачку писем Салли, которые она писала ему в армию.

— О, нет, — сказал ему клерк, — все будет у нас, вот так мы и поступаем, все целиком хранится у нас.

Теперь Джою пришлось решать довольно неприятную проблему, где бы пристроиться на ночь. Но это было не самым худшим. У них оставалась его вьючная сумка.

Он вошел под своды подземки на Тайм-сквер, где все торговые автоматы были облеплены зеркалами. Он хотел посмотреть самому себе в лицо, дабы убедиться, что этот новый поворот событий не пригрезился ему. Было достаточно одного взгляда, который сказал ему все, в чем он хотел убедиться.

— Ладно, ковбой, — сказал он растерянному юноше в зеркале. — Хватит с нас этого дер-рьма, ...ты понимаешь, что тебе сейчас надо делать? — Он кивнул самому себе.

— А я справлюсь?

— Тебе нужна твоя сумка? — Он снова кивнул.

— Тогда иди и работай.

9.

Публика, которая постоянно болталась на углу 42-й стрит и Восьмой авеню могла мгновенно запудрить вам мозги. Никаких особых ухищрений и фокусов для этого не требовалось. Во время фокуса требуется отвлечь ваше внимание, заставить думать о чем-то другом, не имеющем отношения к движению рук, к взгляду и так далее, чтобы довести градус вашего интереса до соответствующего уровня, при котором и нервы напряжены до предела, и интерес не потерян. Здесь же требовалось умение совсем другого порядка: что сказать, о чем промолчать, как завершить сделку, что пообещать.

В этом искусстве Джой был неискушен и не обладал никакими специальными талантами, которыми он мог бы себя прокормить. И кроме того, он никак не мог сосредоточиться: печаль по поводу того, чем он вынужден заниматься, не покидала его, а приближение грядущей ночи сразу свинцовой тяжестью сковывало его по

рукам и ногам, мешая понять, что на этом пути успех может стать куда более крупным поражением, чем неудача. Но он должен вырвать свою сумку из заточения.

Прислонившись к витрине аптеки, он постарался подумать и о сумке и о письмах под каким-то новым углом зрения, в котором они представали объектами, не стоящими внимания. Что касалось писем, он преуспел в своем намерении. Он знал их все наизусть, и, откровенно говоря, они давно уже не представляли для него никакой ценности; он их столько раз читал и перечитывал,что на самом деле они превратились для него всего лишь в истертые клочки бумаги.

Но сумка-то было совсем другое дело. Исчезнувшая в подвалах отеля, она обрела для него огромное значение. Он попытался понять, почему она ему так нужна. Мысленно он открыл ее и заглянул внутрь, и, хотя не обнаружил там ничего, кроме темноты, она все же имела для него большую ценность, ибо даже темная пустота в ней несла с собой тепло, мягкость и неуловимую память. Каким-то образом большинство его воспоминаний были связаны с ней и опять-таки мысленно он нырнул в нее, опустив клапан над головой. Теперь ему казалось, что он ощущает ее специфический запах: для начала то был запах конского пота, потом потянуло запашком конского навоза и еды на ранчо, которое он помнил со времен тех воскресений, что проводил на воздухе — и тут же были и шоколадные печенья, и жевательный табак, и Рио-Гранде, и странички Саллиной записной книжки, и запах кожи сидений «Форда» 36-го года. Не имело смысла ломать себе голову над тем, каким образом сумка, всего несколько месяцев назад купленная в Хьюстоне, могла стать хранителем этих ценностей, но так было. И теперь самым важным в мире было получить ее обратно в руки.

За два с половиной часа ожидания Джой получил только два предложения. Невольно он переводил разговор на необходимость вернуть сумку, что вызывало какую-то тревогу у говоривших, и они теряли к нему интерес. Хотя бы раздобыть двадцать семь долларов, которые, как сказали в отеле, он должен уплатить, — но это была слишком большая сумма, чтобы о ней можно было вести речь.

К тому времени, когда он заговорил с третьим, пухленьким, очкастым испуганным студентом колледжа, которому на вид было не больше семнадцати лет, Джой уже был согласен и на часть этой суммы, но студент удивил его, предложив всю сумму. Договорившись наконец об оплате,Джой испытал облегчение и тошноту. Но, уже усвоив, что тут никому особенно доверять не стоит, он на всякий случай спросил: «Откуда такой мальчишка, как ты, раздобудет столько денег?» — «От матери» — последовал ответ.

Через четверть часа, в течение которых этот юнец тащил свои книги, перекладывая их из рук в руки, они миновали улицу Чертовой Кухни, где, как утверждал студент, он з н а л м е с т о. Свернув в боковую улочку, отходившую от Десятой авеню, они вошли в здание.

В нижнем холле воняло столь омерзительно, словно за каждой дверью дряхлые старухи варили кошачью мочу. Но по мере того, как они миновали пятый этаж, поднялись на шестой и наконец оказались на самом чердаке, вонь сменилась чистым сентябрьским воздухом. И здесь, под самой крышей, на которую спустилась, может быть, самая прекрасная ночь в году, озаренная янтарным светом полной луны, торопливо и грязно состоялось то дело, ради которого Джой Бак очутился здесь и ожидал завершения его, стараясь думать совсем о других вещах. А затем этого толстого грузного ребенка вырвало прямо к его ногам, и Джою пришлось поддерживать его голову.

— Мне чертовски неприятно, парень, — сказал Джой, — но я ничем не могу помочь, если тебя тошнит от этого. А теперь гони монету, как мы договаривались. — И мальчишка ответил: «У меня ничего нет, я тебе соврал. Что ты теперь со мной сделаешь?»

Джой мрачно посмотрел на него, подавляя желание дать ему по физиономии.

— Выверни карманы, — приказал он.

Мальчишка торопливо вывернул карманы, действуя с заторможенной серьезностью, которая, чувствовалась, была куда приятнее для него, чем то, чем ему пришлось заниматься. Но в карманах у него не нашлось ничего ценного: потрепанный бумажник с семейными снимками, грязный носовой платок, два жетона для подземки — вот и все. Но у него были наручные часы.

— На сколько эта штука потянет? — ткнул Джой на них пальцем.

Вопрос привел мальчишку в панику. Он начал хныкать.

— Я не могу вернуться домой без часов, мне их подарила мать, преподнесла в день первого причастия. Она умрет, она просто умрет, она меня убьет! Возьмите мои книги, вот, пожалуйста!

Джой повернулся и ушел, и даже с лестницы слышал, как тот все повторял, как он извиняется, ч е с т н о е с л о в о, я т а к и з в и н я ю с ь.

И Джой поверил ему.

Долгое время он бродил без определенной цели, надеясь лишь найти такое место, где никого не будет и ничто не будет напоминать о Нью-Йорке — лишь были бы деньги заплатить за убежище.

Наконец он направился в западную сторону, помня, что где-то здесь должна быть река, соединенная с другими водными путями и реками, одной из которых может быть и старая Рио-Гранде. Он подумал, что стоит посидеть на берегу, опустив ноги в воду. Но когда он оказался неподалеку от нее, ему стало ясно, что подходы к реке перекрыты зданиями пароходных компаний и до воды не добраться. Поэтому он двинулся на юг вдоль автострады Вест-сайд и скоро очутился рядом со стоянкой, почти полностью забитой большими трейлерами. Поплутав в их лабиринте, он нашел один с откинутым задним бортом, забрался в него и сел на краю, свесив ноги и представляя трейлер в движении. Затем он решил лечь и смотреть в небо. После этого он снял обувь и понюхал ее: она уже провоняла потом. Джой понял, что, пока не придет соответствующее время, он не сможет уделять своей обуви подобающее внимание.

Пока он обдумывал состояние своих ног и размышлял над цветом неба, пока удивлялся, до чего грязный пол в грузовике, им вдруг овладела тревога от четкого сознания того, что он ровно ничего собой не представляет, что он личность, существующая вне места и времени, и что он ни для кого не представляет абсолютно никакого интереса. Открытие это было слишком ужасно, чтобы он мог полностью воспринять его, и оно затаилось в каких-то щелях и уголках, ожидая своего часа, а тем

временем Джой продолжал лениво шевелить мозгами: пытался ли кто-нибудь посчитать количество звезд и не приходило ли кому-то в голову, что звезды могут быть сделаны из чистого серебра; и кстати, кто же были эти три серебряноголовые женщины, эти ушедшие в даль времени три блондинки его детства, всплывшие в памяти, — неужто они в самом деле были содержателями борделя?

Маленький приемничек, стоящий у него на груди, который слегка покачивался с каждым та-тах. та-тах, татах его сердца, внезапно привлек его внимание. Слава богу, что им не достался его приемничек, подумал он, не достался транзистор этим сукиным детям, нет-сэр, фиг-вам-сэр, и он по-прежнему со мной. Но зная, что надо беречь батареи, он не включал его. Положив его на грудь, Джой прикрыл приемник скрещенными руками.

Через какое-то время, лежа ничком, уставившись на звезды и луну, он потерял всякое представление об окружающей действительности. Он грезил наяву, и ему казалось, что и себя и этот грузовик он видит во сне.

Трейлер, давший ему приют, уже не существовал в реальности, он превратился в некое затерянное в ночи местечко, в пещерку на темной стороне неизвестного спутника земли, и, лежа в ней, он ощутил себя безымянным существом, потерявшим всякое сходство с человеком, неким элементом системы, до которого никому нет дела.

Желтый шар в космосе представлялся ему землей, и то, что проплывало перед его глазами, напоминало ему давний сон, когда люди в цепи шли по миру.

Но теперь было одно отличие: нигде не было видно ни одного человека.

10.

Не имея никакого представления, где же он в конце концов приклонит голову, Джой бездумно проводил сентябрьские дни.

Вскоре ему пришлось обратить внимание, что стало заметно холодать, и еще острее перед ним встал вопрос денег. С холодом он еще как-то справлялся, а что же

касалось денег, он решил тратить оставшиеся у него семь долларов скрупулезно, как бедная вдова, позволяя себе только самое необходимое и отказывая во всем прочем. Он научился есть по дешевке: автомат выдавал печеные бобы или макароны с сыром всего за двадцать центов, а потом ты мог зайти в супермаркет «Эй энд Пи» и набить карманы изюмом и морковкой за четвертак; яблоки же — равно как груши и персики — можно было просто стащить на Девятой авеню, и, кроме того, существовали еврейские булочники, которые не особенно ревностно смотрели за своими бейгелами и булочками с маком. Тощий от рождения, Джой потерял в весе всего несколько футов, что не особенно было и заметно. Но под глазами начали проступать синеватые тени, а сами глаза, казалось, ушли глубже в провалы черепа, что было результатом тревожных ночных часов в самых неприспособленных местах — в кабинах старых грузовиков, в кинотеатрах или на скамейках вокзала Пенсильвания-стейшн, а так же автобусного терминала. Лицо его стало напоминать черты неизменно грустного праведника. Он избегал смотреть на себя в зеркало, ибо в такие минуты испытывал стыд за постигшую неудачу. Но продолжал тщательно ухаживать за собой и выглядел даже более подтянутым, чем обычно. Мыло и бритву он таскал с собой в кармане, равно как и зубную щетку, и использовал туалеты в кафе и салунах. Он регулярно обмывал интимные места тела и почти каждый день находил возможность снять обувь и помыть ноги. Когда его обнаруживали за этими занятиями в туалетных комнатах, Джой скрывал свое смущение, каждым движением, давая понять, что ему жизненно необходимо соблюдать чистоту. Его существование зависело от наличия мыла и воды.

Но так или иначе, он вел совершенно цыганский образ жизни. Большую часть времени он просто бродил по городу — болтался у десятицентовых лавочек, восхищенно глядя на кучи чистых носков и примеряясь спереть парочку из них, или же глазел сквозь витрины парикмахерских, прикидывая, как бы выкроить средства на стрижку. Но почти всегда возникала необходимость в приобретении какой-то мелочи, которая была для него важнее.

Время от времени его посещали мысли о работе, но, не оставляя о себе никакого благоприятного впечатления, быстро покидали голову, в которой родились. Тем не менее Джой проявлял определенный интерес к работе, по-своему тоскуя по ней. Единственным зрелищем, неизменно привлекавшим его внимание во время прогулок, к которому он не терял интереса, был вид других мужчин, занятых делом. Он глазел на процесс приготовления пиццы за окнами ресторанчиков на Бродвее, словно это было некое забавное представление, смысл которого от него ускользал. Чего ради люди работают? Ради денег. На что они их тратят? На пищу, на семью, платят аренду. Предельно просто. Задумавшись над чем-то, он уже почти был готов дать себе ответ, как вдруг в каком-то уголке мозга всплывало нечто важное, от чего он опять впадал в ступор. И не понимая в чем дело, он смутно чувствовал, что где-то забрезжит свет, который рано или поздно определит истинную ценность вещей.

Как-то в одну дождливую ночь, которая убедила его, что пришло время, когда он не может больше быть в одиночестве, Джой позволил себе потратить шестьдесят центов, чтобы обрести крышу над головой, киношку на 43-й стрит. Там крутили научно-фантастическую картину, где несколько человек с Земли очутились на отдаленной планете, которой управлял некий Голос. Голос, шедший ниоткуда. Фильм крутили без перерыва всю ночь, и сквозь дремоту Джой отлично усвоил весь ход действия.

Например, когда Голос время от времени взывал «Земляне! Земляне!», Джой тут же просыпался в полной уверенности, что кто-то окликает его: «Джой Бак! Джой Бак!». Выспавшись, он тем не менее, остался посмотреть фильм, смутно надеясь, что ему все же удастся определить, кому принадлежит голос. Но, конечно, выяснилось, что там не было ничего особенного, кроме какой-то диковинной машины.

Но в этот день, бродя по улицам, он почувствовал, что обрел некий новый интересный взгляд, подсказавший ему, что все люди, включая его самого, — накрепко связаны с земной твердью нашей планеты, из которой вышли и в которую вернутся, но на которой пока живут

и работают; так что, когда его внимание привлекало какое-то лицо — например, старухи на улице, бегущего ребенка или ювелира за работой, он неслышно бормотал про себя: «Земляне! Земляне!», и люди во всем их облике, с их чертами лица, с прическами, с руками и ногами представали перед ним в новом облике, родившемся в ту ночь.

Однажды, пребывая в этом состоянии, он наткнулся на самого себя — и испытал искреннее удивление, потому что давно уже не видел себя в зеркале. Это произошло у входа в здание на Восьмой авеню. Длинная личность с вытаращенными глазами, высокая, как пугало, с сумрачным рассеянным взглядом смертельно утомленного охотника, надвигалась на него. Через несколько секунд он, конечно, узнал самого себя, но все же испытал странное желание приостановиться и тихонько окликнуть самого себя «Земляне! Земляне!» Но ничего этого не было нужно; ничего в нем, в сущности, не изменилось: он мог говорить «земляне» сколько ему влезет, но продолжал быть тем, кем он и был.

Он двинулся по 42-й стрит и на углу около банка наткнулся на мистера О'Даниела, который распекал собравшихся вокруг него людей за грех уныния.

— Да, я исколесил эту великую страну вдоль и поперек, — говорил он, размахивая правой рукой и держа в левой американский флаг, — и я увидел, что она поражена угасающим недугом. Я увидел, что улицы, на которых обитает народ, заполнены людьми, погруженными в уныние, — молодыми юношами, женщинами средних лет, девушками и мужчинами всех возрастов, и все они были в сумрачной тоске. И я видел школьные площадки, заполненные играющими детьми. И мои глаза были поражены тем, что предстало перед ними: во взорах детей я видел ростки того же самого греха — уныние уже угнездилось в них, и если его не вырвать с корнем, я говорю, если его не вырвать с корнем, то по сравнению с тем, что ждет этот город, Содом и Гоморра покажутся пикником воскресной школы. Слышите ли вы меня? Говорю вам: да познайте Блаженство!

Джой видел, что мистер О'Даниел всецело поглощен своим благим делом и не собирается никуда исчезать. Подойдя поближе, он успел услышать последние слова:

— Мы — соль земли, но если соль теряет свою крепость, куда она годится? Так сказал Иисус. Вот я и говорю: Иисусе! Помоги нам! Прежде чем уныние унесет всю нашу крепость духа, ничего не оставя от нее!

Джой двинулся дальше, и скоро голос проповедника стал неразличим в других уличных шумах. Повернувшись, чтобы бросить последний взгляд, он заметил, что евангелист, проповедуя, даже не смотрел на собравшихся на тротуаре людей. Взор его был устремлен поверх их голов, словно готовясь встретить пришествие, которое вот-вот должно было состояться. Джою показалось, что этот человек производил весь шум совершенно с другой целью, чем та, которую он провозглашал: он вопил и размахивал флагом, как заблудившийся путник, который хочет привлечь внимание кого-то в отдалении. Но кого? Какой-то женщины? Ребенка? Откуда, по его мнению, они должны были появиться? Из Нью Джерси? С Восьмой авеню? Откуда-то с Запада? Или с неба?

Тем не менее представление было впечатляющим, когда этот степенный искатель истины с дикими глазами отчаяно простирал руки, ожидая посещения чего-то непонятного. Джой невольно поежился. Он пробормотал про себя «земляне!» и снова предался бесцельным шатаниям, стараясь забыть все виденное.

И вскоре после полудня произошло событие, которое изменило всю его жизнь: во время прогулки он наткнулся на эту калеченую свинью, Крысеныша Риччио.

11.

Двигаясь по Восьмой стрит к Гринвич-Вилледж, он поймал на себе взгляд больших карих глаз над чашкой кофе, уставившихся на него из-за витрины кафе.

Увидев, что Джой заметил его, Рэтсо быстро закрыл глаза и застыл на месте, как человек, взывающий, чтобы небо даровало ему невидимость. Но Джой, который скитался бездомным странником, вот уже три недели, у которого из всех вещей остались только часы, был поражен, увидев знакомое лицо. Он остановился как вкопанный, заставляя себя привыкнуть к свалившемуся на него столь приятному ощущению, и ему потребовалось несколько минут вспомнить, что Рэтсо Крысеныш Риччио

— его враг. Джой направился прямиком к двери и вошел в заведение.

Когда рука Джоя легла ему на плечо, Рэтсо затрепетал, стараясь провалиться сквозь землю.

— Не бей меня, — сказал он. — Я калека.

— О, я не собираюсь б и т ь тебя. — Но гнев в его голосе был наигран, носил актерский характер, ибо он был так рад увидеть хоть кого-то, кто был ему знаком, что не мог сдержаться. — Но первым делом, я хочу, чтобы ты вывернул передо мной свои карманы. Давай, начнем вот с этого.

Крысеныш повиновался, не пискнув. В ходе обыска появилось:

— 64 цента;

— Две с половиной жвачки «Дентайн»;

— 7 плоских изгрызанных пробок от напитка «Рейли»;

— одна коробочка спичек;

— две квитанции из ссудной кассы.

— Что у тебя в носках? — спросил Джой, не забыв придать голосу рыкающие нотки.

— Ни цента, клянусь Богом, — Крысеныш поднял правую руку и быстро вскинул глаза к небу. — Клянусь здоровьем матери.

— Если я найду то, что ты от меня прячешь, — сказал Джой, — я пришибу тебя так, что и глазом моргнуть не успеешь. — Он толкнул по стойке к Крысенышу содержимое его карманов. — Забирай это дер-рьмо, оно мне не нужно.

— Оставь себе шестьдесят четыре цента, Джой. Они твои, и я хочу их отдать тебе.

— Да эта мелочь просто воняет, ты что, сосал их? Не хочу к ним даже притрагиваться. Сунь их себе обратно в карман.

Поняв, что ему тут больше нечего делать, Джой решил, что должен покинуть раз и навсегда того паршивого Крысеныша. Но почему-то он не мог сдвинуться с места. Его охватило странное смущение: рассудок говорил ему, что перед ним сидит его заклятый враг, и тем не менее, у него не было никакого желания вкушать сладости мести. Он провел столько времени в одиночестве, и с ним что-то случилось: сердце, самый неверный, непостоян-

ный орган тела, было преисполнено радостью встречи чуть ли не с родственником.

Крысеныш затараторил относительно первой ночи.

— Богом клянусь, я не понял, что там такое было, — но чувствовалось, что он хочет откреститься от того свинства, в котором участвовал.

— Если ты хочешь получить бесплатный медицинский совет, — сказал Джой, — то я посоветовал бы тебе заткнуться на весь остаток ночи, ясно?

— О'кей, ладно, ладно, о'кей! — сказал Риччио. — Но только вот что: где ты живешь? Все еще в гостинице?

Вопрос заставил Джоя вспомнить то, что он все эти дни старался изгнать из памяти свою черно-белую седельную сумку, захваченную гостиницей. Во всей своей реальности она предстала перед ним, говоря о той жизни, которая навсегда ушла от него. В эту секунду он отчетливо понял, что никогда больше ее не увидит, и с неожиданной радостью воззрился на лицо Риччио, искривившееся в гримасе сочувствия его страданиям. Ему пришлось стиснуть зубы, чтобы на лице не дрогнул ни один мускул, после чего он повернулся и, выбравшись на Шестую авеню, направился в верхнюю часть города.

Когда он оказался у Девятой стрит, кто-то окликнул его. Обернувшись, он увидел, что его догоняет Риччио, припадая на бок при каждом шаге, рискуя потерять равновесие и свалиться. Джой хотел остаться в одиночестве, но понимал, что если увеличит шаг, то коротышка будет еще быстрее хромать за ним. В таком настроении у него не было желания устраивать спектакли: он замедлил шаг.

Когда Рэтсо наконец вцепился в него, Джой сказал:

— Слушай, ты, шишка на ровном месте, отвали-ка от меня. И помни, что я тебе сказал.

— Где ты живешь, Джой? У тебя есть какое-то место?

— Ты слышал, что я тебе сказал?

— Да у меня есть. Есть у меня местечко для тебя.

— Учти, Крысеныш. Я не бросаю слов на ветер. Только подойди ко мне, и я тебе башку с плеч снесу.

— Да я просто приглашаю тебя, черт возьми, — сказал Рэтсо. — Говорю тебе, что я п р и г л а ш а ю тебя.

— Ах ты меня приглашаешь, дер-рьмо такое.

— Ну да.

— И куда же?

— Идем, я тут же все тебе покажу.

Они бок о бок двинулись в верхний город.

— С тобой жить я не хочу, — сказал Джой. — Ты думаешь, у меня совсем мозги потекли, если считаешь, что я буду с тобой?

Рэтсо не обратил внимания на его возражения.

— Там нет отопления, — сказал он, — но, когда наступают холодные дни, я уматываю во Флориду. Так что чего мне беспокоиться, верно?

— Я, должно быть, совсем с ума сошел, — сказал Джой.— Ты у меня все зубы вытащишь и продашь, пока я сплю.

— В сущности, у меня там и кровати нет. Но одеял столько, что на хорошую лошадь хватит — с головы до ног.

— И что ж ты с ними собираешься делать, ты, хромая черепашка? Завалить меня ими до смерти. Ты-то уж точно попробуешь.

— И я обхожусь без света. Черт с ним, у меня есть свечки. Верно?

Мало-помалу, Джой стал представлять себе жилищные условия Риччио.

В Нью-Йорке было немало зданий, откуда из-за аварийного состояния были выселены жильцы. Семья одна за другой покидали обреченное строение, и, когда оно пустело, владелец (какая-нибудь крупная корпорация) малевал большие белые кресты на каждом из окон опустевшего дома. И Рэтсо обитал в целой серии таких «икс-квартир», как он называл их, — с тех пор, как в шестнадцатилетнем возрасте ушел из дома. Нуждаясь в квартире, он бродил по улицам в поисках окон, на которых были намалеваны большие белые кресты. Порой ему приходилось ломать замок, чтобы попасть внутрь, но куда чаще дверь была нараспашку. Порой ему даже случалось обнаружить остатки мебели, которую оставляли, уезжая, прежние обитатели квартир. Он перетаскивал свои скудные пожитки на новое место и невозбранно пользовался им как своим домом, пока управляющему не становилось известно о его присутствии или с отъездом последнего жильца в доме окончательно не отключали воду.

Теперешнее его жилище располагалось в большом квартале, населенном пуэрториканцами, в районе Западных Двадцатых улиц. Приведя Джоя сюда, он провел его в пустую квартиру на пустой этаж двумя пролетами выше, где в конце холла располагалась маленькая квартирка. Солнце клонилось к вечеру, но в комнатке было еще светло, и Джой понял, что тут куда приятнее, чем во всех тех местах, где ему доводилось спать в последнее время. Единственной мебелью у Рэтсо были стол и стул, но одеял было вдосталь. Взгляд Джоя упал на большую кучу их, сложенных в углу около окна, любых видов, которые только можно было себе представить: ватные, стеганые, армейские, индийские — все они были аккуратно растелены на полу, образуя уютное мягкое ложе.

Рэтсо с удовольствием демонстрировал преимущества своего положения. Он предложил Джою стул, а сам наполнил жестянку водой, чтобы приготовить гостю растворимый кофе. Джой, намеривавшийся, было, расположиться на стуле, миновал его и опустился на ложе из одеял. Он буркнул что-то относительно его жесткости, но, не успев закончить предложение, провалился в глубокий сон без сновидений.

Через несколько часов он окончательно проснулся, не понимая, где находится. Он лежал лицом к стене в странной незнакомой комнате, погруженной в темноту, и только свеча на столе бросала неверные тени на стены и потолок. Где он? Медленно повернувшись, он обнаружил, что лежит на искусственном ложе из одеял, раскинутых на полу. Рядом с собой он увидел уродливую ногу в вельветовой штанине и начал узнавать ее.

Освещенный пламенем свечи, прислонившись к стене и покуривая, сидел Рэтсо, слушая приемник Джоя.

Сев, Джой вырвал у него радио. Он покрутил его, чтобы убедиться в исправности. Выключив его, он подтянул транзистор к себе поближе.

— Где моя обувь? — спросил он.

Сапожки стояли под столом. Крысеныш ткнул в них пальцем.

— Как они там оказались?

— Я с т а щ и л их с тебя.

Джой снова посмотрел на сапожки и перевел взгляд на Рэтсо.

— Зачем?

— Чтобы ты мог выспаться.

Встав, Джой подошел к столу, под которым стояла его обувь.

— Я думаю, самое умное, что я могу сделать — это уносить отсюда ноги. — Сев, он стал натягивать сапоги.

— Зачем? Зачем, зачем, зачем? — сказал Крысеныш. — В чем дело?

Джой поднял голову, и ему показалось, что он увидел на физиономии Рэтсо знакомое выражение. Большим и указательным пальцами он держал сапожок, который медленно покачивался в воздухе, а Джой тем временем оценивал ситуацию.

Крысеныш — вор, — думал Джой, — но он представляет опасность только, если у тебя есть, что красть. Если же он будет проводить тут ночь, приемник, он может класть себе под голову — а что же касается сапожек, какой в них толк для человека, у которого такие разные ноги? Что еще ему может сделать этот малыш? Он вроде не педик. Взглянув на него, Джой увидел всего лишь испуганное маленькое хромое существо, сидящее на куче старых одеял в комнате запущенного дома, смертельно боящееся остаться в одиночестве. Так почему бы ему и не остаться? Он не мог объяснить, что с ним происходит, но ему показалось, что каждый раз, когда он делал самые простые вещи, они ему дорого обходились. Тем не менее ему не помешает, если хоть одну ночь он нормально выспится. Но первым делом, он должен вбить в голову, черт возьми, этому типу несколько главных принципов.

— Слушай, Крысеныш, — буркнул Джой, — я должен тебе кое-что сказать. Но только сначала дай мне сигарету.

Крысеныш протянул ему мятую «Рейли» и подвинул свечку прикурить.

Затем Джой в упор посмотрел на Рэтсо и сказал:

— Вот что я должен тебе сказать — для твоего же собственного блага. Значит, ты, м-м-м... хочешь, чтобы я тут остался?

Крысеныш пожал плечами.

— Я тебя не заставляю. То есть, ты понимаешь, я не настаиваю. — В голосе его явно не хватало убедительности, и, когда он пожал плечами, чтобы продемонстрировать меру своего равнодушия, движение это было еле заметно. Джой понимал, что, несмотря на свои слова, Крысеныш страстно хотел его присутствия, но тем не менее понимал, что не должен этого показывать, контролируя ситуацию.

— Ага. Ясно, я понимаю. — Он натянул сапожки. — Черт, а мне казалось, что ты хочешь, чтобы я тут остался с тобой. Но вроде я ошибся.

— Ладно, так и есть, — проворчал Крысеныш. — Я хочу, чтобы ты остался, и я приглашаю тебя. Я тебе это уже говорил.

— Ты знаешь, что тебя ждет?

— Что?

— В том случае, если я останусь. Потому что ты еще не знаешь — я очень опасный человек, ясно? Я только и думаю о том, как бы пришибить кого-то. — Он вгляделся в лицо Крысеныша в поисках реакции. Тот просто смотрел на него, и на лице его ничего нельзя было прочесть. Джой продолжал: — Чистая правда. Если кто-то поступает со мной, как ты, я только и думаю, чтобы рассчитаться с ним. Так что ты предупрежден. Ты слышишь меня?

— Я тебя слышу.

— Ты так и не сказал, что ты об этом думаешь. Может, мне тебе еще раз объяснить?

— Ладно, я уже все понял! Ты человек опасный, ты убийца!

Джой кивнул.

— И для твоего же блага тебе лучше не забывать об этом. — Помолчав, он добавил. — Так что, если ты все еще хочешь, чтобы я тут остался на день-другой... то есть, я хочу сказать, ты этого хочешь? Или нет?

Нахмурившись, Крысеныш буркнул:

— Да! Черт бы тебя побрал!

Джой с удовлетворением потянулся.

— Легче, легче. — Он снова сбросил сапожки и направился к одеялам. — Мне нужно было все поставить на свои места. Потому что мне ни от кого не надо одолжений. Обойдусь.

Вернувшись в прежнее лежачее положение, он огляделся, привыкая к новой обстановке. Несколько минут они курили в молчании. Затем Крысеныш спросил:

— Ты уже убивал кого-то?

— Пока нет, — сказал Джой. — Но одного типа я просто изуродовал. — Он рассказал историю той ночи в бардаке Хуаниты Босоногой, когда бил Перри. — Я ничего не мог с собой поделать. Я прямо сошел с ума и не представлял, сколько во мне силы. Если бы меня не оттащили, с этим сукиным сыном было бы покончено. То же могло быть и с тобой. Той ночью я искал тебя с ножом наготове. А ты и не подозревал об этом, верно? Я был готов пустить его в ход. — Он помолчал, прикидывая, как бы расцветить повествование. — Всю ночь я провел в кутузке. И не наткнись я на копов, быть бы еще одному мертвому крысенышу.

— Ха! Ты думаешь, так бы я тебе и дался?

— Так что, — продолжал Джой, — с тех пор каждый раз, как я сталкиваюсь с копом, я шлю ему воздушный поцелуй, ясно?

Он бросил окурок в консервную банку, которую Ретсо приспособил для этой цели.

— И вообще, — сказал он, укладываясь, — держись от меня подальше. А то ты меня толкаешь.

Риччио торопливо доковылял до одеял и, повозившись, сказал:

— Джой?

— Ну?

— Поскольку мы у меня, сделай мне одолжение, ладно?

— Нет. Никаких одолжений. У меня нет настроения.

— Нет, ну ты послушай, мы же у меня — так?

— Все одолжения на сегодня я уже сделал, — сказал Джой.

— Ну да, это так, но мы у меня, и мое имя не Крысеныш, не Рэтсо. Понимаешь. То есть так получилось, что мое полное имя Энрико Сальваторе. Энрико Сальваторе Риччио.

— Ну, дер-рьмо, парень, я это и не выговорю.

— Ну хорошо! Тогда просто Рико! По крайней мере, здесь зови меня Рико!

— Иди спать, — сказал Джой.

— Договорились? — настаивал парень.

Джой приподнял голову и гаркнул:

— Рико! Рико! Рико! Хватит с тебя? — Он повернулся лицом к стене и, помолчав, добавил: — И держи свои грязные лапы подальше от моего радио.

Через несколько мгновений Риччио сказал тихим хрипловатым голосом:

— Спокойной ночи. — Но Джой был далек от того, чтобы обмениваться любезностями с этим типом. Он сделал вид, что спит.

12.

Так, этим днем в конце сентября было положено начало союзу Джоя Бака с Крысенышем Риччио. Эта пара стала привычным зрелищем на некоторых улицах Нью-Йорка в ту осень — маленький блондинчик, подпрыгивающий, как сломанная сенокосилка, чтобы успеть за ковбоем в потрепанном одеянии; они с детской бездумностью убивали время, слоняясь по улицам Манхеттена, в страстной надежде найти то, что могло бы представить для них ценность.

Покончив с кофе и куревом, которые ему удавалось приобрести, Рэтсо осталось только грызть ногти, а по ночам он лежал, хмурясь и покусывая губы. В сущности, в их паре он был ведущим и на его плечах лежала необходимость придумывать все новые способы существования.

Джой Бак, исполнял роль ведомого, просто был погружен в безграничный пессимизм, с которым встречал все предложения, но тем не менее следовал за ним. Например, Риччио как-то услышал о городке в Джерси, где счетчики на стоянках можно вскрыть простой отверткой. Джой Бак скептически отнесся к этому известию, о чем и сказал но все же согласился заложить свой приемник, чтобы купить билеты на автобус через реку. Когда они добрались до моста, сразу же стало ясно, что информация Рэтсо опоздала: город только что поставил новые счетчики, к которым с отверткой не стоило и подступаться. Столкнувшись с таким разочарованием, Джой повел себя достаточно благородно, во всяком случае, он

не раскрыл рта, когда Риччио рассыпался в извинениях за неудачу.

Но в целом он, на чьих сапожках по-прежнему играло солнце, был груб и раздражителен по отношению к маленькому белокурому коротышке. Он тоже это чувствовал. Джой был бы и рад взвалить на свои плечи какой-то груз, но ему не о чем было беспокоиться. Причина такого его равнодушия заключалась в том, что он был счастлив.

В первый раз в жизни он чувствовал себя свободным от необходимости улыбаться и заискивать, чтобы обратить на себя внимание. Теперь в лице Риччио он обрел человека, который страстно жаждал его присутствия, и оно бальзамом обволакивало его исстрадавшуюся душу, нуждающуюся в утешении. Бог знает, как это случилось и почему, но он в самом деле наткнулся на существо, которое, похоже, обожало его. Никогда раньше Джой Бак не ощущал, что обладает такой властью и, честно говоря, не умел пользоваться ею. Он мог только снова и снова пробовать ее на вкус, как изголодавшийся по слабостям ребенок перед кучей засахаренного печенья: замирая от счастья, и капризничает, и хмурится, и ругается... Ибо именно таким образом и познают силу власти — отказываясь от нее. Ее сладость притягивала, и от нее тошнило, но он ничего не мог с собой поделать, чтобы отказаться от нее. Единственное, что коротышке, казалось, надо, — это пользоваться привилегией находиться в тени высокой фигуры ковбоя. И предоставлять такое укрытие в своей тени доставляло Джою Баку особое удовольствие.

Так же ему нравилось и слушать Рэтсо. Когда они бродили по городу, или делили одну чашку кофе у стойки бара, или дрожали на пару в холодных подъездах, он выслушивал самые разнообразные точки зрения Риччио. Мало-помалу ему удалось составить представление о ранних годах его в Бронксе.

Крысеныш был тринадцатым ребенком в бедной иммигрантской семье. Отец его, работавший каменщиком на стройке, запомнился ему тем, что в свободное время старался завалиться спать в любом месте, где мог занять горизонтальное положение. Его мать, беспрерывно рожающая детей и мучающаяся от приступов тошноты, правила семьей с царственной рассеянностью, с которой она

выдавала из спальни противоречивые указания. Время от времени она втискивала свое расплывшееся тело в домашний халат и принималась наводить порядок в доме. Во время одного из таких набегов, она обнаружила под столом в кухне семилетнего Риччио с тяжелым воспалением легких. Справившись с ним, он несколькими неделями позже подхватил детский полиомелит, а когда на следующий год смог наконец покинуть больницу, мать его уже скончалась и была похоронена. Три его сестры и двое из девяти братьев покинули дом — то ли создав свои семьи, то ли по каким-то другим причинам. Никто из восьми оставшихся ребят не проявлял никакого интереса ни к готовке, ни к домашнему хозяйству, да и глава семьи особенно не заботился о своем потомстве. Когда он думал о работе, она представлялась ему в виде бесконечных поисков жратвы. Тем не менее раз в неделю, он забивал полки пачками солнечного печенья и банками свинины с бобами, а холодильник — сыром и молоком. За шесть дней ребята подметали все, до чего могли дотянуться, а в воскресенье папа давал им праздничный обед в соседней пиццерии. В прежние времена он, как правило, устраивал семейные сборища в этом самом ресторане, и владелец всегда испытывал гордость, что появление этого огромного выводка позволяет обратить внимание, что у него самый большой стол в округе.

— Вот и Риччио идет! — обычно восклицал он. — Милости прошу за стол! — Даже теперь, когда у него осталось только восемь сыновей, приходилось составлять вместе два обыкновенных стола. Но прошло несколько месяцев, и эти воскресные обеды стали все более нерегулярными, потому что у старого каменщика заметно испортился характер, и сборища за столом становились поводом для криков и оскорблений. Мальчишки, подрастая, один за другим выясняли, что прокормиться можно куда проще, чем выслушивая бесконечную ругань раздраженного старика, и постепенно исчезали из дома. Наконец в одно прекрасное воскресенье за обедом из всей семьи остался только один Рэтсо. Когда владелец подвел их к столику для двоих, старик был потрясен, смущен, а затем замкнулся в себе. Он ел в молчании, обращаясь к своему тощему хромому тринадцатилетнему отпрыску едва ли не с церемонной вежливостью. Каждый глоток

он запивал вином и наконец настал момент, когда он нарушил молчание, закончив трапезу громовым ударом кулака по пластмассовой поверхности столика и, проклиная самого себя, все мироздание и господа Бога объявил, что привык к куда большему столу: «Дети мои! Все вы меня бросили!» Подошел хозяин заведения, и два старика, обнявшись, всплакнули вместе. Потом Риччио довел отца домой. На пороге тот содрогнулся и испустил ужасный вопль. Он вел себя так, словно, очнувшись от самого долгого из своих снов, обнаружил, что вся его семья вырезана бандитами, а стены и потолок залиты кровью. Глядя мимо Риччио, словно его не существовало, каменщик начал всхлипывать, вопрошая снова и снова — куда делись его сыновья. «Неужели у меня такие ужасные дети?» Постепенно, а, скорее всего, из-за отсутствия всех прочих, Рэтсо стал его любимцем, и понемногу жизнь его стала куда лучше, чем у всех прочих. Ему подкидывали содержание и никогда не оскорбляли. Воскресные обеды продолжались. Говорить им за маленьким столиком было практически не о чем, но между ними царило молчаливое взаимопонимание и мирная атмосфера. Папа Риччио, который стал в свои шестьдесят с лишним лет толстым, мягким, лысым старым увальнем, в одиночку выпивал кварту кьянти, и по пути домой из ресторана он находил массу поводов то положить руку на голову единственного оставшегося у него сына, то, стоя у светофора, обнять мальчика тяжелой рукой за плечи. В один такой летний день, Риччио не устоял на ногах под тяжестью навалившегося на него отца, и оба они рухнули на тротуар. Когда Риччио удалось высвободиться, он увидел, что старик так и скончался на нем, при свете дня, на Бронкс-ривер, Паркуэй.

С этого дня Рэтсо оказался полностью предоставленным самому себе. Ему было шестнадцать лет, и он ничего не умел делать в этой жизни. Но он от природы был сообразительным мальчиком и, как большинство детей, выросших в больших семьях, умел легко и отменно врать. Вооруженный этими способностями, он и вышел на улицу.

Риччио мог рассказывать о Бронксе, он мог рассказывать о Манхеттене, да и вообще почти обо всем на свете. Но любимой темой его разговоров была Флорида,

и, хотя он никогда там не был, рассуждал об этом предмете уверенно и авторитетно. Он часто рассматривал цветные проспекты транспортных компаний или пытался собирать вырезки из газет; кроме того, у него была книга «Флорида и Карибы». В этом прекрасном месте (как он утверждал) для жизни необходимы только две вещи — солнце и кокосовое молоко, а их там было такое обилие, что проблема заключалась в том, как справиться с этим. Ибо чтобы проводить время на солнце, необходимы были лишь широкополая шляпа, темные очки и крем для загара. Что же касается кокосов, то они в таком изобилии валялись на улицах любого из городов Флориды, что муниципалитет был вынужден нанимать огромные грузовики, чтобы собирать их, иначе машины просто не могли ездить. И, конечно, кокосы представляли собой прекрасное питание: это всем известно. Как только ты чувствовал хоть легкий голод, оставалось только сорвать один такой орех с дерева, а потом, пустив в ход карманный нож, опрокинуть содержимое скорлупы в глотку. Рассказывая об этом Риччио был не в состоянии сдерживаться от демонстрации того, что надо делать с невидимым орехом.

— Тут у тебя в чем проблема, — говорил он Джою в промежутках между фразами, втягивая воздух сквозь зубы, — проблема в том, чтобы продержаться на этой диете, ясно? И у тебя теплое молоко течет по лицу и шее. Пей сколько влезет, а потом только физиономию вытри. Здорово, а? Как тебе это понравится? Мне нравится. Это точно. — Что же до рыбалки, то по Риччио она выходила таким простым делом, что Джою стало казаться, будто нет необходимости ни в леске, ни в удочках, ни даже в крючке. Но, задумываясь, насколько это соответствует действительности, он представлял себе картинку, как они вдвоем стоят у воды, приговаривая «Ловись, ловись, рыбка», и совершенно прекрасные рыбины так и прыгают им в руки, уже готовые для жарки. В своих глупых, но полных счастья мечтах, он уже ощущал их запах на сковородке. Порой, чтобы поддержать столь приятный разговор, Джой подкидывал вопросик:

— Слушай, парень, что за дер-рьмо, а где же ты собираешься спать? Там таких домов с перекрещенными окнами нет, так что тебе придется уносить ноги.

Но у Рэтсо были готовы ответы на все случаи жизни. Он начинал рассказывать о бесконечных милях пляжей, на которых стоят сотни пагод, беседок, и веранд; с ними, да еще на мягком песке и удобных скамейках, скрытых навесами от ветра и дождя, спишь, как в раю.

Но куда чаще дискуссии касались их финансового положения. Риччио явно был склонен относиться с сомнением к так называемым честным способам его решения. Ни один из них не внушал достаточно доверия, чтобы рассчитывать на работу, которая могла бы их прокормить, да и никто из них не был готов к ней. Помимо этого, любое занятие, которое требовало полной занятости, не стоило того, чтобы считаться решением проблемы: такие разговоры Риччио считал просто непристойными и даже не углублялся в них. Конечно, существование только за счет хитрости казалось им столь же проблематичным, как и путем нормальной работы: конкуренция в этой области была просто ужасная и, придумав что-то новое, надо было постоянно следить, чтобы оно внезапно не устарело. («Вот, например, как с этими чертовыми счетчиками, верно?») Что же касается способностей Джоя Бака зарабатывать, то у Риччио были серьезные сомнения насчет его надежд жить за счет женщин. Эта профессия была узко специализирована, требовала соответствующего гардероба, изящества и возвышенной внешности. Ковбойский подход не действовал на женщин в Нью-Йорке. И дело было не в том, что его внешний вид просто тянул к себе гомосексуалистов; даже среди них существовала строгая специализация по группам, и на него обращали внимание лишь те, кто испытывал тягу к мазохизму («Ты не можешь себе представить, ч т о там делается, и не поверил бы, если бы даже я тебе рассказал».) Порой, борясь с лучшими чувствами, но не в силах справиться с муками голода, он организовывал Джою быстренькое дельце на пять-десять долларов, когда от ковбоя почти ничего не требовалось, а только постоять несколько минут со спущенными штанами. Но после этого Джой приходил в смущенное состояние духа и впадал в депрессию. Ему казалось, что он попадал в опасную своей неощутимостью ситуацию, которую невозможно было обговорить при сделке и которую не ощущали обе сто-

роны; пребывая в мрачной рассеянности, он не мог найти этому разумное объяснение. Риччио был согласен, что это не лучший способ заработка. Он утверждал, что проституция всегда была самой тяжелой работой в мире, в которой свирепствовала отчаянная конкуренция, — и еще труднее ею заниматься в сегодняшнем мире, когда к предмету потребления предъявляются такие требования. Лучшее, что она могла предоставить, — это возможность ограбить клиента, но это требовало проворства и отточенного чувства времени, которые, как Риччио подозревал, отсутствовали у его приятеля-ковбоя, и он не мог заставить его выйти с этим на рынок. Риччио не сомневался, что у него самого хватило бы и хитрости и ловкости рук, но его шансы на успех практически сводились на нет искалеченной ногой. («Взять тех же педиков — ну, кому из них нужен калека?»)

Но Риччио обладал специальностью, которая куда лучше служила ему: он был карманником. Но и тут ему не особенно везло. Не раз его во время работы хватал за шиворот некто, вдвое выше его ростом, и без всяких сложностей отволакивал к полисмену, и Риччио приходилось терять последние остатки достоинства, унижаясь и ссылаясь на свою искалеченную ногу. Более искушен он был в других формах краж, но эти варианты требовали большой отдачи по времени, и порой ни к чему не приводили: он мог подцепить в баре незнакомца и пуститься с ним в оживленную беседу, чтобы улучить момент, спереть у собеседника кошелек, но случалось, что он впустую проводил так несколько часов и покидал бар лишь с мелочью в кармане и парой кружек пива в желудке.

Джой с отвращением относился к таким операциям («Мне от них рвать хочется!») и старался не иметь ничего общего с прибылью, которая порой доставалась Риччио. Тому приходилось придумывать совершенно невероятные истории, чтобы объяснить происхождение денег, в противном случае Джой отказывался даже прикоснуться к купленному на них гамбургеру и целыми днями ходил с вытянутым лицом.

Но Джой все же не забывал дружеских чувств, охвативших его при первой встрече с Риччио, и в течение этих недель ему казалось самым страшным — возможность опять остаться в полном одиночестве. Хотя он освободился от груза одиноких лет и полностью существовал в потоке нового времени, все же воспоминания о них не исчезли окончательно, бросая сумрачную тень на настоящее, как чудовища из ночных кошмаров, черные и безжалостные, готовые снова и снова погрузить его в бездонную пучину одиночества.

Таким образом пара проболталась весь октябрь, и когда ударили ноябрьские холода, в их жизни по-прежнему не происходило ничего достойного внимания.

Дни были похожи как две капли воды, и ощущение, что он загнан в угол, без всякой надежды, что дела пойдут лучше, вызывало в Джое беспокойство и возбуждение, от которых он по-настоящему страдал. Словно Манхеттен был его камерой, стены которой сдвигаются с чудовищной быстротой, и он обречен метаться меж них, пока они окончательно не сомкнутся, придавив его.

То один, то другой маялись простудой. Особенно страдал Риччио: его голос обрел густые интонации баса-профундо, что Джой находил особенно смешным у такого коротышки. Он глотал жаропонижающие и пил сироп от кашля в таком количестве, что у него постоянно кружилась голова и совершенно не хотелось есть. Время от времени он заставлял себя съесть лишь несколько ложек супа в баре у Херши. И, конечно, кофе. Этот напиток он мог пить всегда и везде и, естественно, курить сигарету за сигаретой. Риччио не вынимал сигареты изо рта, и Джою казалось, что в табаке есть какая-то жизненная субстанция, которую может извлекать оттуда только Риччио.

Ноябрь был суровым месяцем для тех, кто, как они, скитались по подъездам — холодным, сырым и ветреным. И похоже, что по мере того, как все более и более ухудшалась погода, им придется все больше и больше времени проводить на улицах. Конечно, они испытывали искушение как можно больше продлевать ночные часы, когда они находились в своем убежище в доме с перекрещенными окнами. Но излишне долгое пребывание в этом месте так угнетало их, что они начинали ненавидеть свое укрытие. Оно давило их. Они как-то понимали, что уж если его выбрали, то сетовать не на что. Никакой

волшебник не постучится к ним в двери и не приподнесет им удачу или хотя бы жратву. Это было им ясно, и поэтому так приятно было лежать по ночам в захламленном, но безопасном укрытии, погрузившись в сон. Но просыпаться при свете дня и видеть, как в комнату падают тени от крестов, намалеванных на окнах, словно намекая на их положение, было так неприятно, что даже удобства начинали тяготить их. Нет, на эту тему они не говорили. Не было смысла. Какая бы ни была омерзительная погода на улицах, как бы муторно они себя тут ни чувствовали, каким бы привлекательным ни казалось это место по сравнению со скитанием по улицам, к полудню они покидали его.

На улицах и в витринах магазинов появились первые признаки приближающегося Рождества. Но к ним праздник не имел никакого отношения. Они вели то же самое однообразное существование. Как-то Риччио явился с пальто на подкладке из козьей шкуры и преподнес его Джою в качестве подарка. Он заверил его, что оно было преподнесено ему торговцем верхней одежды в обмен на небольшое одолжение, но у Джоя были основания считать, что Риччио просто украл его в кино. Он сказал, что нельзя приносить украденную вещь, не убедившись, что у владельца есть другое пальто и прекратил сетования Риччио тем, что кинул пальто в угол. Джой продолжал таскать свою желтую кожаную куртку, на которой так и осталось пятно от кетчупа. Он уверял, что ему не холодно, но его постоянно била дрожь, и он то и дело находил предлоги забежать в магазин или куда-нибудь в фойе или в вестибюль.

Каким-то образом Джой догадывался, что испытываемое им беспокойство не имеет ничего общего с однообразием их существования. Внутри его жило ощущение, что такой вещи, как однообразие, просто не существует: ты ведь можешь неизменно заниматься тем же самым и ходить по улицам и даже постоянно перебирать те же самые мысли, но в глубинах души, куда ты не можешь добраться, все это меняется, пока не сливается воедино и что-то не происходит. И задолго до того, как что-то случается и жизнь в самом деле приобретает новую окраску, ты смутно ожидаешь приближение изменений.

Но Джой был не из тех, кто может, вцепившись в

такую мысль, тщательно обдумывать ее. Она вспыхивала у него в голове лишь на долю секунды и растворялась в потоке жизни, которая подчинялась своему собственному ритму. Так что Джою казалось, что источник его беспокойства — страх перед пустотой, за которой ничего не было. Лишь порой он, удивляясь самому себе, испытывал страх перед ч е м - т о.

И наконец в начале декабря пришла ночь, когда ожидание кончилось раз и навсегда.

13.

— Ему? — спросил юноша.

— Минутку, дай-ка взглянуть, — сказала девушка. Она похлопала Джою по плечу.

Был поздний декабрьский вечер. Он пил кофе в баре у Неддика на 8-й стрит, когда услышал за спиной голоса. Обернувшись, он увидел, что его внимательно изучают двое очень юных молодых людей в одинаковых костюмах: черные глухие свитеры с воротником под горло и тугие, в обтяжку, черные джинсы. Похоже, что они были братом и сестрой, может, даже двойняшками. По их внешнему виду трудно было понять, кто из них к какому полу относится. У нее были слишком короткие волосы для девушки, а у него слишком длинные для юноши. Оба были блондинами, с серыми глазами и довольно симпатичными; никто из них не употреблял косметики.

Чувствовалось, что первую скрипку играла девушка. Приподняв подбородок Джоя, она уставилась ему в глаза.

— Ну да, точно, — сказала она брату. — Точно ему.

Юноша неопределенно улыбнулся и протянул Джою свиточек тонкой оранжевой бумаги, скрепленной серебряной звездочкой.

Затем эта пара оставила заведение. Джой, которого поразили спокойствие и уравновешенность их поведения, смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду и лишь потом развернул бумагу. Текст был написан от руки черными чернилами.

«Вашего появления в королевстве ада ждут до полуночи — в гнусном месте, на гнусном чердаке, располо-

женном на северо-западном углу Бродвея и Гармони-стрит. Там вы будете развращены и отравлены.

Гансель и Гретель
Мак-Альбертсоны»

Выйдя, Джой посмотрел во все стороны, но нигде не было и следа Мак-Альбертсонов. Снова уставившись в их записку, он обратил внимание на слова «до полуночи» и глянул на часы на башне красного кирпича, стоявшей около женской тюрьмы: на них было одиннадцать часов. Закурив, он попытался прикинуть, что хорошего может дать ему встреча с этой странной белобрысой молодежью. Загорелся зеленый свет. Прохожие поспешили через улицу, то и дело натыкаясь на него в своем желании увернуться от куч старого снега, лежащих по обочинам тротуара.

Джой несколько раз перечел записку. Он чувствовал, что без посторонней помощи ему в ней не разобраться. Рэтсо, скорее всего, болтался в салунчике на Шестой авеню. Джой уже пересек улицу, двинувшись в его сторону, как увидел Рэтсо под зеленым тентом газетного киоска. На нем было то самое пальто на подкладке из козьей шерсти, из-за которого они поспорили. Увидев приближение Джоя, он вызывающе посмотрел на него. Но со своей стороны, Джой был только доволен, увидев, что вещь пошла в дело. Он протянул Рэтсо оранжевый клочок бумаги.

— Если ты хочешь что-нибудь почитать, — сказал он, — то прочти вот это. — Затем он объяснил Риччио, как стал обладателем записки. — Там была куча народа, — сказал он, — но они дали ее только мне. — Он пытался скрыть охватившую его гордость.

Рэтсо поднял воротник выше ушей и сорвался с места.

— Д в и н у л и, — сказал он.

— Стоп-стоп-стоп, — сказал Джой, пристраиваясь к нему. — Куда? То есть, что это за чертовщина? Это что — представление, или религия какая-то, или что вообще ? Потому что мы, черт возьми, и сами не знаем, куда идем.

— Это вечеринка по случаю Хеллоуина.

— Хеллоуина? Сейчас нет никакого Хеллоуина. Сейчас декабрь.

— Так что тебя волнует? Это вечеринка, и мы приглашены на нее.

— Мы? — удивился Джой. — В ней ничего не сказано о тебе, — отметил он.

— А! — отмахнулся Риччио.

— Парень, — сказал Джой, — они явно высматривали именно меня, прежде чем всучили мне эту штуку.

Они шли на восток от 8-й стрит, направляясь к Бродвею.

«Ну да, — вспомнил Джой, — они, конечно, уставились на меня, и один сказал «Ему»?, а другая ответила «Ну да, точно». Интересно, как они меня подцепили? Из-за сапожек или из-за шляпы? Что-то у меня на физиономии написано? Может, дело в чувственности? Или в чем?»

Эти мысли заставили его улыбнуться, а потом громко рассмеяться. Они проходили мимо булочной, витрина которой представляла собой подобие зеркала. Джой быстро повернулся к нему, надеясь подчеркнуть бодрость в своей улыбке, и в какой-то мере ему это удалось.

Затем он обратился к Рэтсо.

— Слушай, а ведь еще не так давно я сидел в гостиной Салли Бак и глазел в телевизор.

— Да? Ну и что? — посмотрел на него Рэтсо. — То есть, н у и ч т о?

— Ты не понимаешь, что все это было в Альбукерке. Черт-те где. А где я сейчас? Я в Нью-Йорке, не так ли? И меня выбрали из всей этой чертовой... не знаю, понимаешь ли ты, что я хочу тебе сказать?

— Не-а.

Джой так отчетливо представлял себе свои ощущения, что счел отказ Рэтсо понять его совершенно сознательным.

— Ну, — сказал он, — я вижу, что ты не хочешь попасть на эту вечеринку, потому что ты паршивый маленький вуппи, вот ты кто.

Рэтсо вцепился Джою в руку и почти повис на ней.

— А что? А что я такого сказал?

— Неважно, — ответил Джой. — Они, скорее всего, так и так тебя не пустят.

— Хочешь поспорим?

Группа, состоящая явно из преподавателей колледжа, толпилась перед входом в книжный магазин на Восьмой авеню. Знали бы они, подумал Джой, куда он направляется. Он никак не мог дать им это знать.

— Я заставлю их впустить тебя, — сказал он спутнику. — Я скажу им, что и порога их не переступлю, пока они не возьмут тебя.

— Да имел я их всех!

— Так что не беспокойся, — сказал Джой.

— А я и не беспокоюсь!

— Можешь считать, что ты уже там. Кроме того, они не должны быть к тебе в претензии.

— А кто говорит, что они имеют?

— А если ты причешешься и немного встряхнешься, то вообще будешь в полном порядке.

— Тысяча благодарностей!

— Так что я им скажу, м-м-м... что, мол, никуда я не пойду без своего приятеля. О'кей?

Квартал они прошли в молчании. На углу Юнивеситиплейс они нарвались на порыв холодного ветра, который преследовал их, пока они не перебежали через улицу и не укрылись за углом здания.

— Ты же не хочешь, чтобы я шел, — сказал Рэтсо. — Так?

— Разве я это говорил? Я ничего не говорил.

— Нет, но вот что я тебе скажу, Джой. Прости меня, но я в таком настроении, что все тебе выложу. Так что слушай: ты жутко тупое создание. Ты понятия не имеешь, как избегать неприятностей. Ты постоянно нуждаешься во мне! Ты себе даже задницу не можешь вытереть, если я не принесу тебе бумажки. А сегодня тебя пригласили на вечеринку, и ты уже почувствовал себя великим человеком. Так вот, хочешь я тебе кое-то скажу? Да н е х о ч у я таскаться по этим идиотским вечеринкам с Гензель и Гретель Мак-Альбертсонами. — Рэтсо нарочито прошепелявил их имена и поперхнулся, издав горловой звук. — Тю-тю-тю и сю-сю-сю! Да меня уже мутит. Единственная причина, по которой я хочу туда забраться, в том, что у них, скорее всего, мне удастся спереть кольцо сосисок и пару пачек крекеров. Черт возьми, а что еще там делать! Ну, а поскольку аппетита у меня больше нет, я с тобой прощаюсь. О'кей?

Он остановился.

— Дай-ка мне адрес! — Джой вырвал оранжевый листик из руки Рэтсо и двинулся вперед. Но прошел не больше квартала, и его гнев испарился. Остановившись на Бродвее, он оглянулся.

Сгорбившись, Рэтсо стоял посредине тротуара и смотрел ему вслед.

Джой махнул ему рукой, и Рэтсо покатился к нему, торопясь изо всех сил и хватая ртом воздух, как подстреленная птица. Джой хотел крикнуть ему «Не беги!», но вместо этого отвернулся, не в силах смотреть на торопящегося Рэтсо. Он услышал, как его та-тах, та-ах, та-тах становятся все ближе и ближе. К тому времени, когда Рэтсо добрался до него, оба они забыли свою размолвку.

Они спустились по Бродвею до угла Гармони-стрит. Среди многочисленных маленьких объявлений у входа в большое запущенное здание, было одно со словами: «Мак-Альбертсоны. Два этажа наверх».

Прежде чем пуститься по лестнице, Рэтсо на несколько секунд прислонился к перилам. Лицо его и спутанные волосы были мокры от пота, а в груди у него словно свистел испорченный орган. Джой настолько привык слышать чихание и кашель Рэтсо и его голос, напоминающий громыхание камней по булыжной мостовой, настолько привычным стало выражение боли на его лице, что он вот уже несколько недель не обращал внимания на состояние малыша. А теперь он увидел, что под испариной проступила смертельная бледность, в которой исчезли все краски; кожа его отливала скорее желтизной, переходящей в серо-зеленый оттенок, белки глаз покраснели, а посиневшие губы были обметаны белым.

— Что это с тобой делается? — спросил Джой.

— Со мной? Что ты имеешь в виду?

Джой не нашелся, что ответить. Он продолжал молча смотреть на Рэтсо. Тот встрепенулся.

— Что? В чем дело? Я что — кровью истекаю?

— Нет. Нет, ты не истекаешь кровью. Хотя ты залит потом. У тебя есть какая-нибудь тряпка?

Риччио вытер лоб подкладкой пальто.

— Тебе бы лучше и волосы вытереть, — сказал Джой.

Рэтсо попытался пригладить их руками.

Джой вытащил из-за пояса подол рубашки.

— Иди сюда. Дай-ка сюда свою паршивую голову.

— Нет, — проворчал Рэтсо. — Но Джой перекрыл его голосом. — И д и с ю д а! — Наклонившись, Рэтсо подставил голову. Джой стал вытирать ее подолом рубашки. — Нельзя появляться на прием с мокрой башкой, — сказал он. — Теперь нормально. У тебя есть гребенка?

— Да она мне не нужна. — Риччио стал расчесывать волосы пальцами.

Джой сунул ему расческу.

— Пара дюжин вшей меня не смутят, так что не волнуйся.

Но гребенка не смогла продраться сквозь густую путаницу давно не мытых волос, оставив на ней несколько зубьев. Вернув расческу, Рэтсо попытался руками придать своей прическе некоторое подобие порядка.

— Как я выгляжу? Нормально?

Джой долго и внимательно оглядывал его.

Не подлежало сомнению, что с Рэтсо явно было что-то не то. У Джоя появилось желание просто соврать ему и покончить с этим делом, но почему-то он продолжал смотреть в лицо Рэтсо.

Что он в нем видел?

Никто из них этого себе не представлял.

Между ними возникло какое-то смутное, неловкое ощущение, болтающееся в воздухе, как скелет, пляшущий на ниточках, что-то мрачное и тайное, наполнившее Джоя ужасом, потому что он почувствовал тоску одиночества.

Сам же Рэтсо, что бы он ни чувствовал, держался легко и небрежно. Он просто опустил голову, придав лицу дурашливое выражение. Глаза его были спокойны, и он предоставил Джою рассматривать свои плечи и затылок.

Джой открыл было рот, чтобы поговорить, но Рэтсо нетерпеливо махнул рукой и двинулся вверх по широкой темной лестнице.

Джой смотрел ему вслед. Когда Рэтсо одолел половину первого марша, он окликнул его:

— Эй, подожди меня! Эй!

Рэтсо остановился и посмотрел вниз. Глаза его молили Джоя ничего не говорить, и все же он с вызовом обратился к нему:

— Так мы идем на эту чертову вечеринку — или что?

Джой был так удивлен, что не сдвинулся с места. Здесь, у подножия лестницы, произошло что-то странное. Но не показалось ли ему?

Он не был в этом уверен.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да и д е м ж е! — нетерпеливо бросил Рэтсо, а потом попросил, — будь любезен, поднимайся!

Он дождался, пока Джой сделал первый шаг, и, ухватившись за перила, стал подтягиваться по лестнице.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

На перилах третьего этажа была навалена одежда. Там были кучи свитеров, шарфов, парок и самой разнообразной зимней одежды. Рэтсо бросил свою козью шкуру поверх всего и глянул на ряды сапожек, галош и ботинок на полу.

— Когда будем уходить, подхвачу пару получше, — сказал он.

Дверь была распахнута настежь. Рэтсо решительно двинулся в путь. Джой чувствовал ужасное стеснение, не зная, чего от него ждут. Сдвинув брови, он подчеркнуто неторопливо вошел в комнату, опасаясь, что на него не обратят внимания.

Помещение было огромным: оно тянулось во всю длину дома, да и в ширину было от стенки до стенки здания. В нем стоял гул голосов, но все же не столь уж шумный для такой толпы. Время от времени вспыхивал смех, были слышны обрывки разговоров, смешанные с негромким ровным ритмом небольших негритянских барабанов бонго, которые издавал ударник, давая понять, что музыканты еще не готовы врезать как следует. Одна пара пыталась танцевать, прилагая еще большие усилия, чтобы оставаться незамеченной. Помещение было заполнено множеством небольших групп, часть которых свободно

стояла, а другие расположились на полу: многие стояли сами по себе или рядом с компаниями, тем не менее не имея к ним отношения. Одна пара — по виду ребята-старшеклассники, один белый, другой цветной — сидела в середине помещения, взявшись за руки, но в их позах не было ничего, что могло бы предполагать тесные межрасовые отношения; они всего лишь держались за руки, а глаза каждого из них были устремлены куда-то в пространство. Многие из тех, кто пребывали в одиночестве, и мужчины и женщины, казалось, стеснялись своего положения. Они слонялись, ища куда бы приткнуться или чем бы заняться: выпить, покурить, забиться в угол, вступить в разговор, обменяться с кем-нибудь улыбкой, завязать знакомство.

Вдоль одной из стен тянулся длинный стол с большим выбором сыров, холодного мяса, крекеров и хлеба, а на полу рядом с ним стояла ванна со льдом, в котором лежали банки с пивом.

В дальнем конце комнаты Джой заметил Мак-Альбертсонов, сидящих на полу у ног костлявой размалеванной женщины с длинными светлыми волосами.

За этим трио на стене были протянуты от пола до потолка несколько полос оберточной бумаги, на которой были намалеваны черные буквы:

ЭТО ПОЗЖЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ,

а рядом с надписью стояло ведро с черной краской и кистью, древко которой было прислонено к стене.

Джой уставился на Мак-Альбертсонов. Они сидели рядом с надписью тихо и неподвижно, как фигурки на алтаре, и в них чувствовалось то же самое жуткое спокойствие, которое привлекало его внимание у Неддика.

Но женщина за их спинами волновала его еще больше. Он старался не смотреть на нее, но глаза то и дело невольно возвращались к ней. В ней было что-то странное. Но что? Под каждым глазом у нее было по пятну черной краски и алел маленький красный ротик. Она постоянно моргала. Ресницы у нее дергались как на ниточках, когда она обращала внимание на каждого, кто к ней приближался. Голова, небрежно посаженная на шею, рассеянно покачивалась из стороны в сторону, как у китайского болванчика. Когда смотрел на нее издали, она казалась искусственным созданием, слепленным этими молчаливыми серьезными детьми, сидевшими у ее ног, чем-то вроде изображения исчезнувшей материи, сделанной из веточек, пучков соломы и пакетиков из-под печений.

Перед мальчиком стояло подобие банки, и время от времени он что-то вытаскивал из нее (пауков? червей?) и, встряхнув рукой в воздухе, вручал это красивой темнокожей девочке. Что бы там ни было, девушка засовывала это в рот, запивая пивом, а затем, насмешливо изображая чувственное удовольствие, начинала извиваться всем своим стройным, затянутым в платьице из джерси телом и подхваченная внушительным черным великаном, привлекавшим внимание всех присутствующих, в танце выходила на середину комнаты.

Но Джой не сводил глаз с паренька, с Мак-Альбертсона, который продолжал уделять все внимание своей банке. Он придвинулся поближе, надеясь заглянуть в нее, как кто-то, окликнувший Гретель, привлек его внимание и кивнул ему. Джой оглянулся в надежде прибегнуть к помощи Рэтсо, но тот уже был у стола с закусками и, опасливо озираясь, набивал карманы салями.

Тем временем Гретель Мак-Альбертсон встала и подошла к Джою. И лицо и голос у нее были совершенно бесстрастными. На близком расстоянии она не казалась такой уж зловещей, а за ее спиной могла крыться необыкновенная скука.

— Ты здесь, — сказала она. — Хочешь чего-нибудь? Я имею в виду, тут есть пиво и... — Она разжала пальцы и показала ему большую коричневую капсулу, — и в о т э т о, если хочешь. — Увидев вопросительное выражение на его лице, она объяснила. — Бомба с барбитуратом — действует примерно четыре часа.

Поглядев на капсулу, Джой перевел взгляд на девушку, стараясь скрыть свое невежество и пытаясь понять, что же ему сейчас делать.

Она слегка нахмурилась.

— Ну б е р и же, — сказала она тоном, средним между командой и просьбой.

Взяв капсулу, Джой сунул ее в рот, собрал всю слюну и проглотил. Гордясь собой, он посмотрел на девушку, надеясь увидеть в ней взаимопонимание или одобрение. Но после своей бравады она, казалось, еще больше пог-

рузилась в тоску. Тонким пальцем она небрежно ткнула в сторону стола с закусками.

— Пива там хватает, — сказала она. На этот раз ему удалось уловить в ее голосе хоть что-то напоминавшее вежливость.

В эту минуту к нему подошел Рэтсо с двумя открытыми банками пива. Одну из них он протянул Джою.

Джой попытался организовать церемонию знакомства.

— Это м-м-м... Рэтсо Риччио, а это...

Тот поправил его.

— Р и к о! — сказал он.

Но так как слушать этот обмен репликами было слишком утомительно для Гретель Мак-Альбертсон, она просто отошла от них.

Джой сделал основательный глоток пива и попытался понять, что ему ждать от проглоченной капсулы.

— Если ты хочешь понять, чем занимаются эти братик с сестричкой, — сказал Рэтсо, — так я тебе с к а ж у: Гензель педик, а сестричка хочет завестись. Но кого это волнует, точно? — Он пронзил пальцем воздух, нацелив его на стол с закусками. — У них там салями. Набей себе карманы.

Джой почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он повернулся, и на пороге ванной увидел девушку в оранжевом платье, которая недвусмысленно улыбалась ему. Изогнувшись, она прислонилась к косяку таким образом, после которого становилось ясно, что ванна — ее личный шатер в красочной пустыне — ну, в крайнем случае, она ее делила с остальными обитательницами гарема. Она откровенно встретила его взгляд, еще шире распахнула глаза и, обнажив зубки, хихикнула с диковатым видом. Запустив пальцы в густые черные волосы, она подошла к нему. Джой обратил внимание на ее тело: у нее были стройный чувственные ноги и крепкое телосложение.

— Я могу, — сказала она. — А ты?

— Ну да, — соврал Джой. — Ну да, черт возьми, и я могу.

— Тогда ладно, — сказала она, — что мы будем делать? Сразу удерем или как? У тебя есть хата? Потому что я живу с подружкой, черт бы ее побрал. Ладно, неважно, с этим я сама справлюсь. Потому что мы с тобой договорились. О, Г о с п о д и! Как только посмотрела на тебя, сразу же все поняла. Ты это понял?

— То есть, я... м-м-м...

— Что нам придется этим заниматься, да?

Вмешался Рэтсо.

— Вы в самом деле хотите, не так ли, леди?

Ясно было, что женщина не замечала Рэтсо; она с удивлением посмотрела на него.

— А это к т о такой? О, Господи! Только не говорите мне, что вы п а р о ч к а!

— Можете считать меня его менеджером, — сказал Рэтсо. — А он, значит, Джой Бак — очень дорогое удовольствие.

— Д о р о г о е? — рот у нее, дрогнув, открылся. Моргнув, она огляделась, а потом снова посмотрела на Рэтсо и снова на Джоя. — Это п р а в д а?

— Ну в общем-то... — начал мяться Джой.

— Господи! — завопила она. — В самом деле! Не могу поверить! — Она отошла от них — не бросилась, а просто побрела в другую сторону. Открыв банку с пивом, она прислонилась к столу в дальнем конце помещения и, потряхивая головой и жмурясь, продолжала смотреть на высокого ковбоя.

— Она на крючке, — сказал Рэтсо. — Я бы сказал, что с нее можно слупить десять баков. Но я буду просить двадцать.

— Слушай, — сказал Джой, — с деньгами или без денег, я бы хотел тут кого-нибудь попользовать.

— Ну, конечно, черт возьми, ты же у нас б о г а т е н ь к и й. Иди поговори с ней. А я подойду попозже.

Джой ощутил себя легким и невесомым. Он слегка повел плечами, проверяя, способен ли он еще двигаться, и выяснил, что тело его обрело новое качество: он стал ощущать каждую его жилочку, наполненную изяществом и мощью. Он даже почувствовал старую тягу заглянуть в зеркало.

Черноволосая женщина уже снова оказалась рядом с ним, глядя снизу вверх, как бы меряя разницу в росте.

— Я в д и к о м восхищении, — сказала она. — То есть в первый раз в жизни я столкнулась, ну, в общем-то я даже не слышала, что может быть такая ситуация. И

честное слово, я просто в жутком восхищении. Не могу дождаться, пока расскажу своему мужику, но мы с ним не встретимся до понедельника, вот незадача, точно? Слушай, я просто так интересуюсь, ты понимаешь, но что будет, если я скажу: «О'кей, я покупаю!» Оп!

Женщина внезапно передернулась. У нее был изящный точеный носик. Ноздри у нее были раздуты, и она короткими рывками вбирала в себя воздух.

— Я д и к о растеряна, — сказала она, — и дело тут не в декседрине! Я в нем разбираюсь, и т а к со мной никогда не было. Я обязательно все отмечаю: дыхание, сердце, желудок — и смотри! Г у с и н а я к о ж а!

Она показала ему свою руку; Джой сдержанно усмехнулся.

— Из-за чего э т о? Из-за того, что покупаю мужчину, так? Самая потрясающая штука, о которой я когда либо слышала. Одно дело, когда ты расстаешься с девственностью. И совершенно другое, абсолютно другое, такое далекое, словно на другом конце света — это когда покупаешь л ю б о в н и к а. Так мне кажется. Разве не так? Конечно, откровенно говоря, я давно уже рассталась с невинностью. Она никогда не представляла для меня проблему. Это было давным-давным-давным-давно, несколько лет назад. Я тогда думала, что должна выйти замуж за каждого, с кем крутила роман. Вот примитив, верно?

Она засмеялась, но взрыв хохота не помешал литься потоку ее речи.

— Но после трех мужей... сколько их там было? Да, трое — мой мужик наконец вбил в мою тупую башку, что я стала живым примером бронксовской морали в самом худшем ее виде — ты следишь за моей мыслью? И тут! П р о р ы в! И что со мной происходит — я начинаю вести себя так, словно должна крутить роман с каждым, кто укладывает меня в постель! Ты что, не понимаешь? Та же самая старая мораль, только навыворот! Эмоционально это сущее наказание! Ты не согласен? Неужто можно относиться к любовнику, как к мужу? Ты не споришь? Отлично! Итак!

И вдруг мне стукнуло в голову: что, в сущности, плохого в добром старом с-е-к-с-е? Я была уверена, что мои мужики только об этом и мечтали. Конечно, прямо они

об этом не говорили, инициатива должна была исходить от меня. А если ты так же туп, как и я, это ж у т к о д о р о г о обходится. Даже д у м а т ь не хочу, сколько у меня вылетело денег! О'кей? Ну, и тогда я стала просто плевать на некоторые вещи, и климакс мне не грозит!

И н а к о н е ц! Сегодня вечером, как только я вышла из ванной и увидела тебя, то поняла, что ты настоящий символ — вот что ты собой представляешь. Настоящий символ — и не больше и не меньше. Ты этого не знал? Не могу поверить. Во всяком случае, я-то з н а л а, что меня ждет н а с т о я щ и й прорыв на другую сторону. И не в мыслях, мой дорогой, а на самом деле в чувствах, просто в ч у в с т в а х. Ты же видишь, в каком я состоянии, не так ли? На меня просто свалилось это ощущение, и я ничего не могу с ним поделать, да и не хочу. О! когда наступит соответствующее время, я сама спрошу себя, почему я выбрала ковбоя, да не просто ковбоя, а ковбоя-шлюху.

Но только не сегодня вечером! Нет, сэр. Копаться в мозгах в о в р е м я поцелуя — это чистая смерть. Оргазм просто упорхнет в окно, так что целуй меня, ясно! А то мы так и проболтаем. С л у ш а й! А тебя не смутит, если я устрою над постелью большой зеркальный потолок, в который увижу тебя с головы до ног? Потому что никогда раньше не могла толком разглядеть мужика до последнего волоска, я прямо у м и р а ю от этого желания. Можно? Я хочу сказать, что у тебя, надеюсь, нет никаких возражений с точки зрения твоей профессии?

И, кстати, сколько ты с меня возьмешь?

2.

Джой пытался уловить смысл слов женщины. Но с его слухом что-то происходило. Ее слова отдавались ровным гулом дождя, а между ними словно стояло толстое стекло. Он слышал ее слова и даже видел их, но смысл их он не улавливал.

Высокие визгливые звуки, доходившие до него, которых и звуками-то назвать было нельзя, скорее всего, были результатом проглоченной капсулы. Он без труда п р е д с т а в л я л себе, что происходит: болтаясь на тонком канате, он взлетает так высоко, что и звуки, и

голоса, и чувства, и ощущения доходят до него неразличимым гулом.

В один из таких моментов ему показалось, что он видит собравшуюся компанию словно с высоты: увидел и ковбоя,то есть самого себя, в гуще безликих фигур, уставившегося в дальний конец комнаты, где у ног женщины сидели двое молодых людей в черном.

Но с этой точки зрения фигур было вовсе не трое: их было четверо, и одним из них был он сам. Он стоял с ними бок о бок. Он был Джоем Баком, ковбоем, и здесь же была его блондинка и двое прекрасных ребят.

Теперь ему стало совершенно ясно, почему его пригласили на вечеринку: он был исчезнувшим членом какого-то сообщества, и всегда им был, и теперь все выяснилось.

В дальнем конце помещения началось какое-то шевеление. Все головы повернулись в ту сторону, чтобы не упустить начала какого-то дивертисмента. Барабанщик выбил на своем бонго глухую дробь, а девушка, сидевшая у проигрывателя, приготовилась изобразить звук фанфар.

Тем временем Мак-Альбертсоны помогли женщине подняться на ноги. Казалось, она была то ли пьяна, то ли в состоянии наркотического бреда. Но едва только встав на ноги, она нашла в себе силы сдвинуться с места, производя впечатление марионетки, которой управляет умелая рука. Стали слышны звон, бряканье и позвякивание дюжины ее браслетов, скользнувших к локтям, когда, подняв руки, она двинулась к центру комнаты.

Джой не сомневался, что настал момент, когда и ему, и всем остальным станет ясна цель этого сборища. Происходило венчание, какое-то странное венчание, больше похожее на союз, участников которого объединяли более глубокие, более таинственные чувства, чем обычная симпатия друг к другу. Не ощущалось никакого противоречия в том, что он никогда раньше не видел эту троицу: сумеречное состояние, в котором он пребывал, дало ему понять, что любое насилие над обыкновенной логикой ведет к пониманию нового и более высокого порядка вещей.

Например, то, что произошло дальше, было невозможно с точки зрения здравого смысла, но тем не менее

он видел, что оно имело место. Светловолосая женщина обвела рассеянным отсутствующим взглядом тех, кто собрался вокруг нее; на какую-то долю секунды глаза ее остановились на Джое и проследовали дальше. Его передернуло, и он испытал такое потрясение, что покрылся холодным потом. Ибо в этот момент он увидел перед собой Салли Бак. Она была куда старше и гораздо более странной, чем он запомнил ее. И тем не менее, это была Салли Бак, и он с холодной ясностью увидел ее в эту долю секунды. Он не сомневался, что это была его бабушка, восставшая из могилы, чьей волей были посланы на улицы Нью-Йорка эти двое мрачных, как смерть, убийственно красивых молодых созданий, чтобы найти его. С какой целью? Конечно, чтобы сказать ему нечто важное. И вот он здесь, готовый выслушать послание.

Мак-Альбертсоны выглядели как дети, пришедшие из сна, — стройные и спокойные в их плотных черных одеяниях, как нельзя лучше подходили к роли юных посланников по зову из могилы, они приблизились к пожилой женщине, наверное, для того, чтобы подхватить ее или оказать какую-то другую поддержку. Та вскинула руки, призывая к вниманию, а когда все стихли, она поднесла ладони к лицу, давясь от кашля вперемежку со взрывом визгливого смеха. Казалось, она забыла, что собиралась сказать. Со стороны Мак-Альбертсонов последовал тычок в бок.

Гаремная наложница Джоя в оранжевом платье спросила, почему он потеет, но Джой даже не слышал ее вопроса. Затем она сказала:

— Я думаю, что тебе надо что-нибудь перекусить. Вся штука в том, чтобы набить себе брюхо. Хочешь, я сделаю тебе сандвич?

Он что-то буркнул ей, и она исчезла.

Теперь и старуха и девушка указывали на юношу, которого звали Ганзель. Все не сводили с него глаз, когда он большим черным крестом перечеркнул слова «ЭТО ПОЗЖЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ». Сунув кисть обратно в ведерко, он присоединился к своей сестре. Оба они покивали старухе, давая понять, чтобы она обратила свое внимание на собравшихся. Она побренчала браслетами и, вытащив из-за пояса платок, сплюнула в него сгусток

мокроты. Затем, вскинув руку, она призвала к молчанию, дождалась его и заговорила громким, ровным, надтреснутым голосом со средне-западным акцентом:

— Не позже, чем вы думали, — и отныне никаких тайн!

Она замолчала, втягивая щеки и облизывая губы, словно их сухость не давала ей говорить. В воздухе стали слышны звуки быстрых отчаянных поцелуев. Гретель дала ей отпить глоток пива. Снова облизнув губы, женщина глотнула воздуха и внезапно гаркнула:

— Время! — обе руки она держала вскинутыми в воздух, стараясь предотвратить всякие споры среди собравшихся.

Несколько секунд компания ждала в молчании, но постепенно стали раздаваться шепотки, бормотание росло, и Джой услышал слова какого-то мужчины.

— Пусть уж лучше она будет здесь, чем в каком-то подъезде. Кроме того, она так сдвинулась, что и не представляет, что с ней делают. — А женщина ответила: — О, только не говори мне, что она ничего не знает. Я думаю, это жестоко. Эта публика все соображает, как бы она ни затуманивала себе мозги.

Старуха снова повисла на Мак-Альбертсонах, которые поддерживали ее. Затем она обратилась лицом к собравшимся и внезапно крикнула: «Время уходит от нас! Больше его не осталось!» Губы ее растянулись, обнажив мелкие желтоватые зубы, и застывшая на лице механическая улыбка должна была продемонстрировать высокое мастерство кукловодов.

Ища одобрения, она посмотрела на Мак-Альбертсонов. Оба они торжественно кивнули. Затем, словно сломавшись в поясе, женщина, звеня металлом, клюнула верхней половиной туловища. Она изобразила поклон. Мак-Альбертсоны зааплодировали. Все присоединились к ним. Поднялся невообразимый шум, превысивший все мыслимые пределы, и в нем можно было различить свистки, крики, топанье ног и даже два или три вопля.

Рядом с Джоем оказался Рэтсо, толкнувший его локтем.

— Ну, как тебе эти овации? Черт возьми, что тут будет — пение или танцы? Мне кажется, теперь они ее заставят грызть живьем петушиную голову.

Бросив Рэтсо на полуслове, Джой стал прокладывать путь среди голосов и шума, минуя столики для коктейлей, стулья музыкантов, и все ближе и ближе приближаясь к старой женщине, которая снова оказалась рядом с Мак-Альбертсонами.

На пути у него внезапно выросла женщина в оранжевом платье, держа в руках по большому толстому сандвичу.

— Я думаю, что ты хотел и м е н н о это! — сказала она.

Джой сказал «Спасибо», но сандвичи не взял. Притронувшись к ее плечу, он отодвинул женщину в сторону, продолжая двигаться по направлению к старухе.

Он чувствовал, что вечеринка как-то поехала не в ту сторону. Еще секунду назад он что-то понимал. Он ясно видел что-то важное, касающееся его жизни, — и вдруг он все забыл. Или, может, ему только показалось, что он увидел это откровение и оно ускользнуло от него? Из-за этой старухи? Кто она?

Присмотревшись к ней с близкого расстояния, он понял, что она куда старше, чем казалась, появившись на публике. Ясно чувствовалось, что ее мучает какая-то боль, — но глупо было дать понять, что видишь ее. Лоб ее был напряженно сморщен. Густой слой пудры скрывал обрюзгшую кожу. Глаза ее, непрестанно мигавшие, казалось, никогда не знали отдыха. В них были отсветы какого-то неизбывного страдания, начало которого было положено давным-давно. Порой, борясь сама с собой, она дергалась и прикрывала глаза, и на густом слое штукатурки на лице появились трещины.

Джой попытался вспомнить, что же он хотел спросить у старой леди — или у Мак-Альбертсонов? Он стоял прямо перед ними, но они не обращали на него ровно никакого внимания: казалось, они были не в силах оторваться от лицезрения друг друга, не видя никого и ничего вокруг. Да Джой и сам был уже не в силах смотреть на них сверху вниз. Странные ощущения, только что владевшие им, как бы умерли в нем. Он больше не испытывал никакой тяги к этим людям. Перед ним были просто симпатичные мальчик и девочка и старая женщина, которые пытались устроить что-то вроде вечеринки. Его всегда интересовали такие «партии», но когда

он посетил одну из них, она ему не очень понравилась: если они так выглядят, то тут куда скучнее, чем на улицах.

Крупный мужчина с сияющим круглым лицом схватил Джоя за руку и сказал:

— Вы слышали, что сказала мать Серес? Она сказала, что часы отсчитывают последние секунды. Так что, ложись, дитя мое, и умирай. — Мужчина засмеялся и направился к кому-то еще, вопрошая: — Вы слышали, что я сказал этому парню? Я сказал: а вы слышали, что сказала мать Серес? Она сказала...

Встрепенувшись, Джой решил действовать. Быстро настигнув говорившего, он схватил его обеими руками и сказал:

— Эй, чего ты ко мне лезешь?

— Лезу к тебе? — переспросил мужчина с круглым лицом. — Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, чего ты ко мне пристал? Ты считаешь, что во мне что-то не так? Или что?

— Ты с ума сошел, — сказал мужчина. — Отпусти мою руку.

— Ничего твоей руке не сделается. Я хочу услышать ответ, — сказал Джой.

Рядом с ним оказалась Гретель Мак-Альбертсон.

— Спасибо за визит, — сказала она Джою, — но теперь нам хочется, чтобы вы ушли.

Рэтсо тоже оказался здесь. Он сказал:

— Ты что, под кайфом? Бомбанулся? — И затем, повернувшись к Мак-Альбертсонам, он сказал: — Да он всего лишь бомбанулся, вот и все.

Когда Рэтсо вытащил его из комнаты в холл, Джой сказал:

— И вовсе я не под кайфом. Был, а сейчас нет.

Пальто Рэтсо было погребено в куче, которую он стал разбрасывать.

— Я куда-то вляпался, вот что со мной происходит. Я жутко вляпался, и мне жутко хочется послать их всех.

— Я нажрался до отвала, — сказал Рэтсо. — А теперь мне бы полежать.

В дверях появилась женщина в оранжевом платье.

— Эй!

Рэтсо посмотрел на нее и сказал:

— Я же сообщил тебе, сколько, не так ли?

Джой перевел глаза на женщину.

— Скажи ей еще раз, Рэтсо.

— Двадцать долларов.

— Заметано, — сказала женщина. — Моя — с выщипанным мехом. Вон под тем пальто, что в елочку. Пошли.

Рэтсо сказал:

— И еще на такси для меня. Двадцать ему — а мне на такси. О'кей?

Женщина сказала:

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, что тебе уже пора исчезнуть. С концами. Как т р у п у!

— Согласен, — сказал Рэтсо. — И за эту услугу я прошу всего лишь доллар на такси.

Женщина вытащила из лифчика скатанный в трубочку доллар и протянула его Рэтсо.

— Как только сосчитаю до десяти, чтобы тебя тут не было. Один, два, три ...

Рэтсо пустился вниз по лестнице.

Джой помог женщине одеть ее шубку.

— Эй, — сказал он. — А как тебя зовут — милашка что ли?

— Ну? — удивилась она. — Так ты и не з н а е ш ь? Мне это н р а в и т с я. А я знаю, что тебя зовут Джой. Просто восхитительно. Целуй меня, Джой, обними меня, Джой, возьми меня, Джой, уходи, Джой. Восхитительно! Прекрасное имя для самца... то есть для мужчины. Что-то вроде Розы для девушки.

Внизу раздался звук, словно кто-то свалился с лестницы. Джой кинулся вниз, перепрыгивая через две ступеньки, и увидел, как, подтягиваясь за перила, Рэтсо пытается приподняться и встать. Он еще раз свалился, Джой поднял его на руки, и Рэтсо проинструктировал, как его подобает опустить на пол. Джой поставил его так, чтобы Рэтсо мог опереться на здоровую ногу и со смертельно бледным лицом ухватился за стойку перил, сжав зубы. На второй площадке к тому времени показалась женщина. Спустившись к ним, она осведомилась:

— Что случилось?

— Он упал, — сказал Джой.

— С ним все в порядке?

— А с тобой, — скривившись, сказал Рэтсо. — Со мной-то в с е в п о р я д к е.

— Ну, если ты в норме, сказала она, — чего висишь на перилах? Так можешь ходить или нет?

— Да могу! Н а т у р а л ь н о я могу ходить! — Сделав три шага, он ухватился за косяк. — Не поможешь ли?

— Ага, — сказал Джой, — но только до подземки, идет?

— О нет, я могу не устоять, — Рэтсо изобразил жеманную девицу. — О, поддержи меня!

— У него есть на такси, — сказала женщина. Она повернулась к Рэтсо. — Так, значит, с тобой все в порядке. Так?

— Я т е б е у ж е с к а з а л «д а»! — гаркнул Рэтсо.

— Он в норме, — повернулась женщина к Джою. — Идем.

3.

Прошел час. Женщина лежала, подперев подбородок рукой, а другой она гладила Джоя.

— Э т о случается, — сказала она. — Не переживай. Ты в самом деле волнуешься? Да ладно, брось. Почему бы нам просто не поваляться и... посмотрим, что получится. Может, вздремнем немного, а?

Перегнувшись через нее, Джой взял сигарету с ночного столика. — Раньше со мной не было ничего подобного, можешь биться об заклад последним долларом из загашника. Мэм, где же спички?

— Наверху. — Пока Джой прикуривал, она сказала: — Может, если ты не будешь звать меня «мэм», дела пойдут на лад.

Джой лег на спину и выпустил в потолок клуб дыма.

— В первый раз со мной случился такой номер, черт бы его побрал.

Женщина хмыкнула.

Джой бросил на нее короткий взгляд.

— Что? Думаешь, я вру?

Она постаралась придать лицу соответствующее выражение.

— Нет! Конечно, нет! Просто мне почему-то стало смешно, вот и все.

— Да? — спросил Джой. — От чего же?

— Да ерунда.

— Значит, ерунда?

— Ох, да брось ты! Честное слово.

Джой кивнул и снова уставился в потолок.

— Ладно, скажу тебе, — прервала она молчание. — Я вдруг почувствовала себя в твоем положении и поняла, что значит быть п р о ф е с с и о н а л о м, то есть тебя в самом деле должны волновать такие вещи. Не то, что ты о б я з а н так близко все принимать к сердцу, но я вдруг представила себе то дурацкое состояние, в котором оказывается трубач без своего инструмента, полицейский без дубинки и так далее и так далее, и я просто... Впрочем, я думаю, что мне лучше заткнуться, а то я сделаю еще хуже!

Джой напряженно размышлял. Он перебрал все мыслимые причины своей неудачи, понимая, что со времени появления в Нью-Йорке он слабел буквально с каждым днем. Вспоминая прошедшее время, он чувствовал, что кровь все медленнее бежит у него по жилам, ибо им овладели усталость и утомление. Мало-помалу город высасывал из него все соки — и постоянно, едва ли не каждую секунду, он что-то терял; с каждым шагом по тротуарам Нью-Йорка слабели ноги, терял от городского шума остроту слух, слезились глаза от неоновых реклам, и он ничего не мог обрести — кофе тут, кофе там, порой тарелка супа или мокрых спагетти, гамбургер со сладкой горчицей, банка пива. Но каждый глоток приносил с собой лишь усталость...

Когда он проснулся, сквозь щели в портьерах пробивался дневной свет. И как продолжение сна к нему вернулись мысли об охватившей его слабости. Тысячью разных способов он мог быть выжат, выкручен и выброшен; каждая улыбка стоила ему неимоверных усилий, и каждый раз, когда он, кивая, приветствовал какого-нибудь незнакомца, он терял жизненные силы. Даже тиканье часов или дуновение ветерка крали у него энергию, которая утекала куда-то на сторону.

Ошеломленный этими мыслями, он изумился, почув-

ствовав, что во время сна к нему вернулись силы. Притронувшись к своему телу, и тщательно исследовав его, он едва не впал в истерику от радости, испытав чувство глубокого облегчения и искренней радости. Но они быстро покинули его, уступив место наслаждению от близящейся мести. Он хотел бы громко оповестить о ней, чтобы все обратили на нее внимание, увидев мощь его протеста, когда он через весь небосвод напишет свои инициалы большими буквами — и все содрогнуться.

Женщина рядом с ним спала, лежа на спине. Он положил на нее руку, чтобы почувствовать ее тепло.

Через мгновение они слились, и она только вскрикивала при каждом вздохе. Он овладевал ею спокойно и рассчитанно, стараясь не столько доставить себе удовольствие, сколько наказать ее. Но женщине нравилась эта игра. Она кусала его за плечи, чтобы еще больше разъярить его, и ему пришлось заткнуть ей рот рукой, спасаясь от ее зубов, и он продолжал работать, работать, работать над ней, и у женщины стали безумными глаза, и она стонала под его рукой, смачивая ее слюнями, и каждое движение ее тела говорило: «О, да! О, да! О, да!», отвечая на все невысказанные им слова, и между ними шла отчаянная и непрерывная борьба, но она хотела довести его до предела ярости и поэтому вцепилась ему в спину ногтями, и Джой понимал, что она готова высосать из него всю кровь. Вот так они и пьют его кровь. Но на этот раз он успел перехватить их; и он все грубее проникал в нее, все глубже, и глубже, и глубже, и вот на глазах женщины выступили слезы и дыхание у нее прервалось, сменившись какими-то дикими звуками, напоминавшими звериное рычанье, полное ярости, и он отвел руку от ее рта, и, взглянув на нее, увидел, что лицо искажено гримасой, и он крикнул ей какие-то ужасные слова, после чего что-то в ней как будто сломалось и она стала приходить в себя, плача и смеясь одновременно, мгновенно, как сумасшедшая, переходя от рыданий к хохоту, и Джою Баку стало ясно, что женщина обрела радость раскрепощения, и он все настойчивее и настойчивее продолжал овладевать ею, не только потому, что хотел дать ей подлинное освобождение, но и потому, что хотел сам освободиться, хотел убедиться, что силы не покинули его, и наконец она

издала долгий низкий стон наслаждения, и он застыл на мгновение, преисполненный радости от своего успеха, а после этого случилось нечто неожиданное: он и сам почувствовал полную свободу. Всем своим весом он обессиленно опустился на женщину. Она продолжала обнимать его, кончиками пальцев нежно стирая кровь, которая выступила из царапин на спине. И не переводя дыхание, снова и снова она говорила ему, как называется то, чем они занимались, словно все пережитое ими, могло продолжаться или обрести бессмертие, запечатленное в самых непристойных выражениях. И когда Джой лежал на ней, уткнувшись лицом в подушку, в памяти у него всплыли двое молодых людей в черном, светловолосые, стройные и спокойные, какими он увидел их днем — Мак-Альбертсоны. И в это краткое мгновение, пока женщина заплетающимся языком вела свою непристойную линию, он мысленно смотрел на этих ребят, и их тайна стала ему ясна. Он видел, как они росли и мужали на его глазах, он видел, как, взявшись за руки, они уходили в неизвестность, рядом, но отдаленные друг от друга, не знающие ни матери ни отца и по сути лишенные признаков пола, не имеющие отношения ни к миру, ни к самим себе в прошлом, и они брели неизвестно куда и зачем в поисках таких же путников, затерявшихся в мире и таких же чужих ему, как они сами, и в это краткое мгновение озарения, на Джоя Бака снизошло осознание того, чем были эти двое — им самим. Они были его порождением, которые в этой ночи искали друг друга.

4.

Когда Джой ближе к полудню покинул апартаменты женщины, желудок его был полон едой и горячим кофе, он был чисто выбрит после ванны, благоухал дорогим одеколоном, который вылил даже в сапожки, чтобы отбить запах пота, и в набедренном кармане у него шелестела двадцатидолларовая бумажка.

На Таймс-сквер он купил несколько носков и несколько пар чистого белья, которое и натянул на себя, забежав в туалетную комнату одного из кафе-автоматов. Старое белье и носки окончательно истрепались и, решившись

на экстравагантный жест, он оставил их в туалете. Затем он решил потратить пятьдесят центов, чтобы навести глянец на обувь, и пока полировали ее, он мысленно прикинул, сколько у него денег, и подумал, что бы ему с ними сделать. Ему пришло в голову, что неплохо было бы купить белья и носков и для коротышки. И к тому же что-нибудь поесть. И лекарств.

В аптеке на Восьмой авеню он купил аспирина, сиропа от кашля, витаминов, а затем отправился в военный магазин, где приобрел пару длинного белья и две пары красных шерстяных носков, одну большую, а другую поменьше, учитывая, что у Рэтсо были разные ноги.

Торопясь по Восьмой авеню с покупками, Джой напевал «Последний круг», не обращая внимания на взгляды прохожих. Остатки грязного снега по обочинам растекались лужами под лучами полуденного солнца, и он аккуратно обходил их, оберегая первозданное сияние своих сапожек. Несколько попавшихся по дороге витрин и два или три зеркала позволили ему увидеть отражение блистательного ковбоя, и перед некоторыми из них он позволил себе притормозить и одарить его улыбкой: пару раз он напряг мышцы ягодиц, чтобы убедиться в наличии пришедшей к нему силы и уверенности. Последнюю покупку, картонную коробку с горячим куриным супом, он сделал в богатом еврейском магазине неподалеку от 30-й стрит.

Поднимаясь в «иксовую» квартиру, он остановился на лестнице проверить все свои приобретения: носки, белье, лекарства, суп, сигареты. Вид носков заставил его задуматься. Положив все пакеты на ступеньку, он вытащил носки из бумажного мешка, держа по паре в каждой руке и долго смотрел на них, не в силах прийти к какому-то решению. На секунду ему показалось, что он пытается вспомнить размер каждой из ног Рэтсо, но остановился он не из-за этого. Он пытался привести в порядок чувства, которые у него вызвали все эти приобретения, а не только носки. Но каковы бы они ни были, он никак не мог разобраться с ними.

Собрав пакеты, он поднялся в их обиталище.

Рэтсо лежал под кучей одеял, полязгивая сжатыми зубами, чтобы удержаться от непрерывного клацанья. Он сразу же взял две таблетки аспирина, запив их глотком воды, но ему не удалось проглотить ни ложки супа, пока не прекратилась дрожь. К тому времени Джой подогрел суп на таблетках сухого спирта, а Рэтсо так пропотел, что ему пришлось сбросить все одеяла. Они поспорили по поводу того, стоит ли это делать, а потом из-за названия недомогания Рэтсо. Джой предположил, что это кошачья лихорадка, как Салли называла все болезни, которыми он страдал в детстве, ибо она исходила из убеждения, что все болезни от кошек, но Рэтсо сказал что, он и н е п р и б л и ж а л с я н и к одной кошке, и, кроме того, у него обыкновенный грипп.

Пока он ел суп, Джой показал ему носки и длинное белье. Поглядев на них, Рэтсо покачал головой.

— Не годятся? — спросил Джой.

— Не в этом дело. Пока ты покупал белье, я бы мог спереть носки. Хотя все нормально. — И, спохватившись, он добавил:

— Спасибо. — Затем сказал: — Эй, Джой, не вешай носа, что бы там ни было. Обещаешь?

— Ага.

— Так обещаешь?

— Ну д а!

— Так вот, вроде бы я не смогу ходить. — Рэтсо смотрел в стену. Чувствовалось, что он был крепко смущен. — То есть, когда я в тот раз свалился, ну и... м-м-м...

— И что?

— Я испугался. — Он поставил суп рядом с грудой одеял, и его снова стала бить дрожь. Сжав челюсти, он плотно обхватил себя руками за плечи.

— Ч е г о? — переспросил Джой.

— Я уже тебе говорил!

— Я знаю, но...

— Того, что б у д е т, — сказал Рэтсо. — Я хочу сказать, того, что они могут с тобой сделать, ну, ты знаешь... с д е л а т ь с тобой, м-м-м... А, черт!

— Кто? Кто и что может с тобой сделать?

— Не знаю. Ну, к о п ы. Или эти... да откуда мне знать?

— Тебе кажется, — сказал Джой, — что ты не можешь ходить?

Рэтсо кивнул.

Джой, встав, заорал на него:

— Ну, и какое же отношение к этому имеют копы? Это не их собачье дело, кто может ходить, а кто — нет! Честное слово, парень, ты говоришь как человек, у которого мозги в задницу провалились! Ты что, забыл, что нам с тобой предстоит? Мы с тобой отправимся во Флориду.

— Во Флориду? Что за...

— Надо только купить билеты на автобус, и все.

— Иди ты со своей Флоридой. Ищи дураков. — Нахмурившись, Рэтсо уставился Джою в лицо, стараясь понять, что тот думает.

Джой сказал:

— Я прикинул, что нам надо уносить ноги поближе к теплу. Так? Чем ты сейчас занимаешься? Лежишь и дрожишь, понял? Второе — это жратва. Опять-таки верно, так? Ну вот, а во Флориде полно кокосовых орехов, и солнце там светит во всю, и все такое, так что не стоит себе ломать голову над этой ерундой. Пошевели мозгами! Рэтсо, ты и сам все понимаешь, ведь мы столько раз об этом говорили, дер-рьмо, ты что забыл?

Он вынул из кармана деньги и развернул их веером, как карты.

— Я заработал их ночью, и вот с этого начнем. Сегодня вечером я сделаю еще. Все заметано, и я только хотел сказать тебе об этом. Теперь скажи мне — мы прикидывали, что автобус обойдется в тридцать восемь на голову, так? Сколько это будет, если умножить на два?

— Ты что, хочешь и м е н я взять с собой? — сказал Рэтсо.

Джой кивнул.

— Сколько будет умножить на два?

— Семьдесят шесть. Слушай, Джой, и у меня есть еще девятнадцать. Они в ботинке лежат.

— Где ты их раздобыл?

Джой взял ботинок и вытащил из-под стельки купюры.

— Порыскал среди их пальто прошлым вечером, — признался Рэтсо.

— В каких пальто?

— Да на вечеринке, на той вечеринке, ради Бога! Помнишь там, на лестнице? Посмотрел во всех карманах — и вот девятнадцать долларов.

— Ладно. И сколько выходит с этими девятнадцатью? Сколько мне еще надо раздобыть?

Рэтсо на несколько секунд прикрыл глаза и сказал:

— Пятьдесят. Для ровного счета пятьдесят. Довольно много, как? — Чушь собачья, — сказал Джой. — Я в таком настроении, что раздобыть их ровно ничего не стоит. До встречи.

У дверей он обернулся.

— Засунь их в подштанники, — сказал он. — И смени н о с к и! Нам ехать в автобусе, а ты воняешь с головы до ног!

Посмотрев на Джоя, Рэтсо отвел глаза.

— Не могу поверить, просто не могу поверить. Ну просто, черт побери, н е м о г у поверить. — Он сел. — Эй, подожди минутку! — Говоря, он покачивал головой взад и вперед. — Слушай, но ты не собираешься делать какие-то глупости, после которых тебе прищемят хвост?

— Да заткнешься ли ты? — сказал Джой. — Заткнись ты, ради Бога. Заткнись и хоть разок дай мне что-то сделать. Неужто есть такое правило, которое говорит, что Джою Баку в голову не может прийти хоть одна паршивая и-д-е-я, и хвост ему никто не прижмет, а у него будет одна маленькая, паршивенькая, черт-бы-ее-побрал, идея? — Вернувшись обратно в комнату, он шлепнулся на стул, надежно упершись ногами в пол. — Чтоб тебе провалиться, ты мне все настроение испортил!

Он сразу же снова встал и направился к дверям.

— Ни тебе и никому другому это не удастся! — сказал он. — Провалиться мне на этом месте! Вечером мы с тобой уезжаем.

Хлопнув дверью, он сбежал по лестнице, прыгая через две ступеньки.

5.

В поисках денег Джой обрыскал все подъезды, холлы театров и дешевые забегаловки вокруг Таймс-сквер, но первые два часа прошли впустую. Стоять на месте было слишком холодно. Он потолкался минут пятнадцать на

Даффи-сквер, не решаясь ни с кем заговорить, и чуть ли не целый час волочился за симпатичной женщиной до вокзала Гранд-централ, чтобы увидеть, как она садится в поезд на Нью-Хейвен. Вернувшись на Таймс-сквер, он отшагал по Бродвею до 50-х улиц, затем по Восьмой стрит спустился до 42-й улицы и еще два-три раза проделал тот же самый маршрут, время от времени отогреваясь в грязноватых лавочках подержанных книг и в игорных салонах, где он между делом спустил доллар двадцать центов.

Когда минуло восемь часов, он толком и забыл, с какой целью вышел на охоту. Он стоял, тупо глядя на витрину магазина игрушек на Седьмой авеню и только тут обнаружил, что та самая возможность, которую он искал весь вечер, стоит от него не дальше, чем в трех футах и смотрит в ту же самую витрину.

Это был тип лет под пятьдесят, весь в красной, синей и белой расцветке. Он был коренаст, со склонностью к полноте, с густыми черными бровями. У него было симпатичное округлое лицо, на котором, казалось, так и застыла улыбка, полная доброжелательности, но в глазах его была неуверенность перед красочностью окружающего его мира. Но самое яркое впечатление оставляло разноцветье его внешности, цвета которой снова были взяты напрокат из американской оперетки: здоровая краснота лица, белизна волос и шарфа и синева его глаз, сочетающаяся с цветом пальто.

Джой уже усвоил, что не стоит первым заводить разговор. Пусть его начинают другие. Было множество теорий, которые объясняли такой подход. С одной стороны, заговорив первым, ты явно поднимаешь свою цену, давая понять, что тебе надо, а, с другой стороны, если тебе не повезет и ты нарвешься на полицейского, он может арестовать тебя за непристойное поведение.

Но Джой чувствовал острую необходимость переломить ход событий, прежде чем холод окончательно не доконает его. Слоняясь зимним вечером по Таймс-сквер, он окоченел и его лицо потеряло все краски. Он просто был не в состоянии спокойно и трезво оценивать действительность; по мере того как шли часы, он стал думать и действовать с отчаянием неудачника, с которым никто не хочет иметь дело.

Поэтому он отбросил в сторону все предосторожности и, соорудив на лице широкую добрую улыбку, положил глаз на эту красно-сине-белую физиономию и только открыл рот, чтобы заговорить, как этот мужчина сам обратился к нему.

— Как поживаете? — Круглая физиономия разверзлась как раз посредине проемом улыбки, обнажая здоровые зубы и красно-белую жевательную резинку между ними; обеими руками он схватил ладонь Джоя.

Первыми же словами этому человеку удалось установить атмосферу исключительной близости между ними. Посторонний, наблюдавший эту сцену, мог подумать, что присутствует при случайной встрече двух закадычных друзей, которые не виделись много лет.

Голос у него — а он сразу затараторил, словно истосковался по звукам своей речи, — был низким, богатым и уверенным, и в то же время странно напряженным, создавая впечатление, что человек этот вот-вот может впасть в истерику. Он представился как Таунсенд П. (от Педерсен) Локк из Чикаго («Можешь звать меня Тауни») сказал, что «занимается бумажками» и прибыл в Нью-Йорк, чтобы договориться с промышленниками. «Ну и, честно говоря, чтобы немного повеселиться, черт возьми», — решительно добавил он.

— Это у меня первый свободный вечер, и я чувствую, что он пойдет насмарку, омрачив мне все десять дней, если вы откажетесь пообедать со мной! Прошу вас! Для меня это жутко важно. Вы не отказываетесь? Вы согласны?

Джой увидел, что его согласия не очень-то и требуется. Едва только он решил неторопливо кивнуть, как его уже стремительно влекли по 42-й стрит, Тауни болтал без умолку. Более того, он принадлежал к тому типу болтунов, которым было совершенно неважно, слушают ли их. Он перепархивал от темы к теме с легкостью бабочки: Чикаго, еда, его мать, его договоры, Нью-Йорк, люди вообще, ковбои, «надо повеселиться», снова о своей матери, о Среднем Западе, рестораны, религия, Мичиган-авеню, искусство общения («Вот это мне сразу в вас понравилось, с вами очень интересно беседовать», — как-то походя брякнул он, от чего Джой только в изумлении вытаращил глаза и кивнул).

— Итак, где вы предпочитаете поесть? Я предоставляю вам выбирать любой ресторан в этой стороне Манхеттена. Нет, нет, хоть по всему Восточному побережью. Если есть какое-то местечко в Нью-Джерси или на Лонг Айленде, или даже в Ф и л а д е л ь ф и и, куда вы страстно желаете попасть, мы возьмем такси. Итак, слово за вами! «Чемборд»? «21»? «Лью»? Не обращайте внимания на свой внешний вид! Меня они знают. Я скажу им, что вы с родео, теперь весь Нью-Йорк сходит с ума по родео. Кроме того, вы вообще выглядите достаточно элегантно, а в таких местах, то есть по-настоящему хороших, никогда не пристают с такими глупостями, как, например, наличие галстука или тому подобной ерунды. О! — он щелкнул пальцами. — Так я, черт возьми, скажу вам, что мы сделаем — нам придется пообедать у меня в номере, потому что я жду звонка в полдесятого. Моя матушка постоянно звонит мне строго в это время, когда она ложится в постель, и я должен быть на месте. Ей уже девяносто четыре года, и, когда родителям столько лет, мне кажется, что, черт возьми, приходится быть на месте, когда они звонят, чтобы пожелать тебе спокойной ночи, вы согласны со мной? Ну, разве не прелестно? Обед тебе приносят наверх! У меня скромненький, но очень приятный номер в гостинице «Европа» на Девятой авеню. Все мои закадычные приятели останавливаются у «Пьеро» или в «Плазе», и они могут себе это позволить! «Почему ты там останавливаешься, Таунсенд, скажи на милость?» Ну, конечно, я знаю, и вы знаете, что пятьдесят лет назад «Европа» была единственным отелем в Манхеттене: эти высокие потолки и мраморные ванные! Мы-то можем оценить настоящий стиль! — Он пожал руку Джоя. — Это не то, что простая мода. Вот! Смотрите!

Когда они вошли в холл, молодой человек с тонким, холодным и отрешенным лицом, втиснул Джою в руку листовку.

— Вы в горящем доме, — сказал он, — и единственный пожарник — это Иисус Христос! — Скомкав, Джой сунул бумагу себе в карман.

— Вы только в з г л я н и т е на этот потрясающий холл, — сказал Таунсенд П.Локк.

Холл в «Европе» походил на ряд аркад в любительском

театре. Один угол был отгорожен и занят моментальной фотографией для паспортов, в другом углу размещались призывы клуба здорового образа жизни и тому подобное; тут же располагался целый ряд игральных и торговых автоматов, из которых можно было извлечь печенье, безалкогольные напитки и сигареты. Пол был из выщербленных плиток, которые недавно протерли мокрой тряпкой, оставившей грязноватые подтеки и легкий запах аммиака. Портье, маленький, седой, незаметный человек, казалось, был поставлен на этот пост из-за своей способности давать понять гостям, что его совершенно не интересует их появление или уход.

Они вошли в медленный скрипящий лифт, и Таунсенд П.Локк болтал всю дорогу на пятый этаж и продолжал разговаривать, пока они шли по холлу: «...и Макдональд, и Централ-Парк, и Гринвич-Вилледж, и всюду свет, и вокруг миллионы иностранцев со всех концов света...» Он перечислял те качества Нью-Йорка, которые доставили ему наибольшее удовольствие: «...тут до тебя никому совершенно и абсолютно нет никакого дела, понимаете? Тут у меня совершенно изменилось ощущение в р е м е н и. А Чикаго, должен вам сказать — далеко не тот город, в котором живут только коровы. Но тут, понимаете, каждая секунда на счету! Слушайте! Слушайте! Вы прислушайтесь к себе! Время — это великий колосс, и он шагает по Бродвею! Разве вы не слышите, как оно приближается?»

Они стояли у окна в гостиной номера Локка, глядя на 42-ю улицу. Уже были слышны звуки, о которых шла речь. Шел густой грохочущий рев, словно многомиллионная масса людей и машин, обитающих на острове, слилась в едином ритме и заговорила одним голосом, который доносился с огромной силой .

— И мы с вами, — сказал Локк, — часть его. Разве это не восхитительно? Вы только подумайте об этом — ваше сердце отбивает четкий ритм, и лучи всех прожекторов этого театра устремлены на вас, и с ревом мчатся машины — и оп! Нет сил даже представить себе! Хотите выпить? У меня есть прекрасный джин. Но если вы предпочитаете что-то еще, вам принесут. Может, вы пьете только текилу, или ирландское, или саке. Только скажите.

— Джин — это отлично.

— Нет, я в самом деле считаю, что это потрясающе и восхитительно, — продолжал Локк, — как течет время в Нью-Йорке. Но с другой стороны, оно вызывает такое беспокойство, что у меня буквально земля плывет под ногами. Понимаете, я настойчивый мальчик, и, когда речь заходит о времени, у меня буквально волосы встают дыбом. Например, в Чикаго меня часто охватывает ощущение, что на самом деле время остановилось д в а д ц а т ь л е т н а з а д! И что все происшедшее с тех пор — просто какая-то чудовищная ошибка. Разве это не ужасно? С этой точки зрения мне представляется гротескным убеждение, что где-то в мире есть некий джентльмен со светлыми волосами, которого вы видите перед собой. О н н е с у щ е с т в у е т! Была война, был молодой человек в форме, красивый, как только можно быть красивым, с густыми черными бровями — и, скорее всего, о н п о г и б н а в о й н е. Но он остался жив. В небесной канцелярии произошла какая-то идиотская ошибка, и он по-прежнему здесь! Разве это не забавно?

— Ладно, хватит обо мне. Я и так болтаю весь вечер. Вот ваш напиток. А теперь я хотел бы послушать о вас и о том, как вы живете на Западе. Но первым делом я должен вам кое в чем признаться: Запад оказывает на меня потрясающее воздействие — его просторы и его романтика; это общество, созданное людьми — перекати-поле, затянутыми в грубую кожу. Так что, понимаете, если даже вы и не самый прекрасный человек — которым, не сомневаюсь, вы являетесь, одаренный, чувствительный и во многих смыслах необычный — но даже если вы не были бы таковым, я тем не менее, все равно чувствовал бы к вам такую, такую, такую... — он несколько раз приложил руку к сердцу, словно там в груди был магнит, державший при себе нужное ему слово — ...п р и в я з а н н о с т ь! — Он торжественно вытянул руки вперед, словно демонстрируя на ладонях эту самую привязанность. — Просто потому, что вы явились с великого Запада. Моя матушка разделяет со мной мои убеждения, в самом деле, и она будет бесконечно обожать вас, и, когда она позвонит — он посмотрел на часы — примерно в половине десятого, я хотел бы, чтобы вы взяли трубку и сказали: — Привет, Эстелл, я... как вас зовут?

— Джой.

— Привет, Эстелл, я Джой. Все Таунсенды — очень хорошие ребята. Или что-то в этом роде. Я представлю вас, я скажу, то вы ковбой, и она будет просто в о с т о р г е. Девяносто четыре года! А какой ум! Как стальной капкан! Могу ли я рассказать вам, что я сделал для нее в день рождения? О, вы только послушайте меня! Вы и представить себе не можете, что я однажды сделал для своей дорогой старушки, не так ли?

— Ну да, черт побери, — сказал Джой. — И хочу услышать об этом.

Джой чувствовал, что непрерывная болтовня этого типа дает ему какое-то преимущество. Ему нужно было подумать. Спутник вызывал у него представление о деньгах, может, не о миллионах, но их хватало. Джой предположил, что он выбрал этот отель, предпочтя его остальным, потому что он предоставлял ему свободу удовлетворять свои особые желания. Теперь они уже сидели — Джой на диване, а Локк на стуле, который он поставил спинкой к себе. Джой постарался прикинуть, сколько времени еще будет продолжаться эта болтовня, прежде чем этот тип неизбежно переберется на кушетку, положит ему руку на колено и т.д. — и какую стратегию ему избрать, чтобы добраться до своей цели. Сразу выдать ему деловое предложение? Пуститься в неопределенные разговоры типа не-сделаете-ли-мне-одолжение? В мужчине было что-то привлекательное, но он старался не обращать на это внимания. Чем проще подходить к делу, тем легче его решать.

— ...и тут появляется струнный квартет. Представьте себе — старая леди лежит себе на постели, ресницы у нее подкрашены голубым, волосы в мелких кудряшках — сам занимаюсь ее прической дважды в неделю и тут у ее ног появляется Венский струнный квартет и играет ей «Счастливого дня рождения!»

Локк запел, изображая хор, который исполнил последние строчки поздравления: «Счастливого дня рождения дорогой Эстелле, счастливого дня рождения!»

— О, Господи! — В его ярко-голубых глазах стояли слезы. — А предыдущим вечером они играли Бетховена

для двух с половиной тысяч человек! Вот, что я для нее сделал. Я хочу сказать, чем еще можете вы порадовать женщину, которая на двадцать лет пережила свое время? Конечно, и м о я жизнь становится богаче. О, как вы добры к Эстелл, говорят люди. Чепуха, говорю я им, я добр по отношению к себе! — Это было сказано со всей силой убедительности. Несколько успокоившись и притихнув, он склонился вперед и сказал: — Разрешите мне объяснить: моя мать была исключительно редким созданием, одаренным сверхъестественной чувствительностью. Удовольствие от ее общества стоило любых жертв. Я не хочу ее переоценивать, но, если бы мог описать мою мать так, как она этого заслуживает, со всей серьезностью, боюсь, я был бы обвинен в чрезмерных преувеличениях. Посему я обычно молчу на эту тему, молчу как камень, по той простой причине, что средний человек, имеющий весьма отдаленное представление об истинных возможностях человеческого духа, не в состоянии уяснить... Например, позволю прервать самого себя, не раз мне доводилось слышать, и даже от самых близких друзей — и это очень печально, вы не можете поверить, — но такие отношения, которые я описываю, эти лица называли «болезненными». И знаете, почему? Потому что я не женился! Ну, так я не нашел никого, и почему, ради Бога, я должен идти на это?

Эта мысль заставила говорившего замолчать. Казалось, он забыл о существовании Джоя и, нахмурившись, со сжатыми зубами, уставился на свои руки. Затем, внезапно вспомнив о напитке, который держал в руках, он встрепенулся, поднял стакан, выплеснув часть его содержимого на брюки, улыбнулся, вытер их и провозгласил тост «за Дикий Запад», и после чего снова стал разговаривать.

— Видите ли, я с большой страстью отношусь к этому предмету, а мы живем в такое время, когда все страсти вызывают подозрение. Все старые ценности получили какие-то омерзительные медицинские наименования. Верность стала зацикленностью, ответственность — комплексом вины и даже любовь стала каким-то комплексом! Вам стоило бы послушать Эстелл, она так потешается над этим! И понимаете ли, отнюдь не психиатры говорят все эти глупости, чаще всего их приходится выслушивать от своих ближайших друзей! Но не кажется ли вам, что лишь мелкие душонки могут так оценивать тайны сердца и все такое? Как вам нравится такая наглость? Конечно, ее нельзя принять. Вы позволите мне изложить то, что говорит настоящий психоаналитик? А этот человек берет пятьдесят долларов за час, — что еще больше я могу сказать о его квалификации? Ну вот, он говорит, что у нас просто идеальные отношения. А почему? Потому что они срабатывают!

— Все это очень просто. Какова идеальная цель для ребенка? Завоевать любовь своей матери — и навсегда. Мне это удалось. И я вел идеальный образ жизни. Существовала лишь одна незначительная проблема: она должна была умереть раньше меня. М о ж е т б ы т ь! Видите ли, это одно из чудес, свойственных характеру моей матери: она не умрет! — Он ударил кулаком по сиденью стула. Это точно. Такие женщины, как моя мать, просто отказываются умирать, они крепко держатся за жизнь. Они никогда не говорят смерти «да». Они слишком любят жизнь, чтобы так просто расстаться с ней. Для этого требуется мужество. То самое, которое вело фургоны через всю нашу страну. Женщины поддерживали мужчин, льстили им, руководили ими — поэтому дикари сдались и исчезли с лица земли. Вы понимаете, что эти качества не исчезли, они продолжают составлять суть вещей. Моя мать прибыла в Миннесоту в таком фургоне. Иными словами — разрешите мне растолковать их вам, разрешите объяснить, что они значат — в течение ее жизни страна превратилась из обиталища пионеров в тот цветущий сад, который радует нас и поныне. Мы с вами, Джой, каждый день мы пожинаем урожай в этом прекраснейшем саду мира. И еще есть женщины, которые засевали его, да, и мы в неоплатном долгу перед ними, вся наша прекрасная цивилизация обязана им целиком и полностью.

— И они не только каждодневно гнули спину, но и думали, как бы все это сделать п о с к о р е е! Мальчик мой, во всей истории человечества нет страны, которая с такой быстротой, с такой эффективностью перешла от дикости к цивилизованному существованию. Вот в ч е м дело. — Он застенчиво посмотрел на изображение Эстелл и смахнул слезу. Пожилая леди на снимке, каза-

лось, принимала комплименты с присущей ей скромностью. — Ну разве она не прелесть? Просто копия королевы Виктории. У нас весь дом устроен в викторианском стиле — вокруг розовое дерево и красный бархат, и мы живем в величественной башне, которая смотрит на озеро, и вокруг такое изящество, все в стиле. Я вожу ее в кресле-качалке в театр и на все концерты — когда она может. Не так ли? — спросил он, обращаясь к изображению. Затем он нежно поцеловал его и объявил, что настало время поесть.

Затем последовал долгий телефонный разговор, в ходе которого портье объяснял Локку, что в отеле нет ресторана, а тот усердно убеждал портье, что он ошибается и что ресторан обязан быть, потому что он голоден.

В один из моментов разговора он прикрыл ладонью микрофон и объяснил свое нетерпение гостю: — Джой, можете ли вы себе представить, этот бедняга вбил себе в голову, что во всем отеле нет ресторана. И, конечно, я никак не могу его переубедить. На железных дорогах то же самое? Вы понимаете, почему я вынужден летать?

Наконец упорствующий портье «признал», что в соседнем квартале есть китайский ресторанчик и пообещал послать кого-нибудь за едой.

До, во время и после еды, не переставая рвать и разжевывать мясо крепкими белыми зубами, Локк беспрерывно извергал из себя потоки слов. Казалось, он непрестанно возводил из них какие-то чудовищные конструкции, которые могут привидеться только в ночных кошмарах, растущие с такой скоростью, что глаз не поспевает следить за ними. Растущие и падающие громады слов были посвящены Джою Баку, хотя он сам смутно улавливал тему разговора, но словоизвержение Локка исходило из убеждения, что гость его представляет идеальный образчик человеческой природы, в котором нашло счастливое сочетание героизм и мужество раннего Гарри Купера, а также культура, чувствительность и страстность Рональда Колемана. Казалось, что Локк боялся, что, если его гостю будет позволено произнести больше, чем несколько слов, все его конструкции рухнут.

Но Джой уже не испытывал никакого желания прислушиваться к этому потоку слов. Просто время от времени он вздымал брови, изображая на лице то или иное

выражение, а как только оратор улыбался, он выдавливал ответную улыбку и согласно кивал головой. Порой ему удавалось вставлять фразу-другую в ответ на такие, например, высказывания: «Моя мать терпеть не могла терять присутствие духа!», или «Ну конечно, вы, лихие ковбои, разбираетесь в этом куда лучше, чем я, скромный торговец бумагой», или же «Вот что я хочу сказать: жестокость покорила страну, а женщины покорили жестокость и, я бы сказал, весьма преуспели в этом на благо страны — вы не согласны?»

Но мысли Джоя все время вертелись вокруг одной и той же проблемы: как бы сделать, чтобы этот вечер был ему оплачен. Но он был бессилен. Ровный гул извергающихся слов хозяина действовал на него как наркотик, и он сидел в полном оцепенении. Ему постоянно приходилось бороться с желанием впасть в настоящий транс, и тогда он начинал вертеться на месте, растирать шею, хрустеть суставами и щуриться.

Телефон позвонил после одиннадцати. Джой воспользовался этой возможностью, чтобы выбраться в ванную, где мог посоветоваться со своим отражением в зеркале. Когда он выходил из комнаты, Локк громко и отчетливо говорил в трубку,

— Ты хочешь услышать, какое у меня произошло совпадение?.. Мама, я говорю: сов-па-де-ние! Догадайся, с кем мы сейчас болтаем?.. Я говорю, представь себе, с кем я болтаю, когда зазвонил телефон? С кем го-во-рю?.. Го-во-рю. Нет, не курю ! Г-о-в-о-р-ю!.. Беседую!.. О, мама! Тебя не тошнит? Что ты взяла?.. Да нет, этот не годится, почему бы тебе не воспользоваться акустиконом? А-кус-ти-ко-ном!.. Мама, черт бы тебя побрал, да это просто не-вы-но-си-мо!

В ванной Джой помыл лицо и плеснул на шею холодной воды, после чего крепко растерся, пока не почувствовал, что кровь снова стала циркулировать у него в голове. Затем он почти уткнулся в собственное изображение и прошептал:

— Как только этот сукин сын оторвется от этого чертового телефона, ты перейдешь к действиям! Это приказ!

6.

Джой огляделся вокруг в поисках того, что можно было бы украсть. На полочке в туалете лежала электрическая бритва, но она слишком выпирала бы из кармана. Кроме того, когда ты сидишь как голый под пальмой, куда ты ее засунешь? Ничего стоящего не было и в аптечке. Но он снова обильно использовал одеколон, стащив для этой цели обувь и распахнув воротник рубашки, куда обильно залил пахучую жидкость.

Затем он прислушался к тому, что делалось за дверью. Не было никаких признаков, что оживленная беседа по телефону близится к завершению. Джой снова повернулся к зеркалу, начав репетицию:

— Слушайте, мистер, м-м-м... то есть, Тауни. Слушай, Тауни, я говорил тебе, что мой приятель жутко болен? Так оно и есть, и я должен как можно скорее отвезти его на юг. Ага. Ну, я, в общем-то, толком не знаю, чем он болен. Мальчишкой он перенес полиомиелит, а сейчас у него течет из носа, его колотит, он все время потеет, ну и нога у него подворачивается и все такое. Так что вот я и подумал, Тауни, что лучше всего было бы как можно скорее отвезти его на юг. А теперь слушай. С л у ш а й м е н я, черт побери! — приструнил он сам себя и продолжал подготовку к разговору уже шепотом.

— А теперь тебе придется послушать меня, Тауни. Ох, да тебя я уж наслушался, ты же способен болтать сорок восемь часов без остановки. Да, конечно, мне это жутко нравится, прямо вне себя от счастья каждую засранную секунду. А теперь т е б е придется послушать. Мне нужны деньги. И побыстрее, так что, если ты хочешь получить то, что тебе надо, заткнись и приступай к делу!

В гостиной Таунсенд П.Локк сидел на краю постели, положив одну руку на телефонную трубку, которая уже лежала на рычагах аппарата, а другой прикрывая себе рот. У него были вытаращенные от волнения глаза.

— Ох, Джой, — сказал он, когда его гость вернулся в комнату. — Я вел себя, как сущий ребенок. Я орал. Я был просто омерзителен. И бесстыден. Перезвонить ей и извиниться? Она терпеть не может лишних трат. Роскошь обожает, а расточительность нет. Она просто

у д и в и т е л ь н о видит разницу между ними. Ладно, не стоит волноваться, не так ли? Не хлопнуть ли нам по маленькой? — Он ткнул пальцем на бутылку с джином на столике.

— Дай-ка я налью тебе, Тауни, — сказал Джой.

— Спасибо, это очень любезно с твоей стороны.

Джой наполнил стакан до половины чистым джином и вложил его в протянувшуюся к нему красную пухлую руку.

Он остался стоять перед Локком, и низ живота находился как раз на уровне его лица. Наступило долгое молчание. Постепенно Локк мысленно вернулся из Чикаго в Нью-Йорк, но молчание продолжалось. Хозяина явно волновало лицезрение нависшего над ним тела Джоя, и выражение лица его явно показывало возбуждение, в котором он находился.

Джой изобразил на лице улыбку и посмотрел на Локка. Подняв глаза, тот встретил взгляд Джоя и хихикнул. Джой кивнул и, помолчав, сказал:

— Так что же тебе нужно, Тауни?

Локк вскинул черные брови:

— Что?

Согнув ладонь, Джой позволил руке сползти в район паха.

— Так чего ж ты тащил меня сюда наверх?

— О! — вскрикнул Локк, прижимая ладони к сердцу. На лице его выразилось искреннее страдание. — Это так трудно. Так трудно. Невозможно. Вы, молодые люди, вы не знаете, как поступать. У вас... у вас такая убийственная красота. Я знаю, что ты прекрасный, просто обаятельный человек, Джой. Я сразу же это понял. Я сказал тебе это еще на улице. А теперь ты так ведешь себя, ты делаешь эти омерзительные жесты, и так все смешалось — и невинность, и распущенность — и такая в этом убийственная прелесть, что я просто не могу ее вынести.

— Я ни за что не должен был приглашать тебя к себе. Я хотел, чтобы у нас с тобой была такая милая прогулка, и я так старался, чтобы она доставила нам радость. Я надеялся, я предполагал, что в беседе между нами появится нечто общее, и я как старший мог бы поделиться с тобой некоторыми соображениями о мире. Я предполагал, что мы сможем выйти с тобой на более

высокий уровень общения. Ну, разве не смешно? — Он сделал большой глоток джина и когда тот оказал на него воздействие, снова заговорил, на этот раз со сдавленной страстью: — Я ненавижу жизнь, я ненавижу каждую секунду ее. — Он попытался сопроводить эти слова некоторым подобием смеха, но тут же подавился. — А теперь, пожалуйста, уходи прошу тебя. Не доставляй мне больше трудностей. Просто уходи, пока еще у меня остались силы разговаривать с тобой.

— Ты говоришь, чтобы я ушел? — переспросил Джой. — Ты хочешь, чтобы я выметался?

— Пойми меня, пожалуйста, я хочу, то есть я не то, что хочу... ну да, да — я хочу. Я хочу, я хочу, чтобы ты ушел, прошу тебя, я хочу чтобы ты оставил меня!

Взяв руку Джоя, Локк сжал ее между своими ладонями.

— Прошу тебя, помоги мне оставаться хорошим, — взмолился он. — Я не хочу быть таким, каким был в июле.

Джой кивнул. Он испытывал огромное разочарование, но мог понять, о чем его просят. Он двинулся было уходить, но Локк задержал его, взяв за руку.

— Джой, слушай, ты придешь завтра повидаться со мной? Ты обещаешь?

— А сегодня вечером, — сказал Джой, — нельзя ли заняться тем, что будет завтра?

— Завтра я буду другим. Я изменюсь. Я не буду так нервничать. Не могу даже передать тебе, как мне не по себе, словно мне на голову свалится бомба. И, понимаешь, мне жутко хочется, чтобы на меня что-то свалилось! И я вне себя от этого ожидания — Он снова попытался засмеяться и тут же осекся. — Видишь, я прямо не могу совладать с собой. Послушай, ты только послушай мое сердце! — Он засунул руку Джоя себе под жилетку. — Все смешалось в кучу — и этот жуткий шум за окном, и эта обслуга, которая принесла что-то совершенно несъедобное, когда мне хотелось чего-то очень вкусного, и этот ужасный телефонный звонок от Эстелл. Но пообещай, пожалуйста, что ты придешь завтра!

Джой выдернул руку и направился к дверям.

— Я отправляюсь во Флориду, — сказал он. — Мне нужно ехать во Флориду.

— О, это просто ужасно. — Встав, Локк проводил Джоя до дверей. — Едва только я встретил человека, который понимает меня, как н и к т о другой, и ему уже надо исчезать... Слушай! Подожди! Я хотел бы сделать тебе подарок! Для твоего путешествия! Ведь ты не будешь возражать, не так ли? — Он торопливо скрылся в спальне.

Джой был удивлен таким неожиданным поворотом событий. Он расслабился в приятном ожидании, прикидывая, как велик может быть подарок от человека, дом которого башней высится над озером и который может нанимать оркестр на день рождения своей матери.

В соседней комнате было слышно, как открылся и снова закрылся ящик стола.

Вернулся Локк. Он улыбался. Подойдя к Джою, он протянул ему сжатый кулак.

— Считаю за честь, что могу вручить тебе вот это.

Еще не видя, что скрывается в руке, Джой попытался найти слова благодарности.

Поднеся руку к глазам Джоя, Локк медленно разжал пальцы, продемонстрировав лежащую на ладони медаль святого Кристофера.

— Пожалуйста, возьми ее.

Джой уставился на медаль.

— Не смущайся! Для этого не обязательно быть католиком или кем-то в этом роде. Он покровитель в с е х путешествующих.

Джой покачал головой.

— Но я х о ч у, чтобы она у тебя была, — сказал Локк. — Ибо этот дар поможет мне сохранить уважение к себе.

Джой позволил засунуть медаль ему в карман. Он продолжал трясти головой даже после того, как человек из Чикаго спросил у него, в чем дело.

7.

Этот вечер предельно вымотал его, и он держался из последних сил. Взбираясь по лестнице, он попытался прикинуть, хватит ли у него сил все рассказать Рэтсо,

— Рэтсо, — пробормотал он, остановившись на площадке третьего этажа и глядя на зимнюю луну в выбитом

окне. — Нет, Рико. Я буду звать его Рико. Рико, — продолжил он, — боюсь, что пока толком так ничего и не сработано. Я чуть не всю ночь без толку провозился с этим идиотом. Но я кое о чем договорился с ним на завтра, так что, самое позднее, через два дня мы будем сидеть в автобусе. Ну, как тебе это нравиться? — Он помотал головой: никак это не может нравиться. Может, лучше сказать, что ему пришлось потратить часть денег, но завтра все вернется. Ну, Рэтсо, скажет он, — еще двадцатка, и, считай, мы уже в автобусе.

Он вошел, приготовившись выдать это вранье, и увидел, что Рэтсо не спит, уставившись в потолок. Джой ждал, что тот сядет и будет расспрашивать, как прошел вечер, но Рэтсо не пошевелился и ничего не сказал.

Подойдя поближе, Джой заглянул ему в лицо. Почему-то — может быть, он знал всю истину, — Рэтсо не ответил на его взгляд. Продолжая смотреть в потолок, он сказал:

— Мне приснился дерьмовый сон. — Голос у него был тихим и мягким. Угрожающей хрипотцы в нем больше не слышалось.

— А ты не собираешься спросить меня, — сказал Джой, — как у меня были дела вечером?

Рэтсо взглянул на него, но шевельнулись только его глаза. Внимание его было приковано к чему-то другому. Лицо его было совершенно бесстрастным, а глаза потухшими. Нет, он мог видеть, эта способность не покинула его, но выразительность взгляда, которой он всегда отличался, совершенно исчезла.

— Никуда мне не хочется ехать, — сказал он.

— Ты не хочешь ехать во Флориду?

— Не-а. Почему бы тебе не завалиться поспать?

Джой посмотрел на теплое местечко рядом с Рэтсо и подумал, что было бы неплохо прилечь. Затем он посмотрел на влажное, осунувшееся лицо Рэтсо с глубоко запавшими глазами, и в памяти у него всплыл звук открывающегося ящика стола в спальне номера Таунсенда П.Локка.

Он понял, что ему надо добраться до него. Больше ему ничего не оставалось делать. Все стало до смешного просто.

— Ну и ну! Черт бы тебя побрал! — сказал он. — Я все организовал, а ты не хочешь ехать!

— Что ты организовал?

— Да я все это дело раскрутил. Осталась только сущая мелочь, дай мне пару минут. И, как я прикидываю, нас ждет первый же автобус. Но, черт побери, тебе все это настолько не интересно, что я могу поехать и один. — Он оглядел комнату. — Думаю, что мне ничего тут не надо. Голова на месте, руки при мне — и вроде бы все в порядке.

Он направился к дверям.

— Слышь, Рэтсо, я... м-м-м... мы еще с тобой увидимся, а?

Рэтсо уже сидел, приоткрыв рот и распахнув глаза. Несколько секунд они с Джоем Баком молча смотрели друг на друга, а потом Рэтсо сказал:

— Ну пока.

Но он не шевелился. Как и Джой.

Помолчав, Джой сказал:

— Значит, ты вообще не хочешь отправляться во Флориду, так?

Облизав губы, Рэтсо слегка нахмурился. И сказал, помолчав:

— Не-а.

Внезапно повернувшись, Джой, мягко ступая, вернулся в комнату.

— Надевай ботинки, ты, кусок дерьма! И пошевеливайся!

В долю секунды Рэтсо отшвырнул одеяло и проворно пополз по полу к своей обуви.

Они взяли такси до автовокзала. Багажа у них не было. Оба они набили карманы разной мелочью, а Рэтсо прихватил с собой индейское одеяло. По пути Рэтсо с трудом переводил дыхание и жаловался на резь в глазах.

— Что мне так жжет глаза? Ты что-нибудь понимаешь о рези в глазах?

Джой помог ему разместиться на скамейке в зале ожидания. Проще было бы понести его, но Рэтсо не позволил ему.

— А теперь жди здесь, — сказал Джой. — Я буду через десять минут.

— А что если они зацапают меня за бродяжничество?

— Ты с ума сошел? В двенадцать пятьдесят ты отправляешься в Майами, Флорида. Это не бродяжничество!

— Ну ладно, а что, если тебе не удастся обчистить того типа?

— Никак ты в меня не веришь? Так? Ты мне не доверяешь? Возьми вот и скажи! Ну давай же, г о в о р и!

— Ладно, — сказал Рэтсо. — Только вот...

— Дер-рьмо — вот и все только!

У дверей Джой оглянулся и увидел, как Рэтсо кутается в одеяло. Он дождался, пока Рэтсо не взглянул на него, и махнул ему рукой. Рэтсо ответил ему. Джой выскочил на улицу и, добравшись до Восьмой авеню, пустился бегом.

8.

Он проделал весь путь до «Европы» и взлетел на пятый этаж без всяких раздумий, ибо чувствовал, что стоит ему остановиться и поразмыслить, как весь его план рухнет.

Постучавшись в дверь Локка, он прислонился к косяку, чтобы перевести дыхание. Через секунду он услышал тихое «да» из комнаты.

— Тауни?

— Кто там?

— Это я, Джой.

— Джой?

Он услышал щелканье замка, и дверь открылась. Таунсенд П.Локк был уже в пижаме на голое тело и с босыми ногами.

— Боже небесный! — сказал он.

— Мне надо поговорить с тобой.

Несколько секунд Локк мялся на месте, смущенно глядя на Джоя; он бросил беглый взгляд на цепочку, словно сожалея, что снял ее, открывая двери.

— Джой, честное слово, уже очень поздно.

— Да, но это очень важно.

— Ради всего святого, что же это может быть?

— Я... мне бы не хотелось говорить, стоя здесь.

— Но я не могу в такой час пригласить тебя к себе.

— Разве ты не говорил, что мы друзья?

— Да, к о н е ч н о! Но...

— Но на самом деле ты этого, конечно, не думал, — сказал Джой, проходя мимо Локка прямо в гостиную.

Локк остался стоять у дверей. Нахмурившись, он посмотрел на Джоя.

— Ладно. Давай излагай, что там у тебя. В чем дело?

— Закрой двери.

— Закрыть двери?

— Ага. Что, не понимаешь? Захлопни их.

Набрав в грудь воздуха, Локк осторожно перевел дыхание. Затем закрыл двери.

— Мне нужны деньги, — сказал Джой.

— Ах вот как. — Локк улыбнулся. — Ну, конечно. Конечно, они тебе нужны. Я должен был, должен был догадаться. О, прости, что вынуждаю тебя просить, это так неблагородно с моей стороны. Кроме того, это ваша-ха-ха! — д о х о д, так сказать! Боюсь, что я проявил крайний эгоизм, не подумав об этом. Секундочку. Подожди здесь.

Локк направился в спальню. Джой последовал за ним. Локк открыл ящик столика, стоявшего между кроватями, и вынул бумажник. Вынув из него купюру, он положил бумажник обратно.

И тут он увидел Джоя, стоявшего в дверях.

— О! — его руки испуганными голубями метнулись к горлу. В ужасе он сделал шаг назад, стукнувшись о столик и едва не опрокинув лампы. Но он успел подхватить ее.

— Ты меня напугал, — сказал он. — Я думал, что ты подождешь т а м. — В голосе его слышалась легкая нотка раздражения.

— Да нет, — сказал Джой. — Я решил, что не буду заставлять тебя делать лишние шаги.

Он глянул на десятидолларовую бумажку в руках Локка.

— Это для меня?

— Да, — сказал Локк. — И считаю, что ты более чем заслужил их, хотя бы тем, что провел весь вечер с болтливым старым джентльменом. Так что можешь и не благодарить меня.

— Тауни. — сказал Джой. — Боюсь, что мне причитается больше, чем д е с я т к а.

— Да? В самом деле? — Локк внезапно заговорил

очень тихим, еле слышным голосом. На лице его застыло выражение, которое не имело ничего общего с лихорадочным возбуждением, которое он испытывал. — Какая жалость! Боюсь, что у меня нет больше наличных. То есть денег.

— Я должен получить пятьдесят долларов.

— Пятьдесят!

— Вечером я провел с тобой чертовски много времени, Тауни, и не думай возражать. Ведь ты же, никак, решил стать хорошим мальчиком, не так ли?

— Но, Джой, я... у меня их просто нет.

— У меня вообще нет времени, тем более сидеть с тобой всю ночь, играя в гляделки. У меня есть семья, черт возьми, и я должен как можно скорее отвезти ее во Флориду. Так что запускай лапу и вытаскивай ее с пятьюдесятью долларами.

Локк отступил к столику и прислонился к нему.

— Я понимаю, Джой, честное слово, я понимаю. И я согласен со всем, что ты... — Джой двинулся к нему. Локк захлебнулся. — Что ты собираешься делать?

— Убрать тебя с дороги.

— Ты только напрасно потеряешь время. Здесь нет ничего...

Джой влепил собеседнику плюху тыльной стороной ладони. Локк свалился на кровать не столько из-за силы удара, сколько от удивления. Тут же приподнявшись, он упал на колени и, обхватив столик руками, закрыл доступ к ящику своим телом. Втянув голову в плечи и краем глаза наблюдая за Джоем, он принялся скулить, как женщина или ребенок. Джой схватил его за волосы и развернул лицом к себе.

— Ну-ка дай мне этот столик!

— Нет, нет! Я не могу! Там нет денег! В нем только мои личные вещи!

Джой еще раз ударил его по лицу, но на этот раз открытой ладонью.

Локк продолжал скулить и стонать, но не шевельнулся. Джой нанес ему еще один удар, но на этот раз покрепче и кулаком.

Локк вскрикнул, а затем сказал:

— Я заслужил это! Да, в самом деле, я заслужил это! — Он продолжал стонать, но на гораздо более высокой ноте. В то же время он продолжал обеими руками цепляться за столик.

— Я сам на это напросился! — вымолвил он. — Ты можешь еще и еще раз ударить меня! Весь вечер меня неотступно посещали такие грязные, такие отвратительные мысли. Что, у меня на лице кровь? — Он лизнул кровь, которая текла у него из носа. — Я истекаю! О, благословение Богу, я истекаю! Я заслужил эту кару!

— Да отцепись ты от этого проклятого стола. — Джой стал понимать, что перед ним нечто большее, чем просто человек, защищающий свои деньги. В нежелании Локка было какое-то исступление, почти ярость. Глаза у него блестели, а губы, за которыми виднелись плотно сжатые зубы, были растянуты в идиотской улыбке, придававшей ему вид толстой рехнувшейся рыбы. Лицо его побагровело, а текущая из носа кровь уже заливала и рот, и зубы, и подбородок.

Джой схватил настольную лампу и вскинул ее высоко в воздух.

— Так ты собираешься давать мне пятьдесят долларов? Или хочешь, чтобы я размозжил тебе башку?

Выражение лица Локка ясно дало понять, что он предпочитает: с тоской глянув на вскинутую лампу, он остался в том же положении.

Поняв, что от него сейчас требуется, Джой почувствовал, что его затошнило. Ему показалось, что они поменялись местами, словно оружие было в руках Локка, а Джой подвергался угрозе, и насилие, если его придется применить, обрушиться на него, а не на тело Локка.

— Пожалуйста, отойдите от столика, мистер, — сказал он.

Локк отрицательно помотал головой.

Джой опустил лампу на голову Локка, заставив ее остановиться в нескольких дюймах от его глаз. Локк вскрикнул, но на этот раз в голосе его звучало удовольствие. Тело его обмякло, и он ослабил хватку. Джой сначала не понял, что произошло. Он даже не коснулся противника, и все же Локк оставил поле боя.

Джой опустил глаза и увидел, что Локка так и колотит от пережитых эмоций, но Джой не мог понять, плачет ли он или смеется. Но теперь он понял, каким образом его собирался использовать этот беловолосый, красно-

лицый и голубоглазый джентльмен из Чикаго, так что, когда он вытащил бумажник из ящика ночного столика и нашел в нем сто двадцать один доллар, он все их сунул себе в карман.

Когда Джой покидал комнату, Локк сказал:

— Б л а г о д а р ю т е б я, б л а г о д а р ю.

Уже почти миновав гостиную, Джой внезапно понял, что предстало его глазам в спальне: Локк, сидящий на полу, прислонившись головой к постели, широко растянув в усмешке окровавленные губы, а рядом с ним на ночном столике стоит телефон.

Ворвавшись обратно в спальню, Джой увидел, что Локк подполз на коленях к кровати и уже взялся за трубку.

— Эй! — позвал его Джой.

Локк вскрикнул от удивления. Дернувшись, он оказался лицом к Джою. Они смотрели друг на друга, словно оба понимали, что худшая часть вечера им еще предстоит.

— Я никому не собираюсь звонить! — сказал Локк. — Честно, я не хотел.

— Помолчи.

— Ч е с т н о е с л о в о! Я просто...

— Заткнись.

Джой попытался собраться с мыслями. Он видел перед собой только Локка и телефон или телефон и Локка и знал, что того или другого надо вывести из строя, чтобы у него было время выбраться из здания. Поэтому, подойдя к ночному столику, он дернул провод с такой силой, что розетка вылетела из стены. Но связь еще не была нарушена. Ему пришлось положить телефон на пол и выдернуть шнур из металлического корпуса. Затем он поднял трубку и прислушался. Она молчала.

Локк воспользовался этой возможностью, чтобы выскочить в гостиную, и ему почти удалось добраться до холла, когда Джой, по-прежнему держа в руках молчащий телефон, настиг его.

— Эй! — крикнул он и швырнул коробку телефона в голову Локка. Как раз в эту секунду Локк повернулся к нему лицом и металлический корпус врезался ему в рот, откуда вылетел зубной протез. Он начал кашлять и сплевывать, а когда изо рта у него вылетело несколько зубов, он опустился на колени и стал искать их.

Тем не менее перед мысленным взором Джоя по-прежнему стояли эти два предмета — человека и телефона, телефона и человека, и, несмотря на всю свою растерянность, он понимал, что с ними надо что-то делать. Посему он пихнул Локка на пол, сел ему верхом на грудь и засунул телефонную трубку в его беззубый рот.

На руках Джоя оказалась кровь, и он инстинктивно, с глупой небрежностью, вытер их о куртку. Встав, он огляделся вокруг. Невероятно, чтобы в Локке было столько крови. Он был залит ею с головы до ног, она была на ковре и на мебели. Словно само воплощение ужаса — можно назвать его злом и представлять в виде дракона — носилось по комнате, оставляя повсюду свои следы.

Когда Джой торопливо оставил комнату, торопясь к лестнице, последнее, что он увидел, был человек из Чикаго, полуголым лежащим на боку, вцепившись в предмет, засунутый ему в рот, словно огромный ребенок, воюющий с соской.

9.

На предстоящее путешествие они обзавелись подушками, и наконец водитель тронул с места автобус. Расположившись на своем месте, он нажал кнопку, закрывавшую двери, и, обратившись через микрофон к пассажирам, сказал, что по пути будут регулярные остановки для отдыха, а путешествие, он уверен, доставит им удовольствие и через тридцать один час они прибудут в Майами.

Джой внимательно выслушал объявление, не услышав из него ни единого слова; его, главным образом, успокаивал сам тон голоса водителя, в котором были уверенность, сила и мягкость.

— Эти парни — отличные водители, — сказал он Рэтсо.

— Им п р и х о д и т с я, — сказал Рэтсо. Зубы у него опять стали выбивать дробь.

Автобус двинулся с места.

— Поехали, — сказал Рэтсо.

— Ага.
— Тридцать один час.
— На что ?
— Что ты хочешь сказать? Что «н а ч т о»?
— Ну, тридцать один час.
— Займет дорога. В восемь тридцать утра мы там будем. Но не в э т о утро. А на следующее, в половине девятого.

Прежде чем выехать из города, автобусу пришлось покрутиться, но наконец он въехал в туннель и еще через несколько минут они вылетели на скоростную автомагистраль.

— Ты в это веришь? — сказал Джой.
— Что мы двинулись в путь?
— Ну да.
— Нет. Я с трудом в это верю. Просто н е м о г у в это поверить.
— Я тоже, — сказал Джой. — Просто не могу поверить.

Несколько миль они покрыли в молчании. Джой обернулся посмотреть, что представляют собой другие пассажиры. Они показались ему довольно симпатичными, во всяком случае, те, кого он успел рассмотреть. Хватало и свободных мест, то есть было где вытянуться и поспать.

— Чем мы займемся первым делом? — спросил он.
— То есть, что мы будем делать?
— Ну да. Когда мы там окажемся.
— Я думаю, первым делом натянем плавки, а?
— И прямиком на пляж, — сказал Джой, — с этого и начнем, идет? Я хочу сказать, что прямо там и расположимся, не так ли?
— А ч-ч-что же еще, черт возьми? — сказал Рэтсо.
— Ну, гадство, вот не знаю, я же не специалист по путешествиям во Флориду. Я не знаю, черт возьми, чем ты там собираешься заниматься. Так что я просто спрашиваю. Ради Бога, прости, что я вообще рот открыл. Почему бы тебе не прекратить трястись?
— Потому что ничего не могу с этим поделать, вот почему, — сказал Рэтсо. Когда позади осталось еще несколько миль, он сказал: — Первые пальмы ты увидишь в Южной Каролине.
— Откуда ты знаешь?

— Так мне говорили.
— Кто? — захотел узнать Джой.
— Один п а р е н ь, вот кто!
— Ну и черт с ней, с Южной Каролиной, — сказал Джой. — Мы направляемся во Флориду. И если уж взялся дрожать, почему бы тебе не набросить одеяло?
— Эй, что с тобой случилось?

Джой сказал, что ничего с ним не случилось, но, пока они не проехали очередную милю или около того, он чувствовал, что Рэтсо не сводит с него глаз.

Придвинувшись поближе, Рэтсо прикоснулся к нему рукой. Они вплотную сблизили головы, и Рэтсо шепнул:

— Ты, надеюсь, не убил его?

Джой отпрянул от него и, стараясь не показать Рэтсо тревогу, вспыхнувшую у него в глазах, зашипел:

— Заткнись, заткнись, з а т к н и с ь! — после чего украдкой бросил взгляд на женщину, сидящую по другую сторону прохода. Она спала, прислонившись головой к окну.

— Мне-то ты можешь рассказать.

Снова склонившись к нему, Джой зашептал:

— Да я всего лишь сунул телефон ему в рот. Я тебе уже говорил. И он сделал вот так! — Джой издал цокающий звук, прижав язык к небу. Вот так.
— Я понял, но... слушай, — посмотрел на него Рэтсо. — У тебя же на куртке к р о в ь.
— Это у него из носа, из носа, я же говорил тебе, что у него из носа текла кровь! Ты специально хочешь мне трепать нервы — или что?
— Да нет! Я просто хотел узнать. Что я и спросить не могу?
— Можешь, но зачем, зачем? Ты считаешь, что если кровь, так обязательно кто-то умер? — Они помолчали, а потом Джой сказал. — Ты думаешь, что тот мужик мог з а д о х н у т ь с я с телефоном во рту?
— Нет. Нет.
— Ты уверен?
— Говорю тебе, что нет, это просто невозможно! Чем ты себе башку забиваешь? — сказал Ретсо. — Ты только об этом и думаешь. Выкинь всю эту чушь из головы. Так я считаю. Думай о Флориде. — Рэтсо подтянул одеяло до горла и уткнулся в подушку.

Когда они проехали еще несколько миль, Джой сказал:

— Рэтсо, а ты помнишь, как мы бродили позавчера, да, еще позавчера, черт бы его побрал, когда мы бродили и мечтали, какие у нас будут загорелые задницы? Ты тоже, как и я, помнишь об этом?

Рэтсо молчал.

— Помнишь? — повторил Джой.

Нахмурившись, Рэтсо посмотрел на него и прикоснулся пальцем к зубам.

— Чего ты? — спросил Джой.

— Я все удивляюсь...

— Чему?

— Как тебе его зубы не помешали?

Джой взбеленился.

— Да они у него в ы л е т е л и!

— Ты их в ы б и л?

Джою пришлось набрать в грудь воздуха, прежде чем ответить.

— Да они были и с к у с с т в е н н ы е, протез, искусственные были у него зубы!

На какое-то время они погрузились в молчание.

Через час Рэтсо вспотел и откинул одеяло. Джой, думая, что Рэтсо спит, подтянул его обратно. Но тот не спал. Он открыл глаза и сказал:

— Эй, слушай, а я все время думаю.

— У тебя одеяло сползает, — сказал Джой.

— А я все думаю, не будет ли у нас неприятностей из-за моего имени. Потому что, если разобраться, в чем смысл нашего путешествия? Нью-Йорк — это одно, но ты только представь себе парня, который гуляет по этому чертовому пляжу, загорелый с головы до ног, купается себе как ни в чем не бывало, а тут кто-то ему орет: «Эй, Рэтсо!» Не режет ли тебе ухо? Признайся, звучит жутко дерьмово. И мне бы этого не хотелось. Я всегда был Рико, и в чем тут моя вина? Эй, слышь, я прямо прею под этим одеялом. Вспотел, как свинья.

— Ага. Ну да, я понимаю, — сказал Джой. — Ладно, скинь его. Стяни еще и рубашку, да окно открой. Может, тебе удастся подцепить хорошенькое воспаление легких, которого тебе только и не хватает.

— Да я не сказал, что хочу скинуть его. Я всего лишь заметил, что вспотел. Но можно считать, что мы договорились, о'кей? Всем новым знакомым будем говорить, что мое имя Рико, идет?

Джой кивнул.

Он закрыл глаза и попытался немного поспать, но вместо этого его стали одолевать какие-то мрачные мысли. Он не мог толком понять, спит ли он или нет, но уродливые видения предстали пред ним с удивительной яркостью. Во многих из них он снова переживал сцены насилия, участником которых был прошлым вечером, в ужасе открывая глаза в ту секунду, когда опускающаяся лампа застыла в нескольких дюймах от головы Таунсенда П.Локка. Засыпая и снова просыпаясь, он испытывал искреннее облегчение, видя, что находится в автобусе и что рядом с ним сидит Рэтсо.

Затем он снова начинал погружаться в состояние полудремы и видел сны, в которых старый дружок Салли Бак, ковбой Вудси Найлс был мертвецом. Вудси выплывал из снов и появлялся в автобусе, реальный до мельчайшей черточки. Ковбой откалывал невообразимые шуточки: в одной из них он вдруг оказался на месте водителя и погнал автобус по краю дороги, так что пассажиры только вскрикивали: «Помогите, помогите, водитель мертв, водитель мертв!» В другом из этих ужасных снов он увидел, как автобус прибыл в Майами, все пассажиры взяли свой багаж и разошлись. Все, кроме одного. Водитель увидел его, скорее всего, уснувшего в кресле, и пошел по проходу разбудить его.

— Дер-рьмо, — сказал Джой, просыпаясь. — А мне казалось, что у меня на руках труп лежит. — В это мгновение Джой понял, что водитель — это он сам, а труп — это его старый друг Вудси Найлс. Он подхватил тело Вудси и затянул «Последний поворот», тихо и медленно, то ли напевая, то ли выговаривая его.

Очнувшись от этих видений, Джой стал присматриваться к Рэтсо в поисках признаков жизни; он приложил руку ему к носу, стараясь уловить дыхание. В один из таких моментов Рэтсо тоже проснулся. Он посмотрел на Джоя и сказал:

— Какого хрена ты делаешь?

Джой засмеялся.

Было примерно половина четвертого утра, и они сде-

лали первую остановку для отдыха где-то в Мэриленде. Многие из пассажиров спали. Рэтсо сказал, что хочет остаться в автобусе. Джой вылез и принес пару картонных стаканчиков с кофе. Они сидели, покуривая и потягивая кофе.

— Слушай, Джой, мы должны кое о чем поговорить, — сказал Рэтсо. — Когда ты ушел, я попытался встать, но... — Он пожал плечами, а потом покачал головой и нахмурился. Лицо у него было очень серьезным. — И не смог.

Джой молча слушал.

— Так что же мне делать? — сказал Рэтсо.

— В таком случае, — сказал Джой, — как только доберемся до Майами, сразу же оттащим тебя к доктору.

Рэтсо быстро мотнул головой и скорчил гримасу.

— Ха-ха. С ногами они ничего не сделают. Они поцокают языком, пожмут плечами, сдерут с тебя десять долларов за визит — и все.

— У тебя никак не укладывается в голове, — сказал Джой, — что завтра мы уже будем жариться на солнышке.

— Да я знаю дюжину способов, как запудрить врачу мозги, чтобы он ничего с тебя не взял. Но причем тут солнце? А, ясно, ты имеешь в виду его целительное воздействие и все такое?

— Ну да, черт возьми.

Помолчав, Рэтсо сказал: — Ладно, но послушай, а что е с л и... вот что я хотел бы знать — а что если...

— Я... я думаю, что мы могли бы оттащить тебя... да только я и сам не знаю.

— Костыль? — предположил Рэтсо.

Джой быстро глянул на него.

— Это уж о т т е б я зависит, если он тебе н у ж е н.

Остальные пассажиры возвращались в автобус.

Рэтсо сказал:

— А если он мне не поможет, что тогда?

Джой открыл было рот ответить, но не нашелся, что сказать и промолчал.

Сделав пару тщетных попыток заговорить, он, наконец, выдавил из себя: «Рэтсо... то есть, я хотел сказать,

Рико. Ну, когда мы доберемся до Майами, я пойду работать, вот и все, понял?»

Джой и сам не был уверен в своих словах. Ему и в голову не приходило, что он может выдать нечто подобное. Смутные мысли его так моментально претворились в слова, что он был удивлен своим же предложением не меньше слушателя. Автобус сдвинулся с места, а он продолжал говорить:

— Пойду вкалывать, потому что, ты же понимаешь, я не бездельник. Конечно, я мало в чем разбираюсь. Такая у меня была жизнь, что мало чему научился. Так что и сам не знаю, чем буду заниматься — ну буду мыть тарелки, горбатиться где-нибудь и все такое. Потому что мы хотим с толком провести время, не так ли? Ну ладно, может, и не так уж с толком, и кокосов не будет, пойдет все как обычно, но за это ты можешь ручаться. Кроме того, честно говоря, мне не хотелось спать на пляже. Мне бы хотелось, чтобы у меня была ванная, а в аптечке стояла склянка с ромом — ну, ты понимаешь. И зубная паста. И смена обуви чтобы у меня была! Потому что меня уж тошнит от этих сапожек. Точно! Я в океан их выброшу! Слушай — мне надо чего-то нового. И меня не волнует, если придется раздавать рекламные листки на улицах.

Рэтсо смотрел на него с очень серьезным выражением на лице, кивая при каждом его слове.

Положив руку на колено Рэтсо, Джой смотрел мимо него в окно, за которым бежали темные пространства.

— Я думаю о том, что поработаю и смогу что-то для тебя подыскать. О'кей?

Время шло. Они пересекли речку, и теперь мимо них во тьме летели освещенные лунным светом стволы деревьев. Наконец, Рэтсо сказал:

— О'кей. — И тот, и другой старались не смотреть друг на друга. Уткнувшись каждый в свою подушку, они закрыли глаза и каждый остался наедине со своими мыслями.

Джой удивлялся тому, что он только что сказал Рэтсо, пообещав заботиться о нем, и еще больше он удивлялся, поняв, что он и в самом деле собирается этим заняться.

Теперь на плечи ему легла ноша ответственности за другого человека, больного и скрюченного. Но, как ни

странно, ему нравилось это новое, пришедшее к нему чувство. Странная это была ноша, которая не отягощала его, а дала ему чувство легкости и тепла. Сиденье было жутко удобным, и он повращал головой, устраиваясь на подушке. Растроганный, он уснул почти мгновенно, и во сне перед ним опять предстала вереница золотых людей.

Но теперь они были на удивление другими. Они двигались в стремительном маршевом ритме, под музыку родео. И золотые канаты, связывавшие людей во время их движения по миру, так сверкали в эту ночь, таким чистым светом, что Джою удалось рассмотреть лица тех, кто шел перед ним. Особое его внимание привлек ковбой, который крутил в воздухе лассо, и аркан его был сплетен из тех же золотых нитей, которые связывали всех воедино. Он пристально, очень пристально вглядывался в лицо ковбоя, стараясь привлечь его внимание, и им все больше овладевало чувство, что он его откуда-то знает, и о чудо! Настала секунда, когда он понял, что лицо ковбоя — это его собственное.

Он был в строю вместе со всеми.

Эта потрясающая ситуация удивила его настолько, что он проснулся. За окнами вставал холодный зимний рассвет, окрашивая все вокруг блеклой розоватостью.

Рэтсо тоже проснулся и не скрывал овладевшей им мрачности. Лицо его мокрое от слез, было воплощением скорби.

— Эй, эй, в чем дело? — встревожился Джой.

Рэтсо бросил на него быстрый взгляд, снова отвернулся и тихим, почти неслышным голосом выдавил:

— Я обмочился.

— Ты что?

— Обмочился! Обмочился! Штаны обмочил!

— Ну и что? Что страшного?

— Да я весь м о к р ы й! И сиденье мокрое.

— Вот, черт, парень, да не плачь ты.

— Мало того, что я еду во Флориду, и нога у меня болит, и задница ноет, и грудь болит, и рожа свербит — так мало всего этого, я еще обосался с головы до ног.

Джой не мог удержаться от смеха. Он понимал, что ведет себя не лучшим образом, что смеяться не стоит, но он так хорошо чувствовал себя, что все окружающее представлялось ему страшно забавным.

— Я на куски разваливаюсь, — сказал Рэтсо. — Смешно, не правда ли?

Джой кивнул. И через секунду Рэтсо тоже хохотал.

Затем Джой сказал:

— Просто ты позволил себе сделать небольшую остановку для отдыха, которой не было в расписании. — Оба они расхохотались так, словно услышали самые смешные в жизни слова. Они покатывались в течение нескольких минут. Рэтсо даже посинел, и глаза его налились кровью, и он стал жаловаться, что ему больно смеяться, а когда стало ясно, что он готов бросить это занятие, Джой отпустил несколько ремарок относительно естественных отправлений организма Рэтсо, и они снова стали хохотать. Последние три-четыре замечания были, откровенно говоря, не особенно смешны, но просто им нравилось смеяться. Затем Рэтсо стал кашлять и задыхаться, и ему пришлось наклониться вперед, чтобы Джой мог постучать ему по спине.

После таких усилий Рэтсо впал в полное изнеможение. Настроение у него несколько улучшилось, но в перерывах между приступами смеха он выглядел совершенно изможденным. Джой сказал, что тут полно пустых мест и после следующей остановки они могут найти сухое, и пообещал, что в любом из попутных городков, они приобретут ему новые штаны. Он убедил Рэтсо, что все будет в порядке, и к тому времени, когда автобус притормозил для завтрака где-то около Ричмонда, Рэтсо уже крепко спал. Джой отдернул занавеску на окне и прищурился от лучей солнца, бивших ему прямо в глаза.

10.

Через несколько секунд, когда Джой вышел из автобуса, его поразил разлитый повсюду утренний свет рассвета. Ему припомнилось, что нечто подобное он видел во сне, но он не мог восстановить в памяти. Чувствова-

лось, что день будет ослепительно ярок: от резкой чистоты воздуха перехватывало дыхание, и он понял, что ради одного этого утра стоило уезжать из Нью-Йорка.

В ресторанчике он заказал себе черничный пирог и чашку кофе, и, ожидая заказа, был охвачен такими глубокими и тонкими эмоциями, что ошибочно принял их за грусть. Чувство это настолько сильно охватило его, что ему показалось, будто его вот-вот потянет вырвать. Он торопливо добрался до мужского туалета, уединился в одной из кабинок, закрыл двери и склонился над унитазом. Ему пришлось засунуть два пальца в рот, но оттуда вырвалось только сдавленное дыхание. Он заплакал. Это удивило его. Он не мог понять, почему у него льются слезы, когда его окружает так великолепно начавшийся день. Скоро он прекратил плакать. Он высморкался. Затем он вернулся в ресторан и принялся за свой завтрак. Блинчики были отличными, но после первого же куска он перестал обращать внимание на их вкус. Ибо и цвет и запахи этого утра заполнили зал ресторана, так что вместо того, чтобы наслаждаться едой, он думал только о дне, который лежит впереди, и, не допив кофе, поспешил наружу, чтобы окунуться в него.

Каким оно было странным, это субботнее утро. Кроме него, ничего больше в мире не существовало. Джою даже захотелось забиться куда-нибудь и закрыть лицо руками.

Но что происходит? Он подошел к краю стоянки и уставился в землю. Из застывшей коричневой грязи торчали несколько упрямых стебельков, с которыми зимние холода ничего не смогли сделать, а поодаль простирался ряд голых деревьев, в которых не было ничего особенного. Небо было светло-голубым, так что можно было смотреть в него, не щурясь, и воздух был прохладен, даже очень прохладен, но не холодным, так что при дыхании казалось, что ты втягиваешь в себя эту голубизну неба, и тот мир, и покой, что исходили от него. Стоя на краю площадки, Джой поплакал еще немного, от удивления тряся головой, не в силах понять, почему по лицу его струятся слезы и почему такая в общем-то обычная погода вызвала свалившуюся на него печаль.

Дело было в том, что им овладела совсем не печаль, но он не понимал этого.

Он вытер лицо рукавом куртки и вернулся в автобус. Рэтсо по-прежнему спал.

Они ехали сквозь южное утро, и странное обаяние дня не исчезало. Над каждым маленьким городком, мимо которых они проезжали, стояло ожидание субботы: люди тащили из лавочек пакеты с продуктами, готовясь к субботнему отдыху, дети бегали, играли и катались на велосипедах, радуясь субботнему дню и пришедшей субботней свободе, молодые женщины, с накрашенными губами и в кудряшках, забегали к Вулворту, чтобы купить обновку, в которых они покажутся перед своими субботними молодыми людьми, а те то сидели в парикмахерских, наводя глянец на щеки, то стояли на обочинах тротуаров главной улицы, позвякивая мелочью в карманах и с нетерпением ожидая наступления субботнего вечера, который приближался к ним с медленной неотвратимостью часовых стрелок, медленно, но неотвратимо, и они знали, что он несет с собой, ибо ароматы субботнего вечера стояли в воздухе, и тут же были субботние старухи, которые парочками или кучками стояли на улице на каждом углу, щелкая вставными зубами и болтая о смерти, пока какой-нибудь бодрый старик не отвращал их мысли в другую сторону.

Джой наблюдал из окна летящую мимо жизнь, пока, наконец, в Рэйли в Северной Каролине ему не представилась счастливая возможность окунуться в нее.

Он купил в лавочке рядом со стоянкой новые вельветовые брюки для Рэтсо, а для себя дешевую вязаную куртку, темно-синюю с белыми пуговицами. Он убедил себя, что хоть она и дешевая, но жутко нравится ему, и сунул свою старую и замазанную в ящик для мусора.

Джой попытался вытащить Рэтсо из автобуса и отвести его в туалет, где он сможет помочь ему сменить штаны, но Рэтсо еще не проспался. Джой попытался разбудить его, сказав, что скоро они окажутся в Южной Каролине и пора разуть гляделки, чтобы поглазеть на первую пальму, но Рэтсо оставался невозмутим. На мгновение он приоткрыл глаза, но они были совершенно мутными и невидящими.

Через два часа в Беннетсвилле, когда большинство

пассажиров, потягиваясь, покидало автобус, направляясь пить кофе и пользоваться удобствами, Джой перетащил Рэтсо на заднее сиденье автобуса. Нижнее белье тоже было мокрым и сменить его было невероятным мучением. Рэтсо был беспомощен, как ребенок. Джой никогда раньше не видел его голым. Его маленькие, трогательные приметы пола казались совершенно бесполезными, просто напоминая о своем существовании. Правая его нога была костлявой и искривленной, как посох странника, и от бедра до колена была покрыта большими черными, синими и багровыми синяками — следами различных падений, которые достались на его долю за последние несколько дней. Он напоминал ощипанного цыпленка, который проводит свою жизнь на задворках птичьего двора, пока, наконец, ему не сворачивают шею и не отправляют в котел. История Рэтсо была написана по всему его телу, и Джой с благоговением читал ее. На долю секунды перед ним предстала картина. как он заворачивает этого исстрадавшегося измученного ребенка в одеяло, нежно берет его на руки и всю дорогу держит на коленях, напевая ему колыбельные песенки. Но он тут же прогнал эту картину от себя.

Теперь они расположились на сухих сиденьях в заднем конце автобуса, а он мчался, набирая скорость, и за окнами летели мили этого субботнего дня, который был неисчерпаем и таинственен, как память. Рэтсо погрузился в глубочайший сон. Джой убедил себя, что чем больше Рэтсо будет спать, тем скорее он выздоровеет, и к тому времени, когда они добрались до Саванны и наступило время обеда, солнце уже опускалось, а Рэтсо все спал.

Джой не вышел из автобуса. Он не испытывал особого голода. Он остался рядом с Рэтсо, боясь потерять ощущения этого странного дня, хотя уже приближалась ночь.

Среди многих вещей, которые проплывали у него в памяти, были и удивившие его самого слова, сказанные Рэтсо, что он найдет себе работу, купит новую обувь и будет вести нормальную жизнь, пользуясь своей собственной ванной. И он знал, что это будет сущей истиной, и в один прекрасный день все это у него будет, и к нему придет та радость субботы, которую он весь день наблюдал из окна автобуса. Может, он будет просто мойщиком

посуды или каким-нибудь дешевым клерком. Рядом с ним будут работать другие люди, которые сначала не будут обращать на него внимания, они будут считать, что он такой же, как и все, один из них, в сущности, но постепенно они начнут все понимать. Они начнут замечать, что он носит приличную обувь, и со временем поймут, что он не обитатель гостиницы, а обладатель собственного жилища, в котором есть даже отдельная ванная. Они начнут менять к нему отношение, они начнут время от времени наносить ему визиты, и вне всякого сомнения, среди его новых знакомых будет и женщина, не обязательно блондинка или с какими-то выдающимися достоинствами, но она будет пользоваться губной помадой и ходить в кудряшках, и она будет искренне рада, что рядом с ней окажется мужчина, который будет в состоянии позаботиться о ней, мужчина, устраивающий ее и как любовник, а Рэтсо будет с ними в качестве их ребенка, и они будут заставлять его мыть голову, хотя бы раз в неделю или сами будут обмывать его, если он будет слишком слаб для этого. Для того чтобы все шло как надо, нужно было прокрутить главную штуку — вкалывать и ждать, пока все наладится, и никогда не позволять себе стонать «о, этого никогда в жизни не будет, не будет»; ты должен будешь жить и радоваться тому, что у тебя есть, пусть даже ты еле волочишь ноги, а борода у тебя выросла до земли. Как-то он уже составлял планы бытия, когда еще в Хьюстоне решил стать бродячим ковбоем, и отправился искать счастья на Востоке. Считай, он все это прошел — бродячим ковбоем стал и счастье свое искал. Пока оно ему не попалось, но он продолжал тосковать по нему, и в этом-то и было все дело. Может, и теперь ему не удастся зажить нормальной жизнью, но, черт возьми, он будет искать ее до самой смерти, путь даже его считают упрямым и тупым ослом.

Он понял, что ему неплохо думается и без всякого зеркала, и он подумал, что это первый признак того, что он по-настоящему взрослеет.

Все остальные остановки этой ночью он проспал. Сквозь сон он слышал, как водитель объявлял прибытие в Джексонвилль, а затем другой водитель сказал, что они прибывают в Дайтону, но он только чуть приоткры-

вал глаза и продолжал спать. На ходу ему удивительно хорошо спалось. Единственное, что у него осталось в памяти от прошедшей ночи, — это два названия городов и все же он не удивился, проснувшись утром и увидев, что предстало его глазам.

Рэтсо лежал свободно и раскованно; он наполовину сполз с сиденья, изогнув спину под каким-то странным углом, изломанно склонив голову набок, раскинув руки, как сломанные веточки; в его широко открытых глазах ничего не отражалось. Чувствовалось, что теперь его ничего больше не заботит.

Рэтсо был мертв.

11.

Можете ли вы себе представить, что среди верхушек пальм и в самом деле простиралось прекрасное темно-синее небо — как две капли воды смахивающее на картинки Рэтсо и на его книжку «Флорида и Карибы»?

Черт бы побрал и это небо, и все остальное.

Теперь надо было его похоронить, и не подлежало сомнению, что эта процедура должна была влететь в копеечку. Вытащив деньги, он пересчитал их: сорок восемь долларов с мелочью. История эта обойдется ему недешево, просто в фантастическую сумму, но если уж вы взялись столь благородно заботиться о человеке, который пустился с вами в дорогу, то, черт возьми, придется позаботиться, чтобы и его тело достойно упокоилось в земле.

Он никак не мог собраться с мыслями. Он подумал, что ему полагалось бы выйти из себя, может быть, даже впасть в истерику и начать вопить: «О, помогите, помогите, мой друг мертв, и я остался совершенно один!» Но он не чувствовал ничего такого. Просто не чувствовал, вот и все.

Словно он догадывался, что его ждет. Кто-то Некто (кто? Рэтсо?) нашептал ему об этом на ухо несколько дней назад языком смерти, который никак нельзя понять, пока до этого не дойдет настоящее время. В вас

бродит какая-то смутная идея, но вы не представляете, что вам все уже известно, пока это не случается.

Вот это и случилось.

Вот ему теперь предстоят и похороны, и ему придется иметь дело с могильщиками, уговаривая их, чтобы они все сделали, как полагается, и уговаривать их, чтобы они поверили ему на слово, потом он с ними расплатится.

Нет. Первым делом ему предстоит вытащить тело из автобуса, а потом... а потом они должны ...

Кто?

Пассажиры автобуса.

Пассажиры просто должны помочь ему добраться до могильщиков, а затем уж он сам будет с ними договариваться и искать место для могилы Рэтсо. (Могилы? Да, Рэтсо мертв, он в самом деле только что скончался. Да, глядь, вот мертвый радом с тобой.) А затем он будет искать работу. И заниматься ею. Главное, чтобы найти ее. И постепенно он будет собирать монету к монете, чтобы поставить камень на могиле, ничего особенного, никакого шика, просто камень с именем, вот и все: Рико. Не Рэтсо. Он не может правильно написать Риччио, но он найдет человека, который с этим справится. Надо будет выбить буквы без единой ошибки, чтобы каждый, кто пройдет мимо, мог сказать:

— О, ты посмотри, кто тут лежит, сам Рико Риччио.

Кто пройдет мимо, и кому придут в голову такие слова?

Невозможно представить.

Кто-то же должен, кто может правильно написать их.

Но это не самое важное. Самое важное — это то, что ему предстоит; надо кому-то сказать.

Похоже, что придется переговорить с водителем.

Встав, Джой прошел по проходу и остановился рядом с ним. Склонившись, он глянул на автостраду. Через несколько секунд водитель обратил на него внимание:

— Да, сэр.

— Мой приятель, там, на заднем сиденье, скончался, — сказал Джой, — и я не знаю, как правильно произнести его имя.

Водитель сказал:

— Ч Т О ваш приятель на заднем сиденье?

— Мертвый, — сказал Джой. — Мертв, как дверная ручка.

— Вы хотите сказать, что... — Водитель мельком глянул на Джоя и тут же опять уставился на трассу. Посмотрев в зеркало заднего вида, он сбросил скорость, подрулил к правой обочине и остановился. Спрыгнув с сидения, он последовал за Джоем в заднюю часть автобуса, где у него прорезался официальный голос служащего компании: — Все в порядке, ребята, все нормально. В Майами будем меньше, чем через час.

Остальные пассажиры догадывались, что не в с е в п о р я д к е. Многие из них крутили головами, стараясь рассмотреть, что там происходит на задних сиденьях, но ничего не видели. Те, что сидели поблизости, что-то рассмотрели, но не хотели, чтобы их застали за этим занятием.

Водитель бросил взгляд на Рэтсо и кивнул Джою. Он начал было стаскивать головной убор, но передумал.

— Он ваш родственник? — спросил он Джоя.

Джой кивнул.

— Не хотите ли вы закрыть ему глаза? — сказал водитель.

— Закрыть?

— Просто наклонитесь и закройте их. Вот и все.

Джой опустил ресницы на глаза Рэтсо.

— Ну что ж, — смущенно сказал водитель. — Думаю, двинемся дальше, верно? Тут уж ничего больше не сделаешь.

— Да, сэр, — сказал Джой

Водитель снова обратился к пассажирам.

— Просто небольшая неприятность, ребята, ничего серьезного. Мы будем в Майами... — он глянул на часы, — минут через сорок.

Джой стал перебирать в уме, что ему теперь делать, потом еще раз и в третий раз, пока не убедился, что в настоящий момент сделано все, что было в его силах. А потом он сделал то, что всегда хотел, с самого начала, с самой их первой встречи, когда он увидел Рэтсо в баре «Эверетт» на Бродвее: он приобнял его, чтобы хоть последние несколько миль посидеть рядом с ним. Он знал, что Рэтсо ничего не даст то удобное положение, в котором он сейчас сидит. Оно было нужно только ему. Ибо он испытывал страх, смертельный страх.

СОДЕРЖАНИЕ

Артур Кварри
РОБОКОП 5
Джон Беркли
ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ 141
Джеймс Лео Херлихи
ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ 245

Редактор — *В. Соболев*
Составитель — *А. Перов*
Художник обложки — *В. Суриков*
Художник иллюстраций — *Н. Кладов*
Литературная обработка произведений
«Робокоп» и «Другие 48 часов» — *И. Сербин*
Корректор — *С. Плисова*
Компьютерный набор — *Ф. Копанов, Ю. Акимкин*

Подп. в печать 21.05.93 г. Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс».
14 п. л. Тираж 150 000 экз. Заказ 2007. С 03.

Издательство «Эрика»: 115408 г. Москва, а/я 10, «Эрика».

Оригинал-макет изготовлен в издательстве «Эрика».

Отпечатано в издательско-полиграфическом предприятии
«Янтарный сказ», 236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

Частный издательский дом «Видео-Асс»

выпускает четыре журнала:

«Видео-асс», «Видео-асс» ЭКСПРЕСС, «Видео-асс» ПРЕМЬЕР, «Видео-асс» САТЕЛЛИТ.

«Видео-асс» САТЕЛЛИТ издается в сотрудничестве с французским журналом «Telesatellite».
«Видео-асс» ПРЕМЬЕР издается в сотрудничестве с французским журналом «Premiere».
Общий тираж наших периодических изданий — 1 миллион экземпляров.
«Видео-асс» специализируется на кино- и видеопроблематике, выпуске справочников, каталогов, технической и прочей литературе.
«Видео-асс» вошел в международные структуры центров, архивов и фестивалей по проблемам кино и видео.
Издательский дом «Видео-асс» представляет на территории России и стран Содружества интересы пресс-группы АШЕТТ.

Мы готовы:

связать вас с нашими многочисленными зарубежными партнерами;

предоставить страницы наших изданий для Вашей рекламы;

отпустить оптовые партии наших изделий для реализации со значительной торговой скидкой.

Наш адрес: Москва, 109280, Велозаводская, 6А.
Гл. редактор Владимир Борев
Телефоны: редакция — 128-66-14
для справок — 151-96-87
отдел реализации — 118-89-55
118-89-47

СБЕРЕЖЕТ ВАШЕ ВРЕМЯ, СЭКОНОМИТ ДЕНЬГИ,
СДЕЛАЕТ ВАШ ДОСУГ ИНТЕРЕСНЕЕ,
СОДЕРЖАТЕЛЬНЕЕ И ПРИЯТНЕЕ
«ВИДЕО-ЛОЦМАН»
КОМПЬЮТЕРНЫЙ СПРАВОЧНИК-БАЗА ДАННЫХ
по фильмам российского видеорынка (более 2500 фильмов,
ВСЕ новинки 93 года)

Уникальное изделие отечественных умельцев, не имеющее аналогов ни в СНГ, ни за рубежом!

Давняя мечта всех видеоманов страны, имеющих доступ к IBM/PC-совместимому компьютеру.

«ВИДЕО-ЛОЦМАН» поможет Вам:

— легко разобраться в невероятной путанице фильмов отечественного видеорынка, не требуя для этого ни времени, ни сил, ни специальных знаний;

— найти и понять, какие фильмы нравится смотреть Вам, а также Вашим друзьям и клиентам;

— быть в курсе всех новинок отечественного видеорынка, заранее точно зная «что есть что».

На каждый фильм дается подробная (до 150 слов) аннотация, объективные художественная и коммерческая оценки, год выхода, жанр, длительность, призы и ряд других важных признаков. Многих из них нет ни в одном отечественном издании по кино или видео.

Добавьте к этому сотни встроенных в «ВИДЕО-ЛОЦМАН» фильмографий «звезд» экрана — наиболее известных актеров, режиссеров и персонажей. Учтите ежеквартальное пополнение каталога на 500 фильмов, включая все новинки, появившиеся за это время на отечественном видеорынке.

И наконец, главное: простоту, удобство и скорость получения информации, недостижимые в печатных изданиях; плюс возможность автоматического поиска и подбора картин по запросам на любой вкус.

Приезжайте! Звоните!

Мы можем продемонстрировать «ВИДЕО-ЛОЦМАН» у Вас в офисе, на Вашем компьютере!

119034, Москва, пер. Островского, д.5А, стр. 1,
СП СКАНТЭК, «ВИДЕО-ЛОЦМАН» тел: (095) 201-73-56 доб.. 18, 201-79-16 доб. 18, 425-64-22, 425-20-26 с 10 до 20 час.

(5 минут пешком от ст. м. «Кропоткинская» к Дому Ученых: идти по ул. Пречистенка, 3-й пер. направо)

